

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

VII Всероссийской научной
конференции с международным участием
«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

I ТОМ

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

При поддержке Фонда «История Отечества»

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Севастополь, 2023

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

VII Всероссийской научной конференции
с международным участием

«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

26-28 октября 2023 г.

Том 1

**ПОТЁМКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Севастополь – 2023

УДК 930
ББК 63
П 64

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета VII Всероссийской научной конференции с международным участием
«Потемкинские чтения».

РЕЦЕНЗЕНТЫ

М.Н. Козлов

доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

А.А. Хлевов

доцент, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Л. Данильченко

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История России»
Севастопольского государственного университета,
(главный редактор)

Е.Е. Бойцова

доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
(заместитель главного редактора)

В.В. Хапаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора Института
общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
(заместитель главного редактора)

Ю.В. Шахин

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного
университета

Т.В. Вакулова

кандидат политических наук, доцент кафедры «История России» Севастопольского государственного университета

Э.Р. Шихаметова

старший преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора по образовательной
деятельности Института дополнительного профессионального образования Севастопольского государственного универси-
тета (технический редактор)

П 64

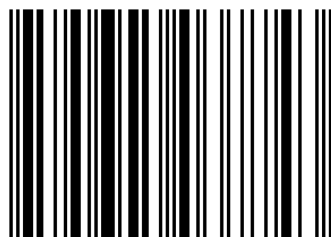
Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с
международным участием «Потемкинские чтения» (26-28 октября 2023
года, г. Севастополь): в 2-х томах. Том 1 / Под ред. С.Л. Данильченко,
Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева и др. – Севастополь: Севастопольский
государственный университет, 2023. – 264 с.

ISBN 978-5-6050377-4-3

Сборник содержит статьи по материалам докладов участников VII Всерос-
сийской научной конференции с международным участием «Потемкинские чте-
ния» по истории и археологии, международным отношениям.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими науч-
ными достижениями в области истории и археологии.

ISBN 978-5-6050377-4-3

9 785605 037743 >

УДК 930
ББК 63
П 64

© Севастопольский государственный университет, 2023 г.
© Коллектив авторов, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Приймак Ю.В., Гурова Е.А., Грицких И.В.</i> «Крымская» проблема в период раздела восточных владений государства Гиреев между Османской и Российской империями в 1772-1789 гг.	7
---	---

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

<i>Хлевов А.А.</i> «Пояс городов» Стейна Роккана в исторической географии Европы.....	11
<i>Бочаров С.Г.</i> Программа исследований исаров южного берега Крыма в Севастопольском государственном университете.....	15
<i>Зоря Р.С.</i> Применение цифровых технологий в археологических исследованиях СевГУ в 2021-2023 гг.: итоги и перспективы.....	21
<i>Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К., Карнаушенко Э.Н.</i> Опыт первичного портирования интерактивных реконструкций базилик Херсонеса на мобильную платформу Android средствами Unreal Engine 4.25.....	25
<i>Арутюнова Ю.В., Кропотов В.В.</i> «Перипл обитаемого моря» псевдо-скилака как исторический источник.....	31
<i>Джопуа А.И., Лебединский В.В., Фомин М.В.</i> О раннехристианской церкви на городище Гиенос (г. Очамчира, Республика Абхазия)	35
<i>Джопуа А.И.</i> О древних архитектурных сооружениях горной Абхазии.....	40
<i>Габелия А.Н.</i> Об амфорном производстве Абхазии в античное время	45
<i>Счастный Д.А.</i> Позднеантичные и раннесредневековые мечи со следами ремонта из Абхазии	52
<i>Головкин Д.Ю.</i> Отгонно-яйлажное скотоводство в горном субрегионе Крыма в древности и средневековье: перспективы исследования.....	59
<i>Петровский В.М.</i> Свинцовая обшивка торговых судов античного времени	62
<i>Задорожная-Ремарчук А.Н.</i> Взаимоотношения славян и варягов в свете зарубежных источников в IX–XI вв.	66
<i>Бараненко П.А.</i> Византийская италия в IX–XI веках: историографический опыт и перспективы исследования	72
<i>Мейер Д.Е.</i> Роль скоморошества в культурной жизни Русского государства.....	78
<i>Кирпилёв К.С.</i> Сравнительный анализ однонефных храмов Херсона и южнобережной Таврики в X–XV вв.	81
<i>Лебедева И.Е.</i> Образ венецианского нотариуса по материалам актов Пьетро Пеллакана (1446-1456 гг.).....	84

<i>Гриненко Л.О.</i> Леоне Андреа Маджоротти и его описания средневековых памятников Крыма	87
<i>Неукрытая Н.С.</i> Положение иудейских общин в Крымском ханстве в XV-XVIII вв..	90
<i>Цымбал М.Л.</i> Редкая поливная керамика из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического.....	94
<i>Жарков А.О.</i> Взаимоотношения Византии с мамлюкским Египтом в XIII-XV вв.	98
<i>Кирияшова Е.Е.</i> История изучения пещерных комплексов в окрестностях Инкермана в XIX веке	104
<i>Бойцова Е.Е., Гончарова Н.О.</i> Методы музейной педагогики в формировании духовно-нравственных ценностей у школьников: на примере государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».....	109
<i>Мартыненко Р.Г.</i> Музеефикация христианского историко-культурного наследия на примере храмов Византийского Херсона	113

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Смирнова Т.В.</i> Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического во славу и процветание Государства Российского	118
<i>Попова А.Д.</i> Особенности крымской периодики рубежа XIX-XX веков как источника по истории повседневности.....	124
<i>Попова О.Д.</i> Изучение образа преподавателя семинарии для понимания истоков протестного движения воспитанников духовно-учебных заведений на рубеже XIX – XX века (опыт исторической реконструкции).....	130
<i>Шик Н.В.</i> Первые геоботанические исследования Крыма в ходе экспедиции российских моряков 1771 года	135
<i>Воробьев В.Е., Хапаев В.В.</i> Новые данные о создании памятника А.И. Казарскому в Севастополе.....	139
<i>Дик Г.В.</i> Благотворительность как метод антисектантской деятельности Таврической епархии в первые годы служения епископа Гурия	147
<i>Шкарубо С.Н.</i> Антонио Грамши как явление мировой культуры	153
<i>Станкович С.Т.</i> Инженер Александр Михайлович Сластенко	157
<i>Глушич А.М.</i> Европейское направление спортивной дипломатии СССР в 1920-е гг.: достижения и проблемы.....	163
<i>Белоглазов Р.Н., Рац А.Г.</i> Неизданные воспоминания В.И. Осокина как источник по истории севастопольского подполья в период немецко-фашистской оккупации.....	170
<i>Лялин Р.Н.</i> Театр им. Луначарского в послевоенном Севастополе (1944-1957 гг.)...	176
<i>Шахин Ю.В.</i> Отношение словенского Политбюро к республиканизму (1950–1953 гг.)	181
<i>Иванов К.В.</i> Социальная политика 1990-х годов в посланиях президента Федеральному Собранию Российской Федерации.....	187

<i>Сердалиева Д.А.</i> Феномен исторической памяти в музееологическом дискурсе	191
<i>Сабельников М.А.</i> Новые источники для изучения восстановления и развития сферы розничной торговли в Севастополе в 1944–1954 годах.....	196
<i>Бражников В.М.</i> Развитие жилищного строительства в Севастополе в 1950–1960-е годы: основные тенденции и достижения	202

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ»

<i>Абаев Е.А., Воробьев В.Е.</i> Бой брига «Меркурий» с двумя турецкими линейными кораблями 14(26) мая 1829 года в произведениях живописи: анализ неточностей	208
<i>Вакулова Т.В.</i> Итоги Крымской войны: спор продолжается	218
<i>Река А.А.</i> Проблемы военного сотрудничества СССР и Германии в 1920-х – начале 1930-х годов.....	221
<i>Николаева В.Е.</i> Орден Красной звезды № 25923 как свидетельство подвига трех участников обороны Севастополя 1941–1942 гг.....	227
<i>Рац А.Г.</i> Разрушение промышленных, культурных объектов и коммунального хозяйства города Севастополя в период временной немецко-фашистской оккупации	231
<i>Баранцев Д.М.</i> Жизнь в оккупированном немцами Севастополе на основе воспоминаний очевидцев.....	235
<i>Аганин А.Р.</i> Газета «Красный черноморец» как источник по истории второй героической обороны Севастополя	239
<i>Рузаев С.В.</i> Мобилизация населения Севастополя на строительство оборонительных сооружений в 1941–1942 гг.....	242

МАТЕРИАЛЫ К СПЕЦИАЛЬНЫМ ФОРМАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Морозова Е.В.</i> Преемственность деловых и благотворительных практик в семье потомственных почетных граждан, выходцев из крепостных крестьян, С.А.Кундышева-Володина и А.А. Максимова в конце XIX – начале XX вв.	247
<i>Данильченко С.А.</i> Российское образование как государственная система: становление и функционирование.....	254

ПОТЁМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94

DOI 10.5281/zenodo.8433821

Приймак Ю.В., Гурова Е.А., Грицких И.В.

«КРЫМСКАЯ» ПРОБЛЕМА В ПЕРИОД РАЗДЕЛА ВОСТОЧНЫХ ВЛАДЕНИЙ ГОСУДАРСТВА ГИРЕЕВ МЕЖДУ ОСМАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЯМИ В 1772-1789 ГГ.

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Аннотация. В статье рассматриваются крымско-османо-российские противоречия последней трети XVIII в., обусловленные разделом Крымского ханства между Османской Портой и Российской империей.

Ключевые слова: Крымское ханство, Российская империя, Османская Порта, ногайцы, Айналы-Кавакская конвенция, Кючук-Кайнарджийский договор.

Abstract. The article examines the Crimean-Ottoman-Russian contradictions of the last third of the 18th century, caused by the division of the Crimean Khanate between the Ottoman Porte and the Russian Empire.

Key words: Crimean Khanate, Russian Empire, Ottoman Porte, Nogai, Convention of Ainaly-Kavak, Treaty of Kuchuk-Kainarji.

Во второй половине XVIII в. «крымская» определялась, во-первых, разделом владений державы Гиреев между Османской и Российской империями, во-вторых, степенью обострения внутривосточных процессов междоусобно-центробежного порядка как в Крыму, так и на периферии (Буджакское, Едисанское и Кубанское саракерства) ханства.

Относительно проблемы раздела Крымского ханства, следует исходить не из поверхностного, хотя и логичного посыла об одностороннем, поступательном поглощении в 1783 г. Крымского ханства Российской империей на основе трактатов и конвенций 1772, 1774, 1779 гг., а из объективной оценки реального территориального суверенитета Крыма во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. Так, если Россия в процессе раздела Крымского ханства, по условиям договоров 1772 и 1774 гг., *de jure* приобрела Керчь, Еникале, земли в Приазовье и междуречье Днепра и Буга, то Порта, *de facto*, пользуясь некогда вассальной зависимостью Крыма от власти турок и отсутствием четкого разделения земель Османской империи в Причерноморье на крымскую и османскую составляющую, отторгла у дома Гиреев земли в Буджаке, Едисане и Черкессии.

Оценивая степень влияния на обострение ситуации в Северо-Восточном Причерноморье внутривосточных процессов междоусобно-центробежного порядка, как в Крыму, так и в Буджакских, Едисанских и Кубанских владениях государства Гиреев, можно констатировать, что этническая неоднородность структуры Крымского ханства представляла собой удобную почву для вмешательства в его внутренние дела Петербурга и Стамбула. Поиск слабого звена в крымско-османском блоке привел русское правительство к идее сделать ставку на менее развитые в социально-экономическом отношении слои населения Крымского ханства – ногайцев, кочевавших в степях от Буджака до Кубани. Так, в частности, кубанцам даже предлагалось

подписать присяжный лист на верность России и выдать аманатов. Однако кочевое население Кубани эти предложения отклонило и России в сложившихся обстоятельствах пришлось искать союзников среди буджакских ногайцев, которые ввиду отдаленности донских станиц и ухода из Западного Предкавказья калмыков, должны были прикрыть российскую границу в направлении Кубани, оказывая при этом, серьезное влияние на ситуацию в Крыму.

В одном из писем к влиятельному представителю кочевой знати Джан-Мамбет-бею, генерал-майор Е.А. Щербинин, склоняя буджакских ногайцев к переселению на Кубань для прикрытия южных границ России, отмечал, что «...когда вы такое твердое примете намерение к защищению российских от кубанской стороны границ, то кубанцы и горцы узнав о том, и боясь превосходного нашего перед ними множества, ни когда не помыслят быть развращены к впадению в наши границы, но еще паче сообразоваться будут с вами в отторжении себя от турецкаго подданства». Первоначально «едисанцев и джамбулатовцев» планировалось поселить на пространстве «от реки Чубура и от Азова на расстоянии 70 верст», однако позднее ареал их расселения был расширен вплоть до Кубани [10].

В 70-е гг. XVIII века, курс на вывод из-под юрисдикции Крыма ногайского населения ханства был актуален и для этнической политики Порты на Северо-Западном Кавказе. С этой целью, ногайское население левобережья Кубани (как, впрочем, и Буджака) османы старались сосредоточить в непосредственной близости от своих укреплений, что позволяло Порте лучше контролировать кочевников региона.

Забегая вперед, отметим, что эта политика вызывала напряженность в отношениях между Портой и формально независимым Крымским ханством, во главе которого стоял российский ставленник Шагин-Гирей. В 1779 году, после заключения Айналы-Кавакской конвенции, в Порту прибыли депутаты из Крыма, которые от имени Шагин-Гирея поставили вопрос о возвращении буджакских ногайцев, а также ряда других народов в подданство крымского хана. Ногайский вопрос обсуждался на заседании Дивана, после чего русскому посланнику, предлагавшему решить проблему путем издания ханского ярлыка о возвращении буджакских татар на прежнее место, было заявлено, что все «буджакские татары» желавшие остаться под властью хана переселились в Крым, а те, кто не пожелал перебраться на Кубань. «Те же, которые теперь находятся в Буджаке – отмечал Реис-эфенди – приняли подданство Турции и перешли на эту сторону Дуная, а потому требовать от них оставления своего отечества дело мудреное с точки зрения Порты, да и ханский ярлык не может иметь действия во владениях оттоманских» [10, р. 211].

Помимо ногайских дел междоусобная борьба за ханский престол и причерноморское наследство Гиреев велась между различными группировками крымской знати пророссийской и проосманской ориентации. Опасаясь возможного возвращения «независимого» Крымского ханства в состав Османской империи, Россия сделала ставку на калгу (преемника) Шагин-Гирея, который совместно с Джан-Мамбет-беем был призван противостоять намерениям проосмански настроенной части крымской знати восстановить власть султана над разваливавшимся государством Гиреев. Не испытывая иллюзий насчет мирного развития событий в Крыму, Н.И. Панин предлагал еще один вариант противодействия возвращению ханства под власть турок, исходя из которого на Кубани предполагалось создать «особую область», которая при поддержке России играла бы роль противовеса как Бахчисараю, так и Стамбулу [1, р. 64]. Воплощение подобного плана вполне могло быть осуществлено, но для его подготовки у России и ее сторонников было слишком мало времени, тем более что на Кубани определенным влиянием пользовался проосмански настроенный Девлет-Гирей, а на Тамани и побережье Северо-Западного Кавказа находились османские гарнизоны.

Дальнейшего обострения османо-российских отношений из-за ситуации в Крыму и на Кубани не произошло только ввиду неожиданного для Порты демарша Австрии, которая осенью 1774 года вторглась в принадлежавшую Порте северную Молдавию [8, р. 93], нарушив пусть и не ратифицированный, но формально действовавший австро-османский оборонительный договор от 1771 г. [3, р. 87]. Воздержавшись от открытой поддержки австрийцев, Россия без труда добилась 13 января 1775 г. ратификации в Константинополе статей ранее заключенного Кючук-Кайнарджийского мира, одновременно обеспечив признание Портой Сахиб-Гирея в качестве правителя независимого Крыма. При этом внешние признаки стабилизации ситуации в Крыму не могли разрядить напряженность во внутренних делах ханства, где не без участия Порты произошел очередной переворот, осуществленный прибывшим с Тамани Девлет-Гиреем, который, опираясь на поддержку османских войск сверг своего брата с престола и публично признал вассальную зависимость от султана правоверных. Урегулировав отношения с Габсбургами ценой уступки австрийцам северных областей Молдавии, Порта решила разыграть крымскую карту, открыто нарушив условия мира с Россией не только фактом признания Девлет-Гирея ханом [9, р. 14], но и вручением последнему вместо халифского благословения султанской инвеституры, то есть так, как это было принято во время господства Турции над Крымом. Девлет-Гирей, при содействии Порты сразу приступил к подготовке нападения на занятые русскими Керчь и Еникале, объявив одновременно с этим, кабардинцев своими подданными [5, р. 55]. В ответ Россия приступила к отторжению от Крыма территорий, населенных ногайцами с последующим созданием в Приазовье и на Кубани «вольной области» под властью Шагин-Гирея. Однако, если в Буджаке и Едисане позиции Шагин-Гирея были относительно прочны, то на Кубани дела обстояли гораздо хуже. Укреплявший свои позиции в Крыму Девлет-Гирей направил на Кубань в качестве сераскера своего ставленника Тохтамыш-Гирея, который опираясь на османские гарнизоны в Тамани и Темрюке, совместно с некрасовцами и кубанскими ногайцами разгромил сторонников Шагин-Гирея («едичкулов», подкрепленных российскими войсками) [7, р. 623–624]. В сложившейся ситуации российские войска были введены в Крым и на Кубань, а османский ставленник Девлет-Гирей весной 1777 г. был вынужден бежать в пределы Османской империи. Шагин-Гирей, еще на Кубани провозгласивший себя ханом, вошел в Бахчисарай вместе с российскими войсками и в марте 1777 г. был признан крымским Диваном правителем Крыма. Новый правитель, рьяно приступивший к «модернизации» своих владений по европейскому образцу, уже к октябрю 1777 г. вызвал своей реформаторской политикой недовольство, как среди знати, так и бедноты ханства, что на волне антироссийских настроений вылилось в бунт против Шагин-Гирея.

Мятеж в конечном итоге был подавлен, однако в среде российской правящей элиты начался осторожный процесс переосмысления прежних подходов относительно «независимости» погрязшего в междоусобицах ханства [4, р. 187]. В отличие от Приазовья и Крыма, ситуация на Кубани была наиболее взрывоопасной, так как там противников Шагин-Гирея возглавлял сераскер Бахты-Гирей, являвшийся братом ранее правившего ханством в 1764–1767 и 1770–1771 гг. Селим-Гирея III, направленного Портой в Крым и ранее назначившего кубанского наместника калгой-султаном (преемником хана). К 1778 г. политика России в отношении независимого Крыма, приобрела еще один весомый инструмент влияния на ситуацию в ханстве. К осени 1778 г. в целях усиления торгово-хозяйственной зависимости Крымского ханства от Российской империи, несмотря на негодование Шагин-Гирея, из ханских владений в Приазовье было переселено порядка 30 тысяч христиан. Этим был нанесен серьезный удар по верхушке Крымского ханства, ведь султаны, беи и мурзы лишившись податного населения из числа христиан (торговцев, ремесленников,

ростовщиков, мастеровых и др.), по мнению Петербурга, лояльней стали бы относиться к России, получая за свою верность денежное содержание.

Определенную стабилизацию политической ситуации в регионе придало заключение в марте 1779 г. между Российской и Османской империями Айналы-Кавакской конвенции. «Изъяснительная конвенция» заключенная в султанском дворце Айналы-Кавак 10 марта 1779 г. представляла собой дополнительные статьи к Кючук-Кайнарджийскому трактату. Согласно второму артикулу, Блистательная Порта подтверждала отказ «от всех своих мирских прав на все орды, роды и племена Татарские» считая их «вольною и независимую нацию» [6]. Таким образом, Россия вновь добилась от Порты гарантий соблюдения независимого статуса Крыма, с признанием обеими сторонами возможности политического «самоопределения» татар в будущем (как это и случилось в 1783 г.). Османы же сохранили свое духовно-религиозное влияние над ханством, причем в новой конвенции речь шла уже об обязательной присылке депутатов от крымского общества в Константинополь со всенародным прошением (магзарами) признать избрание хана. Здесь следует отметить, что для ментальности и религиозного сознания подданных падишаха духовная зависимость Крыма от Порты имела первостепенное и многое определяющее значение, причем куда более важное, чем соблюдение дипломатических договоренностей с «неверными».

В целом, оценивая ситуацию, сложившуюся в Северо-Восточном Причерноморье к концу 70-х гг. XVIII в. следует отметить, что в решении крымской, равно как и кубанской проблем Айналы-Кавакская конвенция, наряду с «греческим проектом», явилась важным подготовительным этапом в процессе включения региона в состав России.

Источники и литература

1. Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским. Из семейного архива гр. В.Н. Панина. М., 1872.
2. Государственный архив автономной республики Крым. Ф.535. В.С. Попов. Оп.1. Д.1457. Л.8, 24.
3. Дегоев, В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. [текст] / В.В. Дегоев. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); Российская политическая энциклопедия (росспэн), 2004.
4. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.
5. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т.1. 1775-1777 гг. СПб., 1885.
6. Дубровин Н. Присоединение Крыма... Т. 3. 1779-1780 гг.
7. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756-1776). - М., 2003.
8. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII начало – XIX вв.) [текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2006. 218 с.
9. Лашков Ф. Шагин-Гирей последний крымский хан (исторический очерк). Киев, 1886.
10. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: типография А. Шульце, Ланжероновская улица, дом Карузо, № 36-й, 1889.
11. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). ф.1040. фонд А.И. Ривопьера. Оп.1. Д.74. Л.4/об.-5; Изъяснительная конвенция заключенная между Российской Империей и Портою оттоманской в 10 день марта 1779 года. - СПб., 1779. с. 2.

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в древности и средневековье»

УДК 930

DOI 10.5281/zenodo.8434758

Хлезов А.А.

«ПОЯС ГОРОДОВ» СТЕЙНА РОККАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЕВРОПЫ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье анализируется потенциал научного наследия выдающегося норвежского мыслителя Стейна Роккана для историко-культурного анализа Европы, прежде всего периода средневековья. В центре внимания находится «концептуальная карта Европы» («теория Европы») Роккана, ориентированная по осям Север-Юг и Запад-Восток, а также ключевое понятие его теории – «пояс городов». Положительно оцениваются перспективы использования концепта «пояса городов» для изучения контактной зоны гибридизации северной и южной традиции. Отмечена плодотворность идей Роккана для построения работоспособной и верной модели европейской цивилизации с учётом локальной специфики регионов.

Ключевые слова: Стейн Роккан, концептуальная карта Европы, теория Европы, пояс городов, теория расслоений.

Abstract. The article analyzes the potential of the scientific heritage of the outstanding Norwegian thinker Stein Rokkan for the historical and cultural analysis of Europe, especially the Middle Ages. The focus is on Rokkan's "conceptual map of Europe" ("theory of Europe"), oriented along the North-South and West-East axes, as well as the key concept of his theory – the "city-belt". The prospects for using the concept of a "city-belt" to study the contact zone of hybridization of the northern and southern traditions are assessed positively. The fruitfulness of Rokkan's ideas for building a workable and correct model of European civilization, taking into account the local specifics of the regions, is noted.

Key words: Stein Rokkan, conceptual map of Europe, theory of Europe, city-belt, cleavage's theory.

Концептуальное осмысление «феномена Европы» невозможно представить без междисциплинарного подхода во всей его полноте. Лишь совместный и перекрёстный анализ значительных массивов информации под углом зрения разных гуманитарных и естественных дисциплин на значительных временных дистанциях позволяет адекватно оценить, как динамику предшествующего развития континента, так и его перспективы. При этом в фокусе нашего внимания, безусловно, остаётся гуманитарное измерение истории континента – именно предлагаемые в разные периоды модели самореализации человека обеспечили европейской модели конкурентоспособность и доминирующее положение в глобализационных процессах.

«Каждая культура есть осадок истории», заявлял К. К. М. Клакхон, имея в виду предельно расширенное и общепринятое антропологическое понимание термина «культура» [4, с. 49]. Разумеется, все феномены прошлого и настоящего имеют историческую по своей сути природу. Среди попыток описания и анализа европей-

ского пространства одной из наиболее плодотворных и удачных, без сомнения, следует признать «концептуальную карту Европы» («теорию Европы») [2, с. 16-45]; [7, с. 80-99]; [8, с. 49-79] выдающегося норвежского политолога и мыслителя Стейна Роккана (1921–1979). Как совершенно справедливо отмечают в своей работе М. И. Ильин и А. В. Барсукова, этот концепт стал самым важным достижением выдающегося компаративиста [3, с. 7]. С этим трудно не согласиться: ставя перед собой вполне прикладные задачи анализа современной политической ситуации в государствах континента и исходя из необходимости объяснить современность историческими обстоятельствами, Роккан неизбежно вышел на уровень построения работоспособной модели. Трудно тут не вспомнить опыт Н. Я. Данилевского, который, нуждаясь в теоретизации своих публицистических и политических идей, создал для их легитимации аутентичную цивилизационную теорию, одну из первых в истории мысли в целом. Как справедливо полагают авторы, этот труд всей жизни С. Роккана, написанный в 1970-х гг., нуждается в переоценке его интеллектуальной значимости и функциональной релевантности, а также требует дальнейшего развития и совершенствования. М. И. Ильин и А. В. Барсукова определяют концептуальную карту Роккана как «эмпирически проверенную модель развития Западной Европы со времён Великого переселения народов до 1970-х годов с чёткими временными и пространственными параметрами и ограничениями» [3, с. 7].

Здесь особенно важно отметить, что основной интерес концепт Роккана вызывает у политологов, и обычно рассматривается как инструмент понимания настоящего и конструирования будущего. Его теория «расслоений» или «размежеваний» (кливажей, кливиджей) вызывает неподдельный интерес и активно используется. Однако, как представляется, основной потенциал, актуальный для историка и культурного антрополога и не вполне пока раскрытый, заложен именно в возможности реконструкции прошлого, проистекающей из идей «теории Европы».

Роккан выстраивает свою карту (сложившуюся к наиболее интересующему его времени перехода от средневековья к новому времени) в системе координат, предусматривающей две неразрывно связанные оси, которые задают базовые характеристики отношений политической системы с важнейшими сферами жизни людей. Так, ось Запад-Восток рассматривается Рокканом как ось с ключевым влиянием экономики. Для Запада (более субъектного) свойственно активное развитие городов, морских коммуникаций и интенсивного обмена, эффективной высокомонетизированной рыночной экономики – Восток же (будучи скорее объектом во взаимоотношениях с Западом, в том числе в силу своей сухопутной географии) характеризуется склонностью к экстенсивности хозяйства, застойностью социальных форм и минимизацией свободы трудовой деятельности [6, с. 275–282]. Ось Север-Юг рассматривается Рокканом как шкала прежде всего культурной особенности: здесь основным фактором, с точки зрения автора идеи, является наследие римской традиции и, в частности, влияние католической церкви. Степень удалённости от инициатив Юга определяет слабую вовлечённость Севера в процессы централизации – её вполне заменяла общекатолическая идентичность. Напротив, на Севере, так никогданастоящему и не христианизированном, было меньше препятствий к взаимной экспансии и объединительные процессы шли куда интенсивнее. Разумеется, норвежский учёный не мог не заметить и не выделить особых зон в этой картине – в частности, северо-западную периферию континента с особыми параметрами развития. Существенно, что для Роккана важнейшими факторами, влияющими на формирование этой карты, являлись физико-географические параметры и выделяемые им семь волн континентальных миграций в Европе.

Ключевое место в построениях Стейна Роккана, на наш взгляд, занимает также концепция «пояса городов». Она базируется на очевидном наличии исторических «двух Европ» [3, с. 9], представленных античным Средиземноморьем и североевро-

пейской цивилизацией (точнее – цивилизацией северных морей), для начала новой эры – миром римлян и миром варваров. Транслятором и медиатором между ними всегда выступала универсальная граница, проходившая по великим европейским рекам – Рейну и Дунаю. Сама по себе эта концепция имеет колоссальный потенциал и, при этом, не нашла пока должного отражения в исторической литературе и в понимании механизмов развития Европы из прошлого в будущее. Так, в частности, чёткое выделение, картографирование и концептуализация Балтийской субконтинентальной цивилизации, предпринятые Г. С. Лебедевым в середине 1980-х гг. [5, с. 6–13], нашли продолжение в работах автора настоящих строк в форме идеи более широкого понимания хронологии и географии этого феномена [9, с. 125–130], конкретизации параметров северной цивилизации [10, с. 79–120], подчёркивания важности учёта фактора «двух Европ» при анализе событий европейского средневековья и зонировании типов складывающихся раннефеодальных обществ [11, с. 4–5, 61–66; 12, с. 6–9, 89–98], типологии раннего политогенеза средневековой Европы [13, с. 138–156]. Однако осмысление роли этого пограничья лишь начинается.

Особенно ценно то, что С. Роккан как бы «надувает» римский лимес, превращая его из линейной структуры в объёмную систему и, таким образом, даёт концептуальную базу более детального районирования больших исторических зон Европы. Концепция «пояса городов» тесно пересекается с устоявшейся в отечественной медиевистике идеей двух основных путей формирования феодального общества, – синтезного и бессинтезного, – однако существенно дополняет её промежуточной зоной, своего рода площадкой обмена опытом двух миров. Заметим, что сама по себе идея этой зоны высказывалась автором неоднократно [11, с. 63–65; 12, с. 96–98], однако её локализация и конкретные очертания, несомненно, являются предметом дискуссии.

Следует учесть и такое важное обстоятельство. Роккан анализирует, в первую очередь, реалии, складывающиеся к концу средневековья, когда фактор восточно-римского культурного воздействия представлял исчезающе малую величину. Однако для генерации средневековой цивилизации восточный и западный (православный и католический) векторы влияния были вполне сопоставимы, а порой и неравновесны в пользу Востока. Именно поэтому представляется оправданной матричная схема зонирования раннесредневековой Европы [13, с. 146–147], подразумевающая наличие шести кластеров – трёх в зоне западноримского и трёх – в зоне восточно-римского влияния, распределённых по степени затухания цивилизационного импульса с юга. В рамках этой матрицы второй и пятый кластеры типологически соответствуют «поясу городов» С. Роккана и зоне смешанного типа романизации и феодализации. Однако конкретные очертания этих кластеров, безусловно, дискуссионны. Здесь, на наш взгляд, концептуально важен факт признания в Европе этой исключительно творческой зоны гибридизации традиций, противостоящей окружающим её пространствам, где смешение традиционных укладов носило куда менее выраженный характер.

Источники и литература

1. Rokkan S. A conceptual map of Europe: Suggestions and reflections // *Thoughts from the lake of time* / ed. by J. Burchard. N.Y.: Josiah Macy Jr. Foundations, 1971. P. 49–69.
2. Аллардт Э., Вален Г. Стейн Роккан: очерк интеллектуальной биографии // *Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана*: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 16–45.
3. Ильин М. В., Барсукова А. В. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // *Международные процессы*. 2019. Т. 17, № 4. С. 6–21.
4. Клакхон К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. Спб.: Евразия, 1998. 352 с.

5. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 286 с.
6. Розов Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М., Логос. 2002.
7. Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 80–109.
8. Роккан С. Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 49–79.
9. Хлевов А. А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. Отв. ред. Г.С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 125–130.
10. Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I-VIII вв.: дисс. на соискание уч. степени доктора философских наук: 24.00.01. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб, 2002. 468 с.
11. Хлевов А.А. Краткий курс истории средних веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. 259 с.
12. Хлевов А.А. Краткая история средних веков. Эпоха, государства, сражения, люди. СПб.: Амфора, 2008. 365 с.
13. Хлевов А.А. Варварский политогенез постримской Европы: модели и результаты // Политическая наука. 2022. № 1. С. 138–156.

Бочаров С.Г.

**ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСАРОВ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА В
СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Одним из приоритетных направлений исследований археологической экспедиции «Каффа» научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета являются работы на средневековых крепостях – исарах Южного берега Крыма. Работы ставят перед собой три основные задачи. Первая и главная задача – получение надежной стратиграфической колонки, и как следствие археологической датировки фортификационных объектов. Вторая – выполнение топографических съемок для каждого укрепления, с целью получения их точных планов. Третья – на основании геодезических съемок выполнить цифровую реконструкцию исаров. Публикуются результаты изучения археологического объекта на скале Ифигения в Кастрополе, предлагается его новая атрибуция.

Ключевые слова: археология, историческая география, средневековые укрепления Южного берега Крыма, исары, Кастропуло.

Abstract. One of the priority areas of research of the archaeological expedition "Caffa" of the Archaeological scientific and educational center of Sevastopol State University are the works on medieval fortresses - isars of the Southern Coast of Crimea. The works set three main tasks. The first and main task is to obtain a reliable stratigraphic column, and as a consequence of archaeological dating of fortification objects. The second is the execution of topographic surveys for each fortification in order to obtain their accurate plans. The third is to carry out digital reconstruction of the isars on the basis of geodetic surveys. The results of the study of the archaeological site on the rock of Iphigenia in Kastropolis are published, and a new attribution is proposed.

Key words: archaeology, historical geography, medieval fortresses of the Southern Coast of Crimea, Isars, Castropulo.

Средневековые крепости и замки (именуемые исарами от тюркского - стена, стенка) Южного берега были самыми востребованными исследователями памятниками и неоднократно привлекали внимание ученых [1, с. 1–409; [2, с. 287–297]; [3, с. 1–88]; [4, с. 372–396]; [5, с. 35–92]; [6, с. 56–58]; [7, с. 56–60]; [8, с. 1–154]; [9, с. 1–134]; [10, с. 425–443]; [11, с. 195–200]; [12, с. 183–186]; [13, с. 253–257]; [14, с. 1–224]; [15, с. 5–56]; [16, с. 108–111]; [17, с. 1–472]; [18, с. 128–145]; [19, с. 1–158]; [20, с. 1–527]; [21, с. 1–268], тем не менее, для большинства из них, до сих пор нет точной археологической датировки и атрибуции этих сооружений. Исключение составляют только четыре объекта, на которых в ходе археологических исследований получена аргументированная дата существования: Исар-Кая – XIII в. [18, с. 128–145], Фуна – XV в. [21, с. 1–268], Луста – XV в. [22, с. 172], Ай-Йори – конец XIII–XIV вв. [23, с. 45]. Из этого краткого перечня видно, что укрепления Южнобережья относятся, как минимум, к двум разным хронологическим этапам.

С целью закрытия этой лакуны археологическая экспедиция «Каффа» научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета реализует программу по изучению исаров Южного берега

Крыма. При исследовании этих крепостей ставились три основных задачи. Первая и главная задача – получение надежной стратиграфической колонки, и как следствие археологической датировки фортификационных объектов. Вторая – выполнение топографических съемок для каждого укрепления, с целью получения их точных планов. Третья – на основании геодезических съемок выполнить графическую реконструкцию исаров [24, с. 111]. Материалы исследований и цифровые реконструкции двух замков уже введены в научный оборот [25, с. 109; 26, с. 111].

Настоящая статья посвящена результатам археологических работ в Кастрополе. В соответствии с историографической традицией памятник археологии на скале Ифигении носит название Кастропуло и приписывается к исарам. Объект находится в 0,5 км западнее строений современного пос. Кастрополь Симеизского поселкового совета, на вершине отдельно стоящей скалы Ифигении. Описания этого объекта или краткие упоминания о нем оставили П.И. Кеппен [1, с. 151, 179], Н.А. Эрнст [10, с. 431], Н.И. Репников [27, л. 4], А.А. Якобсон [14, с. 22]. О.И. Домбровский называет его маленьким, но укрепленным монастырем и датирует IX-XIII вв. [15, с. 30]. Л.В. Фирсов, отмечает, что в Кастрополе ему не удалось найти крепостных сооружений и, что о возможном существовании здесь укрепления можно догадываться только по названию местности [17, с. 373]. В.А. Мыц датирует Кастропуло XIII-XIV вв. и видит в нем замок. Площадь укрепления определена им в 0,18 га, стены защищают территорию 30,0 x 80,0 м. В.А. Мыц также отмечает, что в 1968 г. на южной площадке памятника были раскрыты стеки постройки из бутового камня на песочно-известковом растворе, предположительно храма [19, с. 142].

С целью определения времени существования укрепления, располагающегося на скале Ифигении в августе 2006 г. Восточно-Крымской (Феодосийской) археологической экспедицией Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины (сегодня Археологическая экспедиция «Каффа» Севастопольского государственного университета), были проведены разведочные археологические работы [28, л. 3]. Разведочные исследования велись одним шурфом размером 2,00 x 2,00 м, которым предполагалось обнаружить архитектурные остатки крепостной стены укрепления (рис. 1). Шурф был ориентирован по оси север – юг. Глубина культурных напластований составила от 0,06 до 0,70 м. Зафиксирована стратиграфическая ситуация с четырьмя слоями: дерна, коричневого грунта, коричневого грунта с известью и прослойка извести (рис. 2).

Слой коричневого грунта представлял собой завал камней толщиной до 0,55 м, заполненных коричневым грунтом с небольшим количеством разложившегося известкового раствора. В слое были обнаружены фрагменты пяти стенок и бортиков черепиц керамид красноглиняных. Слой коричневого грунта с известью зафиксирован в южной части шурфа. Залегал под слоем коричневого грунта, на глубине от 0,22 до 0,26 м. от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,40 м. Слой представлял собой коричневый грунт с большим количеством разрушенного известкового раствора. В слое были обнаружены три фрагмента черепиц керамид, четыре фрагмента сосудов красноглиняных (XI-XIII вв.). Прослойки разрушительного известкового раствора зафиксированы в южной части шурфа четырьмя отдельными участками, залегавшими в слое коричневого грунта с известью. Ниже слоев коричневого грунта и коричневого грунта с известью была зачищена поверхность скалы.

В результате проведенных работ, был зафиксирован культурный слой, датируемый на основании керамического материала в широких пределах XI - XIII вв. Эти культурные напластования можно связать с функционированием и разрушением постройки, сложенной на известковом растворе и перекрытой черепицей (возможно христианский храм). Архитектурные остатки оборонительной стены отсутствовали. На месте предполагаемой оборонительной стены был зафиксирован завал камней,

который залегал не на скале, а на слое коричневого грунта с известью (рис. 2). До проведения значительных археологических работ на всей площади памятника можно сделать предварительный вывод, что на сале Ифигении располагался небольшой средневековый храм [29, с.29]. Наличие крепостной стены и собственно укрепления (исара) в этом месте разведочные археологические исследования не подтверждают.

Источники и литература

1. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. Спб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.
2. Кондараки В.Х. Байдарская долина (В Таврическом полуострове) // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). 1868. Т.7. С. 287–297.
3. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Николаев: Тип. В.М. Краенского, 1875. С. 1 – 88.
4. Келлер Е.Е. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 372–396.
5. Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.
6. Бобринский А. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1894. № 21. С. 56–58.
7. Данилевич В.Е. Заметка о древностях в окрестностях деревни Кикинеиз, Ялтинского уезда // ИТУАК. 1907. №40. С. 56–60.
8. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев: Типо-Литография С.В.Кульженко, 1914. 154 с.
9. Бертъе-Делагард А.А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 1–136.
10. Эрнст Н.А. Историко – археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1937. С. 425–443.
11. Репников Н.И. Археологические памятники // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Москва-Ленинград: ГАИМК, 1935. С. 195–200.
12. Паршина Е.А. Средневековые памятники на побережье от Голубого Залива до Ялты // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968. С. 183–186.
13. Паршина О.О. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ: Наукова думка, 1972. С. 253–257.
14. Якобсон А.А. Раннесредневековые сельские поселения Юго-западной Таврики // Материалы и исследования по археологии. Л.: Наука, 1970. Вып.168. С. 1–224.
15. Домбровский О.И. Средневековые поселения и “Исары” Крымского Южного берега // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
16. Скобелев Ю.М. Археологическая разведка на г. Крестовой в Верхней Ореанде // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 108–111.
17. Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 472 с.
18. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // Советская Археология. 1987. № 2. С. 128–145.
19. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 158 с.
20. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Симферополь: Универсум, 2009. 527 с.
21. Кирилло В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: Стилул, 2005. 268 с.
22. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50 – 70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилул, 2002. С. 139–189.
23. Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Исследования на скале Ай-Йори в 2005 г. // Археологічні дослідження на Україні в 2005– 2007. Київ, Запоріжжя: Дике Поле, 2007. С. 41–45.
24. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV – XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И.Кеппена. Киев: Стилул, 2004. С. 186–205.

25. Бочаров С.Г. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар // Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в период античности и средние века. Симферополь: Изд. Барановского, 2009. С. 108–114.

26. Бочаров С.Г. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого археологического кружка Казанского университета. Казань: Казанский федеральный университет, 2012. С. 109–121.

27. Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма 1939-1940 // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 10. Опись 1. Дело 10. 97 л.

28. Бочаров С.Г. Отчет об археологических разведках в Кастрополе на скале Ифигении в 2006 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инвентарная книга № 4. Инвентарный номер 1319. Номер папки 1481. 12 л.

29. Бочаров С.Г. Кастропуло. Исар, которого не было? // Дмитровские чтения: история южного берега Крыма. Сборник научных статей к 130-летию Ялтинского историко-литературного музея. Ялта, 07–08 октября 2021 г. Ялта: Типография «Визави», 2022. С. 27–29.

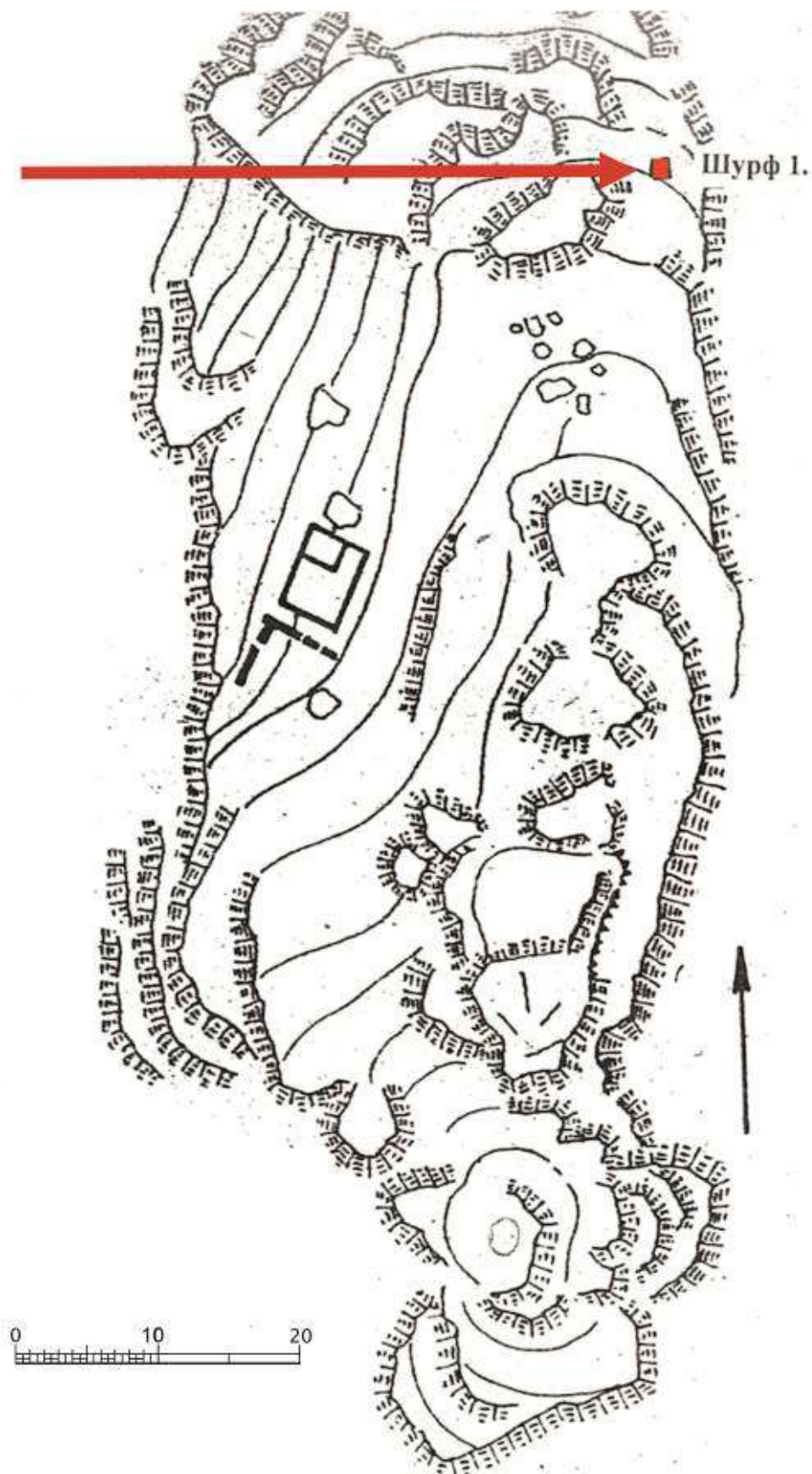

Рис. 1. Кастропуло. План (по 19, с. 29, рис. 9, 1)
с нанесением места расположения шурфа 1

Рис. 2. Кастропуло. Вид на шурф 1 с востока.
Стратиграфическая ситуация (фото автора)

Зоря Р.С.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕВГУ В 2021-2023 ГГ.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Одним из приоритетных направлений, разрабатываемых в рамках стратегического проекта “Археонет” программы развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”, является создание новых методик и сервисов, а также внедрение цифровых технологий в области археологических исследований и охраны памятников культурного наследия. Помимо традиционных научных изысканий, члены коллектива работают над созданием фотограмметрических 3D-моделей объектов культурного наследия, расположенных как на суше, так и на морском дне, виртуальных интерактивных 3D-реконструкций археологических объектов, а также цикла лекционных и практических занятий по учебному курсу “Археология” с помощью комплекса ClassVR, публикуются некоторые промежуточные результаты деятельности научного коллектива за период 2021-2023 гг.

Ключевые слова: археология, цифровые технологии, 3D-моделирование, СевГУ, Археонет, Приоритет-2030.

Abstract. One of the priority areas being developed within the strategic project “Archeonet” of the university development program for 2021–2030 as part of the implementation of strategic academic leadership “Priority 2030” is the creation of new methods and services, as well as the introduction of digital technologies in the field of archaeological research and protection of cultural heritage sites. In addition to traditional scientific research, team members are working on creating photogrammetric 3D models of cultural heritage sites located both on land and on the seabed, virtual interactive 3D reconstructions of archaeological objects, as well as a series of lectures and practical classes on the “Archaeology” using the ClassVR. This work publishes some subtotal results of the work of the scientific team for the period 2021-2023.

Key words: archaeology, digital technologies, 3D modeling, SevSU, Archeonet, Priority-2030.

В центре деятельности любого археолога, так или иначе, находятся объекты археологического наследия (это городища, поселения, курганы, грунтовые могильники, остатки древних укреплений, производств и т.д.) – т.е. те объекты, на исследование которых направлен исследовательский процесс [1]. Археологическая наука на протяжении всей своей истории развивалась в двух направлениях. Первое – расширение источниковой базы, что подразумевает накопление непосредственно археологического материала и знаний о нем. Второе – поиск и разработка методов и подходов, позволяющих по-новому представить, проанализировать и извлечь информацию из археологических источников [2].

Применение цифровых технологий в археологии имеет богатую историю. Как демонстрирует мировой опыт, наиболее крупные и успешные проекты в области цифровых технологий реализовались совместными усилиями ВУЗов и профильных научно-исследовательских учреждений [3, с. 207–208]. По этому же пути движется и

проект «Археонет» – в тесном сотрудничестве с организациями-партнерами (ИА РАН, ИВ РАН и ГИАМЗ «Херсонес Таврический»).

Совместно с ИВ РАН был успешно проведен ряд полевых сезонов Международной сирийско-русской экспедиции в акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики [4, с. 274]. В результате подводных археологических исследований были получены новые сведения о морской крепости Маракли средневекового периода, крепостных и портовых сооружений острова Арвад. Впервые были созданы ортофотопланы и 3D модели остатков крепостных и портовых сооружений острова Арвад и остатков морской крепости Маракли у населенного пункта Хараб Маркия. Кроме того, впервые созданы ортофотопланы островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд и находящихся на них древних сооружений [5, с. 156]; [6, с. 289–291].

Суммарно за 2021–2023 гг. было создано 36 цифровых моделей объектов культурного наследия региона Восточного Средиземноморья. На их основе разработана интерактивная экспозиция «Цифровая археология», в составе следующих экспозиционных площадок: «Археология больших пространств», «Прибрежный культурный ландшафт», «Археология глубоководных объектов», а также организована и проведена выставка «Цифровые технологии и подводная археология», посвященная 5-летию сотрудничества СевГУ и музея «Херсонес Таврический» в области подводно-археологических исследований.

На основе материалов Международной сирийско-русской экспедиции была создана экспериментальная версия Цифрового археологического атласа «Прибрежный культурный ландшафт – Siriya», в виде связанных между собой баз данных результатов полевых исследований, камеральной обработки, письменных источников по выявленным объектам, данных картографии, топографии, гидрологии, батиметрии (на примере прибрежного ландшафта Сирийской Арабской Республики). В будущем запланировано создание автоматизированной информационной системы для работы с объектами археологического наследия, в которой объекты внесены в специализированные навигационные программы, с подробным описанием, изображением и привязкой к точным географическим координатам, состоящая из нескольких баз данных и системы хранения, обработки, поиска и анализа информации. Данная АИС позволит:

- выявлять и анализировать взаимосвязи объектов в историческом контексте с визуальным отражением этих данных в цифровом формате;
- осуществлять систематический мониторинг за объектами и отслеживать их физическую сохранность и изменения, а также выявлять негативные факторы, влияющие на их разрушение, т.е. прогнозировать состояние данных объектов в заданной перспективе, включая прогноз их полного разрушения и исчезновения;
- визуализировать и экспонировать подводные объекты, зачастую недоступные для обозрения, в том числе в составе мультимедийных музейных выставок.

В СевГУ в рамках стратегического проекта «Археонет» в сотрудничестве с ИА РАН проводятся теоретические и экспериментальные исследования по обоснованию осуществимости построения системы оперативного мониторинга текущего состояния археологического объекта, расположенного на морском дне с помощью алгоритма сравнения разновременных данных (3D-облака точек), полученных при помощи дистанционных методов фиксации. Итогом работ 2023 года должна стать разработанная методика, согласно которой будут проводиться все подводные археологические исследования в стране.

Также научным коллективом ведется разработка цифровых сервисов для работы с объектами археологического наследия, расположенными на суше.

Первый из них – «Цифровой Херсонес», который будет реализован в виде 3D ГИС платформы. Помимо стандартного ГИС-инструментария он будет включать точную геоподоснову (3D-копия памятника), систему прикрепления к ней научных

данных и справочной информации. Использование сервиса позволит увеличить качество документирования процесса исследований и, как следствие, повысит степень достоверности получаемых результатов, увеличит скорость научно-поискового процесса, позволит осуществлять мониторинг текущего состояния ОАН.

Создание такой ГИС-Системы позволит точно нанести местоположение разновременных объектов и раскопанных участков на его площади. Возможность специального выделения слоев для границ природных объектов, современной инфраструктуры и нарушений, позволит оценить объем разрушений культурного слоя и осуществлять мониторинг сохранности памятника.

Интеграция в системе данных о современном состоянии объектов и сведений о предшествующих периодах их изучения, имеющихся в библиографических и архивных источниках, предоставит исследователям мощный инструмент для подготовки научных публикаций и других видов научного творчества.

Еще одна функция системы – просветительская и популяризаторская, поскольку на данной платформе будет размещена информация о самом памятнике и его отдельных объектах (в т.ч. 3D-реконструкции), что позволит даже непосвященному посетителю визуализировать культовые объекты, сохранившиеся в виде руинированных остатков.

Второй – “Планшет археолога” – который, по сути, будет являться автоматизированным рабочим местом археолога. На текущий момент времени системы, позволяющей автоматизировать работу археолога – в частности – отчетную и учетную в РФ нет. Данная система будет реализована в клиент-серверной архитектуре с системой модулей, где есть основное “ядро” программы, обеспечивающие основной функционал, и модули, добавляющие дополнительные функции. Благодаря такой системе в программу могут постоянно добавляться новые модули (функционал), которые будут дополнять основу идеи и расширять сферу ее применения.

Создание подобной системы должно вывести научно-исследовательские работы и научно-поисковый процесс на принципиально новый уровень. Мы считаем, что их цифровизация и оптимизация позволят в значительной мере сократить времязатраты на рутинные операции, упростить и ускорить подготовку отчетной документации, составления справок и т.д. Функционал подразумевает предоставление дистанционного доступа к обширной постоянно пополняющейся базе данных с возможностью быстрого и качественного поиска необходимых материалов - археологических предметов и объектов, литературы и т.д.

Создание комплекса отечественных специализированных сервисов, которые позволяли бы исследователям депонировать получаемые в процессе археологических работ данные (начиная от традиционной информации и заканчивая 3d-моделями и GIS-данными), систематизировать, структурировать и обрабатывать огромные массивы информации (Big Data), стимулировало бы дальнейшее развитие цифровизации в данной научной отрасли, сделало результаты исследования более проверяемыми, ускорило и оптимизировало бы сам научно-поисковый и научно-исследовательский процесс, предоставило бы возможность обращаться к цифровым материалам неограниченное число раз и т.д.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/12127232/>
2. Афанасьев Г.Е. Основные направления применения ГИС- и ДЗ- технологий в археологии // CD: Круглый стол “Геоинформационные технологии в археологических исследованиях”. (Москва, 2 апреля 2003 г.): Сборник докладов. М., 2004.
3. Нечаев В.Д., Татарков Д.Б., Блохин Е.К., Васильев Ст. А., Соловьева Н.Ф. Внедрение цифровых технологий в процесс археологических исследований: анализ и оценка мирового опыта // Записки ИИМК РАН. СПб. 2020. №23. С. 201–209.

4. Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшорстнов В.И. Результаты экспедиционной деятельности университетско-академического консорциума «Россия в большом Средиземноморье» в 2021–2022 гг. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции. Москва, 2022. С. 273–278.

5. Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Двухшорстнов В.И., Пронина Ю.А. Подводно-археологические исследования совместной сирийско-российской археологической миссии в полевом сезоне 2020-2021 гг. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы V Международной научной конференции. Москва, 2021. С. 156–158.

6. Лебединский В.В., Тюрин М.И., Пронина Ю.А. Результаты исследований международной сирийско-российской подводно-археологической экспедиции в акватории провинции Тартус в сезон 2021-2022 гг. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции. Москва, 2022. С. 288–291.

Карнаушенко А.Д., Казеннова Л.К., Карнаушенко Э.Н.

ОПЫТ ПЕРВИЧНОГО ПОРТИРОВАНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ БАЗИЛИК ХЕРСОНЕСА НА МОБИЛЬНУЮ ПЛАТФОРМУ ANDROID СРЕДСТВАМИ UNREAL ENGINE 4.25

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Дается краткая историографическая справка о трёх археологических объектах, представленных на интерактивных реконструкциях, а также история развития самого проекта создания этих реконструкций. Представлен краткий отчёт о текущем состоянии мобильного Android-порта и краткая справка о самом используемом инструментарии. Выдвигается список выявленных проблем мобильного порта и предполагаемый сценарий их решения. Имеется ремарка о практическом применении текущих версий программы.

Ключевые слова: интерактивные реконструкции, Мобильный Android-порт, Разработка Android приложений, Проблемы создания мобильного порта, Создание 3D-сцен, Археологические объекты.

Abstract. A brief historiographical reference is given on three archaeological objects presented on interactive reconstructions, as well as the history of the development of the project of creating these reconstructions. A brief report on the current state of the mobile Android port and a brief reference on the tool used are presented. A list of identified problems of the mobile port and a proposed scenario for their solution are put forward. There is a remark on the practical application of the current versions of the program.

Key words: Interactive reconstructions, Mobile Android port, Development of Android software, Problems of the mobile port, Creating 3D scenes, Archaeological objects.

Рис. 1. Современное состояние Базилики 1935 г.

лика 1935 года, Базилика в базилике и Пещерный храм на главной улице, были изначально адаптированы для просмотра, как традиционными средствами, так и с помощью нескольких типов VR-устройств. Здесь мы представляем свой опыт их

3D-реконструкции археологических объектов являются основной специализацией нашей группы исследователей, в составе Карнаушенко Эммы Николаевны, Карнаушенко Александра Дмитриевича и Казенновой Любови Константиновны. Мы работаем в этой области с 2008 года и одним из основных направлений нашей деятельности являются 3D-реконструкции христианских базилик Херсонеса с их литургической планировкой и устройствами. Три христианские базилики Херсонеса, из числа реконструируемых нами: Бази-

портирования на мобильную платформу Android средствами Unreal Engine 4.25. Вкратце расскажем о каждом объекте, а затем перейдём к технической части представленной работы.

Базилика 1935 года (рис. 1), открытая советским археологом Григорием Дмитриевичем Беловым в 1935 году, от чего и получила своё название, находится в северном районе Херсонеса, в XIX квартале [1]. На этом месте последовательно существовали как минимум 3 христианских храма. Для реконструкции был выбран второй период существования памятника, датируемый VI–X веками.

Рис. 2. Современное состояние «Базилики в Базилике»

Первоначально нами была разработана двухмерная версия алтарной преграды, солеи и амвона в программе Adobe Photoshop CS3. Исходя из размеров храма были вычерчены элементы литургических устройств, на них наложены изображения сохранившихся архитектурных деталей [2].

Второй этап реконструкции – создание трехмерной модели литургического устройства. Перед этим была создана 3D версия базилики 1935 года, основанная на двухмерной графической реконструкции архитектора Ю.Г. Лосицкого [3]. Первая 3D реконструкция Базилики 1935 г. делалась в программе 3DS Max. В нее была помещена группа трехмерных моделей, визуализирующих наше представление о литургических устройствах базилики. Интерактивное взаимодействие на тот момент обеспечивала среда Unity 3D v5.

Последняя на данный момент версия нашей реконструкции была создана на основе прежних наработок, но уже в открытом трехмерном редакторе Blender. Чтобы решать вопрос интерактивного взаимодействия с реконструкцией, мы импортировали полученные модели в среду Unreal Engine 4. [4]. В процессе работы над реконструкцией в интерьер храма были добавлены аутентичные светильники и реалистичная система освещения, а на полу размещены реконструированные нами полноцветные мозаики, основанные на фрагментах, представленных в экспозиции музея «Херсонес Таврический».

Храмовый комплекс, известный как Базилика в базилике № 15 (рис. 2), располагается в XLIII квартале Херсонеса, и предположительно был построен между временем правления императора Юстиниана I и концом VI века. Он просуществовал около четырех веков, прежде чем на месте его центрального нефа из вторичного материала была выстроена скромная трехнефная базилика, из-за чего этот комплекс и получил свое название [5]. Базилика в базилике № 15 была раскопана в 1889 году. При раскопках А. Л. Бертье-Делагард нашел колонны разных диаметров [6].

Мы реконструировали ранний большой храм, с прилегающим строением. В нашей реконструкции Базилика № 15 имеет хоры и ведущие на них лестницы, посреди центрального нефа установлен амвон. Алтарь отделялся от храма преградой, в алтаре реконструирован синтрон и престол. Первоначальная версия реконструкции была создана в программе Google SketchUp, потом усовершенствована в трехмерном редакторе Blender и импортирована в среду Unreal Engine 4. Как и в случае с ранее упомянутой базиликой 1935 мы ранее создавали экспериментальную интерактивную реконструкцию на платформе Unity 3D v5, однако результат нас не устроил, поэтому актуальная версия нашей интерактивной реконструкции использует UE 4.25.

В нашей нынешней версии реконструкции этого храма мы также восстановили предполагаемый вид напольных мозаик, разместили литургические устройства, такие как алтарная преграда и амвон, так же разместили (статические) занавеси на боковых входах, аутентичные светильники и типовые двери с функцией интерактивного ответа на продвижения пользователя. Внутри здания пристройки можно наблюдать небольшую крестильную комнату с подвижной водой. Создавая пространства интерьера реконструкций этой базилики, мы старались максимально воссоздать атмосферу величественного храма.

Рис. 3. Современное состояние «Пещерного храма на главной улице»

Памятник, носящий название Пещерный храм на главной улице (рис. 3), располагается в III квартале Херсонеса, в северо-восточной его части. Трудность в изучении данного объекта состоит в том, что кроме архитектурной формы, выветрившейся от времени, и остатков фундамента наземных построек, другой материал отсутствует. Его первые раскопки были произведены Одесским обществом истории и древностей в 1883–1884 гг., в 1908–1910 гг. Р.Х. Лепером было произведено исследование данного объекта. В 1980–1984 г. экспедицией под руководством С.А. Беляева были произведена расчистка храма и архитектурные обмеры. На основе планов, обмеров и двухмерных реконструкций С.А. Беляева нами была сделана трехмерная реконструкция пещерного храма. [7] С нашей точки зрения можно осторожно предположить начало функционирования подземного храма с VI в., а наземной церкви – в период зрелого средневековья. Первоначальная 3D версия была создана в программе Google SketchUp, потом доделана в трехмерном редакторе

Blender и импортирована в Unreal Engine 4 [8].

Нами было принято решение обратить особое внимание на процесс портирования на мобильную платформу Android наших 3х самых успешных на данный момент 3D-реконструкций, поскольку охват пользователей этой платформы растёт вот уже несколько лет [9], активно вытесняя другие платформы, причём не только на смартфонах, но также на не дорогих бытовых устройствах, таких как телевизоры, интерактивные панели, моноблоки и планшеты. Это дает возможность адаптировать интерактивную реконструкцию под разные форматы и сценарии использования.

Платформа Android предоставляет множество инструментов и библиотек для разработки интерактивных приложений, такие как: OpenGL ES, Vulkan, ARCore и другие. Это облегчает создание качественной и оптимизированной графики, а также добавление дополнительных функций, таких как дополненная реальность. Эта платформа поддерживает интеграцию с различными сервисами и онлайн-платформами, такими как Google Play, Firebase, YouTube и другие. Это позволяет

обеспечить удобное распространение и обновление приложения, а также сбор и анализ данных о пользовательском поведении и отзывах, естественно, с согласия пользователя. Все перечисленное значительно увеличивает способствовать повышению интереса и вовлеченности пользователей с взаимодействием проектом и знакомство с его содержанием.

Мобильные версии наших реконструкции работают на мобильной версии runtime библиотек Unreal Engine 4.25, хранимых в формате *.SO, т.к. они созданы с помощью кросс – платформенного компилятора CLang, их базовый объем составляет 50 Мб, что значительно больше главного конкурента Unity3D, где базовая runtime – библиотека занимает от 20 Мб. Однако мобильные приложения созданные на UE обладают рядом важных преимуществ, а именно: возможность создать виртуальные сцены с крайними реалистичными сценами, где на общую картину валяют не только типовые факторы, такие как освещение глобальное и локальное, но и более сложные механизмы, такие как состав и состояние атмосферы, и физической симуляции жидкостей и газов ее насыщающих. Комбинация таких приёмов при воссоздании пространств реконструкции, позволяет создать более сильный иммерсивный эффект. К тому же, работа с движком и его освоение для начинающих разработчиков достаточно проста, так как Unreal Engine имеет большое и активное сообщество разработчиков, которые делятся своим опытом, знаниями и ресурсами, такими как 3D-модели, текстуры, скрипты и другие компоненты, созданные пользователями. А ещё Unreal Engine предлагает удобную систему визуального программирования Blueprints Visual Scripting, которая позволяет создавать комплексные 3D-приложения без написания кода, что так же значительно упрощает работу с платформой [10].

Иммерсия – это психологическое состояние, когда человек полностью погружается в виртуальную реальность, созданную 3D-приложением, и перестает замечать окружающий мир. Иммерсия зависит от многих факторов, таких как графика, звук, сюжет, процесс взаимодействия с программой, интерфейс и других [11].

Иммерсия работает по разным принципам, в зависимости от типа приложения.

Рис. 4. Экранный контроллер в мобильной версии «Базилика 1935»

Например, если пользователю предлагается примерить на себя роль человека, жившего во времена, подставленные на реконструкции, иммерсия достигается за

счет сильной идентификации пользователя с главным героем, его мотивами и целями. В некоторых ситуациях зритель может влиять на ход событий симуляции, принимая решения и выбирая действия. Приложение может создать ощущение присутствия в живом и разнообразном мире, который реагирует на действия наблюдателя [12].

В случае, когда реконструкция содержит элементы головоломки, то иммерсия достигается за счет интеллектуального вызова, который предлагает приложение. Исследователь может решать задачи, используя свою логику, интуицию и свои познания о представленном объекте. Такое приложение может создать ощущение удовлетворения от решения сложных проблем и проверить познания пользователя об объекте.

Рис. 5. Внешний вид реконструированного объекта культурного наследия «Базилика 1935», останки которого находятся на территории музея «Херсонес Таврический»

В наших приложениях реализована лишь часть описанного функционала, но мы ставим перед собой задачу представить все заявленные здесь приёмы. В данный момент у пользователя есть возможность свободно передвигаться по пространству 3х реконструкций, как по земле, так и по воздуху, используя традиционный парный экраный контроллер (рис. 4). К сожалению, дополнительные команды, такие как переключение режима передвижения и открытие главного меню реализованы через разные вариации мультитач жеста, что иногда вызывает случайные срабатывания. Это будет исправлено переработкой модуля контролёра, добавлением визуальных кнопок и другими улучшениями. Иммерсивный VR-контроллер в данный момент поддерживается только на OpenXR устройствах (Steam VR, Oculus SDK, Windows MR), к которым не относится традиционный мобильный VR - Google DayDream. Эту проблему мы решаем путем создания статических 360 фото наиболее значимых точек наших реконструкций, в формате равноугольной проекции со стереоэффектом. Такой формат подачи позволяет просматривать наши реконструкции на разных типах мобильных VR устройств, как с традиционным Google DayDream через GizmoVR, так и с экзотическим Nibiru VR через Avantis EduVerse (на базе Mozilla Spoke) и другие альтернативные мобильные иммерсивные технологии.

Таким образом, применяя выше названные приемы мы можем создать высококачественные мобильные приложения, служащие как образовательным, так и развлекательным материалом, подспудно пробуждающим интерес зрителя к представленному археологическому объекту, что является одной из важнейших задач

музеефикации археологических артефактов и недвижимых объектов культурного наследия (рис. 5).

Литература

1. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. Государственное издательство Крыма. АССР 1938. с. 89–110.
2. Biernacki A.B. Wczesnobizantyjskie Elementy I Detale Architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego. Wydawnictwo Poznanskie. Poznan 2009. Tom II.
3. Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д. Реконструкция литургического пространства базилики 1935 г. средствами 3D Studio Max 2009 Design // Причерноморье. История, политика, культура. 2011. Вып. V (II). Серия А. Античность и средневековье. С. 168–174.
4. Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д. Интерактивная 3D реконструкция херсонесского храма «Базилика 1935 года (II)» // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск № 26, серия А, 2018. с. 110–117.
5. Сорочан С.Б. Византийский Херсонес. Харьков, «Майдан», 2005. С. 735–738.
6. Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. М., Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905.
7. Беляев С.А. «Пещерный храм на главной улице Херсонеса» // сборник «Византия и Русь», Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 1989. С. 26–55.
8. Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д. 3D реконструкция Подземного храма на главной улице в Херсонесе средствами Google SketchUp 8 Pro // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII(III). Серия А. 2012. С. 99–104.
9. Статистика использования мобильных операционных систем URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/mobile/worldwide> (дата обращения 16.09.2023)
10. Разработчик на Unreal Engine (UE). ProfGuide. URL: <https://www.profguide.io/professions/razrabotchik-na-unreal-engine-ue.html> (дата обращения 16.09.2023)
11. Immersion in Computer Games: The Role of Spatial Presence and Flow. URL: <https://www.hindawi.com/journals/ijcgt/2011/282345/> (дата обращения 16.09.2023)
12. Теория потока: как создать игру, которую полюбят все / Хабр. URL: <https://habr.com/ru/companies/plarium/articles/244831/> (дата обращения 16.09.2023).

Арутюнова Ю.В., Кропотов В.В.

«ПЕРИПЛ ОБИТАЕМОГО МОРЯ» ПСЕВДО-СКИЛАКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Работа посвящена обзору имеющихся данных о «Перипле обитаемого моря», приписываемого известному античному географу и историку Скилаку Кариандскому (вторая половина VI – начало V вв. до н.э.). Поскольку достоверные свидетельства причастности Скилака к написанию этого трактата отсутствуют, в научной литературе в настоящее время труд фигурирует под авторством «Псевдо-Скилака». Считается, что его окончательный вариант был подготовлен в IV в. до н. э., но в текст могли войти фрагменты подлинного сочинения античного ученого. Перипл представляет собой описание берегов Средиземного и Черного морей при движении «по часовой стрелке» – от Геркулесовых столбов через Восточное Средиземноморье к Атлантическому побережью южнее Гибралтарского пролива. В нем сжато охарактеризовано побережье Северного Причерноморья, причем особенно лаконичен трактат при описании северо-западной части региона и Западного Крыма. Последнее, возможно, связано с особенностями древнего судоходства – античные мореплаватели предпочитали огиать этот район из-за особого режима морских течений. Несмотря на свою сдержанность, перипл Псевдо-Скилака, несомненно, будет привлекать внимание еще многих поколений исследователей, благодаря точности и содержательности приведенных в нем сведений.

Ключевые слова: перипл, Псевдо-Скилак, лоция, Средиземное море, Черное море, античное мореплавание

Abstract. This article is devoted the survey of available data about «The periplous on the inhabited sea», attributed to the known antique geographer and historian Skylax of Karyanda (second half VI - the beginning of V centuries BC). As authentic certificates of participation of Skylax to a writing of this treatise are absent, this work appears in the scientific literature under authorship «Pseudo-Skylax». It is considered, that its definitive variant has been prepared in IV century BC, but the text could include fragments of the genuine composition of the antique scientist. The Periplous represents the description of shores of the Mediterranean and Black seas at locomotion "clockwise" – from Herculean columns through East Mediterranean to the Atlantic coast to the south of strait of Gibraltar. In it the coast of Northern Pontic region is shortly characterized, and the treatise is especially laconic at the description of a northwest part of this area and the Western Crimea. The last, probably, is bound to features of ancient navigation – antique seafarers preferred to bend around this area because of the special regime of sea flows. Despite the restraint, the Pseudo-Skylax's periplous, undoubtedly, will draw of the attention of many generations of explorers, thanks to accuracy and pithiness of the data resulted in it.

Key words: periplous, Pseudo-Scylax, locies, Mediterranean Sea, Black Sea, ancient navigation.

Древнегреческий перипл (др.-греч. περίπλους, от περίπλεω – «плыть кругом (вокруг), огиать») – особый вид античной географической литературы, часто называемый античной лоцией, который можно рассматривать как своеобразный синтез путеводителя и практического руководства странствий древних греков вдоль морского побережья. Обязательным элементом периплов являлось не только описа-

ние непосредственно морского путешествия, но и указание географических объектов, встречаемых на пути, а также рассказ о расселении местных племен и укладе их жизни. Жанр перипла возник в Греции рано – по-видимому, еще на рубеже VI–V вв. до н. э. [5, с. 218]. Сам жанр следует рассматривать как следующую ступень развития древнегреческих сказаний и мифов, как попытку перехода от сказочных повествований первых мореплавателей к научному описанию судоходства периода Великой греческой колонизации. И хотя древнегреческие периплы представляют собой достаточно сухое и сжатое перечисление конкретных фактов – гаваней, мысов, заливов, бухт, якорных стоянок, расстояний между ориентирами в береговой зоне, указания на очертания берегов и т.д., они важны и интересны не только для древних мореходов, но и для современных исследователей. Данные «лоции» являются базовым источником информации о восприятии древними греками осваиваемых ими земель и путей следования к ним.

Несомненно, одной из наибольших трудностей для антиковедов является задача установления авторства и времени написания древнегреческих текстов, ведь большинство из них дошли до нашего времени в копиях, часто фрагментарных, в переводах и упоминаниях более поздних авторов. Всё это в полной мере относится к предмету данного сообщения – так называемому «Периплу обитаемого моря», который литературная традиция приписывает путешественнику, географу и историку Скилаку Кариандскому (вторая половина VI – начало V в. до н.э.), что, впрочем, уже в далеком прошлом неоднократно подвергалось сомнению.

Творческое наследие самого Скилака из Карианды сохранилось скудно и, возможно, поэтому мало привлекает интерес современных исследователей. Исключение составляет обширная работа И.Е. Сурикова, в которой автор на основании глубокого изучения исторических свидетельств о Скилаке и сравнительного анализа фрагментов его трудов, делает вывод, что именно Скилак (а не Гекатей Милетский, как считалось ранее) является древнейшим представителем древнегреческой дескриптивной географии, вторым античным географом после Анаксимандра [6, с. 176].

Поскольку достоверные свидетельства причастности Скилака Кариандского к написанию «Перипла обитаемого моря» отсутствуют, в научной литературе в настоящее время труд фигурирует под авторством «Псевдо-Скилака». Считается, что его окончательный вариант был подготовлен в IV в. до н. э., но в текст могли войти фрагменты подлинного сочинения исторического Скилака [7, с. 254]. А так как в античности было принято приписывать авторство трудов, написанных малоизвестными авторами, более авторитетным лицам, «Перипл обитаемого моря» распространился именно под именем Скилака.

В данном сообщении предпринята попытка упорядочить информацию об этом античном трактате, поскольку он достаточно часто привлекается в качестве исторического источника.

Полное название труда Псевдо-Скилака – «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии и сколько и какие народы в каждой; затем ещё области и заливы и реки; и какова протяжённость плаваний; и семь населённых островов, и у какого материка каждый лежит» [7, с. 255]; [8, с. 260]. Экземпляр этого перипла, составленный в XIII веке, хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже. Данный рукописный список часто называют «Парижским периплом». Все другие варианты перипла – а их немного – по сути, являются копиями Парижского [9, р. 1].

Согласно подробному аналитическому обзору источниковедческих работ, посвященных анализу перипла Псевдо-Скилака, составленному И. Матияшичем, первые переводы тракта на современные европейские языки появились еще в начале XVII века. Эталонным среди них долгое время считался перевод с комментариями немецкого археолога, филолога и историка Карла Отфрида Мюллера, опубликованный в 1855 году в журнале «Geographi Graeci Minores». Новый перевод ориги-

нального текста на английский язык, подготовленный Грэхамом Шипли в 2011 г., сопровождаемый обширной статьей с пояснениями, считается более полным [9, р. 2]; [10, р. 1–244]; [11, р. 1–244],

Вплоть до конца XX века на русский язык переводились лишь фрагменты перипла «Перипла обитаемого моря», и только в 1988 году в журнале «Вестник древней истории», появился полный перевод его текста со статьей и примечаниями Ф.В. Шелова-Коведяева [7, с. 253–266]; [8, с. 260–269].

Лоция Псевдо-Скилака представляет собой описание берегов Средиземного моря и Понта Эвксинского (Черного моря) при движении «по часовой стрелке» – от Геркулесовых столбов через Восточное Средиземноморье к Атлантическому побережью южнее Гибралтарского пролива. В силу своей лаконичности и конкретности, по меткому выражению Е.В. Афонасина, сочинение Псевдо-Скилака представляет собой скорее «словесную карту», нежели описание путешествия [2, с. 143]. В поле зрения автора Перипла находилось Средиземное (Внутреннее) море, Пропонтида, Понт, Меотида, причем скупое описание Северо-Западного Причерноморья и Западного Крыма составляет безусловный контраст с подробной характеристикой восточных берегов Понта. Северное Причерноморье охарактеризовано автором сжато в одном параграфе (№ 68) в следующей последовательности: «За Фракией живут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют тавры; этот мыс выдается в море. В Таврике же элины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий» [7, с. 262]. Далее идет описание длительности прямого и каботажного плавания между указанными географическими объектами, а также приводится расстояние в стадиях между ними. Скифией автор заканчивает характеристику плавания вдоль всей Европы и переходит к описанию Азии. Границей между Европой и Азией Псевдо-Скилак, согласно античной литературной традиции, определяет реку Танаис (современная река Дон). Начиная с параграфа 70 вплоть до 95, следует перечисление племен, населявших побережье Азовского моря, Восточного и Южного Причерноморья [8, с. 260–269].

Указанная особенность «Перипла обитаемого моря» позволила М. И. Ростовцеву высказать предположение, что под псевдонимом Скилака из Карианды скрывается афинянин: «Устами Геродота и перипла Гиппократ, очевидно, говорят с нами ионийцы, в лице псевдо-Скилака мы имеем дело с афинским писателем и купцом, торговые интересы которого, как мы увидим ниже, с конца V в. почти игнорировали Ольвию и всецело склонились к Крыму, Синдике и кавказскому побережью» [4, с. 25].

По мнению В.Г. Зубарева [3, с. 24], трактат Псевдо-Скилака, несомненно, – искусная компиляция, объединяющая географические тексты, написанные в период от VI до второй половины IV вв. до н. э., отражающая интересы аттической торговли и мореплавания, о чем может свидетельствовать, например, концентрация внимания автора на Восточно-Средиземноморском побережье, слабое описание Северо-Западного Причерноморья и Западного Крыма.

М.В. Агбунов [1, с. 124–126], детально анализируя условия плавания античных судов в северо-западной части Понта Эвксинского, обращает внимание на особый режим черноморских морских течений, которые образуют здесь мощную «петлю», идущую в 2–5 милях от берега против часовой стрелки. При курсе корабля от Истра до Бараньего Лба это течение значительно замедляет его ход, а длительные северо-восточные ветры у Крыма неизбежно относят его к югу, удлиняя общую протяженность пути. Таким образом, природные условия мореплавания у Западного Крыма, по-видимому, не благоприятствовали каботажному мореплаванию в северо-западной акватории Черного моря «по часовой стрелке». Может быть, именно эти обстоятельства объясняют скудость сведений перипла Псевдо-Скилака о северо-

западном Причерноморье. В то же время суда, следовавшие от Бараньева Лба в Пантикапей, использовали другое, благоприятное, течение и получали выигрыш во времени. Иными словами, внимательное прочтение сведений Псевдо-Скилака свидетельствуют о высокой степени достоверности и непротиворечивости трактата, что очень важно для исторического источника.

Грэхам Шипли последовательно аргументирует свою точку зрения относительно того, что перипл Псевдо-Скилака написан именно в 338 – 337 гг. до н.э. гражданином Афин [11, р. 130–134]. Более того, он пытается проанализировать натурфилософский контекст трактата Псевдо-Скилака и обосновать близость физико-географических представлений автора перипла идеям Аристотеля и ранних перипатетиков. На ценность вклада Псевдо-Скилака в систематизацию практических навигационных знаний посредством теоретических физико-географических представлений указывает и Е.В. Афонасин [2, с. 148].

В заключение отметим, что следует согласиться с утверждением И.Е. Сурикова: «нет особого смысла характеризовать тот или иной источник как абстрактно «ценный» или «малоценный». Любой источник ценен (или, соответственно, малоценен) для кого-то» [5, с. 223–224]. Но однозначно можно сказать, что перипл Псевдо-Скилака сохраняет еще немало загадок и тайн, нерешенных проблем и малоизученных вопросов, а это означает, что к «Периплу обитаемого моря» Псевдо-Скилака и в будущем будут обращаться многие поколения исследователей, изучая его каждый под своим углом зрения.

Источники и литература

- 1.Агбунов М.В. Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья // Вестник древней истории. 1981. № 1. С. 124–143.
- 2.Афонасин Е.В. Периплы и возникновение теоретической географии в античности // Философия науки. 2018. №2 (77). С. 137–151.
- 3.Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.03. М., 2000. 49 с.
- 4.Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Российская академия истории материальной культуры, 1925. 623 с.
- 5.Суриков И.Е. Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // Херсонесский сборник. 2020. Вып. 21. С. 216–226.
- 6.Суриков И.Е. Скилак Кариандский – древнейший представитель античной дескриптивной географии? // Историческая география. Т. 6 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2022. С.149–180.
- 7.Шелов-Коведяев Ф.В. [Скилак Кариандский] Перипл обитаемого моря (вступ. ст., пер. и комм.) // Вестник древней истории. 1988. № 1. С. 253–266.
- 8.Шелов-Коведяев Ф.В. [Скилак Кариандский] Перипл обитаемого моря (Пер. с древнегреческого и комм.) // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 260–269.
- 9.Matijašić I. Scylax of Caryanda, pseudo-scylox, and the Paris Periplus: reconsidering the ancient tradition of a geographical text // Mare Nostrum. 2017. V. 7 –7. P. 1–19.
- 10.Shipley D. Pseudo-Skylax's Periplus: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary – Exeter: Bristol Phoenix Press, 2011. xii, 244.
- 11.Shipley D. Pseudo-Skylax and the natural philosophers // Journal of Hellenic Studies. 2012. Vol. 132. P. 121–138.

Джопуа А.И., Лебединский В.В.**, Фомин М.В.****

О РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ НА ГОРОДИЩЕ ГИЕНОС (Г. ОЧАМЧИРА, РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ)

** Абхазский государственный музей, г. Сухум*

*** Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва*

**** Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Аннотация. На территории городища Гиенос (г. Очамчира, Республика Абхазия) был открыт уникальный христианский комплекс (V–VII вв). Он включал однефную церковь базиликальной формы и ряд пристроенных вспомогательных сооружений. Внутри церкви, на территории нартекса, в пристройках и вокруг церкви было совершено ряд погребений. Некоторые из них принадлежали ктиторах. Особый интерес представляет погребение в свинцовом саркофаге. Дальнейшее изучение памятника позволит уточнить особенности конструкции сооружения.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, Гиенос, церковь, базилика, мавририй.

Abstract. At the territory of Gienos settlement (t. Ovamchira Republic of Abkhazia) was founded unique Christian complex (5th – 7th century). It included single-nave basilica church and a number of additional premises. Inside the church, on the navy's territory there are several burials. Some of them belonged to the patrons. Especial interest has a burial in a lead sarcophagus. Further studying of the monument will allow clarify the details of design features.

Key words: Eastern Black Sea region, Gienos, church, basilica, martyrrium.

Городище Гиенос является одним из интереснейших и вместе с тем малоизученных объектов на территории Восточного Причерноморья. Памятник расположен на северо-западной окраине г. Очамчира (Республика Абхазия).

Поселение было открыто в 1935 г. во время строительства военного порта. В 1935–1936 гг. были предприняты первые исследования. За строительными работами наблюдали Л.Н. Соловьев, М.М. Иващенко и Б.А. Куфтин [6, с. 259–297]; [2, с. 42–55]. Было заложено 35 шурфов (общей площадью до 500 кв. м.) в западной части поселения, а также проведен сбор подъемного материала на разных участках. Результаты дали представление о топографии и стратиграфии комплекса, его экономической, культурной и социальной жизни. Но под нужды военного объекта были скрыты два из трех холмов (средний и западный).

Первичные исследования выявили, что городище простиралось вдоль берега моря примерно на 1 км к востоку от устья р. Джикумур (Чанаквара) и вдоль левого берега реки на 0,5 км [2, с. 42–55]. Оно располагалось на трех поросших лесом холмах (средний: 100х90 м. высота 7 м.; западный 75х45 м. высота 6–7 м.; восточный 90х50 м. высота 5 м.) и было обнесено рвами. Холмы соединяла дорога, вымощенная гравием. Следы поселения просматривались и к северу от холмов на значительную площадь, к востоку на берегу ручья располагался четвертый холм-курган небольшого размера [7, с. 39–50].

В 1977 г. на восточном холме работы проводила Абхазская археологическая экспедиция ЦАИ ГССР (М.В. Барамидзе, Г.К. Шамба, Г.Т. Квирквелия). Были заложены раскопы (5х5 м) в северо-западной и южной частях холма [1, с. 90–98]. В 1980-х гг. экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа

под руководством С.М. Шамба были продолжены раскопки на территории сохранившегося холма. В результате работ были получены многочисленные материалы, позволившие отнести дату основания поселения ко времени не позже середины VI в. до н.э. [9, с. 273–290]. В 1981 г. раскоп был заложен в средней части восточного холма [11, с. 19–22]. В течение сезонов 1981, 1983, 1985 гг. был открыт и частично исследован раннехристианский комплекс [3, с. 126–146]. Предварительные результаты исследования отражены в ряде публикаций [11, с. 19–22]; [5, с. 470]; [4, с. 23–28], в том числе монографии С.М. Шамба [10]. Не смотря на значительное внимание памятник не был изучен полностью, сохранилось достаточно много вопросов, требующих разрешения.

В 2019 г. работы были возобновлены международной абхазско-российской археологической экспедицией под руководством А.И. Джопуа и А.Ю. Скакова. Исследования, проводившиеся в 2019–2023 гг. позволили дополнить и расширить имеющиеся знания о конструкции и истории уникального памятника раннехристианской архитектуры.

Однонэфная церковь была возведена на нивелированной площадке, перекрывавшей античный культурный слой, датируемый сер. VI-V вв. до н.э. В районе юго-западного угла уровень подсыпки был незначительный (здесь, прямо под полом пристройки, на глубине нескольких сантиметров были открыты культового комплекса VI–V вв. до н.э.), в некоторых местах (в восточной части) он достигал 4,5 м [9, с. 273–290].

Вопрос датировки церкви остается открытым. Первоначально С.М.Шамба отнес строительство к Юстиновскому времени, «возможно, в пределах первой половины VI в.» [10, с. 61]. Позднее возникло предположение о более ранней датировке конец V – начало VI вв. [4, с. 23–28]. Эту дату поддержала Л.Г.Хрушкова, указывая время функционирования церкви в V – сер. VII вв. [9, с. 273–290].

Здание сохранилось на уровне нескольких рядов камней над фундаментом, что позволяет не только реконструировать его план, но и получить представление о конструктивных особенностях. По своей форме церковь представляет собой однонэфную конструкцию (8х16 м.) с полукруглой апсидой и заплечниками. Толщина стен в апсиде 0,95 м. в наосе 0,9 м. Стены фундамента были шире на 10-15 см. Они сложены из окатанных булыжников с соблюдением рядов, на растворе, который содержит известь и вкрапления мелкой гальки, и имеет бело-серый цвет. Добавление толченой керамики, про которое указывает Л.Г. Хрушкова не наблюдается.

По мнению Л.Г. Хрушковой здание было сложено на каменном фундаменте из кирпича-плинфы [8, с. 9–53]. Сегодня остатки кирпичных стен просматривается лишь в юго-западном углу церкви, где сохранился фрагмент кладки в несколько рядов. Толщина плинфы приблизительно равна толщине раствора. Во время исследования объекта была собрана значительная коллекция фрагментов плинфы, что сделало ее предметом отдельного изучения [8, с. 9–53].

Стены церкви внутри были оштукатурены и расписаны, во время раскопок 80-х гг. XX в. были собраны фрагменты светлой штукатурки, которые сохранили следы полихромной росписи: красноватой, розоватой, желтой и зеленой краски [9, с. 278]. Их количество было дополнено в 2020-2023 г. Было найдено еще ряд фрагментов плинфы, сохранивших следы штукатурки.

По мнению Л.Г.Хрушковой храм имел стропильные перекрытия. Конха была перекрыта сводом. Вспомогательные помещения имели стены меньшей толщины (0,75–0,78 м.) скорее всего, они были ниже и могли перекрываться деревянными конструкциями на один скат [9, с. 278].

Апсида была отделена алтарной преградой, архитектурные детали от которой открыты во время раскопок (столбик, капитель, плита с изображением креста из песчаника и проконесского мрамора). В 2021 г. был открыт еще один фрагмент

капители проконесского мрамора (приблизительно 4,5х8,5 см.). Характер резьбы по камню и многочисленные аналоги позволяют судить о Византийском происхождении и отнести фрагмент к VI -VII вв. Так же были обнаружены 9 обломков проконесского мрамора, из них пять со следами обработки. Скорее всего они также были частью алтарной преграды. выполнена из местного песчаника зеленоватого цвета, и лишь некоторые детали – из мрамора. Были обнаружены также обработанные фрагменты местного камня темного или темно-зеленоватого цвета (два фрагмента столбиков и фрагмент рамки с полуовальным выступом). По мнению С.М. Шамба «алтарная преграда представляла собой низкий парапет из плит и столбиков, увенчанных капителями в виде сплюснутых шаров, несущих архитрав» [10, с. 52–53]; [9, с. 290].

Если принять раннюю датировку возведения храма (V в.), то можно предположить, что позднее церковь была дополнительно украшена и несколько достроена. Появилась мраморная алтарная преграда и пристройки. Отнести такую перестройку можно ко времени строительной деятельности Юстиниана (сер. VI в.).

К зданию были пристроены ряд конструкций. К северной и южной стенам, сразу за апсидой были пристроены два симметричных помещения, предающих конструкции крестообразность формы. С западной стороны и частично с южной было пристроено сооружение, именуемое в литературе как «Нартекс». Оно имело «Г-образную» форму. Из пристройки в наос вела дверь в западной стене шириной 0,96 м. расположенная на продольной оси. Наружу из «нартекса» вело две двери в западной стене и одна в южной. Ряд авторов указывает, что «нартекс» был сложен в технике *opus mixtum* [9, с. 273–290]; [7, с. 39–50] но сегодня это не прослеживается. По мнению большинства специалистов, пристройка была возведена через непродолжительный промежуток времени после церкви. На это указывают единство строительной техники, одинаковые по форме кирпичи, качество раствора [10, с. 52]; [9, с. 273–290].

По мнению Л.Г. Хрушковой строительство нартекса не входило в первоначальный замысел строителей. Во время строительства, стена «нартекса» перекрыла дверной проем (0,96 м) в южной стене нефа. При этом дверной проем был превращен в нишу [9, с. 278].

Сохранившееся части пола (в южном помещении, частично в нефе, хуже всего в нартексе) позволили констатировать, что покрытие состояло из двух слоев: нижний - известковый раствор, лежащий на слое гальки, верхний - раствор с примесью толченой керамики. В апсиде вымостка была выложена плинфой, покрытой цемяночной обмазкой. Южное помещение тоже было вымощено кирпичом, а юго-восточная часть нартекса - булыжником. Пол в апсиде и в дополнительных помещениях немного возвышался по сравнению с нефом [9, с. 278].

Южная пристройка имела вход с западной стороны и дверь, которая вела в наос. Она содержала шесть без инвентарных погребений под полом (ниже на 0.6 м.). Костяки в деревянных гробах (об этом свидетельствуют следы деревянного тлена) вытянутые на спине, головой на запад, положены. По мнению Л.Г. Хрушковой захоронения в гробах были сделаны после строительства пристройки, но до создания пола. Полом (как и в апсиде) служила кирпичная вымостка, покрытая сверху раствором. В районе южной стены выше уровня пола (0,24–0,28 м) находилась «гробница» (2,57х0,86 м.) сужающаяся к ногам (на 3–4 см). Северная стена была выложена из 3-х рядов кирпича, торцевые стены из мелкого камня на растворе, дно выстлано галькой, перекрытие было составлено из кирпичей на растворе. Гробница была единовременна полу (слой обмазки заходит на северную стенку гробницы). В гробнице открыт хорошо сохранившийся костяк женщины. От одеяния (или покрова) сохранились фрагменты золотых нитей и 50 полых сферических золотых бляшек, на руках было золотое кольцо из проволоки со штампованным изображением четырехлепестковой розетки на щитке, были так же найдены золотые серьги из тонкой проволоки, выполненные в ажурной технике, состоящие из трех элементов: кольца с

застежкой, треугольного щитка и трех проволочных подвесок. Щиток заполнен тремя кружками, вписанными в треугольник, который обрамляет волнистая линия. Нижний край щитка украшен напаянной зернью. У ног лежали зубы и клыки небольшого кабана, еще одно золотое кольцо, обрывок крученой золотой ленточки и петелька из серебряной проволоки. Возле западной стены *in situ* были открыты остатки пифоса, верхняя часть которого возвышалась над полом. Помещение могло совмещать мемориальные функции и пастофория.

В северной пристройке в юго-западном углу были открыты остатки костяков (в том числе 2 черепа), но не *in situ*. У восточной стены сохранились следы кирпичной кладки, по мнению Л.Г. Хрушковой это остатки скамейки. Дверь в помещение находилось в восточной стене со стороны апсиды, следы прохода в наос не просматривались. К юго-востоку от церкви, за апсидой находилось восемь без инвентарных грунтовых могил, расположенных в одном горизонте ниже на глубине около 0,8 м. Внутри самой церкви находилось 3 могилы, сложенные из кирпича и 11 грунтовых погребений под полом. Среди находок встречаются золотые бляшки, кольцо и перстень, ажурные серьги с зернью.

В северной части «нартекса» на глубине 0,93 м. ниже уровня пола была открыта гробница (2,3х0,6 м. к востоку сужается). Ее стенки были выложены из кирпичей, поставленных торцом, дно также выложено из кирпичей без раствора. Крышка отсутствовала, гробница была заполнена землей.

В 2021 г. у южного проема в стене нартекса ниже уровня пола было обнаружено безинвентарное погребение, ориентированное по линии запад-восток. Длина сохранившейся части костяка – 1,45 м. Сохранность костей, включая череп, крайне плохая, правая рука находилась на животе, левая на груди. Череп погребенного был перекрыт двумя плинфами – целой и лежащей на ней крупным обломком.

В 30-32 см к северу от конечностей погребенного был обнаружен юго-западный угол свинцового саркофага (2х0,6–0,35 м). Сохранность костей (мужчина ок. 50 лет) плохая. Инвентарь в погребении не обнаружен.

Значительное количество погребений как внутри самой церкви, в пристройках и вокруг комплекса говорят, в том числе и о ярко выраженных ее мемориальных функциях комплекса. Можно выделить группу погребений за пределами церкви, которые могли принадлежать прихожанам; внутри церкви и пристроенных помещений, под полом, такие погребения имели «привилегированный» характер, в них могли покоем ктиторов (жертвователи); особо выделяются погребения в саркофагах, которые были особо почитаемы, возможно принадлежавшие местной аристократии или клиру. Особо выделяется погребение в свинцовом саркофаге, что является достаточно редким явлением для всего позднеантичного мира и говорит об особом отношении к покойному. Возможно, это был представитель местной Ромейской администрации.

С севера и запада по предположению ряда исследователей «близ церкви, с северной и западной сторон, видны остатки помещений того же времени, что и церковь» [3, с. 127]. По мнению Л.Г. Хрушковой «остатки крепостных сооружений» [9, с. 275].

Таким образом, можно предположить, что христианский комплекс возник в V в. – период, предшествовавший Юстиниановской эпохи. Скорее всего, в середине VI в. церковь была перестроена, из центров Империи привезли элементы маморного декора, было пристроено ряд помещений. Церковь так же стала местом погребения представителей местной аристократии, ктиторов, возможно, и имперских чиновников. Дальнейшее исследование комплекса позволит пролить свет на особенности его конструкции и функционирования.

Источники и литература

1. Барамидзе М. В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В., Шамба Г.К., Квирквелия Г.Т., Чигшвили Т.Э. Основные итоги исследований на строительных площадках Абхазской АССР // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 90–98.
2. Воронов Ю.Н. Гиенос // Советская археология. 1976. № 4. С. 42–55.
3. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С. М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) // Вестник древней истории. 1987. № 1 (180). С. 126–146.
4. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Результаты исследования раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия в Абхазии в 1983 г. Тбилиси, 1987. С. 23–28.
5. Кобахия Б.С. Шамба С.М. Раскопки раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия 1983 г. М., 1984. С. 470.
6. Куфтин Б.А. Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов // Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да Шрома, 1950. С. 259–297.
7. Скаков А.Ю., Джогуа А.И., Акопян А.В., Ендольцева Е.Ю. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 39–50.
8. Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джогуа А.И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материала раскопок 2019-2021 гг. // ByzantinoCaucasica. М.: ИВ РАН, 2021. Вып. 1. С. 9–53.
9. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). М.: Наука, 2002.
10. Шамба С. М. Гюэнос-1. Тбилиси: Мецниереба, 1988.
11. Шамба С. М., Шамба Г. К. Раскопки древнего Гюэноса // Археологические открытия 1981-1982 гг. в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 19–22.

Джопуа А.И.

О ДРЕВНИХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ГОРНОЙ АБХАЗИИ

Абхазский государственный университет, г. Сухум

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты исследований экспедиции по учету группы памятников южного склона Абхазского участка Главного Кавказского хребта и имеет цель выявить закономерности расположения ацангуар в высокогорных лугах. Рассмотрены особенности строительства и последующего назначения сооружений. Сделан вывод об обоснованности традиционной точки зрения, согласно которой развитие высокогорных пастбищ происходило в поздней античности и раннем средневековье. Свидетельством этого является археологический материал датированный IV – VI вв. н.э. Предварительные результаты исследования представляют интерес для тех, кто занимается изучением памятников Кавказа.

Ключевые слова: ацангуары, Абхазия, археологические исследования, комплекс, урочище Химса, перевал Аданга.

Abstract. The article presents some results of the research of the expedition to record a group of monuments on the southern slope of the Abkhazian section of the Main Caucasus Range and aims to identify patterns in the location of atsanguars in high-mountain meadows. The features of construction and subsequent purpose of structures are considered. A conclusion is drawn about the validity of the traditional point of view, according to which the development of high-mountain pastures occurred in late antiquity and the early Middle Ages. Evidence of this is archaeological material dating from the 4th – 6th centuries AD. The preliminary results of the study are of interest to those who study the monuments of the Caucasus.

Key words: atsanguars, Abkhazia, archaeological research, complex, tract Khimtsa, pass Adanga.

Несмотря на то, что, история исследования древних архитектурных построек в высокогорной зоне Абхазии насчитывает порядка 150 лет, учет и археологическое изучение ацангуар имеет перспективное значение.

Горные районы Абхазии богаты памятниками историко-культурного наследия, в том числе ацангуар, о чем свидетельствует еще первое сообщение, сделанное в работе известного исследователя и путешественника Н.М. Альбова. В ходе работ по исследованию флоры Абхазии им были обнаружены и подробно анализированы ранее не упоминавшиеся в науке сооружения, отмечая, что они распространены почти во всех горах Абхазии и служили в древности пастушескими оградами. [1, с. 144].

В 1935 г. исследованию этих памятников посвятил работу М.М. Иващенко, который собрал сведения о 17 ацангуарах. Вместе с этим, М.М. Иващенко описал зону распространения памятников по Бзыбьскому хребту.

По результатам полевых работ археолог выдвинул следующее заключение: «Во всяком случае ацангуары культового значения. Это подтверждается нахождением их в альпийской зоне Кавказских гор». Ранее М.М. Иващенко выдвинул мнение о принадлежности строений к типу усыпальниц. [2, с. 79–83].

Аналогии подобным строениям приведены в монографии Н.И. Квезерели-Копадзе, изданной в 1955 г., которая посвящена исследованию древних дорог. По убеждению автора, подобные сооружения строились у троп, в особенности у перевалов, для остановки людей при долгих переходах через главный Кавказский хребет. В

подтверждение данного предположения, исследователь приводит встречающиеся в Швейцарских Альпах каменные дома, сложенные из плоских камней и имеющие подобную высоту строений. Однако, подобное мнение автора не подтверждал ни один из последующих исследователей этих памятников. Вместе с этим, по мнению Н.И. Квезерели-Копадзе, строительство ацангуар выполнялось аборигенным населением в военных целях, а также для защиты в мирное время. [3, с. 61–62].

В дело изучения ацангуар большой вклад внес этнограф Ц.Н. Бжания. В своей работе, в первую очередь, он опроверг все ранее имевшиеся гипотезы. Ученый ввел в научный оборот тезис о строительстве ацангуар пастухами и определил строения ранним средневековьем. Все ацангуары Ц.Н. Бжания делит на две возрастные категории: раннего и позднего средневековья, которые различаются по форме кладки основных и дополнительных строений. «Некоторые ацангуары строились с использованием известкового раствора», – утверждает исследователь [4, с. 127]. Следует отметить, что нами не выявлены ацангуары построенные с использованием известкового раствора.

Архитектурный стиль построек Ц.Н. Бжания делит на две категории: строения из двух и более помещений и изгородей, а также одиночные строения, расположенные на перевалах на расстоянии 100–200 м. друг от друга. При строительстве последних использовался крупный камень и техника подгонки выполнялась с большей точностью. Место строения и входные проемы всегда были ориентированы на условия местности. Преимущественное расположение входных проемов на восток автор связывает с культом солнца. Главным выводом в труде Ц.Н. Бжания является мнение о принадлежности ацангуар пастухам.

В деле изучения и датировки ацангуар работа профессора Ш.Д. Инал-ипа занимает знаковое место. Впервые исследователь составил карту распространения ацангуар, которая охватила весь южный склон и отроги главного Кавказского хребта от р. Бзыбь до р. Ингур. [5, с. 57–158].

Мнение Ш.Д. Инал-ипа и Ц.Н. Бжания сошлись в вопросе предназначения ацангуар. Однако, по мнению Ш.Д. Инал-ипа, время строительства относится к более ранней эпохе. Найденная исследователем керамика разновременная. А.Н. Соловьев датировал их II тыс. до н. э.

В 70-е гг. выходят в свет работы, посвященные исследованию ацангуар. Среди них публикации Н.Д. Бондарева, В.П. Пачулия, В.С. Орелкина, И.И. Цицишвили, С.Н. Цушба.

Неоценимый вклад в дело изучения древностей альпийской зоны Абхазии внес Ю.Н. Воронов. В ходе многолетних разведок исследователь собрал и обработал более 1000 фрагментов подъемного материала. Среди них пифосы, терочник и другие фрагменты бытовой керамики, относящиеся к VI–VIII вв. Вместе с этим он составил карту распространения известных ему ацангуар [6, с. 37].

В 1980-х гг. институтом Археологии Академии наук СССР проводились исследования в урочище Башкапсара, где была изучена группа ацангуар. Весь археологический материал, добытый в результате систематической шурфовки, связан с пастушеским хозяйством и датируется пока лишь античностью и ранним средневековьем, за исключением двух неолитических скребков, найденных в нижних слоях.

Многочисленные фрагментированные части глиняных сосудов, стеклянная бусина, обнаруженные при раскопках 1987 г. А.И. Джопуа, по аналогиям из других памятников, датировал VI–X и IV–V вв. соответственно. [7, с. 1–13].

Экспедиция Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия в рамках реализации программы инвентаризации объектов историко-культурного наследия горной Абхазии выполнила комплексные мероприятия по разведке, топографической съемке ранее выявленных объектов, находящихся в

альпийской и субальпийской зоне Абхазии. Работы проводились в массивах Дзыхуа, Химса и Аданга, о характеристике которых посвящена работа далее.

Альпийские луга Дзыхуы расположены на высоте от 2300 м. Отдельные вершины Дзыхуы доходят до 2800 м. Гора находится в юго-восточной части горного массива Химса, от которой ее отделяют 3000 м. На горе многочисленные ниши, которые теперь заполнены неглубокими озерами. В самом верху она усеяна каменными осыпями, скалистыми формами и остроугольными глыбами.

Дзыхуа немного отличается на западе и востоке. В районе урочища Гургиза, на востоке, имеет острые очертания, и представлена смесью скал, впадин и разрушений. На западе рельеф более рассеченный, вершины не очень высокие, округлые.

Особенности строения рельефа повлияли на архитектуру многочисленных древностей, которые фиксировались в ходе двух экспедиций на Дзыху. В первой, на востоке, зафиксировано 4 комплекса строений и печь. Экспедиция на юго-западную часть Дзыхуы позволила выявить еще 13 комплексов, среди которых разноплановые по архитектуре строения и печи.

Наиболее изученный нами комплекс сооружений 1, расположенный в урочище Гургиза, в 4 км. от озера Кот-кот, состоял из 15 отдельно расположенных ацангуар, и одной ограды хозяйственного назначения, к которой примыкала печь, расположенная в северо-западной части комплекса [рис. 1].

Общее количество зафиксированных нами сооружений на массиве Дзыхуа 191 строение, расположенные территориально обособленно. По этой причине они были нами разбиты на 12 комплексов.

Химса – горный массив и урочище в центральной Абхазии, находящееся на южном склоне главного Кавказского хребта. Западная вершина его достигает высоты 3899 м., а восточная – 3138 м., разделены ледником Химса. По всему урочищу Химса тянется одноименная река, которая берет свое начало от талых вод ледника. С востока, Химса заканчивается Восточно-Гумистинским ущельем. С юга урочище окаймляет одноименный перевал.

Область распространения ацангуар охватывает урочище Химса и южный склон перевала. Здесь зафиксировано девять комплексов. Последний комплекс строений находился в 700 м. от урочища, у истоков р. Мцара. Общее количество достигает 110 ацангуар, состоящие из 150 строений. Часть памятников этой местности известна из материалов Ю.Н. Воронова. О массивности ацангуар можно судить по размерам одного из сооружений комплекса 1. Здесь имеется большой загон с двумя маленькими приделами неправильной формы. Хорошо сохранившиеся стены высотой от 1 м. до 1,5 м. Имеет овальные выступы. Развал камней на каждый погонный метр 5–6 ед. Средний размер камней 0,5 x 0,4 м. Наибольшая высота у восточного угла строения 1,5 м. Ширина входного проема 1,05 м., сохранившаяся высота 1,02 м. Наибольшая высота северной стены 1,2 м. Ширина стены у восточного угла 0,8 м. Ширина входа в восточное помещение 1,9 м. Высота стены у входа в центральное помещение 1,3 м.

Все сооружения расположены на берегу водоемов, ориентированы относительно условиям местности, находятся приблизительно равноудаленно друг от друга.

Перевал Аданга расположен в 3 000 м. от Главного Кавказского хребта. Склоны подножия хребта представлены горизонтальными террасами, которые завершаются уступами. Перевал является частью водораздела между Кодорским ущельем и Бзыбью.

Южный склон горы Аданга издревле известен своими полиметаллическими проявлениями [7]; [9]. Аданга испещрена медными выработками III тыс. до н. э. Наряду с этим, в высокогорных лугах урочища Башкапсара расположены и ацангуары. В данной местности нами зафиксировано 4 комплекса сооружений, раскопки которых проводились во второй половине 1980 х гг. А.И. Джопуа. Неоспоримым

фактом является ранняя датировка сооружений, которая относит их к периоду не позднее первой половины I тыс. н.э.

Таким образом, с учетом аэроразведок в альпийской и субальпийской зоне Очамчирского района, а также аналогичных разведок в Гудаутском и Гагрском районах, нами зафиксировано в общей сложности 303 ацангуары. В некоторых случаях, как сообщается выше, они имели внутри себя различные сооружения, сообщаемые оградями. При постройке жилых помещений применялась панцирная кладка насухо. Крупные обломки шли в облицовку, более мелкие – в забутовку. Изнутри стены обычно делались ровными, снаружи они заметно расширялись к цоколю. Такой же кладкой оформлялись наличники дверей, где камни отличаются большими размерами, а иногда применяются вертикально поставленные плиты. Фундаменты в ацангуарах отсутствуют, кладка стен начинается от поверхности почвы. Стены хозяйственных построек имеют ту же структуру, но они тоньше и ниже, сложены из более мелкого камня. Ограды для скота возводились обычно из крупных обломков камня в один, реже в два ряда. Пространство между глыбами заполнялось мелким обломочным материалом. В ориентировке как жилых, так и служебных построек наблюдаются закономерности, связанные с учетом локальных особенностей местности.

Скотоводство являлось основным занятием древних людей. Хозяйственные ограды сохранились не более 0,5 м. в высоту. В средневековье, по мнению А.И. Джопуа, в силу каких-то социально-экономических сдвигов или возможного изменения климата альпийская зона Абхазии пустеет. Во всяком случае в ацангуарах не обнаружены следы жизнедеятельности пастухов ни в этот, ни в более поздний период. Материалы, выявленные в некоторых ацангуарах, свидетельствуют о том, что уже в XI–XV вв. в народе представление об ацангуарах, как о жилищах пастухов, было в основном изжито. В это время отдельные строения, расположенные у перевалов и вершин, превратились в места для жертвоприношений. Одним из таких примеров является зафиксированное нами сооружение, предположительно ритуального назначения.

В заключение следует сказать, что отгонное скотоводство, свидетельством которого были ацангуары, являлось экономической подоплекой образования и расцвета Абхазского царства.

Источники и литература

1. Альбов Н.М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. ЭКОИРГО, 1894. Т. XVI. С. 140–155.
2. Ивашенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. ИНИИК, 1935. Вып. 3. С. 79–83.
3. Квезерели-Копадзе Н.И. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1955. С. 61–62.
4. Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов: этнографические очерки. Сухуми: Алашара, 1968. С. 127.
5. Инал-Ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971. С. 57–158.
6. Воронов Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров. СЭ. 1973. № 6. С. 37.
7. Джопуа И.А. Раскопки Башкапсарских ацангуар: научный отчет. Сухум, 1987. 25 с.
8. Хомерики Г.С., Жордания В.В. Медно-полиметаллические рудопроявления Западного Кавказа / Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988. С. 9.

Рис. 1. Печь в комплексе сооружений 1 в урочище Гургиза

Габелия А.Н.

ОБ АМФОРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ АБХАЗИИ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Абхазский государственный университет, г. Сухум

Аннотация. Наличие гончарного дела, обеспечивавшие потребности населения в посуде и таре, требовавшие определенных технических и экономических условий. Наличие такого производства свидетельствует об определенном экономическом, техническом и культурном уровне развития общества. Среди многочисленного материала Сухумской крепости видное место занимают амфоры, облики которых в значительном количестве встречаются в культурных напластованиях различных слоев. Они разнообразны по форме, составу глины, выделке, времени и центру изготовления. Амфорный материал Сухумской крепости разнообразен как по форме, так и по технологии изготовления. Здесь наряду с местными встречаются амфоры южно-понтийского, средиземноморского и Северо-Причерноморского происхождения.

Ключевые слова: Севастополь, Диоскуриада, Колхида, амфора, технологические признаки, античная эпоха.

Abstract. The presence of pottery, which provided the needs of the population in dishes and containers, which required certain technical and economic conditions. The presence of such production indicates a certain economic, technical and cultural level of development of society. Among the numerous materials of the Sukhumi Fortress, amphorae occupy a prominent place, the images of which are found in significant numbers in the cultural strata of various layers. They are diverse in shape, clay composition, dressing, time and place of manufacture. The amphoric material of the Sukhumi Fortress is diverse both in form and in manufacturing technology. Here, along with the local ones, there are amphorae of South Pontic, Mediterranean and North Black Sea origin.

Key words: Sebastopolis, Dioscuriada, Colchis, amphora, technological signs, the ancient era.

В античное время на территории Абхазии существовал целый ряд греко-местных и римских населенных пунктов (Диоскуриада, Гиенос, Эшера, Севастополь, Питиунт и др.) с развитым сельским хозяйством ремеслами и торговлей. Значительную роль в ремесленном производстве играло гончарное дело, обеспечивавшее бытовые потребности населения в посуде и таре, требовавшие определенных технических и экономических условий. Наличие такого производства свидетельствует об определенном экономическом, техническом и культурном уровне развития общества, о существовании потребности морской транспортной тары – амфор. Изготовление амфор является довольно сложным в техническом отношении, требующем хорошего знания свойств глины и наличия специальных обжигательных печей.

Материалы раскопок Сухумской крепости (античные слои Диоскуриады и Севастополя) позволяют существенно расширить наши представления об амфорном производстве на территории античной Абхазии.

Среди многочисленного материала Сухумской крепости видное место занимают амфоры, обломки которых в значительном количестве встречаются в культурных напластованиях различных слоев. Они разнообразны по форме, составу глины, выделке, времени и центрам изготовления. Их датировка, классификация и определение места изготовления возможно только после тщательного изучения всего

материала. Здесь же мы ограничимся выводами, полученными после предварительного изучения.

Наиболее многочисленной группой амфор является т.н. колхидские амфоры с перехватом. Это коричневоглиняные, из довольно рыхлой глины различных оттенков коричневого цвета, с большим количеством минеральных примесей (табл. 1,2).

Ранние типы колхидских амфор датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. (по материалам Вани, О.Д. Лордкипанидзе). По мнению исследователей, эти амфоры повторяли форму синопских. Позже в морфологии колхидских амфор происходят определенные изменения. А к концу III–II вв. до н.э. они утрачивают сходство с синопскими и приобретают свою оригинальную форму: корпус удлиняется, горло становится коротким, на нем появляется припухлость и слабо выраженный перехват посередине тулова. Исследователи считают, что перехват первоначально был связан с заделкой технологического шва между двумя половинами амфоры. В первых веках нашей эры коричневоглиняные колхидские амфоры подвергаются некоторым изменениям. У них короткое горло, плавно переходящее в округлые плечики, возможно тулово с перехватом. Особенностью этих амфор является наличие на горле ребра. Несколько экземпляров таких амфор (верхние части), обнаруженных нами при зачистке культурных напластований рубежа эр.

Для позднеантичной и раннесредневековой эпох колхидские амфоры классического типа с ярко выраженным перехватом становятся неотъемлемым инвентарем. В данном случае в напластованиях Сухумской крепости часто встречаются амфоры с перехватом различных размеров, цвета и глин. В таких амфорах были совершены два детских погребения.

Другая группа представлена узкогорлыми амфорами; они встречаются в нижних горизонтах второго слоя. Встречаются амфоры из светло-коричневой, хорошо отмученной глины. Горло цилиндрическое, изнутри гофрированное, валик выделен и слегка свисает, ручки в сечении овальные. В напластовании второго культурного слоя встречаются фрагменты светлоглиняной амфоры, в основном фрагменты стенок и конической формы ножки (Табл. 4, 1, 2).

В нижних напластованиях Сухумской крепости найдены красноглиняные амфоры местного производства, у которых дугообразная ручка начинается у плеч и соединяется с туловом (табл. 3). Этот тип амфор уникален и характерен для Абхазии. Часты находки светлоглиняных амфор с двустольными ручками косского происхождения, датируемые рубежом нашего летоисчисления.

Амфоры позднего типа в большом количестве встречаются в верхнем культурном слое; это в большей части округлодонные, бороздчатые амфоры с очень коротким и широким горлом, с небольшими петлевидными ручками-ушками в верхней части. Амфоры эти имели, по всей видимости, специальное функциональное назначение, нежели основные типы амфор (Табл. 4. 4–6).

Предварительный анализ амфор Сухумской крепости позволил установить, что в позднеантичную эпоху здесь присутствовали колхидские амфоры двух разновидностей. Одни из них принадлежат хорошо известному и довольно широко распространенному типу с резким ребром под венчиком (табл. 2. 1–3). Внутри горла этому ребру соответствует угловатый желобок. Но нужно отметить, что, при общем морфологическом сходстве сухумских амфор с подобными сосудами из других регионов, они выделяются некоторыми технологическими признаками. Так, у них сохраняется завиток на внутренней стороне ножки, так называемая «улитка». Она образовалась в результате изготовления ножки методом спирального жгутового налепа. Такая техника формирования ножки была характерна для всех колхидских амфор эллинистического времени, а в III веке снова встречена только у амфор из Сухумской крепости. У этих амфор и горло формировалось налепной техникой, являясь особенностью Сухумских амфор.

Кроме того, т.н. сухумские амфоры выделяются и по глине – они имеют разнообразный цвет от светлого до серо-коричневого. В качестве примеси в ней использован песок с кварцем и шпатом. Все эти признаки соответствуют природному сырью из района Сухума (Внуков С.Ю.). Так что данные амфоры, по всей видимости, являются местной продукцией.

Вторая разновидность колхидских амфор из Сухумской крепости является довольно необычной. Это небольшие сосуды с валикообразным или невыделенным венчиком, маленькими изогнутыми ручками и прямым, слабо припухлым или расширяющимся кверху горлом без ребра под венчиком. Эти амфоры изготавливались методом вытягивания, у них нет никаких следов спирально-налепной техники. Различаются они по глине.

Таким образом, среди амфор Сухумской крепости колхидские амфоры представлены двумя морфологическими разновидностями, принадлежащими разным технологическим традициям. Некоторые из этих амфор, по всей видимости, являются местной модификацией общеколхидской формы. Другие, довольно редкие, являются местными, но из другого центра Абхазии.

В IV в. в амфорном комплексе Сухумской крепости наблюдаются существенные изменения; резко преобладают сосуды местного производства, постепенно исчезают сосуды второй разновидности, происходит формирование новой формы. [3, с. 1–3].

Таким образом, амфорный материал Сухумской крепости разнообразен как по форме, так и по технологии изготовления. Здесь наряду с местными встречаются амфоры южно-понтійского, средиземноморского и Северно-Причерноморского происхождения. Наиболее многочисленна местная или изготовленная на месте по импортным образцам. По всей видимости, Севастополь был центром производства колхидской, из коричневоглиняной, тары. Такое производство могло начаться здесь еще в конце IV в. до н.э., эллинистическую эпоху. Особого размаха оно достигло в позднеантичную эпоху. Этот весьма информативный материал свидетельствует о торгово-экономических связях Севастополя с внешним миром (табл. 1–4).

Материалы раскопок Сухумской крепости позволяют существенно дополнить и уточнить наши представления об амфорном производстве на территории Абхазии и всей Колхиды. По всей видимости, Диоскуриада-Севастополь были в числе центров-производителей колхидской или «коричневоглиняной» тары. Такое производство могло начаться здесь еще в конце IV до н.э. Особого размаха оно достигло в поздний римский период, когда Колхида активно экспортировала свою продукцию практически по всему Причерноморью и за его пределы.

Источники и литература

1. Внуков С.Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных а-мфор. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 10, М., Магнитогорск; 2001.
2. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э.–II в. н.э. (морфология). М., 2003.
3. Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2004.
4. Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды. Т. II. Сухуми, 1969.
5. Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.Н. Исследования древнего Севастополя. СА. № 3. 1960.
6. Цецхладзе Г.Р. Производство амфорной тары в Колхиде. Греческие амфоры. Саратов, 1992.

Таблица 1

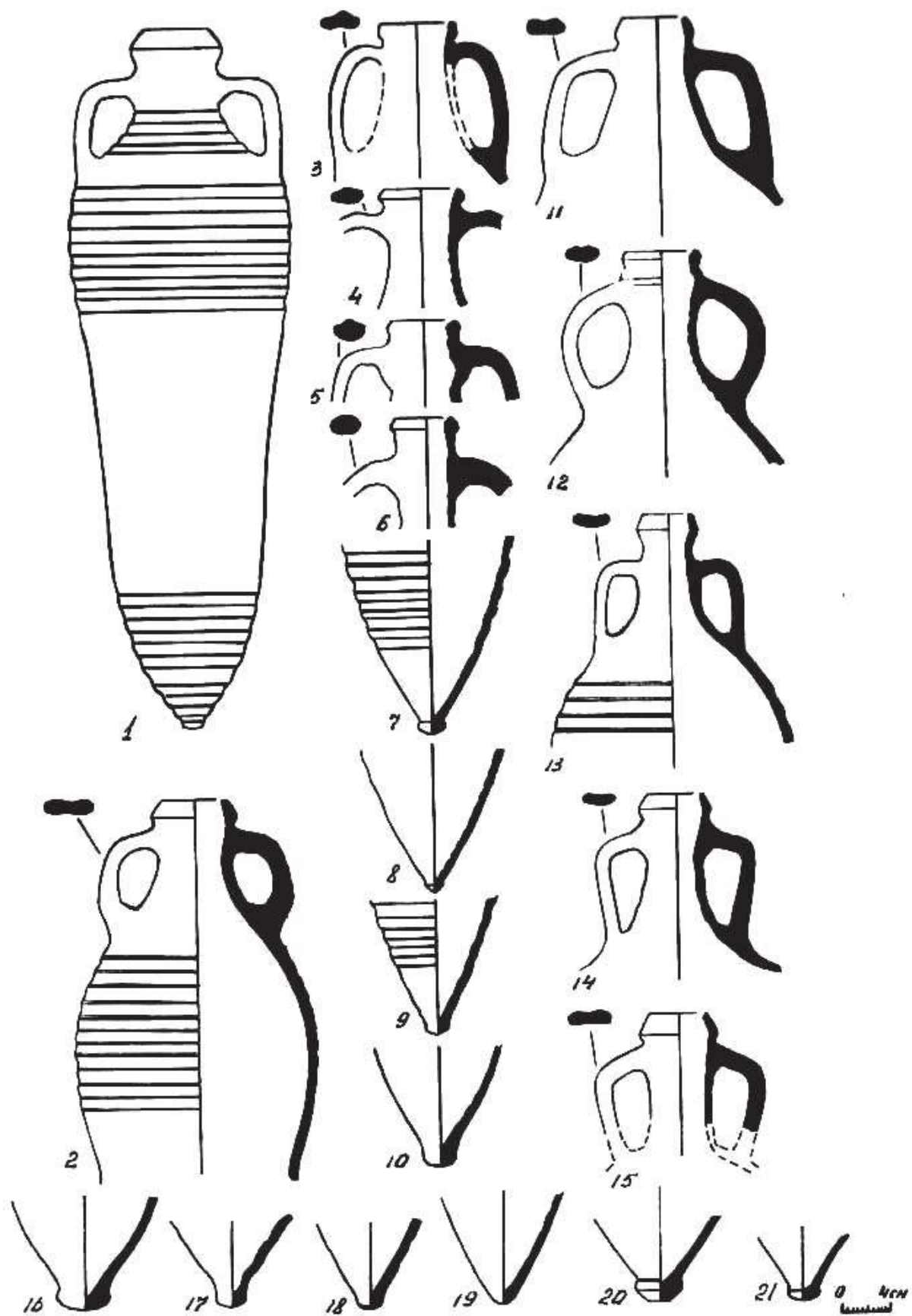

Таблица 2

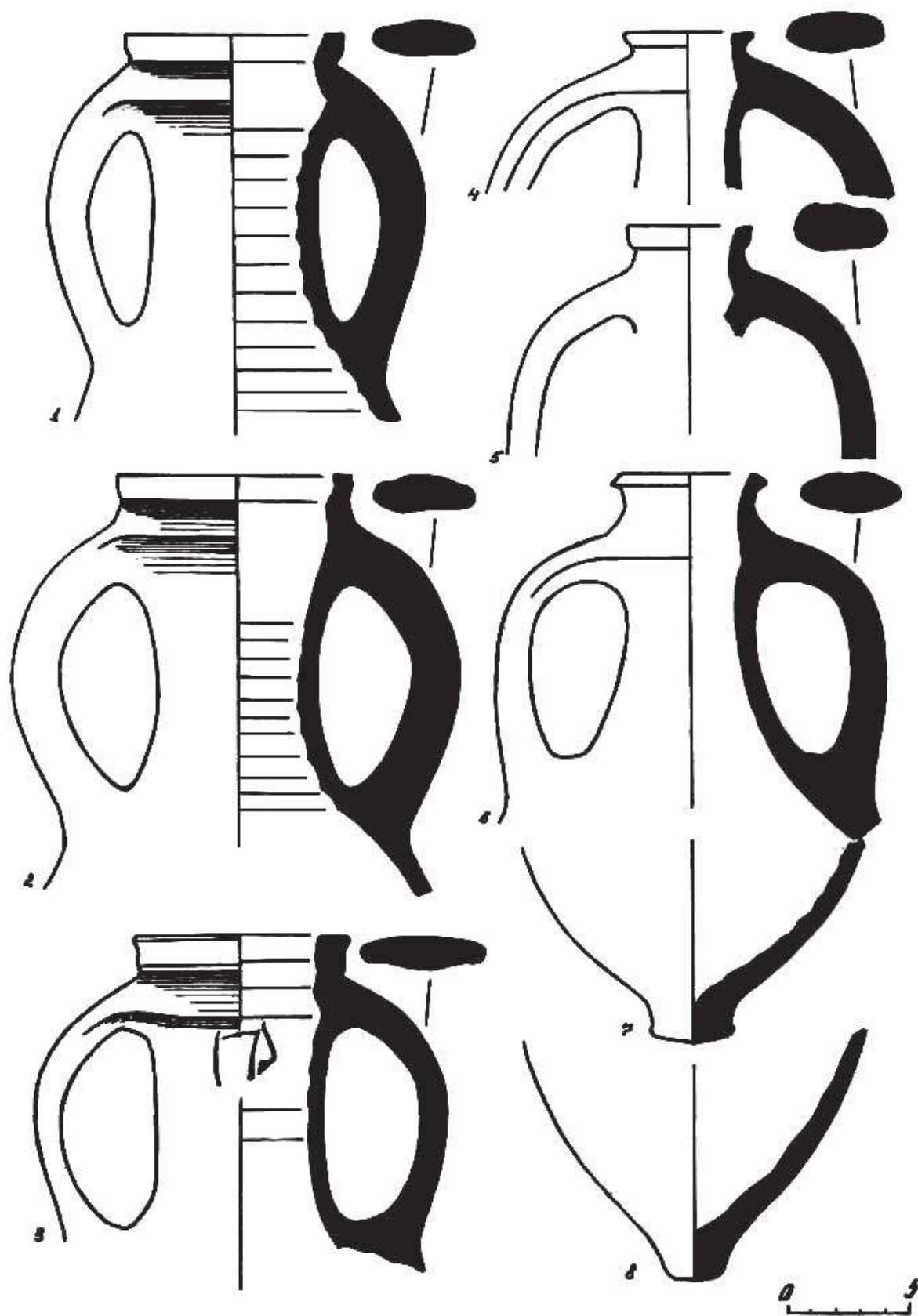

Таблица 3

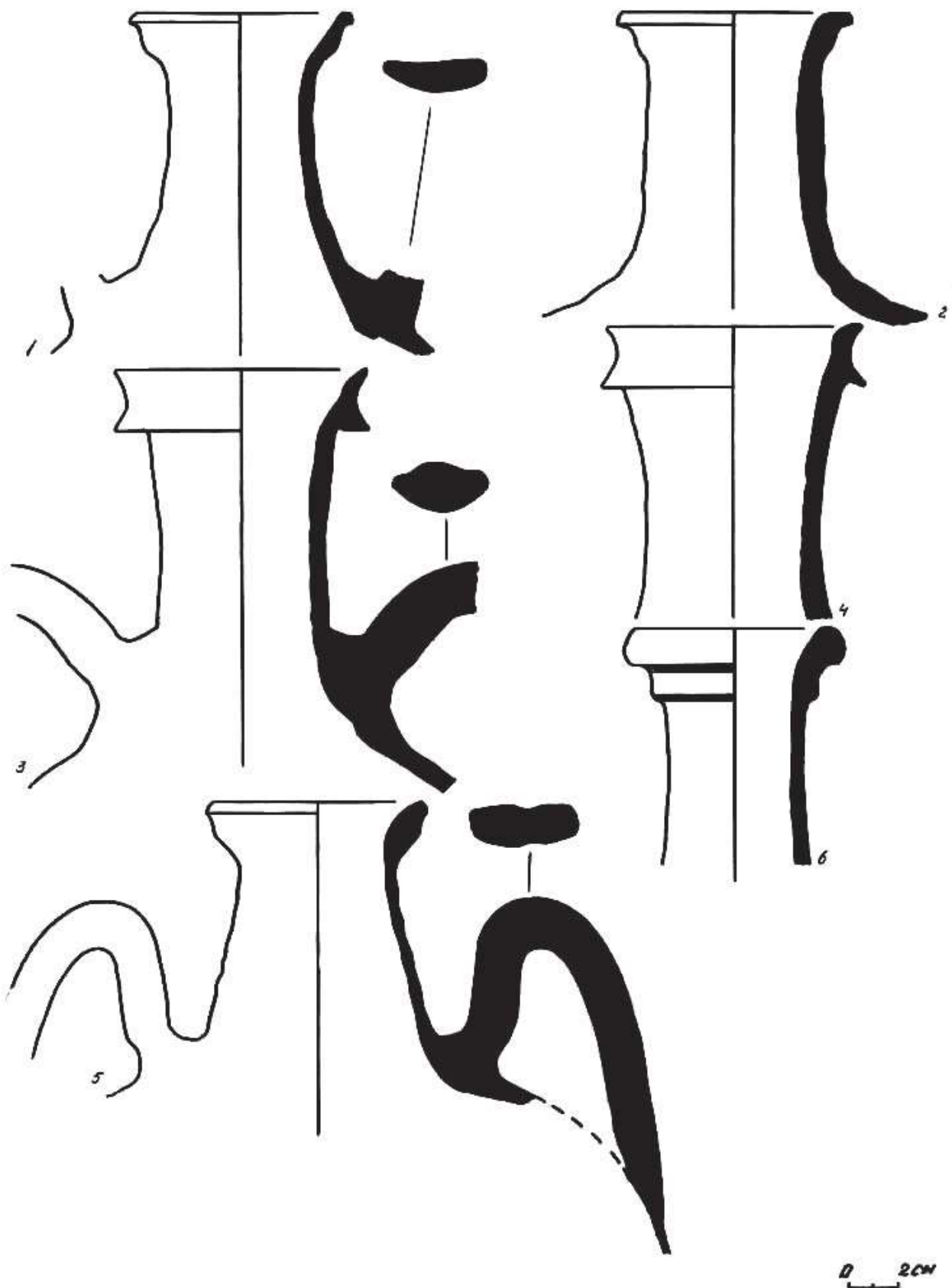
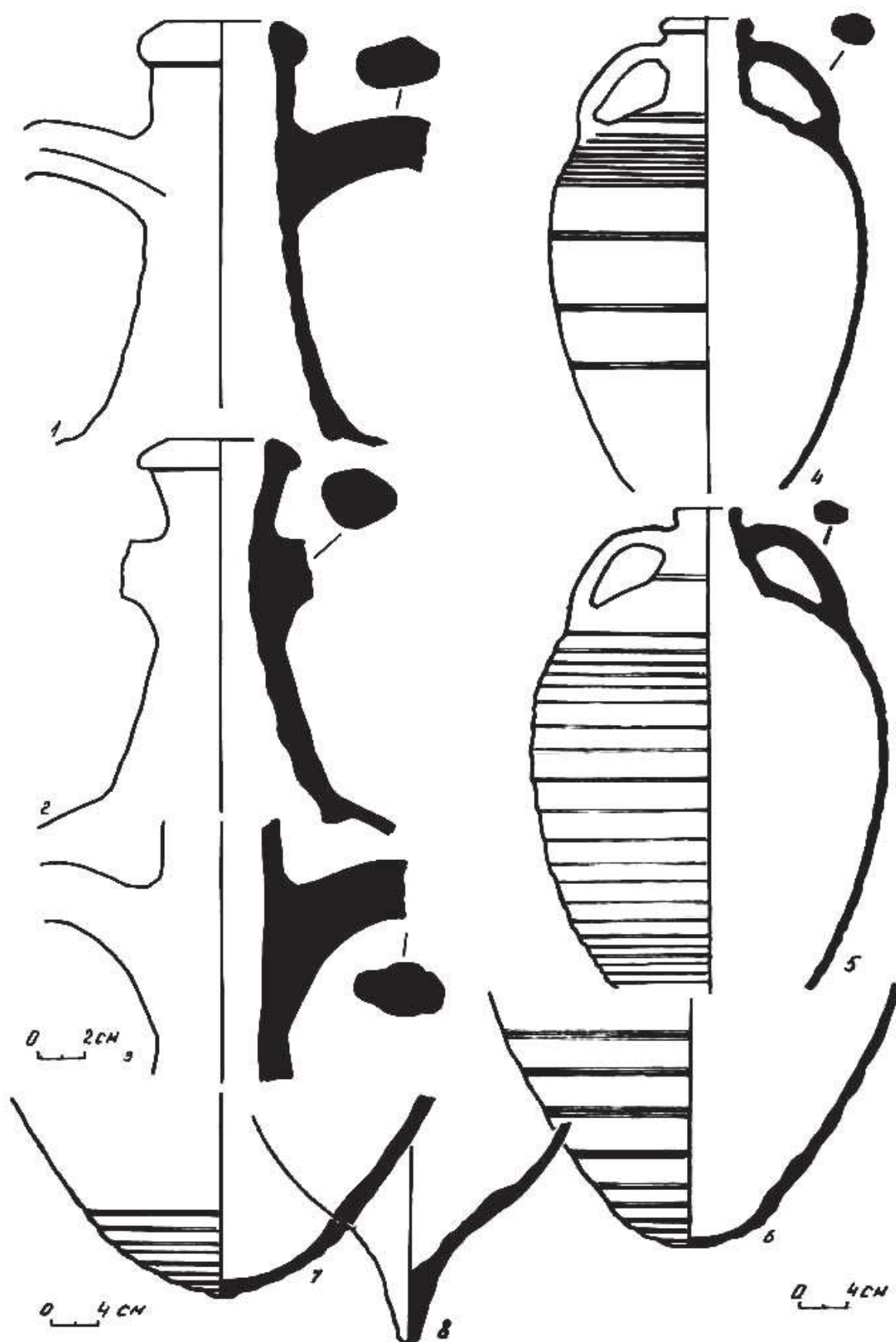

Таблица 4

Счастный Д.А.

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МЕЧИ СО СЛЕДАМИ РЕМОНТА ИЗ АБХАЗИИ

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, г. Сухум

Аннотация. Статья посвящена одному из самых дорогих и статусных видов наступательного вооружения древнеабхазских воинов – двулезвийным мечам. По причине их особой ценности даже сильно поврежденные мечи местные древние мастера старались реанимировать, соединяя две части оружия вместе посредством металлических пластин. Целью исследования стала попытка доказать факт ремонта нескольких таких мечей из Абхазии.

Ключевые слова: меч, Республика Абхазия, ремонт оружия, Поздняя античность, раннее средневековье.

Abstract. The article is devoted to one of the most expensive and status types of offensive weapons of ancient Abkhazian warriors – double-edged swords. Because of their special value, even badly damaged swords, local ancient masters tried to revive them by connecting the two parts of the weapon together by means of metal plates. The purpose of the study was an attempt to prove the fact of repair of several such swords from Abkhazia.

Key words: Sword, Republic of Abkhazia, weapon repair, Late antiquity, early Middle Ages.

История меча в современном понимании этого слова восходит ко времени освоения человеком металла, но массовое распространение данный вид оружия получает только с эпохи бронзы, а наибольшую популярность приобретает с открытием железа. С тех пор форма и размеры меча претерпевают многочисленные изменения. С развитием металлургии железа качество колюще-рубящего и режущего оружия значительно повышается. У одних народов и целых империй меч становится неотъемлемой частью вооружения, у других – возводится в культ. На территории современной Абхазии в период II-VII вв. меч получает широкое распространение и зачастую связывается исследователями с социальным статусом мужчины-воина.

Отдельного внимания заслуживает серия мечей с металлическими накладками, обрамляющими основание клинка и образующими что-то вроде уплощенного стакана. В Абхазии известно четыре таких экземпляра: могильник Абгьдзраху, погребение 12 III-IV вв. (Рис. 1, 1) [16, с. 35, табл. VI, 15]; погребение на участке В. Смыр в с. Анхуа I-IV вв. (Рис. 1, 2) [9, с. 77, табл. XLVII, 3; 6]; могильник Абгьдзраху, погребение № 44 III-IV вв. (Рис. 1, 3) [16, с. 68, табл. XXII, 17]; могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение № 5 сер. – втор. пол. VI в. (Рис. 1, 4) [5, с. 172, рис. 5, 27]. В отечественной литературе отсутствуют какие-либо внятные объяснения о функциональном предназначении данных металлических элементов. Как правило, авторы ограничиваются лишь общим описанием мечей с накладками. В одних случаях их называют утолщениями у основания клинков, или утолщениями с узенькими змеевидными выступающими головками [16, с. 35, 68], в других – накладками из железных пластинок, концы которых имеют якоревидную форму («украшение»), или фигурными накладками, приваренными к лезвию ниже перекрестья [9, с. 77]; [7, с. 130]. Необычный внешний вид мечей с накладками послужил даже основой для

создания современной реплики меча «Апсилика» мастерами Б.Р. Джапуа, Э.А. Какава и Т.С. Дзидзария, подаренного первому президенту Республики Абхазия В.Г. Ардзинба и экспонирующегося ныне в Государственном музее Боевой Славы имени В.Г. Ардзинба. В этом случае накладки из дамасской стали позиционируются как усиливающие место перехода от клинка к черенку. Здесь важно отметить, что задуманы и изготовлены они были вместе с мечом, т.е. являлись неотъемлемой частью клинка с самого начала.

Для более полной характеристики каждого из трех экземпляров мечей мною были проведены их обмеры. Характеристики четвертого меча, в связи с его недоступностью, приведены по рисунку и описанию М.М. Трапш.

Могильник Абгьдзраху, погребение 44. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2,5 см). Кончик меча утрачен. Общая длина – 87,5 см, максимальная ширина – 4,7 см, толщина – 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан линзовидного сечения, высота стакана вместе с грибовидной головкой – 15,7 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 3,5 см, ширина ножки грибовидной головки – 1 см, ширина шляпки – 1,7 см, высота – 1,5 см. Толщина стакана по всей длине – 0,7 см. Стакан плавно переходит в черенок, с максимальной толщиной – 0,6 см и шириной – 2 см. На конце черенка сохранился гвоздик для крепления накладки рукояти. Навершие меча выполнено в виде известковой плоской бусины кольцеобразной формы, диаметр ее окружности – 3,3 см, у конца – 2,5 см.

Погребение из с. Анухва. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2 см). Часть меча, начиная от плечиков на 23 см однолезвийная. Толщина обуха в этом месте – 0,6-0,5 см. Длина сохранившегося фрагмента меча – 64 см, ширина – 3,9 см, толщина – 0,4 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Форма стакана повторяет сечение клинка в этой части (клин). Высота стакана вместе с грибовидной головкой – 11,4 см, высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 4,4 см, максимальная ширина ножки грибовидной головки у основания – 2 см, минимальная ширина (под головкой) – 0,5 см, ширина шляпки – 2,7 см, ширина отростков шляпки в средней части – 0,4-0,5 см. В центре шляпки имеется штифт высотой – 0,2 см, диаметром – 0,35 см. Толщина стакана у основания – 0,6 см и увеличивается ближе к грибовидной головке до 0,9 см за счет коррозии металла. Стакан частично разрушен, с одной стороны отсутствует часть шляпки грибовидной головки, а с другой – головка утрачена полностью. Максимальная толщина черенка – 0,6 см, ширина – 2,3 см. В этом месте оставшаяся часть стакана отслаивается от плоскости меча. С этой же стороны видно, что клинок меча, заходя в стакан, начинает сужаться. На черенке сохранился след от гвоздика для крепления накладки рукояти.

Могильник Шапка – Церковный холм 4, погребение 5. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью шириной около 2,5 см). Общая длина – 88,5 см, максимальная ширина – 5 см, максимальная толщина клинка – 0,4 см. Плечики скрыты под гардой. Стакан прямоугольной формы, высота вместе с грибовидной головкой – 7,2 см, ширина – 4,6-5 см (стакан частично утрачен), высота грибовидной головки (ножка и шляпка) – 4,5 см, ширина ножки грибовидной головки – 1,3 см, диаметр круглой шляпки – 2,5 см. Максимальная толщина стакана у основания ножки грибовидной головки – 1,1 см. С одной из сторон стакана, в его средней части видны две плохо сохранившиеся серебряные пластинки. Максимальная толщина черенка – 0,7 см, ширина – 2,6 см. Под гардой сохранились древесные следы от рукоятки. Гарда бронзовая в форме ромба, длина – 6 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,5 см. Со стороны черенка сохранился овальный отпечаток от деревянной рукояти – 4,1х1,9 см. Рядом с мечом найдена хрустальная бусина (навершие рукояти).

Могильник Абгьдзраху, погребение 12. Меч двулезвийный призматического сечения (с уплощенной средней частью). Общая длина – 75,5, максимальная ширина – 5,8 см. Плечики у места перехода к черенку косые (имеют плавный изгиб). Стакан (утолщенная часть) с обеих сторон имеет прямоугольные язычковидные выступы, направленные в сторону острия клинка. Навершием рукояти меча служила кварцевая бусина округлой формы, диаметр – 2,1 см, диаметр отверстия – 0,6 см [16, с. 35, табл. VI, 15].

Загадка металлических накладок на мечах, возможно, не была бы разгадана еще какое-то время, если бы ни исследование одного катакомбного погребения № 33 могильника Кичмалки II в районе Кабардино-Балкарской Республики. В состав погребального инвентаря входили длинный двулезвийный меч с портупейной крупной янтарной бусиной-подвеской и короткий двулезвийный кинжал с серебряной позолоченной орнаментированной накладкой на ножнах и U-образной бутеролью (Рис. 2, 1, 2). Оба клинка были снабжены т.н. подпрямоугольными муфтами линзовидного сечения с дуговидным краем [2, с. 13–16]; [3, с. 238]. Местоположение муфт и общие характеристики данных клинков находят много общего с экземплярами из Абхазии, о чем упоминают и сами авторы.

С целью получения новых данных меч и кинжал из Кичмалки II были подвергнуты рентгенографическому исследованию, которое показало, что муфты являются следами ремонта, т.е. в древности клинки были обломаны в районе перекрестья и реставрированы путем скрепления двух частей (клинок и хвостовик) пластинами на круглых в сечении сквозных штифтах (Рис. 2, 1а, 2а).

Предположение авторов о том, что абхазские клинки могут быть отремонтированы аналогичным способом, послужило для меня поводом проведения их рентгенографического исследования в одном из отделений Сухумской городской клинической больницы. Из фондов и экспозиции Абхазского Государственного музея мною были отобраны три из четырех вышеупомянутых меча. Рентгеновские снимки каждого из них показали, что клинки были действительно отремонтированы в древности (Рис. 1, 2а, 3а, 4а). На снимке меча из погребения № 44 могильника Абгьдзраху видно три четких круглых силуэта штифтов: один в центре грибовидной головки стакана, а два других по углам. Над ними хорошо просматривается горизонтальная линия излома клинка. Второй меч, из погребения № 5 могильника Шапка – Церковный холм-4, судя по снимку, имеет уже четыре аналогичных силуэта: один в центре грибовидной головки стакана, два по бокам стакана, ближе к его середине и четвертый на уровне плечиков меча на одной оси с первым силуэтом. Третий меч, из с. Анхуа, с первого взгляда выделяется своей необычностью – наличие одновременно однолезвийной и двулезвийной частей клинка, и причудливая форма грибовидной головки его стакана, напоминающая якорь, а также семь силуэтов от штифтов на рентгеновском снимке. Первый силуэт просматривается в центре головки стакана, а все остальные попарно в три ряда поднимаются к плечикам меча, повторяя форму клинка, которая начинает резко сужаться под накладками. На черенке меча, ближе к концу, также хорошо виден след от гвоздика/заклепки, скрепляющего накладку рукояти. У плечиков меча наблюдается три похожих отпечатка, выстроенных вертикально, возможно, это следы ремонта черенка.

Надо полагать, что и меч из погребения № 12 могильника Абгьдзраху (Рис. 1, 1), который мне не удалось найти, был так же отремонтирован в древности.

Что касается аналогий отремонтированным с помощью металлических накладок клинкам из Абхазии, то сегодня их известно довольно мало. Здесь сразу следует отметить, что приведенный в работе Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао пример поздне-римского меча из Польши, который якобы имеет «нечто подобное», на самом деле не имеет накладок [7, с. 130]; [18, tabl. V, 1]. Зато авторами статьи о двух мечах из могильника Кичмалки II приводится несколько вариантов реставрации клинков

более простыми способами. Первый – когда к обломанному клинку черенок прикреплялся с помощью заклепок. Это погребение гуннского времени из Федоровки, или позднеримский меч III в. типа Лауриакум-Хромовка из скопления А в Иллерупе [3, с. 243]. Второй способ – когда сохранившийся фрагмент черенка наращивался при помощи вставленного в разрез раскованного штыря, например, меч типа Майнц первых веков н.э. из Ядовники Мокре в Польше [3, с. 243]; [10, с. 186, табл. 34, 1]; [19, с. 622, kat. A321, 16, taf. 105; 20, fig. 2]. Другой пример меча происходит из склепа 88, п. 5 могильника Лучистое Юго-Западного Крыма. Его клинок вставлен в пропиленную нижнюю часть черенка и укреплен заклепкой [1, с. 108, рис. 82, 1]. С конструктивной точки зрения, представляет интерес еще один клинок из Цебельды (Рис. 1, 5) [4, с. 191]. Авторы статьи называют его кинжалом, уточняя при этом, что изначально изделие было мечом с дамасским строчечным орнаментом. Кроме того, к его клинку грубо прикреплен железная рукоять плохого качества, а место стыка хорошо читается на рисунке в виде горизонтальной линии и отмечено стрелкой.

Как мне представляется, все перечисленные мечи могут оказаться дамасскими и демонстрируют высокую ценность подобного клинкового оружия в воинской среде своего времени. При поломке меча его не выкидывали и не пускали на вторсырье, а старались дать вторую жизнь. В случае с рассмотренными экземплярами из Абхазии древними мастерами была сохранена изначальная форма и, возможно, функциональное назначение данного вида оружия. Скорее всего, это обусловлено характером поломки, местом излома и длиной сохранившегося клинка. В тех случаях, когда повреждалась часть клинка ближе к хвостовику, меч оставался самим собой – для него изготавливали стакан из двух железных пластин и соединяли с хвостовиком с помощью заклепок. Следов кузнечной сварки мною не обнаружено, а под некоторыми частями накладок видны зазоры.

Обращают на себя внимание грибовидные головки железных стаканов на мечах. Функционально в них нет никакого смысла, именно поэтому данные элементы отсутствуют на одном экземпляре из Абхазии и двух – из Кабардино-Балкарии. На первый взгляд они выполняют чисто декоративную функцию. Однако, если выделить контуры накладок линией, то полученные таким образом фигуры находят некоторое сходство с известными на территории Абхазии тамгами (знаки родовой, фамильной или личной принадлежности) (Рис. 3), о которых в свое время писал Ш.Д. Инал-ипа [11, с. 344–352, 358–371].

Стоит также упомянуть, что в археологии известны примеры, когда излом клинка приходился приблизительно на середину. В таких случаях функциональное назначение мечей могло изменяться. Мною уже затрагивалась тема вторичного использования клинкового оружия, когда из его обломков делали наконечники копий [15, с. 299–307]. Два таких экземпляра известны и в Абхазии.

Кроме того, не будет лишним вспомнить клинки с горизонтальными вырезами, известные в литературе как кинжалы/мечи с боковыми вырезами у основания лезвия. Хронологический диапазон их бытования приходится на II–XII вв. [17, с. 159]; [12, с. 107]; [13, с. 195]; [14, с. 232]. Необычный вид данных клинков, о котором не утихают споры, может говорить о том, что в них тоже вдохнули вторую жизнь. В большей степени такие выводы следует относить к ранним экземплярам, т.к. на протяжении веков необходимость использования оружия могла трансформироваться в традицию. Несмотря на то, что упомянутые клинки на территории Абхазии не известны, вместе с приведенными выше примерами, они демонстрируют широко распространенную на периферии римско-византийского мира практику реконструкции поврежденных предметов вооружения. Такая работа могла проводиться, как непосредственно в имперских мастерских, привязанных к гарнизонам, дислоцированным в крепостях на территории Абхазии, так и местными мастерами,

чей уровень кузнечного мастерства находился к тому времени на достаточно высоком уровне.

Несмотря на то, что большая часть рассмотренных предметов вооружения периодов поздней античности и раннего средневековья была введена в научный оборот еще в советское время, перед исследователями только сейчас начинают открываться такие стороны оружейного производства, как ремонт и переделка предметов вооружения, которые еще предстоит изучить детально.

Источники и литература

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов // Крымские готы страны Дори (III–VII вв.). Симферополь, 2017.
2. Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Новое погребение аланской знати постгунского времени из Кабардино-Балкарии // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. Москва, 2015.
3. Ахмедов И.Р., Васильева Е.Е., Хаврин С.В. Клинковое оружие из погребения 33 могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 244. Москва, 2016.
4. Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников Цебельдинской культуры. СА. № 3. Москва, 1990.
5. Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // Советская археология. № 1. Москва, 1973.
6. Воронов Ю.Н. Материалы по археологии Абасгии и Санигии II–VII вв. // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979.
7. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. Советско – венгерский сборник. Москва, 1982.
8. Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Могильники III–IV вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Москва, 2003.
9. Гунба М.М. Новые памятники Цебельдинской культуры. «Мецниереба». Тбилиси, 1978.
10. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд. Санкт-Петербург, 1994.
11. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. ГУРИПП. «Адыгея» Майкоп. 2002.
12. Казанский М.М. Гелон с косой: о древковом оружии эпохи переселения народов. Stratum plus. № 6. Кишинев, 2014.
13. Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспорские чтения. Боспор КИММЕРИЙСКИЙ и варварский мир в период античности и средневековья. VII. Керчь, 2006.
14. Радюш О.А. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // Stratum plus. № 4. Кишинев, 2014.
15. Счастный Д.А. Примеры вторичного использования клинкового оружия из Абхазии // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. 2019.
16. Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. «Мицниереба». Т. III. Тбилиси, 1971.
17. Сокольский Н. И. Боспорские мечи. МИА. № 33. Москва, 1954.
18. Antoniewicz J., Kaczynski M., Okulicz J. Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Szwajcaria, pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. XXV/1-2. Warszawa, 1958.
19. Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Randen / Westf.: Leidorf. (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen; Bd 8.). 2007.
20. Biborski M., Grygiel M. The roman sword from the przeworsk culture cemetery at Jadowniki mokre, Małopolskie province // Honoratissimum assensus genus est armis laudare / Red.: R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Historia Iagellonica, 2014.

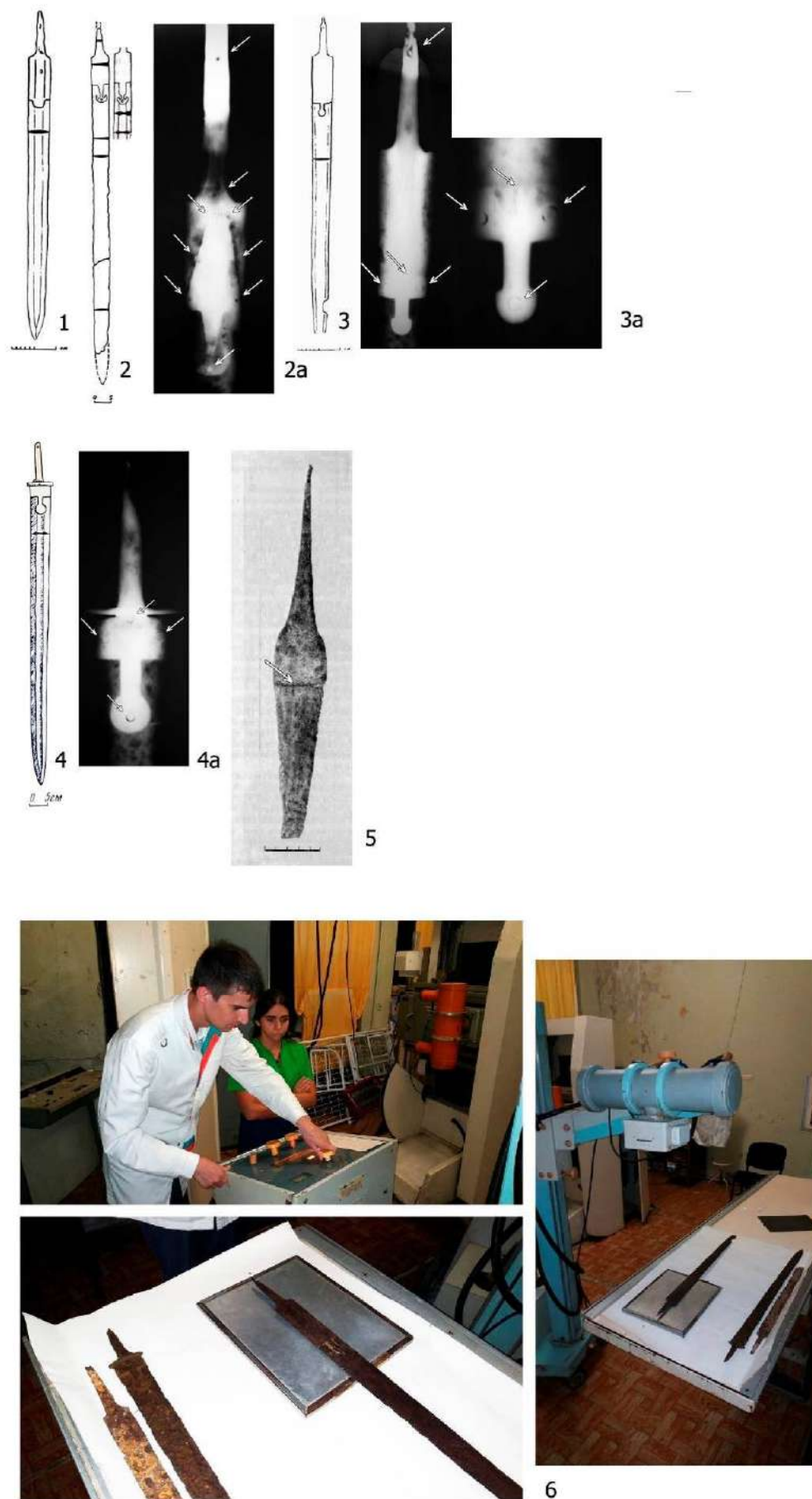

Рис. 1. Рентгенографическое исследование клинков

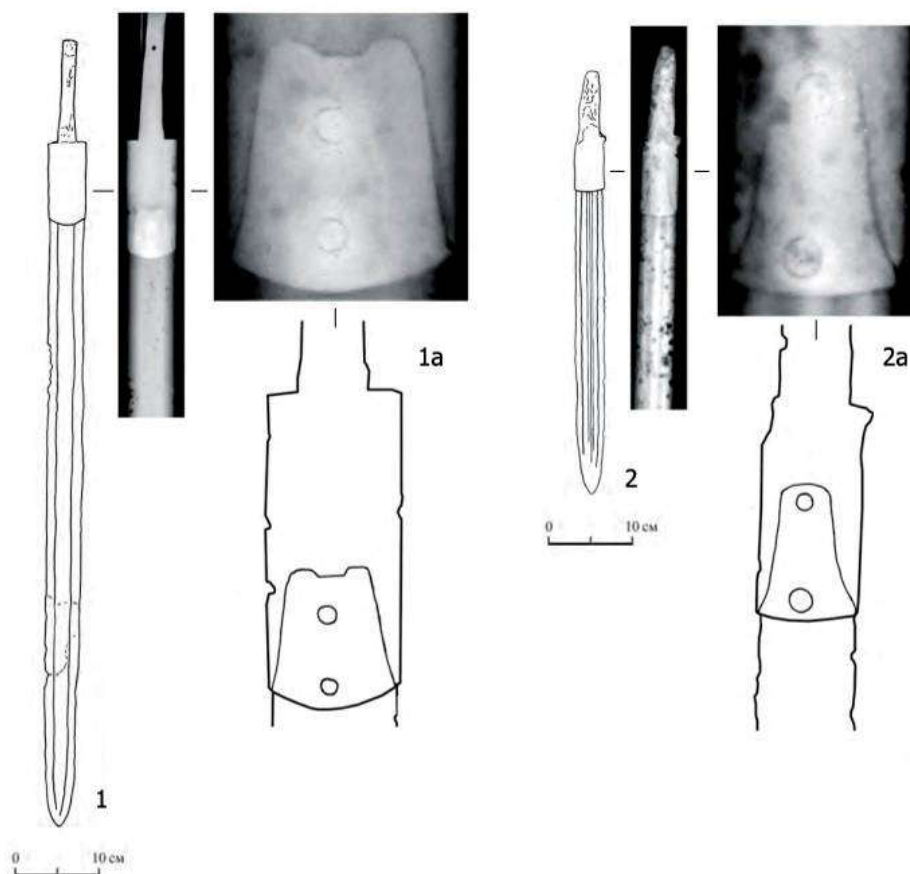

Рис. 2. Мечи из погребения 33 могильника Кичмалка II
(И.Р. Ахмедов, Е.Е. Васильева, С.В. Хаврин)

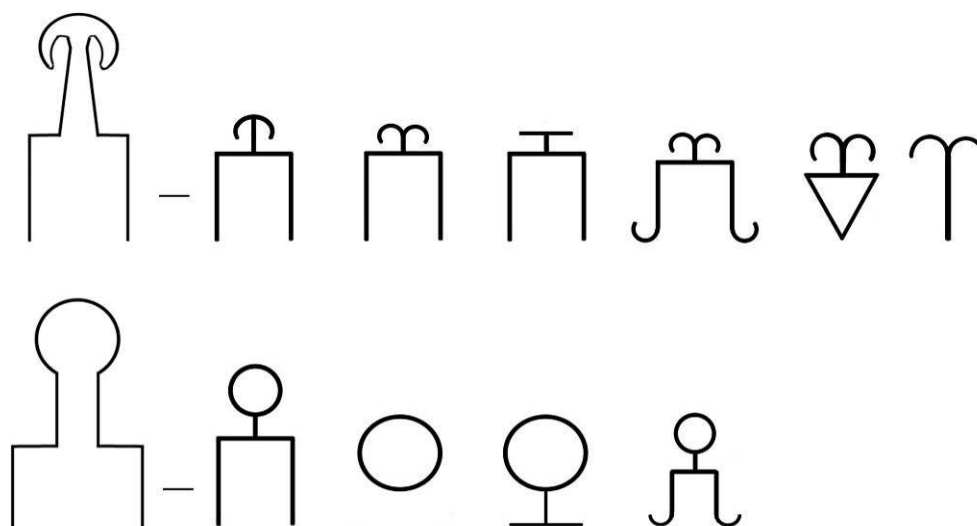

Рис. 3. Примеры схожих элементов абхазских тамг
и форм металлических накладок мечей

Головко Д.Ю.

ОТГОННО-ЯЙЛАЖНОЕ СКОТОВОДСТВО В ГОРНОМ СУБРЕГИОНЕ КРЫМА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В докладе описываются перспективы исследования отгонно-яйлажного скотоводства в горном субрегионе Крыма. Исходя из теории хозяйственно-культурных типов система хозяйства населения горного Крыма не претерпевала изменений с течением продолжительного исторического времени. Традиционный характер хозяйства определялся, не этническими особенностями, а природно-климатическими. В докладе проводится описание методов, которыми возможно изучение скотоводства в Крымских горах. Это и собственно археологические методы – сравнительный анализ скотоводства в Крыму с хозяйством скотоводов в Закавказье, на Балканах и в Карпатах. Кроме того, перспективной группой методов являются естественнонаучные методы в археологии, в частности, археологическое почвоведение. Почвенно-археологические методы могут дать информацию о составе скота, об интенсивности природопользования в те или иные периоды.

Ключевые слова: археология, горный субрегион Крыма, скотоводство, археологическое почвоведение.

Abstract. The report describes the prospects for the study of egg-laying cattle breeding in the mountainous sub-region of the Crimea. Based on the theory of economic and cultural types, the economic system of the population of the mountainous Crimea has not undergone changes over a long historical time. The traditional nature of the economy was determined not by ethnic characteristics, but by natural and climatic ones. The report describes the methods by which it is possible to study cattle breeding in the Crimean Mountains. These are the archaeological methods themselves – a comparative analysis of cattle breeding in the Crimea with cattle breeding in Transcaucasia, the Balkans and the Carpathians. In addition, a promising group of methods are natural science methods in archaeology, in particular, archaeological soil science. Soil-archaeological methods can provide information about the composition of livestock, about the intensity of nature use in certain periods.

Key words: archeology, mountainous sub-region of Crimea, cattle breeding, archaeological soil science.

Хозяйство горных регионов имеет, как правило, скотоводческий характер, что обусловлено природно-климатическими условиями среды обитания человека. Ему присущ континуитет, т.е. при развитии технологий и качественных изменений материальной культуры экономический уклад не изменяется веками (под экономическим укладом понимается установившейся порядок организации хозяйства). В этнологии используется термин «хозяйственно-культурный тип», который определяется как определённый комплекс хозяйственно-культурных особенностей вне связи с этнической принадлежностью создателей этого комплекса [1, с. 4]. Формирование хозяйственно-культурных типов связано, в первую очередь, с природно-климатическими условиями среды обитания человека. Считаю возможным соотнести термины «хозяйственно-культурный тип» и «археологическая культура» в связи с тем, что определяющей в двух понятиях является в первую очередь материальная

культура и хозяйство, а не этнические и религиозные особенности, которые формируют отдельное мировоззрение.

Исходя из теории хозяйственно-культурных типов, население горного субрегиона Крыма следует отнести к скотоводам горной зоны с широкими хронологическими рамками: от эпохи поздней бронзы до новейшего времени. Начало хронологии, рассматриваемой в настоящей работе, связывается с началом существования тавров как носителей кизил-кобинской культуры, а её конец напрямую связан с запретом на выпас скота на яйлах Крымских гор в период после Великой Отечественной войны [2, с. 101].

Динамика циклических изменений климата в первую очередь является основой для развития традиционных сельскохозяйственных обществ. Исследования погребённых культурных слоёв археологических памятников в течение предшествующих полутора столетий привели к формированию в почвоведческой науке концепции «памяти почв». Память почв определена авторами концепции как способность почвы запоминать и записывать в своих устойчивых твердофазных свойствах основные черты среды своего формирования, основные процессы своего саморазвития и эволюции и их изменения во времени, а не только зеркально отражать ландшафт [3, с. 20]; [4, с. 21]. Однако, исследования почв горных регионов с целью выявления закономерностей климата связано со значительными затруднениями. Исследовательский потенциал почв, погребённых в курганах, а также на археологических памятниках, расположенных в степи, огромен в связи со значительной мощностью почвенных горизонтов. В таком случае почва при формировании надёжно отражает динамику изменения климата. Напротив, в горах мощность почвенных горизонтов незначительна. Однако, в силу глобального характера динамических изменений климата существует возможность переноса климатических моделей, созданных при исследованиях отложений озёр лиманного происхождения, расположенных на Крымском полуострове с непременным учётом высотной поясности. С другой стороны, почвенно-археологические методы позволяют восстановить силу антропогенного воздействия на почвы при сопоставлении данных почвоведения с археологическими материалами, представленными в том или иной районе в регионе, который подвергнут исследованию.

Итак, в горном субрегионе Крыма, начиная с VIII в. до н.э. и вплоть до третьей четверти XX в. н.э. горное отгонно-яйлажное скотоводство было важной отраслью хозяйства.

Письменные источники в разные периоды не дают нам исчерпывающих сведений о хозяйстве населения горного субрегиона Крыма.

В историческом и археологическом измерении субрегион Крымских гор в разные периоды населяло множество этносов, которые относят к разным археологическим культурам.

Проживавшие в горах тавры, отождествляемые с кизил-кобинской археологической культурой, по мнению исследователей занимались в горах в силу невозможности занятия земледелием из-за характера местности, исключительно отгонным скотоводством [5, с. 55]; [6, с. 167–168]; [7, с. 256]. Это аргументируется наличием большого количества могильников, а также отсутствием долговременных построек на памятниках поселенческого типа. Геродот и другие античные авторы описывают тавров, ведущих в горах хозяйство, как пиратов и разбойников, однако это не подтверждается археологическими данными и не может касаться населения горной страны Крыма. Общеизвестно, что горные тавры в силу своего уровня развития, были не более чем полuosедлыми скотоводами, а их хозяйство было замкнутым вокруг родовых общин. Тем более, что рельеф горного Крыма позволяет выпасать скот на том или ином месте без больших трудозатрат.

К хозяйству народов, населявших Крым в античное и средневековое время, в профессиональном сообществе не угасает интерес на протяжении длительного времени.

Таким образом, назрела необходимость исследования уже известных памятников скотоводческого хозяйства новыми, так называемыми естественно-научными методами археологии, введения в научный оборот новых памятников древнего и средневекового скотоводства, а также обобщение и систематизация накопленных знаний по вопросам отгонно-скотоводческого хозяйства в горном Крыму. Кроме того, в отличие от скотоводства высокогорных регионов, таких как Кавказ, Памир, Алтай, не существует реконструкции скотоводства в Крымских горах, которые не обладают альпийскими лугами, но имеют много сходных черт со скотоводством в других средневысотных горных системах, таких как Карпаты и Балканы.

Источники и литература

1. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
2. Мухин В.В., Кузнецов А.Я. Крымские горы: возвращение к истокам. Занимательное пособие для экскурсоводов и пешеходов. Киев: Стилос, 2007. 256 с.
3. Таргульян В.О., Соколов И.А. Структурный и функциональный подход к почве: почва–память и почва–момент // Математическое моделирование в экологии. М.: Наука, 1978. С. 17–33.
4. Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.: ГЕОС, 2016. 240 с.
5. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования: сборник научных статей. Симферополь, Керчь, 2004. № VI. С. 3–239.
6. Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: «Наукова думка». 1965. 198 с.
7. О некоторых вопросах истории тавров (терминология, хронология, взаимоотношения с античными городами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 235–272.

Петровский В.М.

СВИНЦОВАЯ ОБШИВКА ТОРГОВЫХ СУДОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Статья посвящена конструктивной особенности, свойственной только торговым судам античного времени – свинцовой обшивке подводной части корпуса. Данная обшивка предназначалась для защиты корпуса от вредного воздействия так называемого «корабельного червя», моллюска, который разрушает древесину. Целые листы такой обшивки, а также ее фрагменты являются частой находкой, как на местах кораблекрушений, так и в районах древних портов и гаваней.

Ключевые слова: античное мореплавание, судостроение, подводная археология.

Abstract. This article is devoted the lead sheathing of the underwater hull of ancient merchant ships. This sheathing was intended to protect the hull from the influence of the «shipworm», a mollusk that destroys wood. Sheets of such plating, as well as its fragments, are a frequent find, both at shipwreck sites and in areas of ancient ports and harbours.

Key words: ancient seafaring, shipbuilding, underwater archeology.

В античное время свинец широко использовался для создания большого количества элементов конструкции торгового судна. Из свинца изготовляли детали якорей, пластыри для заделки пробоин, грузила, элементы водоотливных помп и насосов. Шел он на изготовление парусных колец – люверсов. 170 таких колец было найдено при раскопках кораблекрушения судна IV века до н.э. Кугения. Свинец заливали в рукояти весел [10, р. 302]. Такие утяжелители были необходимы для того, чтобы уравновесить весло и сделать управление легче. Они изготавливались путем заливки расплавленного свинца в заранее просверленные отверстия в рукояти весла. Хорошо сбалансированное кормовое весло всегда находилось в нужной позиции и не отнимало у рулевого много сил [3, с. 150]. Кроме того, свинец использовали в качестве скоб и заклепок, из него отливали носовые украшения судов. Отдельную нишу в античном судостроении занимал продукт химической переработки свинца – ацетат свинца (или свинцовая соль уксусной кислоты) или, в просторечии, белила – широко используемые в судостроении краски предохраняющее дерево от влаги и влияния морских организмов. По сообщению Плиния, белила употребляли и для окраски кораблей в белый цвет [Plin. HN., XXXV. 31.49]. Такая распространенность данного металла в судостроении, очевидно, объясняется тем, что свинец легок в обработке, устойчив к коррозии в морской воде и распространен в природе. Месторождения свинца в древности были известны в районах большинства центров античного судостроения: на Кипре, Родосе, в Троаде, Фессалии, вблизи Дельф и в Лаврионе, позже, с расцветом Римского государства, к ним добавились месторождения в Испании и Британии.

Свинец был, без преувеличения, главным металлом античного судостроения, поскольку все остальные металлы (главным образом железо и медь) в конструкции и оснастке судна представлены лишь в незначительных количествах. Всего, по разным подсчетам, основанным на археологических данных, небольшое торговое судно

античного времени (длиной 15–18 м и шириной 5–6 м) несло на себе от 380 до 530 кг свинцовых деталей [10, р. 302], большую часть из которых занимали листы обшивки подводной части корпуса.

Применение такой обшивки было продиктовано тем, что моря средиземноморского бассейна (включая Черное и Азовское) населены моллюском *Teredo navalis* (чаще называемом «корабельный червь» или «древоточец»). Этот моллюск отличается тем, что питается целлюлозой – органическим соединением, которое является основным химическим компонентом древесины, где содержание ее достигает 40–60 %. В процессе поедания целлюлозы корабельный червь с помощью своей раковины продельывает многочисленные ходы в толще древесины, что ведет к ее полному разрушению. А поскольку деревянное судно большую часть времени проводит в воде, то корпус быстро приходит в негодность. Действенным методом борьбы с древоточцем является вытаскивание судна на берег, где моллюск погибает, либо защита самого корпуса путем обшивки его листами металла. Вытащить из воды торговое судно, которое весит 20–30 тонн, не всегда представляется возможным и поэтому античные судостроители пришли к реализации идеи обшивки подводной части корпуса. Такая обшивка, помимо борьбы с древоточцем, также предохраняла судно от обрастания подводной части корпуса ракушками и водорослями, которые, по мере увеличения их числа и размера, начинают замедлять скорость хода корабля. В Новое время для этой цели применялись листы меди, в античности же повсеместно использовался свинец.

После окончания постройки, готовый корпус деревянного судна конопатили и смолили, после чего накладывали поверх смолы своего рода подушку из просмоленного холста. Описание такого метода мы находим у Афинея [Aph.V.60]. Использовалась так же шерсть, льняная ткань или войлок, поверх которых наносили еще один слой смолы, а затем прикрепляли тонкие, в 1–1,5 мм, листы свинца и прибивали их к корпусу гвоздями. Дополнительно стыки листов обшивки пропаивались или особым образом соединялись загнутыми краями [9, р. 199]. Расположены листы в шахматном порядке и уложены на просмоленный холст, как описано у Афинея, или на слой древесной смолы, которая в расплавленном виде была нанесена на корпус судна. Дополнительно листы прикрепляли медными, бронзовыми или железными гвоздями. При этом под воздействием морской воды медь и свинец образовывали гальваническую пару, в которой анодом являлся свинец, в результате чего образовывался коррозионный элемент, свинец вокруг медных гвоздей корродировал и обшивка начинала отваливаться. Для предотвращения такой коррозии, античные судостроители покрывали свинцом и внешнюю часть шляпки медного гвоздя. Между шляпкой гвоздя и свинцом прокладывалась просмоленная ткань (у судов из оз. Неми – шерсть, *Kyrenia* – листья агавы). Что касается непосредственно самих листов свинца, то характерный пример их дает изучение останков крушения античного судна, которое погибло в III в. до н.э. в районе оз. Донузлав и на котором сохранились части свинцовой обшивки. Все девять найденных листов имели размеры 60×50 см и толщину в 1 мм. Большинство из них были пробиты гвоздями длиной до 28 см и с диаметром шляпки 16 мм. Расстояние между гвоздями от 45 до 75 мм [1, с. 151]. Гвозди были сделаны из бронзы, но сохранилось их всего несколько штук, что говорит скорее о том, что прочие были не бронзовыми, а железными и не сохранились. Все остальные находки кораблекрушений того времени показывают схожую картину, т.е. лист свинца толщиной в 1–2 мм при площади самого листа около или чуть больше одного квадратного метра [10, р. 306].

Общий вес обшивки зависел от размеров каждого конкретного судна и толщины свинцовых листов. Исследователи расходятся в оценках её веса и считают, что среднее торговое судно, длиной 14–18 метров и при толщине свинцовых листов в 1 мм, несло на себе свинцовую обшивку весом от 500 до 1000 кг [7, р. 32]. Другое

исследование дает несколько иные расчеты. Если принять во внимание, что среднее по величине торговое судно имело примерно 15–18 метров длины и 5–6 метров ширины, то оно несло на себе порядка 380–530 кг всевозможных свинцовых деталей и изделий, из них 185–285 были на борту судна, остальное – обшивка ниже ватерлинии [10, р. 305]. Более крупные суда, такие как *Grand Congloué*, длиной до 40 метров, могли иметь обшивку общим весом в 4–5 тонн, хотя некоторые оценивают ее вес в 20 тонн [6, р. 17] что, впрочем, кажется несколько преувеличенным.

Самым ранним примером использования свинцовой обшивки может служить судно, затонувшее в начале IV века до н.э. у *Porticello*. Подводная часть его была обшита свинцом не полностью, а лишь частично [9, р. 199]. Возможно, это происходило в ходе ремонтных работ, которые производились на судне в период его службы, когда мастера заделывали свинцом участки корпуса, наиболее пораженные морскими вредителями. Самый ранний пример полной обшивки, охватывающей всю подводную часть корпуса судна, зафиксирован на судне *Kyrenia*, погибшем в конце IV века до н.э. Общий вес обшивки на нем, очевидно, достигал 1200 кг (вместе с весом просмоленного войлока и гвоздей) [12, р. 98], что составляло менее 5% полного водоизмещения (т.е. вес корпуса, груза, балласта и припасов) судна. Водоизмещение было рассчитано по копии-реплике этого судна, построенной в 1980-е годы, и составляло 31–32 тонны [9, р. 206]. Не будет большой ошибкой экстраполировать эти данные на все античные суда, и предположить, что вес обшивки всех античных судов варьировался в пределах 5% от их полного водоизмещения. Существуют иные подсчеты, согласно которым свинцовая обшивка 15–18 метрового корабля будет весить 200–250 килограмм [10, р. 306].

С конца IV века до н.э. свинцовая обшивка становится обычным приспособлением на судне и найдена практически на всех затонувших судах того периода. Таковых судов в настоящее время найдено более 500. Среди найденных в Черном море затонувших судов античного времени свинцовая обшивка была найдена на уже упомянутом выше крушении у оз. *Донузлав*, на судне затонувшем в IV веке до н.э. у о. *Змеиный* [5, с. 302], на остатках судна IV века до н.э. у *Кинбурнской косы* [2, р. 180] и в ряде других мест в виде отдельных листов.

Данные с мест археологических исследований показывают, что свинцовая обшивка исчезает в I веке н.э. Увеселительные баржи, затонувшие на озере *Неми* в середине I века н.э., стали последним примером использования свинцовой обшивки. Корпуса этих барж были обшиты сантиметровым слоем шерсти, поверх которой наложены тонкие (до 1 мм) листы свинца. Автор единственной работы, посвященной обшивке античных судов – *F. Hocker* – находит причину исчезновения этой традиции в изменении приемов в судостроении, либо в изменении отношения судовладельца к кораблю, когда, по тем или иным экономическим причинам, от судна уже не требуется долгий срок его службы, который обеспечивает обшивка. Возможно и другое объяснение. Длительная эксплуатация шахт привела к их истощению к началу I века н.э., что подняло свинец в цене [9, р. 201]. Это, в свою очередь, часто заставляло судовладельцев из экономии отказываться от свинцовой обшивки полностью. Поздняя античность и средневековье так же оставили на дне многочисленные следы кораблекрушений, однако ни на одном из них следов свинцовой обшивки обнаружено не было. Новое время археологически выявлен только один пример использования свинцовой обшивки. Это судно *Angra D*, затонувшее в середине XVI века, на котором подводная часть корпуса была обшита свинцовыми листами наложенных один на другой в два слоя с применением прокладки из ткани и смолы, как и на античных судах [8, р. 19].

Боевые корабли античного времени, судя по всему, свинцом не обшивались. Хотя на данный момент известны лишь единичные находки затонувших именно боевых судов, некоторые косвенные признаки позволяют констатировать отсутствие

обшивки на боевых кораблях вообще. Так, например, в античных источниках описаны многочисленные примеры регулярного вытаскивания кораблей на берег и их длительное хранение на суше. Тонкая свинцовая обшивка даже при однократном вытаскивании корабля на берег была бы непременно повреждена, что лишало всякого смысла оснащение ею корабля. Кроме того, регулярное содержание боевого корабля на суше само по себе приводило к уничтожению моллюска *Teredo navalis*, против которого и создавалась обшивка на торговых судах.

Источники и литература

1. Блаватский В. Д., Петерс Б. Г. Кораблекрушение IV в. начала III в. до н. э. около До-нулава // Советская археология. 1969. № 3. С. 151–152.
2. Герасімов В. Є., Рейда Р. М., Смирнов О. І., Прейс П., Лоізоу Є. Корабельна троща кінця IV – початку III ст. до н. е. по близу Кінбурнської коси // Археологія і давня історія України. 2021. 3(40). С. 175–185.
3. Моррисон Дж.С., Уильямс Р. Греческие весельные корабли. История мореплавания и кораблестроения в Древней Греции. М.: Центрполиграф, 2014. 252 с.
4. Петровский В.М. Свинец в античном судостроении // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 4. С. 459–464.
5. Терещенко А. И. Исследования торгового судна второй половины IV в. до н. э. в Черном море и моделирование упаковки амфорной тары // Древности Боспора. 2013. № 17. С. 302–327.
6. Cousteau J. Y. Fish Men Discover a 2200-year-old Greek ships // National Geographic. 1954. 105(1). P. 1–36.
7. Gale Brown H. A Study of Lead Ingot Cargoes from Ancient Mediterranean Shipwrecks. Texas A&M University. 2011. 220 p.
8. Garcia A., Panagiotakopulu E. Two Azores shipwrecks and insect biological invasions during the Age of Discovery // Journal Biological Invasions. 2022. № 25. P. 2–23.
9. Hocker F. Lead Hull Sheathing in Antiquity / 3rd International Symposium on Ship Construction in Antiquity, 1989. Athens. 1995. P. 197–207.
10. Rosen B., Galili E. Lead Use on Roman Ships and its Environmental Effects // The International Journal of Nautical Archaeology. 2007. 36(2). P. 300–307.
11. Steffy R. The Kyrenia Ship: An Interim Report on Its Hull Construction // American Journal of Archaeology. 1985. № 1. P. 90–115.
12. Steffy R. The Development of Ancient and Medieval Shipbuilding Techniques/ 3rd International Symposium on Ship construction in Antiquity 1989. Athens. 1995. P. 73–83.

Задорожная-Ремарчук А.Н.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛАВЯН И ВАРЯГОВ В СВЕТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ В IX–XI ВВ.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В данной работе рассмотрены основные проблемы, относящиеся к развитию историографии, актуальное видение политического генезиса восточных славян, раскрыта роль норманнов в становлении Древнерусского государства. Перспективы дальнейшего исследования предполагают дальнейшее изучение источников и работе над исследованиями зарубежных авторов по данному вопросу.

Ключевые слова: славяне, варяги, государственность, Древняя Русь, источники.

Abstract. This work examines the main problems related to the development of historiography, the current vision of the political genesis of the Eastern Slavs, and reveals the role of the Normans in the formation of the Old Russian state. Prospects for further research involve further study of sources and work on research by foreign authors on this issue.

Key words: Slavs, Varangians, statehood, Ancient Rus', sources.

Изучение источников, относящихся к генезису российской государственности, позволяет выявить уровень взаимосвязи и взаимовлияния славян и норманнов. Сейчас, когда Россия находится в состоянии жесткой конфронтации с Западом, важно представлять какие силы, автохтонные или внешние, оказали решающее влияние на формирование Древнерусского государства. Выяснение меры взаимодействия пришлого и местного элемента позволяет осознать, как степень самобытности Российского государства в начальный период его истории, так и возможность особого, отличного от западного, пути развития современной России.

Первое, и точно датированное, известие о Руси были запечатлены епископом Труа Пруденцием, во втором собрании за 835–861 гг. «Бертинских анналов», который был придворным капелланом и, соответственно, очевидцем тех событий, которые происходили во дворе. А именно, посольской миссии франкскому императору Людовике I росов от своего «хакана» вместе с греческими послами от императора Феофила с целью подтверждения мирного договора и дружбы, а также с просьбой вернуться по их территории в Константинополь [1, с. 19–22].

Далее по содержанию, нам дают понять, что император заподозрил прибывших к нему делегатов в шпионаже: «узнал, что они из народа свеев» (племя, которое населяло восточное побережье Скандинавии) и задержал у себя. Дальнейшей информации о посольстве «Рос» в источнике не присутствует. По поводу титула «хакана Росов» развернулась серьезная дискуссия, от которой зависит, в том числе, и проблема местоположения того, откуда пришла сама посольская миссия [9, с. 66].

Об этом титуле упоминается в следующем источнике: «Послание франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I», применительно к норманнам, в контексте оправдания от упреков Василия I к Людовику II, по поводу

несправедливого использования последним титула императора. Ответ Людовика II содержит утверждение, что к «норманнам» и хазарам титул «хаган» неправильно применять, т.к. последние были малоизвестны в Западной Европе, а титул «хагана» был знаком по отношению к Аварскому каганату, который разбил в конце VIII в. Карл Великий.

Таким образом, следует, что в послании Василия I сказано, что хазары и «норманны» имеют государей с титул «хаган». Невозможно определить, какой именно этникон в греческом тексте применили к «норманнам». Исследователи выдвинули несколько гипотез на этот счет: что это калька с греческого и в послании было обозначение как «северные люди», «северные скифы», которые редко, но встречаются в византийских источниках X в. по отношению к Руси; существует предположение, что в греческом послании употребили обычный термин «рос», а отождествление его с «норманнами» произошло при переводе на латинской основе, так, как это произошло у Лиутпранда [11, с. 36]. Из этого следует, что этих «норманнов» можно соотнести с теми «рос», которые из «народа свеев», государь которых, в свою очередь носил титул «хакан», согласно «Бертинским анналам».

Лиутпранд, епископ Кремонский (ок. 920–970 гг.), написал исторический труд «Книга возмездия», в которой находим, в связи с латинской языковой традицией, что Лиутпранд прямо отождествляет «норманнов» к русам – «Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русью, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке *nord* означает север, а *man* – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами». И мы можем сделать вывод, что это не перевод с греческого словоупотребления.

Далее, Лиутпранд повествует о неудачном походе князя Игоря на окрестности Константинополя в 941 г. Он передает имя князя Игоря, как *Inger*, в свою очередь Константин Багрянородный и Лев Диякон передают имя, как *Ингор*, что отражают в сумме скандинавский оригинал *Ingvarr* [9, с. 39]. Самого князя Игоря называет королем руси (как народа), что соответствует традиции латинского летописания именованию древнерусских князей X – XII вв. [11, с. 54].

В следующем источнике – «Венецианская хроника», который мы будем рассматривать, содержатся сведения о нашествии «норманнов» на Константинополь в 860 г. Автор занимал должность капеллана венецианского дожа Петра II Орсеоло, звали его Иоанном Дияконом (не путать с Иоанном Дияконом IX в. – слагателем «Жития папы св. Георгия Великого»). В ПВЛ, поход, о котором пишет Иоанн, зафиксирован под 866 г [1, с. 39]. Это связано с ошибкой греческой хроники Георгия Амортоты, на которой основывается ПВЛ [1, с. 54]. В произведении Иоанна «норманны» уезжают с триумфом, что разнится с данными византийских источников. Это дало ученым предположить, что возможно, это не «русский» поход 860 г., а совершенно иной, неизвестный по иным источникам. К тому же, более поздние авторы (Бонда Флавий XV в.) отмечают у себя, что эти «норманны» возвращаются в «Британское море».

Очень интересную информацию нам дает «Хроника» Титмара Мерзебургского, который обозревает период конца княжения Владимира Святославовича и междоусобиц его сыновей, т.к. это время скупо зафиксировано в древнерусских источниках. Пишет также о христианской миссии среди поморских славян. Стоит отметить, что в «Хронике» самое древнее упоминание Киева среди латиноязычной литературы, древнее только свидетельства Константина Багрянородного и арабских авторов. Сообщает о богатстве страны, множестве храмов христианских и варяжских наемниках. Последних характеризует, как «данов», что может означать принадлежность дружины к скандинавскому роду в принципе (т.к. «датский язык» усвоен всеми племенами «Северных стран» как пишет Снорри Стурлусон [14, с. 6]) или ввиду датско – русского сближения в конце 1010-х г [5, с. 76].

Кведлинбургские анналы повествует о миссии Адальберта и Бруно (Бонифация) на территории Руси, в том числе и миссии к печенегам, которые не увенчались успехом, и о конфликтах между Болеславом I и Генрихом II. В предыдущих хрониках, эти сведения дублируются. «Житие блаженного Ромуальда» Петра Дамиани, «Баррийские анналы» также повторяют сведения о Бруно, как первого апостола Руси. Последнее, является анахронизмом, т.к. ко времени миссии Бруно на Руси, Русь, уже 20 лет была, как крещена Владимиром Святославичем [9, с. 84–85].

Второе по древности упоминание Киева в латиноязычной летописной традиции зафиксировано в «Реймском глоссе», в контексте рассказа о транспортировке мощей св. Климента из Херсонеса в Киев Ярославом Владимировичем. Но летописец – Одалярк, ошибся, мощи св. Климента были перевезены в Десятинную церковь самим Владимиром [7, с. 100–104].

Далее следуют источники: «Хильдесхаймские анналы», «Алтайхские анналы», которые дублируют вышесказанное и друг друга. Они передают историю посольства русского к Оттону I, в котором они просят епископов, «который открыл бы им путь истины», после чего обманули немцев. И следующие пассажи сообщают о немецко – венгерском конфликте, причины которого не совсем ясны [15, с. 105–108]; [1, с. 109–110].

Важным источником для изучения политики Киевской Руси, является «Послания Григория VII к польскому князю Болеславу II и киевскому князю Изяславу Ярославичу». Послание повествует о покровительстве папы Григория VII над изгнанным в 1073 г. собственными братьями – Святославом и Всеволодом, Изяславом Ярославичем. Сам этот политический акт нужно рассматривать со стороны всей политической деятельности в этот период Григория VII: он противостоял открыто Генриху IV, подготавливал крестовый поход против турок – сельджуков, которые грозили Константинополю и связанные с этим походом надежды на воссоединение Западной и Восточной церкви.

Труд Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», включает в себе важные сведения о народах Северной Европы и Прибалтики. Адам Бременский оставил уникальные данные о географии, этнографии и истории Руси. Ученые утверждают, что главнейшим источником этой информации был, король Дании Свен Эстридсен [1, с. 11].

Описывая самую защищенную гавань Бирки (крупный международный торговый центр на Балтике в IX–X вв., соединяющий Балтийское море с оз. Меларен, что в Средней Швеции), Адам перечисляет народы, которые ежегодно собираются для торговли и отмечает славян и норманнов. Последние – как отмечают ученые – отождествляются с норвежцами. Также обозначает Скифию, под которой имеет в виду всю Восточную Европу (эта традиция присуща всем латиноязычным хроникам) в том числе и Русь. Но в тоже время, в следующем пассаже, он употребляет термин «Славяния», в которую включает славянские племена под юрисдикцией гамбургского архиепископа, прибалтийских и полабских славян, поляков и чехов. Исследователи сделали вывод, что «Славяния» — это термин, который обозначает географическое расселения всех славян на территории Восточной Европы [1, с. 34].

Адам передает важную информацию о политических взаимосвязях Руси и Скандинавского Севера. Он пишет о брачном союзе Ярослава Владимировича и Ингигерды – дочери Олафа Шётконунга в 1019 г. [1, с. 134]. Этот брак скреплял новгородско – шведский союз, тогда еще новгородского князя Ярослава против Святополка за Киев. Пишет о замужестве сестры Кнута Великого (короля Англии, Дании, Норвегии) Эстрид за «сына короля Руси» [1, с. 135]. Существует гипотеза, что Эстрид вышла замуж за старшего сына Ярослава Мудрого Илью, который умер в год своего княжения на новгородском престоле 1019 г. Таким образом, Ярослав Владимирович заручился в 1019 г. помощью двух сильнейших государств Севера против своего брата. К подтверждению этой гипотезы можно также привести свидетельства

военной активности Кнута Великого против Польши в 1019 г [11 с. 476]. Еще один брак, который фиксирует Адам Бременский – это брак Харальдда Сурового и дочери Ярослава Мудрого Елизаветы, после его службы в Константинополе «прославившись доблестью и скопив большое богатство» [1, с. 136].

Далее, он описывает Русь, называя ее Острогардом, потому как называют «варвары – даны». Среди ученых сложилось два мнения, что могло означать это название. Первая гипотеза – это название Новгорода, на древнескандинавском *Hólmgarðr*, если его переводить от *hólmr* – «остров». И вторая гипотеза, основывающиеся на лингвистическом анализе, предполагает, что *Ostrogard* происходит от древнескандинавского *austr*, что означает «восток». Таким образом, вторая гипотеза выглядит более логичной, т.к. для скандинавов Русь находилась «на востоке» и *Austr* «Восток» является частью собирательных хронимов: «Восточный путь», Восточное (Балтийское) море и т.д. [8, с. 62–75].

Это сочинение является крайним в нашей анализаторской работе западноевропейских источников, и мы можем приступить к заключению.

Близкие взаимосвязи Древней Руси и Скандинавии привели к языковым контактам. Ведущую роль в этом процессе принадлежала к норманнам, как пришлый и малочисленный этнический элемент. Проникая на Юг, Юго-восток через Русь и потом, возвращаясь в Скандинавию они привносили в свою среду русские знания: предметов, явлений, названий географических объектов. Древнерусские заимствование не единственный источник взаимодействия двух народов. В письменных памятниках двух народов содержатся важные свидетельства контактов. В них можно найти примеры освоения древнерусской культуры скандинавами.

Сведения различных источников дают нам право поставить вопрос о двустороннем взаимодействии Древней Руси и Скандинавии в IX–XI вв. При таких обстоятельствах, стоит рассмотреть поэтапное развитие древнерусского и скандинавского государства.

На первом этапе (до IX в.) взаимодействия славян и скандинавов происходил процесс формирования племенных конфедераций, на уровне территориальных и политических структур. Период характеризуется ростом военной, экономической, миграционной активности больших групп населения, что привело к прямому контакту двух этносов. Но формы были различны: множественные археологические материалы скандинавского происхождения говорят нам, что основной формой стала внешняя экспансия норманнов на территории, занятые славянами, т.к. отсутствовали возможности для внутреннего освоения земель; это повлияло на то, что в свою очередь славяне, заселялись на территориях балтских и финских племен в VIII–XI вв. [17, с. 215]. Таким образом, ничего не удивительно, что материалов пребывания норманнов на территории славян больше, чем в Скандинавии восточнославянских. И по большому счету, восточнославянские артефакты, найденные на территории Скандинавии, связаны с норманнами, которые побывали на Руси, это же касается и лексических заимствований [9, с. 62].

На этом этапе восточная экспансия норманнов характеризуется не регулярными грабежами Прибалтийских земель, которые отразились в сагах, а именно в «Круге Земном» Снорри Стурлусона [15, с. 17]. Помимо грабежей, они занимались торговлей с финским и славянским населением, в результате поток арабского серебра, идущий в Скандинавию, увеличился, что сделало Восточное направление торговли приоритетным. Это способствовало укреплению восточных связей, внутренней и внешней торговли, имущественного и социального расслоения населения.

Второй этап (вторая половина IX – первая половина X в.) характеризуется формированием раннефеодальных государств. В Скандинавии происходят крупные миграционные процессы в Западном направлении: заселение Исландии, колониза-

ция Британии, Нормандии. В Восточном направлении: вовлечение в социально-экономические процессы Древнерусского государства.

Именно этот этап характеризуется первой фазой славяно-скандинавского синтеза. Письменные и археологические источники говорят нам о присутствии норманнов в крупных городах Руси – Новгороде, Ладоге, Изборске, Белоозере, торгово-ремесленных центрах, как Городище под Новгородом, Темерева и Саркоское. Эти же города являлись пограничными пунктами славянского заселения на восточноевропейском Севере. Эти два факта говорят нам, что без должного урегулирования отношений между этносами, скандинавы не смогли бы там находиться. Частично, такие отношения отражены в летописном придании о призвании варягов.

Легенда гласит, что варяги были призваны для «наряда», что означало условия, при которых князь «нанимался» правящей знатью отдельных русских городов и областей. Это событие усилило приток норманнских дружин на Русь, но и определило их статус, как подчиненные интересам формирующейся правящей элиты Древней Руси [15, с. 55–62].

Пришлый скандинавский элемент был полезен для борьбы с племенным сепаратизмом, который на этапе трансформации из племенного конгломерата в государственное образование был крайне неуместным. Помимо борьбы против сепаратизма, норманны участвовали в аппарате государственного управления – в полюдьё (система взимания податей).

Третий этап (середина – вторая половина X в.) проходит в условиях укрепления Древнерусского государства, а в Скандинавских странах рост политического оформления, который закончился к концу X в. образованием раннефеодальных государственных структур в Норвегии и Дании. Регионы характеризуются выделением правящих элит в составе великокняжеской дружины, которая была ориентирована, по своим целям и задачам в социально-политической системе государства, на противостояние племенной аристократии. Сходство интересов феодальной знати обоих регионов делало естественным взаимодействием социально значимых элементов в дружинной среде их культур. Это связано с мобильностью скандинавского народа, представители которого возвращались на родину и обусловили рост влияния древнерусской культуры на скандинавскую. И прежде всего, на «дружинную культуру»: каменные погребения, элементы военного вооружения, поясные наборы из южнорусских степей, ткани, украшения, сумки-шапки и т.д.

Таким образом, данный этап взаимодействия русско-скандинавских отношений обеспечил наибольшее влияние древнерусской культуры на Скандинавские страны. При этом, исходили культурные и социально-политические импульсы не с Севера, а Среднего Поднепровья и Смоленщины т.е. по пути «из варяг в греки».

На последнем, четвертом, этапе отношений (конец X – первая половина XI вв.) Древнерусское государство становится сильным раннефеодальным монархическим государством, крепчают раннефеодальные политические структуры в Норвегии и Дании. Следовательно, на данном этапе отношения между Русью и Скандинавией переросли из отношений между отдельными личностями в межгосударственные контакты. Идет упорядочивание торговых связей, связанное с развитием международной торговли и формированием государственного аппарата. Об этом свидетельствуют появление торговых домов и храмов при них, где купцы имели право останавливаться и хранить свой товар.

Складывается традиция мемориальных рунических надписей о павших на «востоке». Помимо прибыльности походов, они отражают древнерусскую географическую номенклатуру, упоминаются: реки, государства, города и т.д.

Формируются матримониальные отношения, известные из летописей и саг брак между Ярославом Мудрым и дочери шведского конунга Олава Шётконунга Ингигер-

ды, брак дочери Ярослава Елизаветы и Харальдом Суровым Правителем, и еще три бракосочетания [16, с. 163].

На протяжении древнейшего периода (с середины VIII-XI в.) истории русско-скандинавских отношений, прослеживается славянское влияние в культуре Скандинавии. На третьем этапе взаимодействия, процессы упрочнения Древнерусского государства и образование полиэтнической феодальной знати, привели к этнокультурному единству и ассимиляции скандинавов в славянской среде. Наблюдается наиболее интенсивное и разнообразное влияние древнерусской цивилизации на скандинавскую культуру, в сферах торговли, социального развития верхов, элементов культуры [7, с. 23–34].

Источники и литература

1. Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. И. В. Дьяконова // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. – М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. С. 7–150.
2. Альтайхские анналы. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Джаксона Т. Н., Коноваловой И. Г. и Подосинова А. В. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 109–110 с.
3. Барийские анналы. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Джаксона Т. Н., Коноваловой И. Г. и Подосинова А. В. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 93–95.
4. Беофульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, Т. 9, 1975. 770 с.
5. Бертинские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Джаксона Т. Н., Коноваловой И. Г. и Подосинова А. В. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 17–21.
6. Воинский трактат // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 172–175.
7. Гардизи. Краса повествований. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 56–59.
8. Глосса на псалтыри Одалярика Реймского. // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 100–104.
9. Житие Георгия Амастридского // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 129–130.
10. Кведлинбургские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 84–85 с.
11. Кекавмен. Советы и рассказы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 247 с.
12. Лиудпранд Кремонский. Книга возмездия // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
13. Михаил Пселл. Хронография // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II: Византийские источники. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
14. Повесть временных лет. Галицко-Волынская летопись (сборник). М.: 2014.
15. Стурлусон Снорри. Круг Земной. М.: Наука, 1980.
16. Хильдесхаймские анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 105–108.

Бараненко П.А.

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ИТАЛИЯ В IX–XI ВЕКАХ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье проводится анализ историографического опыта по изучению истории владений Византийской империи в Италии в IX – XI веках. Обозначены основные направления исследований как в зарубежной, так и в отечественной исторической науках. Выявлены потенциальные вопросы военно-политической истории региона для дальнейшего изучения. Одним из таких вопросов может выступать характер взаимоотношений ромеев и лангобардских князей.

Ключевые слова: Византия, Южная Италия, лангобарды, норманны, историография.

Abstract. The article analyzes the historiographical experience in studying the history of the possessions of the Byzantine Empire in Italy in the 9th – 11th centuries. The main directions of research in both foreign and domestic historical sciences are outlined. Potential issues in the military-political history of the region for further study are identified. One of these issues may be the nature of the relationship between the Romans and the Lombard princes.

Key words: Byzantium, Southern Italy, Lombards, Normans, historiography.

Восстановление могущества Ромейского государства в период правления Македонской династии – важный и необычайно сложный период в истории Византии. На протяжении IX–XI веков империя смогла отразить славяно-болгарскую, арабскую (как на западе, так и на востоке) и франко-германскую угрозы. Территория Ромейского государства была значительно расширена присоединенными Болгарским царством, армянскими княжествами, владениями арабов на востоке и лангобардов на западе. Однако в это же время закладываются причины будущего упадка империи.

В указанный период итальянское направление не входило в число первостепенных для византийских императоров, что, однако, не уменьшает важности процессов здесь происходивших. В Южной Италии, где еще сохранялось ромейское присутствие, империя вынуждена была противостоять интересам сицилийских арабов, лангобардских князей, римских понтификов и франко-германских императоров.

Период IX–XI веков в истории этого региона характеризуется довольно динамичными и сложными военно-политическими процессами, которые до сих пор вызывают интерес как у отечественных, так и у зарубежных ученых. К моменту воцарения Василия I Македонянина в 867 году ромеи практически полностью утратили итальянские владения, однако император предпринимает энергичные меры сначала для изгнания арабов из Апулии, а затем и к сокращению влияния ломбардских королей [16, с. 30]; [21, с. 557]. С другой стороны, имперская администрация практически игнорирует завоевание Сиракуз арабами в 878 году, не предпринимая решительных действий [28, р. 152–153]. Несмотря на регулярные грабительские рейды арабских пиратов, ромеям удается к концу IX века восстановить свою власть над Калабрией и Апулией. Начиная с рубежа IX–X веков и вплоть

до XI века перед ромеями встала задача упрочения контроля над этими регионами. С этой целью в 970-е годы производится военно-административная реформа – местные фемы были объединены в катепанат Италия [31, р. 624–627]. Одновременно выстраивается внешняя структура безопасности – военными походами и дипломатией принуждаются к повиновению лангобардские княжества, которые становились своеобразным «щитом» от угроз с севера. Все это позволило уже в период царствования Василия II Болгаробойцы (976–1025) задуматься об отвоевании Сицилии и Далмации [21, с. 576]; [28, р. 380–383]. Впрочем, одновременно с этим достигает своего пика социальная и политическая напряженность в регионе, решить которую империя оказалась не в силах. В регионе преобладало лангобардское население, которое в религиозном отношении подчинялось католическому Риму [12, с. 203–204]. Лучшим тому свидетельством является восстание лангобардского аристократа Мелуса в 1008 году, сплотившее против ромеев всех северных соседей (лангобардских князей, римских пап, германских императоров) [21, с. 553]. Несмотря на то, что в военном отношении Византия одержала верх в этом противостоянии, она уже не имела ни социальной базы, ни политической воли для противостояния новой угрозе в лице норманнов.

Вышеуказанная характеристика, хоть и достаточно краткая, все же позволяет получить представление о главных тенденциях военно-политического развития византийской Италии. На наш взгляд, одним из важных и неоднозначных вопросов является характер взаимоотношений ромеев и лангобардских князей, поскольку именно они во многом определяли политическую ситуацию в регионе. Уникальность процессов, происходивших в Южной Италии, также определяется столкновением трех культур: православной греческой, мусульманской арабской и католической западной.

Вопросы, связанные с историей византийского присутствия в Италии, давно привлекают внимание специалистов. Большое количество фундаментальных исследований по итальянскому региону было проведено во второй половине XIX века. Здесь стоит отметить Ш. Диля [8] и Ф. Грегоровиуса [7], которые рассматривали не только политическую историю, но также и аспекты, связанные с административным управлением, социальной и церковной организацией в византийской Италии. Подробный анализ ромейских владений на Сицилии в IX–X веках представлен в монографиях А. А. Васильева «Византия и арабы» [4].

Политическая история южноитальянского региона в ее событийном содержании достаточно хорошо представлена как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Однако стоит отметить разницу подходов. Так, отечественные историки, среди которых стоит отметить Ф. И. Успенского [20], С. Д. Сказкина [9] и А. А. Васильева [4] традиционно рассматривают Южную Италию как единое целое в четком хронологическом порядке излагая научный материал. С другой стороны, в фундаментальной работе британского византиниста Дж. Шепарда [36] каждое княжество или владение в этом регионе, подчиненное Византии, рассматриваются отдельно, что позволяет сформировать более четкую картину эволюции политических и социальных процессов на этих территориях. Характерной чертой указанных исследований является мнение, что существование полузависимых лангобардских княжеств представляет собой негативное явление, которое ослабляло позиции ромеев в регионе.

В целом, стоит отметить, что зарубежные авторы в большей степени концентрируются на изучении развития отдельных территорий. Сюда стоит отнести работы Г.А. Лоуд [31], Барбары М. Кройц [29], Н. Кристи [27], которые рассматривают процессы развития лангобардских княжеств по отдельности, но в рамках общих южноитальянских тенденций. Подробные исследования по состоянию византийских владений и истории фемы Лангобардия в X веке можно найти в трудах Н. А. Ойко-

номидеса [34], А. Петручи [35]. В своих работах они прежде всего анализируют сочинения императора Константина VII Багрянородного. Итальянским историком Бьяджо Паче на основании обширного круга источников анализируется социальная история византийской Сицилии [2]. Вопросы эллинизации населения Южной Италии и Сицилии затрагивал Питер Чаранис [26].

Среди отечественных авторов, попытки анализа развития отдельных территорий византийской Италии были предприняты сравнительно недавно. Так, стоит отметить работу П. А. Рязанова [18], посвященную особенностям развития города Амальфи, как самой южной итальянской торговой республики, к тому же находившейся под патронажем Византии. Процессы, происходившие в центральной и северной Италии в VII–X веках, т.е. в поствизантийскую эпоху, рассматривают в своих работах О. Р. Бородин [1] и А. Б. Целунов [22]. Основной акцент в их работах делается именно на социально-экономическом влиянии Византии на развитие региона. Делается вывод о том, что даже после завоевания этих земель лангобардами и франками в отдельных районах сохранялась византийская традиция. К сожалению, подобных фундаментальных исследований по Южной Италии пока что мало в отечественной историографии. Культурные и демографические процессы в этом регионе рассматривает в своих работах М.А. Курышева [11; 12]. Автор затрагивает важные аспекты этно-религиозного смешивания греков и лангобардов, что несло негативные последствия для ромейской власти в регионе. Административные вопросы, связанные с положением византийских владений в Италии в VI – XI веках, затрагиваются в диссертационном исследовании Е.В. Степановой [19]. Эволюцию военно-административного устройства византийских провинций характеризует в своей работе А.С. Мохов. Среди прочего делается вывод о деградации фемного устройства в Южной Италии IX–X веках, что связано с утратой Сицилии и общей нестабильностью в регионе [15, с. 140–141].

Разумеется, в данный перечень вошли далеко не все зарубежные и отечественные авторы, а лишь самые знаковые работы, представляющие основные направления в историографии. В настоящее время в центре внимания специалистов находятся такие вопросы как социально-экономическое развитие отдельных византийских владений в Италии, этно-демографические и социальные процессы, развитие административных и гражданских институтов власти ромеев в регионе. В последних работах все чаще привлекаются археологические, нумизматические, сфрагистические данные.

Одной из ключевых особенностей изучения византийских памятников Южной Италии IX–XI веков является их плохая сохранность. Так, итальянскими учеными не раз поднималась тема существования ромейского лимеса (лимитон) – оборонительного сооружения, защищавшего греческие владения от лангобардов. Постоянным дискуссиям способствует существование разрозненных остатков оборонительных сооружений в округе Салерно и далее вплоть до Апулии. Однако до сих пор не доказано, что эти отдельные фортификации были частью единой системы [37, р. 333–337].

Говоря о памятниках фортификационных сооружений византийской эпохи в Южной Италии, нужно отметить, что сохранились они крайне фрагментарно. Большая часть ромейских укреплений были снесены либо норманнами, либо арабами, а на их месте в позднее время были воздвигнуты новые крепости и замки. Так, по данным письменных и других источников удалось установить, что в 1020-е годы византийским катепаном Василием Воиоанном были восстановлены и укреплены города: Региум, Троя, Драгонара, Чивитате, Кастел Фиорентино и Монте Корвино. Исключая первый, остальные города находились на границе с лангобардскими княжествами, а значит их восстановление имело в себе цель укрепление обороны. Впрочем, лучше других к настоящему времени сохранился лишь византийский

кастрон Сан Никето возле города Реджо-ди-Калабрия (Региум), выступавший убежищем для жителей города при нападении неприятеля [23, р. 148–150].

У подножия Сан Никето частично сохранился византийский купольный храм Санта Мария Аннунзиата, где представлена византийская фреска XI века с изображением Христа Пантократора [32, р. 13–49]. Именно остатки византийских храмов являются второй важной группой архитектурных памятников Южной Италии.

Также, как и крепости, многие церковные сооружения византийского периода были перестроены в эпоху классического средневековья или позднее, однако храмовые постройки сохранились лучше. Среди памятников церковной архитектуры Южной Италии стоит выделить крестовокупольный храм св. Перта в Отранто, который с момента постройки в IX–X веках практически не претерпел изменений, однако внутреннее убранство сохранилось частично [30]. Наиболее выдающимся сохранившимся памятником византийской эпохи является храм «Католика ди Сило» IX века, расположенный в городе Сило провинции Реджо. В своем первоначальном виде храм дошел до нас благодаря реставрации в 1911–1927 годах, которую проводил куратор древностей региона Паоло Орси [25]. Однако интерьер храма полностью утрачен. Отдельные архитектурные элементы греческих храмов сохранились в кафедральном соборе св. Сабина XIII века [33] и соборе св. Анны XVI века [24], построенных на основе более ранних сооружений ромейской эпохи.

В целом, важные для политической истории монументальные памятники, представленные прежде всего церковными и оборонительными сооружениями, представлены довольно разрозненно, однако именно по ним можно отследить пределы влияния Византийской империи в регионе.

Плохая сохранность материальных памятников может быть компенсирована письменными источниками. Традиционными и основными источниками по истории византийской империи являются хроники, как правило, написанные приближенными ко двору императоров сановниками. Внешняя политика царей Македонской династии до середины X века излагается в трудах анонимных ромейских хронистов, которых в исторической науке принято объединять под общим псевдонимом «Продолжатель Феофана» [17]. Важными источниками по истории Византии в IX – XI веках также являются труды Иоанна Скилицы [28] и Михаила Пселла [14]. Однако «Хронография» Пселла в оригинале не содержит датировок событий и, в целом, уступает в точности и последовательности изложения фактов. Основное внимание этого византийского хрониста было сконцентрировано вокруг придворных интриг XI века. В тоже время, написанная несколько позже хроника Скилицы более подробно излагает внешнеполитическую историю византийского государства. Мадридская версия рукописи, хранящаяся в Национальной библиотеке Испании, также содержит иллюстративный материал. Ряд миниатюр посвящен событиям на итальянском направлении: захват арабами Сиракуз в 878 году, высадка войск Георгия Маниака в 1038 году и т.д.

Общей чертой перечисленных хроник является то, что события, происходившие в Южной Италии в IX–XI веках довольно слабо освещены. Многие важные события, такие как отвоевание Апулии Никифором Фокой Старшим в 880-х годах или норманнская экспансия в первой половине XI века попросту игнорируются греческими авторами. Восполнить этот пробел призваны труды местных итальянских хронистов – лангобардского и норманнского происхождения. Сравнительно недавно в отечественную науку И.В. Дьяконовым были введены хроники Лупы Протоспафария и Барийского анонима, а также Салернская хроника неизвестного монаха из монастыря св. Бенедикта и Барийские анналы [21, с. 300–587]. Данные источники во многом синхронны, т.е. повествуют примерно об одних и тех же событиях X–XI веков, однако содержат также уникальные данные по истории

Южной Италии в эту эпоху, в том числе дополнительно уточняя характер взаимоотношений ромеев с лангобардскими князьями.

Характеристику общего положения дел в Италии в середине X века, а также взаимоотношения ромеев с германцами дает в своей «Книге Возмездия» епископ Лиутпранд Кремонский [13]. Излагаемые в книге данные лангобардский епископ получил лично от императора Никифора Фоки во время дипломатического визита.

В вопросе нормандского проникновения в Италию и их последующей экспансии остается достаточно белых пятен: нет единой точки зрения на вопрос того, как норманны прибыли в регион; почему византийская администрация довольно пассивно реагировала на норманнскую экспансию и т. д. Однако, в целом, история норманнского завоевания Южной Италии восстанавливается по трудам Вильгельма Апулийского [5] и Готфрида Малатерры [6]. Два этих автора, будучи по происхождению нормандцем и итальянцем соответственно, представляют противоположные точки зрения на события XI–XII веков.

Таким образом, в настоящее время политическая история Южной Италии в IX–XI веках представляется достаточно хорошо освещенной событийно, однако перед исследователями до сих пор остается ряд не разрешенных вопросов, которые в большей степени сводятся к характеру взаимоотношений ромеев и лангобардов. Эта тема становится особенно актуальной в рамках отечественной науки в результате введения в нее ряда новых источников.

Источники и литература

1. Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетейя, 2001. 474 с.
2. Бьяджо П. Варвары и Византийцы на Сицилии / перев. В. Г. Изосина. 2019. URL: <https://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1532551005#sel=> (дата обращения: 12.09.2023)
3. Васильев А.А. Византия и арабы / А. А. Васильев. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. 408 с.
4. Васильев А.А. История Византийской империи в 2 томах. СПб.: Алетейя, 1998.
5. Вильгельм Апулийский Деяния Роберта Гвискара. URL: <http://odnapllyazyk.narod.ru/drg.htm> (дата обращения: 12.09.2023)
6. Готфрид Малатерра О деяниях Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и его брата, герцога Роберта Гвискара // Хроники Сицилийского королевства / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2021. 542 с.
7. Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия) / Пер. с нем. М. Литвинова, В. Линде, В. Савина. М.: Альфа-книга, 2008. 1280 с.
8. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. Перевод с французского и предисловие доц. Б.Т. Горянова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/osnovnyye-problemy-vizantijskoj-istorii/ (дата обращения: 12.09.2023)
9. История Византии в трех томах. Том II / под ред. С.Д. Сказкина. М.: Наука, 1967. 480 с.
10. Курышева М. А. Регионы и периферия Византийской империи. Южная Италия и Сицилия // Православная энциклопедия. 2004. Т.VIII. С. 203–208.
11. Курышева М. А. Регионы и периферия Византийской империи. Южная Италия и Сицилия // Православная энциклопедия. 2004. Т.VIII. С. 203–208.
12. Курышева М. А. Этно-демографические процессы в Южной Италии периода средневековья: греческое население XI–XII вв.: дис. канд. ист. наук. М.: 2004. 217 с.
13. Лиутпранд Кремонский Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Перевод с лат. и комментарии И. В. Дьяконова. М.: «SPSL» «Русская панорама», 2006. 192 с.
14. Михаил Пселл Хронография / перевод Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 324 с.
15. Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2013. 276 с.

16. Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. М. 1858. 32 с. URL: <http://myriobiblion.byzantion.ru/themata/themata.html> (дата обращения: 12.09.2023)
17. Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей / изд. подготовил Любарский Я. Н. СПб.: Алетейя, 2009. 400 с.
18. Рязанов П. А. Амальфи в Средние века: Расцвет и угасание средиземноморского торгового центра // Средние века. 2013. Т. 74. С. 251–285.
19. Степанова Е. В. Некоторые вопросы истории Италии и Сицилии VI–XI вв. по данным византийской сфрагистики: дис. канд. истор. наук. Санкт-Петербург: 2002. 412 с.
20. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Македонская династия. М: Астрель, 2011. 799 с.
21. Хроники Италии / Перевод с лат. и комм. И. В. Дьяконова. М.: Х94 «5Р5Ь»-«Русская панорама», 2020. 616 с.
22. Целунов А. Б. Социально-экономическое развитие поствизантийской Италии. Романья во второй половине VIII – X вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. М.: 2019. 585 с.
23. Byzantium in the Year 1000 / Ed. by Paul Magdalino. Leiden-Boston, 2003. 305 p.
24. Calabrese F. Bari, la piccola chiesa di Sant'Anna: lì dove si celebra la «benedizione dei neonati». URL: <https://www.barinedita.it/bari-report-notizie/n3228-bari-la-piccola-chiesa-di-sant-anna-li-dove-si-celebra-la-benedizione-dei-neonati> (дата обращения: 12.09.2023)
25. Cattolica di Stilo. URL: <https://www.calabriatours.org/heritage/cattolica-di-stilo.html> (дата обращения: 12.09.2023)
26. Charanis, Peter «On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy During the Middle Ages. » The American Historical Review. Vol. 52, No. 1 (Oct., 1946), pp. 74–86.
27. Christie N. The Lombards: The Ancient Longobards. Oxford; Malden: Blackwell Publishing, 1995. 292 p.
28. John Skylitzes A Synopsis of Byzantine History 811–1057 / Transl. by John Wortley. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 492 p.
29. Kreutz, Barbara M. Before the Normans: Southern Italy in the Ninth and Tenth Centuries. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. 268 p.
30. La chiesa di San Pietro, Otranto. URL: <https://www.bisanzioit.blogspot.com/2015/09/la-chiesa-di-san-pietro-ottranto.html> (дата обращения 12.09.2023)
31. Loud, G.A. «Southern Italy in the tenth century». In Reuter, Timothy (ed.). The New Cambridge Medieval History, Volume III c. 900–c. 1204. Cambridge University Press, 2006. pp. 624–645.
32. Martorano F. Santo Niceto la storia e il restauro Reggio Calabria: Iiriti Editore, 2013. 136 p.
33. Mosaico di Timoteo. Cattedrale di Bari. URL: <https://visitbari.wordpress.com/2015/11/10/mosaico-cattedrale-bari/> (дата обращения: 12.09.2023)
34. Oikonomidès, N. A. «Constantin VII Porphyrogénète et les Thèmes de Céphalonie et de Longobardie» // REB. 1965. T. 23. P. 118–123.
35. Pertusi, A. Constantino Porfirogenito: De Thematribus (in Italian). Rome: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1952. 210 p.
36. Shepard J. Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 1210 p.
37. Stranieri G. Un limes bizantino nel Salento? La frontiera bizantino-longobarda nella Puglia meridionale. Realtà e mito del «limitone dei greci» // Archeologia Medievale. 2000. №. XXVII. P. 333–355.

Мейер Д.Е.

РОЛЬ СКОМОРОШЕСТВА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В работе представлен анализ гражданской роли скоморохов в социальной жизни древнерусского государства. Рассматриваются исторические и теоретические аспекты русского скоморошества. В формате данной работы определяется вклад скоморохов в формирование праздничной культуры на Руси. В результате исследования был сделан вывод о том, что скоморохи в Древней Руси были особой группой ремесленников, к которым большая часть населения Древней Руси относилась доброжелательно. Также в статье говорится о взаимоотношении православной церкви с скоморохами.

Ключевые слова: праздник, народная праздничная культура, игра, феномен скоморошества, скоморохи, жрецы, музыканты, танцоры, ремесленники.

Abstract. The paper presents an analysis of the civil role of buffoons in the social life of the ancient Russian state. The historical and theoretical aspects of Russian buffoonery are considered. In the format of this work, the contribution of buffoons to the formation of festive culture in Russia is determined. As a result of the study, it was concluded that buffoons in Ancient Russia were a special group of artisans, to whom most of the population of Ancient Russia treated kindly. The article also talks about the relationship of the Orthodox Church with buffoons.

Key words: holiday, folk festive culture, game, the phenomenon of buffoonery, buffoons, priests, musicians, dancers, artisans.

Одним из важных аспектов традиционной русской культуры является феномен скоморошества. Во многом именно эта социальная прослойка была отражением части самобытной русской культуры. Исследование деятельности такого культурного феномена как скоморошество не обходилось без этимологической оценки самого термина. Во многом Яков Карлович Грот говорит о том, что слово скоморох пришло к нам от готского диалекта скамари, а также скандинавскому скемта – шутить [5]. Евгений Голубинский и Анатолий Кирпичников дали свою трактовку слову скоморох: от греческого скоммархос, идущее от слова скомма, то есть шутка и архо – начальствую. Соединяя эти два слова, мы получаем «старший над шуткой» [4, с. 755]. Григорий Ильинский считает, что скоморох – это производная от скоморити, то есть демонстрировать комичные или нелепые движения [7, с. 243]. Первое упоминание о деятельности такого культурного феномена как скоморошество датируется примерно началом XI века. Фаза расцвета скоморошьего движения на Руси относится к XV – XVII вв. Во многом стоит отметить, что культурная деятельность движения скоморошества относится к единственной форме развлечения народа в тот период. Также социально-культурный феномен скоморошества являлся одним из первых упомянутых течений в народной культурно-развлекательной традиции нашего народа. Оценка деятельности движения скоморошества со стороны властей того периода носит неопределенный характер, во многом это связано с тем, что до конца не был определен их социальный статус в обществе. Тем не менее они являются одними из главных популяризаторов народного творчества того

времени. Начинается бурный рост народного творчества: музыкального, театрального и литературного. Деятельность в культурной жизни носила сугубо народный характер, что в свою очередь делало их популярными среди крестьянства и бедноты. Творчество скоморохов отражало дух времени, со всеми его составляющими частями.

Активное изучения деятельности скоморошьяго движения начинается с начала XIX века. К видным исследователям можно отнести историка Ивана Дмитриевича Беляева, который одним из первых затрагивает основополагающую проблему происхождения такого культурного феномена, как скоморошество. Он считает, что образование скоморошества в первую очередь связано с запросом общества того периода. Беляев подчеркивал, что основы творчества скоморошества напрямую были отражением ритуального веселья и жреческого культа того времени [1, с. 70-71]. По мнению историка Александра Николаевича Гальковского, скоморошество является запросом общества, который связан с потребностью социума в создании народного творчества [3, с. 314]. В изучении феномена скоморошества также преуспели Александр Анатольевич Белкин и Александр Михайлович Панченко, которые говорили о самобытности феномена скоморошества, а также подчеркивали его происхождение. Параллельно с этим изучали быт, культуру, и религиозную составляющую социума Руси в тот период.

Стоит отметить, что в период язычества культурный феномен скоморошества обретает черты сакральной традиции того периода. В этой связи причудливость действий скоморохов является частью обрядовой составляющей языческого культа того времени. Скоморохов в обществе воспринимали неоднозначно, люди считали их деятельность схожую с обрядами жрецов. Отличительной чертой в процессе деятельности скоморохов является умение играть на различных музыкальных инструментах, а также талант вызывать у людей смех путем переодевания в причудливые одеяния и постановки театрализованных представлений. Скоморохи принимали активное участие в межсезонных сакральных представлениях, где они выступали в качестве шутников над смертью. Стоит сказать, что в культурной и религиозной традиции того периода важным являлись сезоны года, с которыми ассоциировались определенные божества из пантеона древних славян. Социальная группа скоморохов не отличалась какой бы то ни было упорядоченностью. Учитывая этот факт, ученые условно разделили их на два класса, это местные скоморохи, или же оседлые, которые занимались своей деятельностью в моменты острой необходимости либо в преддверии празднеств. Как правило, помимо всего этого, человек также занимался насущными вопросами, имел профессию и ремесло. К второму классу исследователи отнесли скоморохов странствующих, которые перемещались по территории государства, совершая действия, относящиеся к своему основному роду деятельности. Во многом ввиду своего образа жизни они не имели профессии и постоянного жилья, что делало их основной род занятий главенствующим в жизни человека. Переломным моментом в жизни не только социальной группы скоморохов, но и всего российского государства стало принятие народом новой веры. Христианское вероучение шло против языческих обрядов, к коим причисляли и скоморохов. Первой попыткой в процессе борьбы с языческими куклами стало осуждение движение скоморохов в начале XI века. Нужно сказать, что социальная структура скоморошества не перестала быть актуальной и все также активно принималась обществом того времени. Также важным является то, что в результате политического переустройства государства в XV – середины XVI веков, отношение к такому социальному феномену как скоморошество осталось неизменным. В этот период восприятие скоморохов в обществе меняется. Сакральный смысл их потешных дел растворяется в конкретном и обычном запросе общества на увеселение. В данной ситуации мы видим, что скоморошество как социальный феномен проходит процесс трансфор-

мации, где они превращаются в подобие придворных шутов. Основной род занятий скоморохов в данный период является посещение различных праздников. Также они служили в барских или княжеских домах, где на пирах занимались увеселением публики. При этом стоит отметить, что сакральная часть деятельности скоморохов перестает быть актуальной в Христианской повестке того времени и в итоге вовсе теряет свой смысл. Отличительными чертами, которыми обладал человек, ставший скоморохом, были легкий характер, чувство юмора, акробатика и ловкость, игра на музыкальном инструменте, а также умение выходить из нелегких ситуаций. Активный процесс притеснения скоморошества начинается в конце XVI – середине XVII века. Деятельность скоморохов во многом шла в разрез с православной верой, что создавало предпосылки со стороны государства для их искоренения. Стоит отметить, что уже с конца XVII века скоморошество как социальный феномен начинает исчезать. Важным является то, что скоморошество как социальный институт окончательно не удалось уничтожить. Он стал трансформироваться в формате ярмарочных празднеств, где сохранились основные отличительные особенности скоморошьей культурной традиции. Исследователь Марина Васильевна Литвинова считает, что культура скоморохов имела свое отражение и в XVIII веке. Городские и сельские центры становятся главными местами для всеобщих празднеств. В этой атмосфере скоморохи продолжили свою деятельность, хотя и было понятно, что это уже видоизмененная социальная система, которая не будет функционировать как прежде [8, с. 79]. Также в этой связи важным является отметить точку зрения известного филолога и фольклориста Анны Федоровны Некрыловой, которая считает, что городская площадь является центром сбора нашего отечественного искусства. Именно тут такой культурный феномен как скоморошество и продолжает свое дело по увеселению народа [9, с. 11]. Резюмируя вышеизложенное, стоит сказать, что институт скоморохов являлся важной самобытной социальной составляющей нашего общества на протяжении долгих лет. Определяющим в это связи является особенная исключительность данного социального процесса. Историками и исследователями было выяснено, что феномен скоморошества является уникальным социальным явлением для нашего государства и не имеет аналогов в мире.

Источники и литература

1. Беляев И. О скоморохах // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12053647?page=20&rotate=0&theme=white (дата обращения: 15.09.2023).
2. Белкин А.А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. 192 с.
3. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков: Епархіальная типографія, 1916. 376 с.
4. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Часть 2. М., 1881.
5. Грот Я.К. Из истории Угрии и славянства в 12 веке. URL: <https://www.rulit.me/author/grot-ya-k/iz-istorii-ugrii-i-slavyanstva-v-12-veke-download-free-375731.html> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=37847> (дата обращения: 15.09.2023).
7. Ильинский Г. Славянские этимологии. Т. XX, кн. 2. СПб., 1918.
8. Литвинова М.В. Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. Белгород: Политекстра, 2004. 155 с.
9. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX в. Л.: Искусство. 1984. 189 с.

Кирпилёв К.С.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОДНОНЕФНЫХ ХРАМОВ ХЕРСОНА И ЮЖНОБЕРЕЖНОЙ ТАВРИКИ В X–XV ВВ.¹

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы изучения однефных храмов Херсонской епархии в Крыму сквозь призму взглядов современных авторов. Освещены основные дискуссионные вопросы. Приведены точки зрения ведущих крымских ученых и исследователей по изучаемой проблеме.

Ключевые слова: археология средневековой Византийской ойкумены, Крым, историография, однефные храмы, храмы, однефная церковь, церковная архитектура, Византийская Таврика.

Abstract. The article deals with the main problems of studying the single-nave churches of the Kherson diocese in the Crimea through the prism of the views of modern authors. The main discussion issues are highlighted. The points of view of leading Crimean scientists and researchers on the studied problem are given.

Key words: archeology of the medieval Byzantine Ecumene, Crimea, historiography, single-nave temples, temples, single-nave church, church architecture, Byzantine Taurica.

Малые однефные храмы, представлявшие собой строения с прямоугольным в плане наосом и примыкавшей к нему полукруглой или гранёной апсидой, сооружались повсеместно в качестве крепостных, монастырских, квартальных, усадебных, общинных и кладбищенских церквей [1, с. 129]. Они стали наиболее распространённым видом культовых построек в христианском мире, начиная с IV–V вв. [2, с. 64]. Херсон и Южнобережные поселения не стали исключением - в ходе археологических разведок и раскопок здесь выявлен целый ряд этих христианских памятников, сравнительный анализ которых является основной задачей нашего исследования.

Отметим, что для большинства однефных храмов Херсона характерны небольшие размеры, один или два входа, выступающая полукруглая апсида, при этом, в отличие от Южнобережных храмов X–XV вв., гранёных апсид в Херсоне выявлено мало (Базилика Леонтия); некоторые храмы имели притвор [4, с. 160–166]; [1, с. 130]; [4]; [5]; [6].

Размеры однефных храмов Южнобережья варьируются, но соотношение длины и ширины в среднем сохраняется в значении 1/3, что наблюдается и в Херсонесе. При этом средние размеры однефных храмов Херсона и Южнобережья достаточно близки: длина 5–6 м., ширина 3–4 м., расстояние между плечами апсиды – 2–2,5 м. Согласно вычислениям С.Г. Рыжова, приблизительная высота однефных храмов Херсона в среднем была не более 5 м, для храмов на Южном берегу

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья», соглашение № 075-15-2022-1130.

она варьируется от 5 до 6 м. [4, с. 160-166]; [1, с. 130]; [5]. Однако, несмотря на некоторые различия в размерах, объёмно-планировочная структура храмов оставалась неизменна [7, с. 443]; [4, с. 160-166].

На некоторых памятниках сохранились детали оконных проемов, в частности, – фрагменты арочных блоков. На Южнобережье окна в большинстве случаев располагались «на продольной оси над входом, в верхней части щипца и в апсиде, а отдельные постройки дополнительно освещались также с боков» [1, с. 130], похожее расположение мы наблюдаем и в Херсоне [4, с. 160-166]. Размеры окон также примерно одинаковые: в Херсоне – 50-60 × 100 см., на Южнобережье – 60 × 80-100 см. Но стоит отметить, что сохранность окон низкая и имеет место только на 5 храмах Южнобережья из более чем 100 известных, а размеры окон для Херсона вычислены на основе работ и реконструкций С.Г. Рыжова [4, с. 160-166].

В однефных храмах Херсона пол был вымощен плитами известняка, иногда – мрамора, или плинфой [8, с. 275], в то же время, на Южном берегу открыты храмы, в которых пол покрывали сланцем, бутовым камнем; но чаще в обоих районах встречаются варианты с земляными полами. Существует отличие в способах покрытия крыш храмов – в Херсоне материалом кровли служила черепица, тогда как на Южнобережье – в преобладающем числе случаев для этого использовались плитки сланца, залежи которого часто обнаруживаются в горной местности полуострова. На основании того, что иногда вместе с плитами сланца обнаруживаются остатки черепицы, можно сделать предложение что в некоторых случаях, черепицей могла быть покрыта лишь крыша апсиды.

Отметим, что несмотря на проводившиеся исследования, вопрос датировки однефных храмов на территории Крыма остаётся дискуссионным. По мнению С.Г. Рыжова, однефные храмы на территории Херсона появляются в конце X – начале XI века, что подтверждается как археологическим материалом, так и общей градостроительной ситуацией. Но последнее утверждение спорно, поскольку в других поселениях (например, Эски-Кермен), наблюдается позднее строительство храмов, которые вписывали в уже существующий квартал. На Южнобережье данный архитектурный тип культовых сооружений появляется в VIII–IX вв. [5]; [7]; [1]; [6]. Таким образом, можно констатировать несоответствие временных периодов – несмотря на то что именно Херсон, являлся экономическим центром Юго-Западного Крыма однефные храмы Южнобережья имеют более раннюю датировку чем храмы Херсона.

Многие южнобережные храмы поздневизантийского времени строятся на более ранних кладках, в то время как в Херсоне подобное явление не наблюдается, или наблюдается редко [1, с. 145]; [8, с. 275].

Разрушение большинства храмов в Херсоне происходит во второй половине – третьей четверти XIII в. в связи с нашествием кочевников [9, с. 244]. На южном берегу однефные храмы продолжали существовать, в основном, до XVIII в. и вероятно были разрушены после переселения православных жителей полуострова на материк [1]; [9].

В Херсоне и на Южнобережье в средне- и поздневизантийский периоды был широко распространен рассматриваемый архитектурный тип христианских культовых построек. На территории херсонского городища на сегодняшний день выявлено около 48 малых однефных храмов, на Южнобережье – более 100 [5]; [11, с. 361-385]; [8, с. 275]; [1]; [6]. Сравнительный анализ памятников показывает, что они имели много общих черт, но различались в частности. Дальнейшее изучение данной группы средневековых христианских сооружений представляется важным и перспективным при изучении экономической и религиозной жизни населения данных регионов. Одна из первых задач видится в составлении базы данных и картографировании этих памятников.

Источники и литература

1. Кирилко, В.П. Архитектурные миграции средневекового Крыма: однефные храмы южнобережной части полуострова / В. П. Кирилко // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2020. № 6. С. 129–152.
2. Иоаннисян О.М. Однефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология/ 2013. Труды Государственного Эрмитажа. LIX. С. 64–116.
3. Рыжов С. Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // *Древности 2004*. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НМЦ «МД», 2004. С. 160–166.
4. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Medieval churches of the Southern coast of Crimea (materials for the archaeological map) / Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // *Сборник чест на 60 години проф. дин Георги Атанасов / Добруджа*. Кн. 32. / Гл. ред. Г. Атанасов. Силистра: Регионален исторически музей – Силистра, 2017. С. 279–304.
5. Турова Н.П. Византийские храмы Южного Берега Крыма. Н. Оріанда, 2023. 264 с.
6. Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов Южного Крыма в «Сборнике Гавриила» // *Культовые памятники в мировой культуре V международная конференция по религиоведению*. Севастополь: Херсонес Таврический, 2003. С. 11–13.
7. Кирилко, В. П. Терминологический аспект в изучении однефных храмов средневекового Крыма // *В поисках сущности In search of the essence: сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Русева / Университет "Высшая антропологическая школа"*. Кишинэу: Stratum plus P., 2019. С. 427–448.
8. Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Малые однефные храмы средневекового Херсона (Херсонеса) // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: В 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года*. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. С. 274–275.
9. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // *Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии*. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 182–260.
10. Бертъе-Делагард, А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1920. № 57. С. 1–136.
11. Романчук. А.И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 544 с.

Лебедева И.Е.

**ОБРАЗ ВЕНЕЦИАНСКОГО НОТАРИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ ПЬЕТРО
ПЕЛЛАКАНА (1446-1456 ГГ.).¹**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В данном тексте исследуется, какой объем и каких именно сведений об авторе можно извлечь из серии публичных документальных источников. И хотя количество данных в итоге получается небольшим, оно подтверждает выводы предшествующих исследователей. Удалось выяснить, каков был характер нотариия, проследить его карьеру, уточнить оклад, время и место работы, типы актов, с которыми он имел дело, а также составить общий портрет заказчиков.

Ключевые слова: нотариий, XV век, нотариальный акт, образ автора, Венеция, Северное Причерноморье.

Abstract. This text explores how much and what kind of information about the author can be extracted from a series of public documentary sources. And although the amount of data turns out to be small, it confirms the conclusions of previous researchers. It was possible to find out what the character of the notary was, to trace his career, to clarify the salary, time and place of work, the types of acts with which he dealt, as well as to draw up a general portrait of his customers.

Key words: notary, XVth century, notarial act, author, Venice, Northern Black Sea region.

Объем сведений об авторе, извлеченных нами непосредственно из актов, довольно скуден. Образ нотариия нам позволило дополнить привлечение других источников (таких, как акты его предшественников и документы из архива Сената). Однако их оказалось вполне достаточно, чтобы в общих чертах представить себе работу Пьетро Пеллакана и подобных ему венецианских нотариев XV века.

Что же нам удалось выяснить? В Тану нотариий приезжает уже состоявшимся специалистом, имеющим за своими плечами стаж работы минимум в 5 лет (в Венеции и, возможно, в других городах). Попадает он в этот город морским путем и делает остановку в Каффе. В Тане он приступает к работе сразу же по приезде и работает здесь нотарием и канцлером при консулах Таны Марино Малипьеро (1446–1448), Марке Дуодо (1449–1451) и несчастном Андреа Баффо (1451–1452) в течение 6 лет, никуда более не отлучаясь.

К работе наш нотариий относится ответственно, пишет разборчиво и аккуратно как «аннотации», так и «чистовики» актов. Обладает недюжинным каллиграфическим талантом и использует для работы не простой курсив («как курица лапой»), а книжное письмо своей родины (курсивное написание минускульной ротунды).

Аккуратность, последовательность, дотошность и скрупулезность нашего нотариия проявляются буквально во всем: от системы сокращений до тщательного соблюдения формуляра средневекового нотариального акта. Формулы, выявленные

¹ Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья», соглашение № 075-15-2022-1130.

исследователями в актах еще XIV в., отражены в актах Пьетро Пеллакана полностью, просто-таки хрестоматийно.

Благодаря наличию в картулярии инструмента чрезвычайной важности, составленного по повелению глав всех трех общин, проживающих в Тане (венецианской, генуэзской и мусульманской), мы располагаем полной формулой, четко отражающей должность и статус Пьетро Пеллакана: «Я, Пьетро Пеллакан, венецианский клирик из прихода Санта-Мария-Формоза в Венеции, публичный, имперский авторизованный нотариус и ординарный судья, и вышеупомянутого великолепного господина Марка Дуодо, консула Таны, нынешний канцлер». Из данной подписи видно, что Пьетро Пеллакан был не просто нотариусом и судьей (данная связка имеет давнюю традицию), но нотариусом образованным и легальным, а также исполнял функцию канцлера при местном консуле. То есть человек он был интеллигентный и уважаемый.

Однако вряд ли его можно было назвать человеком состоятельным (хотя прежде нотариусы зарабатывали в разы больше тех же держателей лавки), поскольку нотариальной работы у него было не так много – в среднем он составлял около двух актов в месяц (с учетом того, что мы располагаем не всеми завещаниями, составленными Пьетро Пеллаканом в Тане). И хотя наш нотариус получал оклад и, возможно, оплату за исполнение каких-то других обязанностей, доходы его были явно меньше, чем у предшественников.

Для работы наш нотариус был доступен в любой день недели и в любое время года (в том числе и в церковные праздники). У Пьетро Пеллакана был свой кабинет, однако многие акты он составлял, что называется, «на выезде» – в доме заказчика или в публичном месте Таны.

В основном, деятельность нашего нотариуса ограничивалась гражданскими нуждами населения – составление торгового поручения (чего-то вроде доверенности), завещания, акта об освобождении раба. Надо сказать, что положение дел не сильно изменилось со времен Пьетро Пеллакана, и сегодня круг обязанностей нотариусов в разных странах примерно тот же.

Клиентами Пьетро Пеллакана были люди различных слоев населения (но в основном все же т.н. «элита» – нобили и купцы), принадлежавшие к различным этноконфессиональным группам. Однако подавляющее их большинство – соотечественники Пьетро Пеллакана, венецианцы.

Разумеется, многие вопросы о жизни нашего нотариуса (например, дата и место рождения, деятельность до 1446 г. и после 1456 г., дата смерти) остались без ответа, однако они вполне могут стать предметом дальнейшей работы с архивными документами с привлечением более широкого круга источников (новые документы, судебные дела, статистические данные торговли, документы финансовой отчетности, счетные книги, нарративные источники), потому что судьба нашего героя довольно типична: получив хорошее образование и проработав несколько лет на родине (при условии, что он окажется венецианцем), Пьетро Пеллакан уезжает на заработки в далекую Тану, а по возвращении продолжает работать нотариусом у себя дома до глубокой старости или даже смерти. Мы знаем, что период его трудовой деятельности составляет 35 лет, с 1428 по 1463 г.

Источники и литература

Источники (опубликованные лишь частично):

- a. Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, 148 Pietro Pellacan
- b. Archivio di Stato di Venezia, Notai di Venezia, Testamenti, 826 Pietro Pelacan

Литература:

1. Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 5. СПб., 2001. С. 9–26.
2. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2х тт. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб., 2021.
3. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
4. Хвальков Е.А. Документы венецианских нотариусов Таны Никколо де Варсиса и Бенедетто де Смеритиса 1428–1454 гг. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. Вып. 9. СПб., 2015. С. 139–160.
5. Doumerc B. La Tana au XVe siècle // Etat et colonisation au Moyen Age et à la Renaissance. Lyon, 1989. P. 251–266.
6. Khvalkov E. Notarial deeds of Varsis and Smeritis // Studi Veneziani, N. S. LXXVIII. Pisa – Roma, 2018. P. 234.
7. Khvalkov E. The Colonies of Genova in the Black Sea Region. New York and London, 2018.

Гриненко Л.О.

ЛЕОНЕ АНДРЕА МАДЖОРОТТИ И ЕГО ОПИСАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

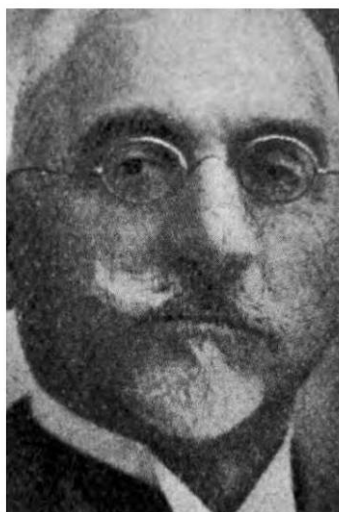
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Имя итальянского военного историка Леоне Андреа Маджоротти (Leone Andrea Maggiorotti) известно в нашей стране, благодаря первому тому издания «L'opera del genio italiano all'estero. Gli architetti militari», где свидетельства итальянского присутствия на Черном море посвящена обширная глава. Несмотря на то, что собранные Маджоротти сведения не открывают ничего нового для изучающих памятники крымского средневековья, некоторые замечания этого знатока военной науки представляют интерес. Кроме того, более подробное освещение биографии этого человека позволяет прибавить ценности его обзорным статьям о фортификации Каффы, Солдайи, Чембало и других крымских владений итальянцев.

Ключевые слова: Леоне Андреа Маджоротти, итальянские колонии в Крыму, средневековая фортификация, биография историка.

Abstract. The name of the Italian military historian Leone Andrea Maggiorotti is known in our country thanks to the first volume of the publication “L'opera del genio italiano all'estero. Gli architetti militari”, where an extensive chapter is devoted to evidence of the Italian presence at the Black Sea. Despite the fact that the information collected by Maggiorotti does not reveal anything new for students of the monuments of the Crimean Middle Ages, some of the comments of this expert in military science are of interest. In addition, more detailed coverage of the biography of this person allows us to add value to his review articles on the fortification of Caffa, Soldaya, Chembalo and other Crimean possessions of the Italians.

Key words: Leone Andrea Maggiorotti, Italian colonies in Crimea, medieval fortification, biography of the historian.

Леоне Андреа Маджоротти
Leone Andrea Maggiorotti
(1860–1940)

Итальянский историк и писатель Леоне Андреа Маджоротти известен на родине, благодаря своим довольно многочисленным трудам, в основном, посвященным фортификационной архитектуре. В нашей стране известность заслужил первый том издания «L'opera del genio italiano all'estero. Gli architetti militari» (Творения итальянского гения за рубежом. Военные архитекторы), который посвящен эпохе средних веков. Он был выпущен в Риме, в 1933 году. Четвертая глава этого тома описывает памятники военного зодчества итальянцев, сохранившиеся на территории всего Причерноморья и Азова – Крым, побережье Кавказа, Румынии и Турции [4, p.191-360].

Всего в издании три тома, второй том «Gli Italiani nell'Architettura Militare dell'Epoca Moderna e Contemporanea» (Итальянцы в военной архитектуре Нового и Новейшего времени) вышел в 1936 году, третий – «Gli Architetti Militari Italiani nella Spagna, nel Portogallo e nelle loro Colonie» (Итальянские военные архитекторы в Испании,

Португалии и их колониях) – в 1939 году. Все тома прекрасно изданы – это богато иллюстрированные книги большого формата (30х23,5 см) и объёма: в первом томе 635 страниц, во втором и третьем – 482 и 415 соответственно. Антиквары описывают это многотомное издание как редкое, тираж его составил 550 экземпляров, напечатанное на плотной бумаге ручной выделки цвета слоновой кости. Один экземпляр первого тома хранится в научной библиотеке музея-заповедника «Херсонес Таврический», предположительно он попал туда в рамках послевоенного возмещения библиотечных фондов разрушенных городов СССР, для чего использовались и трофейные книги из собраний Германии.

Научная ценность этой компиляции оценивается современными отечественными исследователями невысоко [1, с. 290], хотя отдельные замечания или сведения из неё находят своё место в их публикациях [2, с. 41]; [3, с. 18]. Собственно, о крымских колониях итальянских морских республик рассказывается на более, чем 120 страницах тома, вначале даётся описание «Империи Газарии» и поясняется, какие географические области и хронологические границы имеет этот исторический термин. Затем подробно описываются Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Чоргунская башня, Каламита и окрестности, основное место уделяется фортификации. Для иллюстрации этих пассажей Маджоротти широко использовал публикации российских учёных, а также фотографии из архива Лигурийского общества истории Отечества (*Società Ligure di Storia Patria*). Делегация общества посетила Крым в 1913 году, собрав здесь достаточно материалов. В целом, работу Маджоротти современные учёные определяют как добротную, хорошо иллюстрированную компиляцию известных на то время сведений об итальянском присутствии вне Италии.

Биографических сведений о Леоне А. Маджоротти сохранилось немного, наиболее полное описание его жизни удалось найти пока только в издании, опубликованном ассоциацией выпускников его *alma mater* – Королевской военной академии («*Nunziatella*»), основанной в Неаполе в 1767 году [5, р. 70–71]. Там же помещен и его портрет (Рис. 1), а также библиографический перечень.

Родился Леоне Андреа Маджоротти 26 августа 1860 года в Милане, с 1875 по 1878 гг. учился в престижной военной академии в Неаполе, известной как Нунциателла, по имени соседней церкви Благовещенья (Малая церковь Благовещенья), из стен которой вышло много видных деятелей Италии, причем не только в области военной науки. Судя по всему, Леоне Андреа был талантливым инженером. После обучения в Нунциателле он окончил курс в Миланском политехническом институте, по другим сведениям, учился и в Турине, с 1883 года, уже будучи в чине лейтенанта, преподавал фортификацию и строительство в Школе артиллерийского и инженерного искусства в Турине. Вехи его военной карьеры ясно свидетельствуют, что Л.А. Маджоротти интересовался техническими новинками, участвовал в переводе армии с конной на автомобильную тягу, позже занимался развитием военной авиации. Именно он разработал знаменитую авиационную бомбардировку Котора, второй по значимости морской гавани Австро-Венгерской империи, во время Первой Мировой войны (в этой операции принимал участие Габриэле д'Аннунцио). В отставку Леоне Андреа Маджоротти вышел в 1929 году, в чине генерала, занялся написанием исторических и теоретических трудов в области военной истории и архитектуры. Умер в Риме 4 февраля 1940 года.

Было ли отношение Л.А. Маджоротти к фашистскому режиму Муссолини полностью одобрительным сказать трудно, многие итальянские интеллектуалы, увлекавшиеся ницшеанскими идеями в первые десятилетия XX века, позже были разочарованы их упрощением. Генерал Маджоротти какое-то время был частью этого режима, находясь на службе в армии, общаясь с его идеологами, такими как

Габриэле д'Аннунцио и другими. Книга об итальянских архитекторах, упоминаемая в этой статье, датирована одиннадцатым годом «фашистской эры».

Возвращаясь к творчеству Леоне А. Маджоротти, следует сказать, что библиография его работ, включая и те, где он выступал редактором, комментатором, автором предисловий, насчитывает более двух десятков наименований. Среди них, кроме специальных исследований в области военной фортификации, обращают на себя внимание искусствоведческие работы, такие как «Изображения войны в античном искусстве» и «Выражение боли в батальной живописи». Это характеризует Л. Маджоротти как человека разнообразных интересов. Ещё одним значимым трудом Маджоротти является «Краткий словарь итальянских военных архитекторов и инженеров», вышедший в 1935 году.

Данная статья не претендует на полноценное исследование жизни и творчества Леоне Андреа Маджоротти, скорее всего, в этом и нет необходимости, но дополняет представление о нём, как о человеке, внесшем свой вклад в описание памятников крымского средневековья, связанных с Итальянскими морскими республиками.

Источники и литература

1. Адаксина С.Б., Мыц В.А. Основные этапы формирования оборонительной системы генуэзского города Чембало (1345–1475) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXVI. Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2017. С. 289–297.

2. Неделькин Е.В. Чоргунская башня: к вопросу о дате сооружения // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / Гос. ком. по охране культ. наследия Респ. Крым. Симферополь: ООО «Антиква», 2016. С. 38–47.

3. Яровая Е.А. Герадика генуэзского Крыма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 207 с.

4. Maggiorotti, Leone Andrea. L'opera del genio italiano all'estero. Architetti e architetture military. Volume I: Medio Evo. Roma: Libreria dello Stato, 1933. 635 p.

5. Izzo, Giuseppe. La Nunziatella nella Grande Guerra '15-'18. I Generali. Napoli: Associazione Nazionale ExAllievi Nunziatella. 2021. URL: https://www.academia.edu/72207907/La_Nunziatella_nella_Grande_Guerra_1915_1918_I_generali (date of access 24.08.2023).

Неукрытая Н.С.

ПОЛОЖЕНИЕ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИН В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ В XV-XVIII ВВ.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье на основе исторических источников проанализирован статус караимской и крымчакской общин в системе мусульманского права Крымского ханства.

Ключевые слова: караимы, крымчаки, Крымское ханство, этноконфессиональные отношения.

Abstract. The article analyzes the status of Karaite and Krymchak communities in the system of Muslim law of the Crimean Khanate on the basis of historical sources.

Key words: Karaites, Krymchaks, Crimean Khanate, ethno-confessional relations.

В формировании этноконфессиональных отношений Крымского ханства, немаловажную роль играли представители караимских и крымчакских общин. В официально принятой академической и научно-справочной литературе, термин «караим», чаще всего используется как в обозначении этноса, так и в определении приверженности кого-либо к караимской вере. Название этноса «караим» происходит от древнееврейского корня «кара» которое переводиться как «читать», а само слово «караим» дословно переводится как «читающие», или «сыны Святого Писания» [1, с. 87]. Данный этноним вошел в исторический обиход достаточно рано, еще в IX веке. Основателем караимизма был Анан бен Давид (713–795), происходивший из ортодоксально-иудаистского аристократического рода. По мнению Д.А. Прохорова, все её члены, опирались, на домишнаитские традиции саддукеев - одного из главных религиозно-политических течений в Иудее во II в. до н. э. – I в. н. э., первоначально они именовались «ананитами». Суть их доктрины заключалась в полном отрицании раввинистическо-талмудической традиции, заключённой в текстах Мишны и Талмуда [3, с. 24].

По мнению И.В. Ачкинази этноним «кърымчах» является самоназванием представителей небольшой по численности этноконфессиональной общности, которая сформировалась в Крыму, в результате интеграции представителей различных этносов, исповадовавших иудаизм. [2, с. 165].

Самые ранние иудейские анклавы появились в XIII веке на территории городов Каффа и Солхат, который после завоевания турок получил название Эски-Къырым [4, с.166]. Данные о присутствии в Каффе еврейского населения фиксируются в документах последней четверти XIII века, а затем прослеживаются в конце XV - начале XVI вв. в дефтерах кефинского тудуна. [5, с. 93]. Кварталы, в которых проживали представители еврейской и караимской общин, именовались, как правило, по имени сотника, или же папаса – духовного руководителя общины. Например, в османской Кефе по данным за 1542 год существовали кварталы сотника Исаака и папаса Авраама.

Караимы расселяются в районе Кырк-Ер (Чуфут-Кале) в промежутке 1342 и 1357 гг., постепенно крепость Кырк-Ер становится родовым гнездом крымских

караимов. Вследствие переноса ханской администрации в новую столицу - Бахчисарай, в течение XVI - XVII веков Чуфут-Кале постепенно, утрачивает свое административное значение [6, с. 243]. Примерно с XIV века караимские и крымчакские общины появляются в Карасубазаре и Евпатории, а во второй половине XV века формируется мангупская караимская община, которая просуществовала до конца XVIII века.

Ссылаясь на эпиграфические и археологические источники М.Б. Кизиллов пишет о существовании крымчакской фамилии «Мангули» и наличии на данной территории пещеры, использовавшейся в качестве миквы [4, с. 167]. О пребывании раввинистов в Чуфут-Кале свидетельствуют несколько надгробий на кладбище в Иосафатовой долине. Так, в 1669 году там был похоронен Иосиф бен Моше Меворах, по данным Авраама Фирковича «он был из крымских раввинистов, учитель Пятикнижия в Кале». [4, с. 169].

Несмотря на обширное количество источников, конкретная датировка появления караимской общины в Гезлёве, все еще остается затруднительной. Многие исследователи склоняются к тому, что первое появление караимской общины в городе определяется периодом XVI-XVIII вв. М.Б. Кизиллов ссылаясь на этнографические данные А.С. Фирковича, отмечает, что самый ранний надгробный памятник с местного караимского кладбища датируется 1593 годом, и, соответственно, по мнению автора, этим же временем следует датировать время появления там караимов. Более того, караимский ученый упоминает ряд надгробий, датированных XVII и XVIII веками, с такими именами, как Мордехай, Айтолы бат Авраам, Авраам бен Иосиф и др. [4, с. 119].

Администрация Крымского ханства проявляла лояльность к общинам караимов и крымчаков. Представители этих общин пользовались уважением и авторитетом крымских ханов, занимали должности советников и чиновников ханского двора. Начальниками монетного двора крымских ханов назначались только представители караимской общины.

Например, согласно ярлыку Селямет-Герая I выданного населению Чуфут-Кале в сентябре 1608 г., караимам подтверждались льготы, ранее полученные от прежних ханов, члены караимской общины, освобождались от некоторых налогов, пошлин и повинностей, им гарантировалась защита от внешних вмешательств. [7, с.110] Информацию о лояльном отношении ханской власти к представителям караимов, содержит ярлык Крым-Герая-Хана I, выданный в 1768 году караиму Шамуилу, с предоставлением ему аренды ханского монетного двора: «... как человеку, пользующемуся среди своих единоплеменников уважением и почетом и известному своей честностью и знанием дела» [7, с. 134].

Примером документа, характеризующим правовое и экономическое положение крымчаков в Крымском ханстве данного периода, может служить ханский ярлык, датированный 1597 г., хранившийся в начале века у карасубазарского крымчака М.А.Пейсаха. В тексте документа мы находим список повинностей, от которых освобождались несколько крымчаков и их потомство [2, с. 67].

В период существования Крымского ханства крымчакские и караимские общины находились под сильным тюркско-исламским влиянием. В основном это проявлялось в рамках культурных, бытовых и языковых заимствований. Караимы и крымчаки говорили на похожем этнолекте крымскотатарского языка, при этом караимы смогли сохранить иврит, или «лашон а-кодеш» или «святой язык». [8, с. 132]. На этом языке велось богослужение, осуществлялась деловая переписка, писали различные научные труды, создавались поэтические произведения, также на иврите записывались надгробные эпитафии.

Помимо свидетельств о внешне вполне благополучных взаимоотношениях между ханской администрацией и караимами Крыма, в источниках встречаются

сведения о проявлениях нетерпимости и притеснениях представителей иудейских общин полуострова. К концу 70-х годов XVIII века жизнь иудейских общин в Крымском ханстве становится все более трудной. Во времена правления Девлет и Шагин Гирея, с иудейского населения, в частности, с караимов, высшая власть пыталась взимать дополнительные незаконные денежные платежи кроме джизии и хараджа [4, с. 163]. Об этом свидетельствуют записи караимского хрониста Рабби-Азарья бен Илиягу, в них автор рассказывает нам о междоусобных противостояниях между Девлет и Шагин Гиреями, из-за которых сильно пострадало караимское население. Отправной точкой развития всех этих событий, стало злоупотребление властью со стороны Девлет-Гирея: «... Девлет-Гирей-Хан, желая ограбить Караимов, живущих в Чуфут-Кале, и монахов Успенского монастыря, взвел на них ложное подозрение, будто они нашли на земле монастырской сосуд, наполненный золотом, и приказал наполнить такой сосуд золотом и возвратить ему... жители монастырской обители были схвачены, и скованные брошены в заключение, и мучимы разными истязаниями, чтобы вынудить сознание, кто нашел этот клад...» [7, с.124].

Ссылаясь на данную хронику М.Б. Кизиллов отмечает, что у жителей общины не могло быть столько золота, и они, конечно же, нигде его не находили. И все же, чтобы спастись, они вынуждены были выплатить хану колоссальную сумму в 1200 грушей: «... Монахи тоже должны были внести 1000 груш, после чего были освобождены из заточения...» [7, с. 127]. Однако, как говорится в хронике, на этом беды не заканчивались. Уже после очередных восстаний против ханской власти и кровавых столкновений, иудейским общинам стало понятно, что так или иначе это коснется и их.

Сильнее всего пострадали именно зажиточные караимские общины, в результате нападений несколько десятков караимов было убито, а остальные вынуждены были оставить свое имущество и бежать в Чуфут-Кале: «Посланные из Чуфут-Кале, для отыскания погибших в упомянутом нападении на Узен-Баш, привезли их мертвые останки; весь наш народ зарыдал, плач и стоны были всеобщие, потому что эти несчастные жертвы были люди честные и благонамеренные» [4, с. 156]. Еще позднее двое караимов были повешены ханом в Гёзлёве и Бахчисарае по доносу местных армян.

Численность крымской караимской общины на 1782 г. составляла 1102 мужского населения, при общем количестве в 2600 человек караимского вероисповедания, общее количество представителей крымчакской общины составляло около 600 - 800 человек. После присоединения Крыма к России, караимы вносят прошение на имя Таврического генерал-губернатора графа П. А. Зубова, сообщая о своем происхождении следующее: «Общество наше древнее Еврейское под именем Караимы поселилось в Крыму назад тому около 450 лет. Прародители наши, как по преданиям известно, в дела правителей, под покровом коих жительствовавали не мешались никогда, вера по принятому ими закону и верность к государям были и ныне есть непреложными для нас зеркалами» [10, с. 459].

В результате этого ходатайства и в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 23 июня 1795 г. крымские караимы были освобождены от двойного налогообложения, которое было применено к евреям-раввинистам, а также от уплаты так называемых «рекрутских» денег и солдатского постоя, с учетом не вхождения в их общины должников и представителей других иудейских общин [11, с. 705–706].

Подводя небольшой итог, отметим, что государственная система Крымского ханства проводила достаточно лояльную политику в отношении караимского и крымчакского населения, в отличии от своих соседей они имели больше политических и экономических свобод.

Источники и литература

1. Мусаев, К.М. Синтаксис караимского языка. М., «Academia», 2003. 347 с.
2. Ачкинази, И.В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь. ДАР, 2000. 192 с.
3. Прохоров Д.А. Крымские караимы в эпоху Средневековья и в Новое время: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03/Прохоров Дмитрий Анатольевич. Симферополь, 2020. 570с. + Прил. (205 с.: ил.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnayaattestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-d-900-006-06/proxorov-dmitrij-anatolevich> (дата обращения 18.09.2023).
4. Кизилов М.Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. 336 с.
5. Прохоров Д. А. Иудейские общины в Крымском ханстве: правовой статус и основные занятия населения // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 91– 99.
6. Прохоров Д.А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2015. № 7. С. 237– 264.
7. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирея хана: перевод с еврейской рукописи караима Рабби-Азарья, сына Ильи. Временник общества истории и древностей российских. Т. 24. М., 1856 г. С. 101–134.
8. Кизилов М. Новые материалы о взаимоотношениях караимской и раввинистической (крымчакской) общин Крыма / New Materials on the Relations between the Karaite and Rabbanite (Krymchak) Communities of the Crimea. In Materialy XX Konferentsii po Iudaïke. Vol. II. Moscow, 2014. С. 127–139.
9. Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793– 1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
10. Прохоров Д.А. Некоторые дискуссионные вопросы истории иудейской общины Мангупа: к проблеме переселения караимов в конце XVIII – начале XIX вв // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. №22. С. 457–485.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXIII. С 1789 по 1796. СПб., 1830. 969 с.

Цымбал М.А.

РЕДКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ХСVII КВАРТАЛА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

Аннотация. В работе опубликованы наиболее редкие группы поливной керамики, найденные при раскопках ХСVII квартала Херсонеса.

Ключевые слова: Херсонес, поливная керамика, XII век, Middle Byzantine Production.

Abstract. The work publishes the rarest groups of glazed ceramics found during excavations of the ХСVII quarter of Chersonesus.

Key words: Chersones, glazed pottery, XII century, Middle Byzantine production.

Среди городов Византийской Империи особое место занимает Херсонес, в котором представлен целый ряд различных форм поливных сосудов. Наиболее показательными являются поливная (глазурованная) керамика из слоев разрушения города в конце X – первой половине XI и второй половины XIII в. Глазурованная керамика, хронологическая позиция которой попадает между разрушениями Херсонеса (вторая половина XI – первая половина XIII вв.) остается практически без внимания исследователей в связи с отсутствием как закрытых комплексов и «целых» предметов, так и весьма небольшим количеством её находок. Цель данной работы – введение в научный оборот фрагментов наиболее редких поливных сосудов, относящихся к так называемой Средневизантийской Продукции (Middle Byzantine Production), найденной в ходе раскопок ХСVII квартала Северо-Восточного района Херсонеса¹. Структура работы включает общее описание групп материала, описание конкретных находок и их номера на иллюстрации (рис.1).

Белоглиняная керамика с подглазурной росписью зеленого и красного цвета (Red and Green Ware in Glazed White Ware IV). Данная группа сосудов входит в группу «Glazed White Ware IV» выделенную Дж. Хейсом (далее GWW IV) [9, с. 30–33]. Наиболее известна по находкам белоглиняной керамики с подглазурной росписью зеленой и марганцевой красками (Green and Manganese Ware in GWW IV) из комплексов разрушения Херсонеса XIII в. [1]; [4]; [7]. GWW IV включает большое разнообразие белоглиняной керамики с подглазурной росписью и датируется на основании раскопок из Константинополя XII – началом XIII вв. Раскопки в Большом Дворце Константинополя и в регионе Нижнего Дуная дают основание для более ранней датировки бытования группы – второй половины/конца XI в. [14, р. 46–52]; [8, р. 241]. Исходя из большого количества находок данной керамики в слоях разрушения Херсонеса и кораблекрушения у пос. Новый Свет верхнюю границу бытования можно продлить до начала последней четверти XIII вв.

Сосуды группы Red and Green Ware in GWW IV были встречены при раскопках Большого дворца в стадии V в Константинополе [14, р. 47. pl. 24,4] и при раскопках Варны [10, р. 361 fig. 2,20–21]. В Херсонесе данная группа керамики была найдена в XX квартале Херсонеса. В. Н. Залеская, относит находки из Херсона к группе Полихромной керамики и датирует её XI в. [2, с. 66].

¹ Автор работы выражает глубокую благодарность за разрешение и содействие в публикации материала к.и.н. Сергея Владимировича Ушакова, доцента филиала МГУ в г. Севастополе, ст. научн. сотр. Института археологии Крыма РАН.

Группа белоглиняной керамики с росписью зеленой и красной глазурью не встречается в комплексах разрушения Юго-Западной Таврики в XIII в. и может датироваться в широких рамках с второй половины/конца XI по первую четверть XIII в. К сожалению, условия находок в Херсонесе, на данный момент, не могут уточнить время её бытования.

1. Блюда белоглиняного поливного фрагменты (край и 2 стенки). Размеры: 4,3х3,1х0,7; 4,3х6,3х0,8; 4,3х5,3х0,4. Место находки: квартал XCVII, помещение 23, квадрат 3, слой 4, раскопки 2023 г.

2. Блюда белоглиняного поливного донце. Размеры: 7,7х3,2. Место находки: квартал XCVII, помещение 18А, слой 2, раскопки 2012 г. [6, с. 201, рис. 84А,8].

Красноглиняная «мраморовидная» керамика с пятнистой глазурью (Spatter Ware). Поливная керамика с пятнистой глазурью, также как и GWW IV, включает в себя в себя различные по месту производства (?) и периоду бытования группы объединение по сходству художественного стиля. Данные сосуды, объединённые на основании покрытия, напоминающего «мраморную» структуру, которые получают за счет нанесения маленьких или крупных пятен зеленой, коричневой или фиолетовой глазури на слой ангоба.

В Коринфе данная группа датируется концом XI – первой четвертью XII вв. [11, р. 85; 13, р. 247]. Находки из раскопок Замка Акронауплия в Нафплионе хронологически определяются серединой – третьей четвертью XII в. [15, р. 349-350]. Наиболее поздние сосуды данной группы известны из раскопок Фракии и датируются концом XII – началом XIII вв. [12, р. 83] и первыми декадами XIII в. [12, р. 126]. В Херсонесе подобные сосуды были найдены при раскопках К.К. Костюшко-Валюжинича в юго-восточном углу городища и в XX квартале [2, с. 45]. Данную группу В. Н. Залесская также, как и предыдущую, отнесла к группе Полихромной керамики и датировала XII в. В рамках широких датировок данная группа синхронна группе RGW in GWW IV.

3. Блюда красноглиняного поливного донце. 7,4х3,3 Место находки: квартал XCVII, помещение 21, бровка, слой 4, раскопки 2015 г. [5, с. 112, рис. 131,9].

Красноглиняная поливная керамика с тонкой врезной линией по слою ангоба (Fine Sgraffito Ware). Из всех в представленных в данной работе групп, данная группа, по количеству находок, самая многочисленная. Исследователями Херсонеса датируется в пределах XII в. [3]. В. Н. Залесская выделила данную керамику в отдельную группу «Керамики, декорированной в технике тонкого сграффито» [2, с. 132-138]. Эта группа керамики встречается практически во всех городах Византийской Империи и датируется в пределах середины/второй половины XII – начала XIII вв. [9, р. 44-46; 16, р. 85].

4. Блюда красноглиняного поливной фрагменты. 2,1х2,8х0,8; 3,1х5,5х0,6. Место находки: квартал XCVII, помещение 23, квадрат 2, слой 2, раскопки 2023 г.

Красноглиняная керамика с росписью зеленой и коричневой глазурью (Green and Brown Ware II). Эта группа из представленных в Херсонесе является самой малочисленной. Группа Green and Brown выделяется отдельно на основании особенности подглазурной росписи ангобом, выполненной с помощью зеленой и коричневой (иногда черной) красками. Несмотря на то, что данная группа получила большое распространение в городах Византийской Империи, в Херсонесе практически не встречается. Из материалов раскопок XX квартала Херсонеса известен один фрагмент данной группы, который датирован В. Н. Залесской XIII в. и включен в группу «керамики с росписью ангобом» [2, с. 180]. Традиционная датировка для данной группы сосудов – вторая половина XII – начало/первая четверть XIII в. [16, р. 82].

5. Блюда красноглиняного поливного фрагмент. 5,3х3,8. Место находки: квартал XCVII, помещение 21, бровка, слой 4, раскопки 2015 г. [5, с. 112, рис. 131,10].

В заключении хочется сказать, что публикация данных сосудов и уточнение их хронологической позиции позволит лучше датировать слои, не связанные с периодами разрушения города, что способствует лучшему изучению стратиграфии.

Источники и литература

1. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. № 10. С. 182-260.
2. Залесская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV веков. Каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 256 с.

3. Романчук А. И. Один из «забытых» видов глазурованной посуды // Античная древность и средние века. 2001. № 32. С. 175–179.
4. Седикова Л. В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. №23 С. 402–458.
5. Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2016 году. Севастополь-Симферополь, 2017. Архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (ГМЗХТ).
6. Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2012 году. Севастополь-Симферополь, 2012. Архив ГМЗХТ. Д. 4275.
7. Ушаков С. В. Поливная керамика из комплексов XIII в. северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 70-92.
8. Barnea I. Ceramica de import. In *Dinogetia Asezarea feodala timpurie de la Disericuta-Garvan*, I. Bucuresti, 1967.
9. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Oxford, 1992. 464 p.
10. Manolova-Voykova M. Import of Middle Byzantine Glazed Pottery to the Western Black Sea Coast: the case of two cities - Varna and Anchialos. *Medieval Ports in North Aegean and the Black Sea. Links to the Maritime Routes of the East. International Symposium. Thessalonike*, 4-6 December 2013.
11. Morgan C.H. *The Byzantine Pottery (Corinth XI)*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 1942.
12. Papanikola-Bakirtzi D. *Late Byzantine Glazed Ceramics from Thrace*. Thessaloniki: Hellenic Ministry of Culture and Tourism. 2010.
13. Sanders G.D.R. *Byzantine Glazed Pottery at Corinth to c. 1125*. Unpublished PhD dissertation, University of Birmingham. 1995.
14. Stevenson R. *The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford-London. 1947.
15. Vassiliou A. Middle Byzantine glazed pottery from Nauplio: an overview. *Journal of Greek Archaeology*. №7. P. 333–368.
16. Vroom J. *After Antiquity. Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A. C.* 2003.

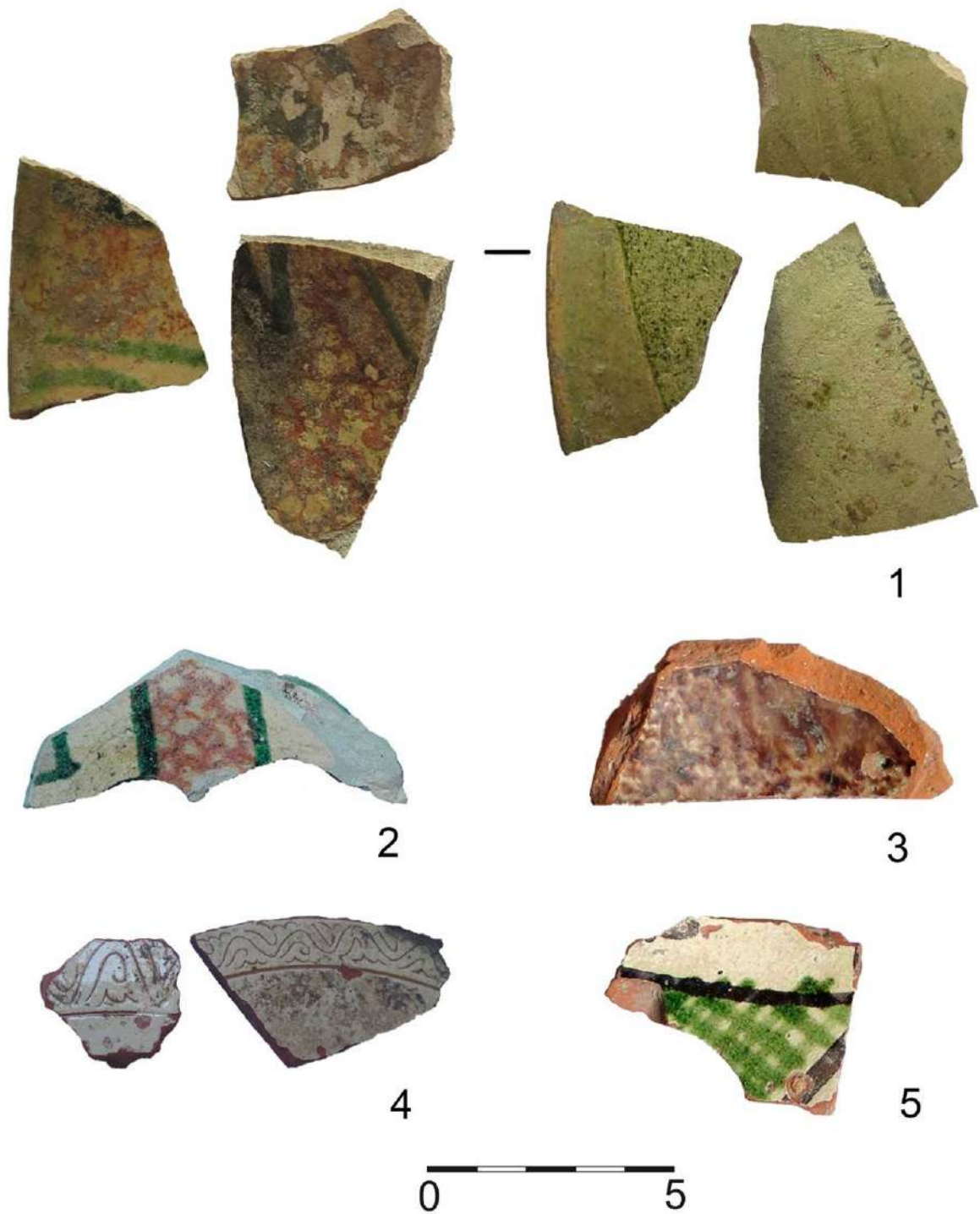

Рис. 1. Поливная керамика из раскопок XCVII квартала Херсонеса.

Жарков А.О.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ С МАМЛЮКСКИМ ЕГИПТОМ В XIII–XV. ВВ.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются дипломатические отношения Византийской империи с Египтом в XIII–XV веках. В связи с ростом могущества Осман в этот период и их противостоянием со вышеперечисленными державами, данные отношения имеют значимое влияние для дальнейшей судьбы рассматриваемого региона. Статья основана на базовых методологических принципах – объективности, научности, историзма, системности. В ходе исследования удалось установить, что отношения Византии с Египтом от дружественных постепенно перетекали в негативные, что было связано с утратой общих интересов и нарастанием противоречий. Также изменениям в отношениях двух держав поспособствовали внешние факторы в лице итальянских республик Генуи и Венеции, Ильханата, Тамерлана и Османского бейлика.

Ключевые слова: Византия, внешняя политика, дипломатия, Мамлюкский Египет, Восточное Средиземноморье.

Abstract. The article examines the diplomatic relations of the Byzantine Empire with Egypt and the state of Tamerlane in the XIII–XV centuries. Due to the growing power of the Ottomans during this period and their confrontation with all of the above powers, these relations have a significant impact on the future fate of the region in question. The article is based on the basic methodological principles – objectivity, scientific, historicism, consistency. In the course of the study, it was possible to establish that relations between Byzantium and Egypt gradually turned from friendly to negative, which was associated with the loss of common interests and growing contradictions. In addition, external factors in the face of the Italian republics of Genoa and Venice, the Ilkhanate, Tamerlane and the Ottoman Beylik contributed to changes in relations between the two powers.

Key words: Byzantium, foreign policy, diplomacy, Mamluk Egypt, Eastern Mediterranean.

Взаимоотношения Византии с Египтом в XIII–XV веках имеют важное значение для дальнейшей истории Малой Азии и Ближнего Востока, в частности они позволяют лучше рассмотреть изменение положения в регионе, связанного с расширением Османского государства. Отношения двух держав сыграли важную роль в этом процессе, охватившем не только Малую Азию и Северную Африку, но даже и Северном Причерноморье. Целью данного исследования является соединение всех данных о дипломатических отношениях Византии с Египтом, оценка влияния этих взаимодействий на дальнейшую судьбу региона.

Взаимоотношения Византии с Египтом в XIII–XV веках рассмотрены как в отечественной, так и в зарубежной историографии довольно обрывочно. Некоторые аспекты отношений этих держав изредка затрагиваются в исторических трудах и источниках, однако, комплексного труда по истории отношений двух держав на данный момент не имеется.

Источники данного периода в основном позволяют рассмотреть дипломатические действия с точки зрения одной из сторон – византийской [3; 8; 9; 10] или египетской [11]. Более объективно вопрос позволяют рассмотреть переписки между главами государств [7; 13].

В историографии довольно подробно рассмотрен ранний период взаимоотношения Византии и Египта [1; 2; 4; 12], но отношения двух держав в XIV-XV веках слабо освещены в историографии [5; 6].

Взаимоотношения Мамлюкского Египта с ромеями берут своё начало ещё в период существования Никейской империи. Они строились исходя из интересов мамлюков, а именно их потребности в ведении торговли через Босфор и Дарданеллы. Латинская империя всячески препятствовала прохождению египетских торговых судов через проливы, в то время как Никейская империя позволяла им свободно проходить [4, с. 26]. Это обстоятельство способствовало началу дружеских отношений мамлюков с Михаилом VIII.

С реставрацией Византийской империи в 1261 году, Михаил VIII отправил несколько посольств для заключения династических браков. Одно из них он направил к султану Бейбарсу [3, с. 160]. В это же время Бейбарс сам отправил посольство в империю с просьбой предоставления прохода через проливы раз в год для ведения торговли [8, с. 82]. Византия стала главным посредником в отношениях между Золотой Ордой и Египтом. Их союз строился на общей угрозе, исходившей от Ильханата, а позже был использован против появившейся в конце XIV века империи Тамерлана. Помимо общих врагов, связывающим державы фактором стала работорговля, с помощью которой пополнялось войско мамлюков [1, с. 16]. Мамлюки набирались из рабов-кипчаков на территории Золотой Орды. Вести торговлю рабами сухопутным путём было невозможно из-за наличия между торговыми партнёрами Ильханата, поэтому торговля велась морским путём, доступ к которому по просьбе Египта одобрила Византия [3, с. 162].

Однако империи в этот период не всегда удавалось быть открытым посредником между Египтом и Золотой Ордой. Это было связано с фактом сотрудничества Византии и Хулагуидов. Византия в отношениях с этими тремя государствами занимала двойственное положение. С одной стороны – сотрудничество с Хулагуидами было крайне выгодно для империи, так как это позволяло не сосредотачивать силы в Малой Азии и сохранять спокойное положение на восточной границе. Хулагуиды подчинили султанат Рум и, совершая постоянные набеги, ослабляли силы турок. С другой – посредничество в торговле между Золотой Ордой и Египтом позволяло улучшить положение Византии на Балканах и в Средиземном море. Золотая Орда помогала Византии в войнах с Болгарией, а при помощи Мамлюкского султаната империя получала возможность противостоять западным державам. Также Византии было выгодно сохранение взаимоотношений Золотой Орды и Египта, так как это позволяло им вести торговлю рабами-кипчаками через подконтрольные Византии проливы. Такое положение дел спасало Византию от войны с кем-либо из этих государств. В случае полного разрыва отношений с Ильханатом у империи появлялась угроза войны в Малой Азии, в случае с Золотой Ордой – война на Балканах. Но было невозможно долго сохранять такое двойственное положение. Империя оказалась в положении цугцванга: любое её действие или бездействие привело бы к негативным последствиям. И эта ситуация действительно вскоре окончилась – после инцидента с мамлюкскими послами в Константинополе в 1263 году.

В это время Берке и Бейбарс обменивались посольствами. Отправившиеся в Золотую Орду послы египетского султана остановились в Константинополе, чтобы встретиться с императором Михаилом VIII. По сведениям арабского историка Ибн Абдез Захыра, прибывшие в столицу послы были приняты Михаилом VIII с почётом, однако вскоре были задержаны [11, с. 57]. Причины задержания называют разные. Шафи, сын Али, указывает, что причиной был набег Золотой Орды на Византию [11, с. 126]. Но известий о походе золотоордынцев до задержания послов нет в других источниках, вследствие чего можно предположить, что речь у Шафи идёт о походе, совершённом после данного инцидента. Аль Муфаддаль объясняет причину

задержки послов интригами Хулагу. По его сведениям, прибывшие послы не застали Михаила VIII, так как он был в военном походе. Вернувшись в Константинополь, он обнаружил, помимо египетских, ещё и ильханских послов. И чтобы последние не узнали о посредничестве Византии в отношениях Египта и Золотой Орды, Михаил VIII задержал послов Бейбарса [11, с. 190]. Исходя из имеющихся сведений, можно утверждать, что византийский император стремился сохранить хорошие отношения как с Ильханатом, так и с Золотой Ордой и Египтом. Вряд ли задержание египетских послов было вызвано желанием Византии нанести оскорбление мамлюкам или Золотой Орде. Но, как бы византийский император ни стремился сохранить своё выгодное положение, ему это не удалось.

Известие о задержании послов сильно разозлило Бейбарса. После этого происшествия султан обвинил Михаила VIII в клятвоотступничестве, так как в то время между Византией и Египтом действовал договор о дружбе [4, с. 52]. Это происшествие разгневало и Берке, который в 1264–1265 годах совершил вместе с Болгарией поход на Византию [2, с. 79]. Берке достиг своих целей: Византия отказалась от сотрудничества с Хулагу и стала активнее сотрудничать с Египтом и Золотой Ордой [2, с. 79]. В 70-е годы XIII века было несколько обменов посольствами между Золотой Ордой и Египтом [2, с. 80].

После инцидента с послами хорошие отношения Византии с Египтом сохранялись при султанах Бейбарсе. Григора указывает, что после смерти султана в Египте началась длительная междоусобная война [9, с. 98]. Возможно, в связи с этим на время отношения между державами практически не упоминаются в источниках. При новом султанах Калауне началось сближение двух держав. Эта тенденция была вызвана появлением новой общей угрозы в лице Карла Анжуйского. Опасность со стороны Неаполитанского королевства вскоре исчезла. Но влияние этого факта на отношения между Византией и Египтом точно не известно. В любом случае, сотрудничество между странами благодаря торговле продолжалось, даже несмотря на восстановление взаимоотношений империи с Ильханатом.

В дальнейшем активные взаимоотношения Византии и Египта прекратились. Интересы двух стран практически не соприкасались вплоть до падения Константинополя. Но тональность немногочисленных контактов оставалась дружественной. Даже в грамоте египетского султана к Иоанну VIII указывается давняя дружба между государствами, а также тот факт, что эта дружба продолжается [7, с. 107]. Также об этом говорит и письмо ан-Насира Хасана к Иоанну Кантакузину, где указывается, что султан хорошо относился к Андронику III, и теперь так же относится к Кантакузину, так как считает его продолжателем и «братом» Андроника [13, с. 148].

Однако, был ряд моментов в отношениях держав, позволяющих говорить об их характере. Основным их фактором оставалась торговля рабами через проливы, что позволяло сохранять хорошие отношения даже несмотря на периодически возникавший негатив.

Одним из таких аспектов были гонения христиан в Египте. О таком явлении известно ещё в период правления ан-Насира Хасана [10, с. 200], а также после его смерти, когда между державами произошло охлаждение и начались гонения на христиан [13, с. 147]. Также об этом свидетельствует грамота египетского султана к Иоанну VIII, в которой говорится, что нередко отношения между Византией и Египтом нарушались из-за преследования христиан в султанате [7, с. 106]. Сколько всего было актов гонений на христиан в Египте точно сказать сложно, но это не столь важно, учитывая тот факт, что, не смотря на болезненную реакцию со стороны Византии на эти гонения, страны вновь устанавливали дружественные отношения, так как заинтересованность в этом брала верх. Положение Византии к тому времени было плачевным, и создавать себе дополнительные проблемы было крайне невыгод-

но. С учетом торговых договорённостей, разрыв отношений мог негативно сказаться на обеих державах.

Религиозные деятели сыграли важную роль в построении отношений Египта и Византии. Например, особую роль в этом деле сыграл Александрийский патриархат. Патриарх выступал в качестве постоянного византийского посла в Египте, что способствовало улучшению религиозных отношений [12, с. 67]. Его советами пользовался Бейбарс, узнав о задержании послов в Константинополе; он участвовал в переписке египетского султана с византийским императором [13, с. 146]. Он же помогал в решении вопроса об избрании патриархом Иерусалимским Лазаря. Эта проблема возникла раньше, в период правления Андроника III; процесс избрания Лазаря сорвался из-за сопротивления палестинских епископов и был отложен. При Кантакузине процесс возобновился и при поддержке султана ан-Насира Хасана, обещавшего, помимо этого, защищать христиан и прекратить их преследования, а также предоставить свободный проход для византийских купцов и обеспечить их защиту [13, с. 146], Лазарь в итоге был избран патриархом Иерусалима.

В XV веке отношения между державами сложно описать: внешняя политика мамлюков почти не соприкасалась с Византией. Основные усилия мамлюки в это время сконцентрировали на Кипре и союзной Тимуридам державе Кара-Коюнлу [5, с. 235]. Эта политика сохранялась и при последнем (при существовании Византии) султанине аз-Захире Джакмаке (1438–1453) [6, с. 24]. Однако, даже исходя из сведений о внешней политике Египта в отношении средиземноморского региона, можно сделать некоторые предположения об отношениях мамлюков с Византией.

У Египта возникла проблема: на фоне усиления Османского государства началось сближение правителей Кипра и Родоса [6, с. 24]. Однако этот антиосманский союз представлял больше опасности для мамлюков, чем для турок. Османы к тому времени действовали в основном на суше и не имели сильного флота, вследствие чего не представлялось возможным начало войны с их стороны. Этот союз был для мамлюков скорее превентивной мерой в свете возможного будущего противостояния с активно растущим Османским государством. При этом Египет из-за этого союза терял свои позиции в регионе, и даже для него возникала опасность со стороны островных государств. Это проявилось в нескольких случаях набегов на египетских купцов со стороны островитян [6, с. 24].

Это подталкивало Египет к сотрудничеству с Османами, бывшими главными противниками Византии в то время. Этому способствовали также общие интересы в борьбе с Кара-Коюнлу. При этом у Египта уже был опыт взаимодействия с Османами во время вторжения Тамерлана в Сирию и Малую Азию. Это же обстоятельство служило ухудшению отношений с Византийской империей, так как последняя всячески старалась поддержать вторжение Тимура. Сотрудничество с Османами делало невозможным оказание помощи Византии, так как это противоречило интересам Египта. Напротив, Египет поспешествовал скорее Османам, так как мамлюкский султан заключил с Мурадом II союз [6, с. 25], вследствие чего турки смогли снять часть сил с египетской границы и сосредоточить их на других направлениях, в том числе и у Константинополя.

В итоге, отношения Византии и Египта постепенно от дружественных переходили в индифферентные и даже в каком-то смысле враждебные. Дружба, выстроенная в самом начале, имела общие цели, как в организации торговли через проливы, так и в противостоянии общим врагам. Постепенно, с исчезновением общих интересов, а также потерей Византией своих былых позиций, такие отношения начали сходиться на нет.

Некоторые конфликтные ситуации, такие как гонения, совершавшиеся на христиан в египетских провинциях, не приводили к разрыву отношений, и разрешить их удавалось мирно. С появлением и усилением Османов Византия теряла значение для

Египта. Напротив, мамлюком в то время стало выгодно сотрудничество с Османским бейликом из-за наличия общих врагов. Это приводило к ухудшению отношений с Византией, так как пособнические действия со стороны Египта в отношении Османов лишь еще более усугубляли положение Константинополя, что безусловно не радовало ромеев. Однако, несмотря на длительные отношения с Византией, Египет не мог действовать иначе, так как империя в то время искала помощи у западных стран и активно сотрудничала с ними. Западные страны, учитывая фактор организации крестовых походов в XIII веке, были ярыми противниками Египта. Также создавать из Османов врагов, с учётом наличия общих противников, было крайне невыгодно. В итоге, мамлюки хоть прямо и не помогали Османам в войне с Византией, но косвенно поспособствовали им.

В Отношения Византии с Египтом от дружественных постепенно перетекали в негативные. Появившиеся поначалу общие интересы и проблемы были либо очень скоро улажены, либо потеряли актуальность. Возникший из-за двойственного положения Византии, заключавшегося в одновременном сотрудничестве с Ильхана-том, Золотой Ордой и Египтом, конфликт в итоге привёл к восстановлению взаимоотношений двух держав. Возникновение проблем на религиозной почве стало толчком к охлаждению в отношениях двух государств, но при этом не привело к серьёзным проблемам. Страны довольно быстро приходили вновь к согласию и миру.

Внешнеполитические интересы Византии и Египта в XIV–XV веках соприкасались незначительно. Основное внимание Египта было направлено на Средиземноморский и Месопотамский регионы, в то время как Византия сконцентрировала свою внешнюю политику на Малой Азии и Балканах. В XV веке интересы двух держав стали даже противоречить друг другу в связи с изменением обстановки в регионе. В частности, с усилением Османского государства и противостоянием ему других стран в сфере интересов Египта.

Источники и литература

1. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XII–XIV вв.: Сокр. пер. с араб. / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 40 с.
2. Вернадский Г. В. «Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога» // Сборник статей по археологии и византиноведению = *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines* / издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага: *Seminarium Kondakovianum*, 1927. – с. 73–84.
3. Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии. 1858–1863. / Т. 1: Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. 1: Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282 / перевод под редакцией профессора Карпова. – Санкт-Петербург: в Тип. Департамента уделов, 1862. XXI, 525 с.
4. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
5. Илюшина М.Ю. Внешняя политика Египта при султане Барсбее (1422–1438) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 12. С. 232–242.
6. Илюшина М.Ю. Основные направления внутренней и внешней политики султана аз-Захира Джакмака (842–857/1438–1453). Восток (Oriens). 2019. № 4. С. 20–33.
7. Моравчик Д. Греческая грамота мамлюкского султана византийскому императору // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 105–115.
8. Никифор Григора. История ромеев Т.I/ пер. с греч. Р. В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. – СПб.: Свое издательство, 2013. – XLII, 438 с.
9. Никифор Григора. История ромеев Т.II/ пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2014. – viii + 496 с.
10. Никифор Григора. История ромеев Т.III/ пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2016. – viii + 488 с.
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

12. Korobeinikov. D. Diplomatic correspondence between Byzantium and the Mamlūk Sultanate in the fourteenth century. *Al-Masaq Islam and the Medieval Mediterranean* 16(1). 2004. p.53–74.
13. Kyriakidis S. The letter of the Mamluk sultan Al-Nāṣir Hasan to the Emperor John VI Kantakouzenos (30 October 1349) / *Institute for Afro-Hellenic studies*, 2016. P. 144–153.

Киряшова Е.Е.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ИНКЕРМАНА В XIX ВЕКЕ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье проводится краткий историографический обзор работ ученых и путешественников XIX века, в которых рассмотрены христианские пещерные сооружения в районе Инкермана. Изучая описания пещерного города у исследователей с разным подходом к документированию событий, можно проследить, как видоизменялось представление о комплексе и какие аспекты более всего волновали историков.

Ключевые слова: Инкерман, река Черная, пещерный монастырь, Каламита.

Abstract. The article provides a brief historiographical review of the works of scientists and travelers of the 19th centuries, which touched on the history of Inkerman. Paying attention to the description of the cave city by researchers with different approaches to documenting events, it's seen how the idea of the complex has changed.

Key words: Inkeran, Chernaya River, cave monastery, medieval fortress built Kalamita.

В раннем средневековье, в долине реки Черная, недалеко от ее устья сформировался комплекс пещерных сооружений (Инкерман, Севастополь). Сегодня среди них выделяются культовые сооружения Монастырской и Загайтанской скал. Среди пещер выявлены жилые и хозяйственные сооружения, церкви и мартирии.

К сожалению, часть сооружений существенно пострадала в результате прокладки железной дороги, хозяйственной деятельности человека и вследствие воздействия окружающей среды. Еще одной существенной проблемой стало отсутствие письменных источников, рассказывавших про эти комплексы. В связи с этим, особое значение приобретают сообщения путешественников, посещавших Инкерман и его окрестности и оставивших описание пещерных комплексов. Многие из них тексты сопровождали зарисовками, планами и схемами, что особо ценно и позволяет проследить динамику разрушений памятника, а в некоторых случаях получить информацию об утраченных на сегодняшний день объектах.

После присоединения Крыма к России активизировался процесс изучения природы полуострова и его достопримечательностей. К этому периоду относится и появление термина «пещерные города».

Работа Петра Симона Палласа (1741–1811) является истинным ученым сочинением своего времени, на которое ссылаются все исследователи Крыма. Касательно происхождения Инкермана, в «Наблюдениях, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах» академик рассуждает, что Ктенус явлен во времена греков, однако, более правдоподобным представляется то, что это работа генуэзцев. Пещеры чуть более поздние, принадлежат работе монахов времён средневековых императоров, когда приверженцы секты Ария удалились в Корсунь, где, не найдя убежища, начали устраивать кельи и создавать часовни во многих местах Крыма в мягком местном

известняке, и сохранили обрядность своей монастырской жизни по уставам своей секты. Эти сведения широко цитируются исследователями в XIX веке.

Также, учёный отмечал много интересных сведений, например, большой кусок скалы, размером с подножие монумента Петра Великого, оборвался зимой 1793 года с проделанными в нем кельями на проходящую внизу дорогу, вскоре камень был распилен матросами для строительства [8, с. 50]. Во времена Палласа некоторые проходы и пещеры нельзя было исследовать, так как они служат пороховыми погребами, поэтому закрыты и охраняемы. Существовало мнение, что эти пещеры обладают не только большой ценностью, используя для сохранения пороха, выяснилось, что порох не только не отсыревает, но даже приобретает особую силу от долгого пребывания в этих погребах, что увеличивает значимость пещер как таковых.

Среди списка авторов оставивших свои описания памятников Инкерманской долины особое место занимает Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850). Французский путешественник в шеститомном труде «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму» описал посещаемые регионы с приложением атласа, содержащего множество рисунков, чертежей и схем. В Крым Дюбуа приехал весной 1833 г. на свои собственные средства, не побоявшись предпринять подобное путешествие, справедливо считавшееся тогда опасным. Долгое время труд остается главным пособием по изучению Крыма и Кавказа. Несмотря на мелкие неточности в повествовании, которое носит отпечаток романтического характера, и принимая во внимание отсутствие на тот момент путеводителей, у Дюбуа получилось затронуть ключевые пункты и собрать интересный этнографический материал, и, благодаря широкому охвату тем, труд оставался популярным у ученых.

Касательно Инкерманской долины, Дюбуа ссылаясь на историю Страбона, пишет, что плотина прекрасно сохранилась и все еще служит сообщению с Инкерманом, согласно истории Страбона, она образовалась, когда тавроскифы воевали с Митридатом, до победы последнего над Скигуром. Мост в три пролета со шлюзом перекрывает Биюк-Узень, и в 1834 г. сохранился лишь один пролет, также можно узнать, на какое расстояние ушло море от моста со времён Митридата.

Во время поездки Фредерика Дюбуа пейзаж Инкермана представляет собой часть скалы и обрушившуюся церковь, множество деревьев заслоняет мост и плотину, дорожная насыпь примыкает к подножию основной (так называет путешественник Монастырскую) скалы, на которой видны руины Эвпаториона. Сохранившиеся стены остались и создавались ещё в ходе обширных вырубок камня, предпринятых херсонесцами. Карьер далее к югу, и между двумя выработками в той части скалы, которая, несомненно, никогда не подвергалась разработкам, и находится главная пещерная церковь Инкермана. Внутри вдоль лестницы расположены две-три кельи без каких-либо украшений, и она заканчивается коридором с двумя погребальными нишами слева, наполненными костями и украшенными сверху над входом рельефно высеченным крестом, заменяющим надписи. Здесь также начинаются саркофаги, высеченные в полу и перекрытые простой плитой. Отмечается, что пещерная церковь содержит византийские элементы.

Дюбуа сравнивает две церкви, они имеют почти один и тот же план, такое же число нефов, украшения, стиль и такое же распределение помещений, за исключением двух ризниц, которые на речке Мидия идут как продолжение приделов и трансепта, чего нет в Инкермане. Действием времени объясняются выщербленные карнизы и членения среднего окна, там обитают лишь дикие голуби, с шумом вылетая навстречу людям. Также, Дюбуа сравнивает коридор инкерманских пещер,

который явно играет роль крестного пути, как и в старинных церквях Германии и Швейцарии.

Касательно критики произведения французского путешественника можно сказать, что, безусловно, существуют неточности и путаницы в названиях и исторических событиях, которые Дюбуа приводит в сочинении, но они не столь значительны, а благодаря подробному рассказу и скрупулезным записям можно почерпнуть важные сведения об историческом пространстве Инкермана в первой трети XIX века.

Пётр Иванович Кёппен (1793–1864) с 1810 по 1819 год путешествовал по России, в 1827 г. по долгу службы переселяется в Крым. Кёппен издавал труды по истории, географии, этнографии, демографии и статистике, также, являлся ординарным академиком Петербургской академии наук. С помощью графа М. С. Воронцова в 1833 г. он объехал горную часть полуострова, а на выделенные ему средства смог издать карту с указателем и записки о древностях Крыма.

Кёппен выделяет для Инкермана в своем труде «О древностях Южного берега Крыма и гор таврических» отдельную главу, начинает описание с истории Феодоро. Отмечается, что в просторечье именуют Акерман [5, с. 4]. Касательно описания долины и церквей приводит отрывки Тунмана, из сочинения Палласа на немецком языке Кёппен приводит дословно переведенный отрывок про долину реки Черная.

Павел Иванович Сумароков (1767–1846) в своем опусе «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова» посвящает раздел Инкерману, приводит описание поездки, снабжает книгу гравюрой панорамы Инкермана. Касательно происхождения пещерных келий Сумароков не поддерживает теорию о сбежавших в долину последователях Ария, приводит три аргумента против этой гипотезы [9, с. 215]. Характер построек говорит об оборонительной функции, живущий здесь народ имел воинские отряды, и присутствие сектантов было бы невозможным. П.И. Сумароков насчитывает около 300 пещер, некоторые из которых жилые, но многие навесы в плохом состоянии, в некоторых остались лежать древние человеческие останки, на стенах видны лики святых.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1762–1851), писатель и дипломат, оставил описание на нескольких страницах Инкерманский берег, покрытый камышом. Он упоминает развалины башен, и опираясь на положения Палласа, Муравьев придерживается того, что крепость была заселена иноками-последователями Ария. Описывая церковь, он отмечает хороший вкус зодчего, стиль архитектуры не является готическим. Интересен предложенный способ лучше разглядеть настенную живопись - как в Помпее, вылить воду на стену, но это оказалось тщетно, так как это всего лишь краски [6, с. 97].

Муравьев-Апостол считал свою книгу опытом двухмесячного путешествия, но к поездке писатель готовился два года, занимаясь чтением литературы про Тавриду, и наиболее ценил сочинение Богуша-Сестренцевича. Все заметки о путешествии выполнялись на месте, и в 1820 году по приезде было возможным приступить к обработке материала, книга содержит в себе 25 писем о Крыме, и отрывок перевода «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома с историей Таврического полуострова. Интересен стиль повествования, хотя конкретный адресат автором сочинения не указан, возможно, это обращение к К.Н. Батюшкову, потенциальный читатель – это современник, так, автор описывает поездки по полуострову, сопровождая свои впечатления греческими текстами и географическими картами и приводит многочисленные отрывки из древних текстов на языке оригинала, адресат должен обладать достаточно широким кругозором.

Захар Андреевич Аркас (1793–1866) отставил труд, опубликованный в 1879 г. Обществом любителей Истории и Древностей «Описание Ираклийского полуострова

и древностей его», где историк привел историческую справку и описание Инкерманской долины. От Инкермана осталось несколько пещер, также есть полуразваленные стены и башни, которые Паллас находит Инкерман в 1793 году уже разрушенным. З.А. Аркас обращается к истории Страбона и его упоминании о Ктенусе и гавани [1, с. 24].

В отличие от сооружений Монастырской скалы, пещеры Загайтанской скалы являлись объектом интереса малого количества исследователей, если проводить сравнение с другими комплексами Черной речки. Это объясняется труднодоступностью отдельных помещений, а плохая сохранность привели к тому, что скала осматривалась поверхностно. Первые конкретные сведения встречаются у А.А.Бертье-Делагарда, который опубликовал краткое описание и примерный план храма «Вознесения» на юго-западном мысу и предположил существование еще нескольких церквей, которые не смог обнаружить сам.

Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920) исследовал Херсонес и пещерные города Крыма, в статье «Каламита и Феодоро» член Таврической учёной архивной комиссии опирался на скудные исторические заметки предшественников и представлял свои съемки и чертежи выполненные за 30 лет до написания статьи. Автор сетует, что Феодоро попала в руки раскопщиков и подверглась археологическому разорению, опираясь на записи предшественников, исследователь выясняет, как менялись легко разрушаемые постройки, так как некоторые башни были разобраны или разрушились в силу своей непрочности [2, с. 8].

Обладая познаниями в военном деле, А.А. Бертье-Делагард поставил себе задачу в книге «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма» описать все крепости. «Храм с крещальней» в южной части Монастырской скалы в своем обзоре церкви датировал «татарским временем», касательно фресок отмечал, что они выполнены масляными красками тонким слоем. Исследовал храм Евграфия и пояснил, что в архитектурном плане церковь похожа на соседнюю с базиликой св. Георгия часовню св. Мартина, также, на основании анализа живописи и планировки памятник был датирован им временем не ранее XVII века. Касаясь расположенной здесь надписи на задней стене апсиды, исследователь замечает, что та «оказалась весьма поздней и безграмотно написанной» и в ней нет точного указания на дату. Был исследован монастырь св. Софии, отмечено две церкви, а существование еще одной ученый предполагает, этот памятник датируется XIV-XV вв., а надписи еще более поздним временем. Главный храм монастыря считается одним из древнейших пещерных храмов Крыма, со ссылкой на З. Аркаса учёный пишет об имевшихся когда-то росписях в главном храме и малой церкви, которые к тому времени уже невозможно прочесть [3, с. 71].

Русский художник-реставратор и археолог Дмитрий Михайлович Струков (1828–1899) в 1867 г. по инициативе И.И. Четверикова занялся изучением древних храмов Крыма. В 1871 г. был командирован для непосредственного изучения памятников древнего христианства. Член Русского Археологического общества представил веские доводы, что храмы устроены именно для ведения православных литургий. В книге «Древние памятники христианства в Тавриде» выполнены измерения помещений и представлены зарисовки и чертежи. Итогом изучения региона в 1876 году стало открытие 18 церквей и 11 надписей, некоторые церкви относятся ко времени всеобщего введения литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста, такие выводы делает Струков, опираясь на устройство алтарей и отгородок [7, с. 26]. В ходе художественных изысканий получилось 262 листа акварельных рисунков и планов крымских церквей, монастырей, надгробий, фресок. Особое место занимают подробные планы и зарисовки интерьеров инкерманских пещерных церквей, в т.ч. фресок, рельефов, капителей.

Анализ современного состояние памятников Инкерманской долины демонстрирует особое значение трудов ученых XIX в. Оставленные ими описание, планы, чертежи, зарисовки сохранили множество объектов утраченных, разрушенных, трансформировавшихся в результате, как и природных факторов, так и вмешательства человека. Благодаря экспедициям Палласа сохранилось описание Инкермана и долины Черной речки, в какой состоянии находились пещерные сооружения на рубеже XVIII-XIX веков, и последующие труды помогли проследить трансформацию памятника, З. Аркасом и А. Бертье-Делагардом были созданы чертежи, французский путешественник Дюбуа оставил этнографические заметки, все сведения чрезвычайно важны для исследования и реконструкции исторического облика Инкермана.

Источники и литература

1. Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: история Херсониса. Николаев: тип. М. В. Рюмина, 1879. 29 с.
2. Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 55. С. 1–44.
3. Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Избранные труды по истории средневекового Крыма. Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153.
4. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым [Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843 Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 393 с.
5. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. СПб.: Императорская Акад. наук, 1837. 412 с.
6. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: 1823 (2016). 337 с.
7. Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М.: Универ. тип., 1876. 51 с.
8. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
9. Сумароков П.И. Досути крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Часть I. СПб.: Императорская типография, 1803. 276 с.

Бойцова Е.Е., Гончарова Н.О.

МЕТОДЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ШКОЛЬНИКОВ: НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье проанализирован и обобщен опыт Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» по формированию духовно-нравственных ценностей у школьников с помощью тематических экскурсионных программ.

Ключевые слова: музейная педагогика, тематическая экскурсия, духовно-нравственное воспитание, Херсонес Таврический.

Annotation. This article analyzes and summarizes the experience of the State Historical and Archaeological Museum of the Chersonese Tauride Reserve in the formation of spiritual and moral values among schoolchildren through thematic excursion programs.

Key words: museum pedagogy, thematic excursion, spiritual and moral education, Tauride Chersonese.

Одной из самых актуальных задач современного общества является воспитание у молодого поколения уважения к истории и культуре народов России и всего мира, формирование общероссийской идентичности, гражданственности и патриотизма. Особая роль в этом процессе принадлежит музею, как институту, способному дать молодежи эмоционально-оценочные знания о культурно-историческом наследии, преобразовав их в систему ценностных отношений.

В Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» накоплен богатейший опыт по формированию у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей через приобщение к историко-культурному наследию региона. Уникальные коллекции античных и средневековых памятников Херсонеса Таврического стали основой для проведения в музее-заповеднике тематических экскурсий, образовательных программ, культурно-просветительных мероприятий для посетителей различных возрастных групп. В данной статье анализируется опыт Херсонесского историко-археологического музея-заповедника по решению задач духовно-нравственного воспитания молодежи как в 1960-е – 1980-е годы советского периода, так и на современном этапе.

Советские учреждения образования и культуры решали задачи формирования всесторонне развитой гармоничной личности, что предусматривало активное освоение культурно-исторического наследия народов СССР. Специалистами научно-просветительного отдела музея-заповедника был разработан ряд тематических экскурсий по античным и византийским памятникам Херсонеса как для взрослой, так и для детской аудитории. В ведомственном архиве музея-заповедника хранятся методические разработки тематических экскурсий для школьников 1960-х – 1980-х годов [2, с. 7]. Для детской аудитории содержание маршрута и хронометраж экскурсии формировался с учетом возраста учащихся и содержания школьной программы. Для учащихся 5-х классов была разработана тематическая экскурсия «Религия и

свободомыслие в античном Херсонесе» [4, л. 3]. В методических указаниях для подготовки к проведению данной экскурсии, разработанных на основе атеистического подхода, воспитательные акценты были сделаны на представлениях граждан древнегреческого города-государства о доблести, мужестве, патриотизме, долге служить своему Отечеству.

Значительный интерес представляют материалы деловой корреспонденции директора Херсонесского музея-заповедника в 1955–1971, 1980–1985 годах – Инны Анатольевны Антоновой (1928–2000), хранящиеся в фондах ведомственного архива музея. Обращаясь к директорам севастопольских школ, она писала, что учебные исторические экскурсии имеют большое воспитательное значение, расширяют и укрепляют знания учащихся, прививают любовь и уважение к памятникам страны, знакомят с далеким прошлым нашей Родины [6, л. 4].

В статье И.А. Антоновой «Музей – в помощь школе», опубликованной в газете «Слава Севастополя» от 09.09.1960, сообщается, что учащихся 5 классов музей приглашает на экскурсию «Херсонес – древнегреческое государство V–I вв. до н.э.», чтобы показать значение археологических памятников в изучении далекого прошлого человечества, закрепить знания школьников, полученные на уроках, дать возможность на примере истории Херсонеса расширить, углубить и конкретизировать представления ребят о греческой колонизации и жизни античного государства. Ученикам 6–7 классов предлагалась экскурсия «Херсонес – средневековый город. Херсонес и Византия», в ходе которой ребята смогут познакомиться с византийским периодом истории Херсонеса, узнать о политике Византии в Северном Причерноморье, об изменении мировоззрения жителей города и формировании христианских норм и ценностей, о развитии Киевской Руси и расширении русско-византийских отношений, о проникновении христианства на Русь и крещении князя Владимира в Херсонесе-Херсоне-Корсуне, увидеть различные ремесленные изделия, сделанные руками средневековых мастеров [1].

Тематические экскурсии для студенческой и взрослой аудитории были разработаны специалистами научно-просветительного отдела Е.Ф. Олениной, И.А. Безруковой. На тематической экскурсии «Храмовая архитектура византийского Херсона» посетители могли узнать об изменении в эпоху великого переселения народов не только политической ситуации, но и картины мира херсонеситов, о причинах утраты веры в богов римского и греческого пантеона, проникновении и утверждении новой религии – христианства, о типах и особенностях храмовой архитектуры Византии на примере памятников Херсонеса, о символическом содержании мозаик и фресок, украшавших внутреннее убранство храмов, иконописных традициях и т.д. [5, л. 17].

Разработка тематических экскурсий осуществлялась не только по материалам постоянной экспозиции музея-заповедника, но и при экспонировании временных выставок. Интерес представляют методические указания к проведению тематической экскурсии по временной выставке «Магия в языческом и христианском Херсонесе (1988 г.)». Данная выставка была направлена на то, чтобы познакомить экскурсантов с подлинными памятниками и разъяснить в каких исторических условиях формировались представления о магии, ее сущности и разнообразии форм [5, л. 18]. Посетители могли узнать об истоках христианской молитвенной практики, основных церковных таинствах, традициях почитания икон и других священных предметов, в том числе ковчегов, в которых хранились мощи святых. Акцентировалось внимание на результатах раскопок византийских храмов Херсонеса, в которых были найдены подобные памятники. Подчеркивалось, что традиция «положения мощей» была связана в христианстве с культом святых и обрядами освещения храмов [5, л. 17].

Таким образом, в советский период сотрудники Херсонесского музея-заповедника с помощью тематических экскурсий прививали школьникам такие ценности, как любовь к Родине, коллективизм, бережное отношение к культурному наследию, уважение к труду.

В конце XX – начале XXI веков на постсоветском пространстве в процессе значительных трансформаций общественного сознания начался своеобразный «религиозный ренессанс», в том числе возрождение православной культуры. После возвращения Крыма и Севастополям в состав России Херсонес–Херсон–Корсунь становится сакральным символом обретения христианской веры в Древней Руси, духовным центром российского православия.

Заданный вектор увеличил интерес посетителей к христианской истории Херсонеса и актуализировал потребность использования новых технологий музейной педагогики для решения задач по формированию духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения. Сотрудниками музея были разработаны новые тематические экскурсионные маршруты. Экскурсия «В поисках святой купели» ставит своей целью показать школьникам значимость принятия христианства для российского государства, приобщить их к пониманию сложившихся под влиянием православия духовно-нравственных ценностей. Маршрут «Сакральная архитектура византийского Херсона» позволяет в ходе ознакомления школьников с внешними формами и внутренним убранством христианских храмов подвести к пониманию их смыслового содержания и духовного предназначения [3].

На современном этапе необходимым элементом реализации музейных программ для школьников становятся интерактивные технологии. В качестве примера рассмотрим формат тематической музейной программы «Корсунская легенда». Первая часть программы – экскурсия по территории городища – экспозиции под открытым небом, где дети знакомятся с памятниками средневекового Херсона, историей выбора христианской веры и крещения князя Владимира. Вторая часть – интерактивное музейное занятие в выставочном павильоне, когда школьникам предлагается расшифровать «послание, оставленное князем Владимиром» и в игровой форме познакомиться с символами культурного кода нашей страны. Дети узнают символическое значение художественных образов на примере иконы Георгия Победоносца – одного из сакральных символов русского народа, означающего победу добра над злом. Школьникам предоставляется возможность самостоятельно, на основании полученных знаний, определить понятия «добра» и «зла» в системе общечеловеческих ценностей, понять, что есть «любовь к Отечеству», «христианские традиции», «православная культура», «сила русского духа» и др. [3].

В сентябре 2023 года в музее-заповеднике стартовал проект «Музейные уроки» для школьников 2–9 классов. Это цикл тематических экскурсий в интерактивном формате, где ребята будут не просто слушателями и наблюдателями, а главными участниками событий. Сначала школьники познакомятся с памятниками античного Херсонеса. Выполняя задания ведущего, ребята не только узнают много нового о начальном периоде истории древнего города, но и смогут с помощью правильных ответов на вопросы найти клад.

На следующей экскурсии юные гости музея-заповедника почувствуют себя жителями византийского Херсона. Ребята попробуют себя в роли мозаичистов и гончаров, создадут посуду с орнаментом и украшение в средневековом стиле. В ходе мастер-классов школьникам расскажут об истории древнего города с IV до XIV в. н. э., а также о духовном и культурном наследии Византийской империи. Одно из занятий будет посвящено Корсунскому походу князя Владимира. Школьники узнают об осаде древнего города русским воинством и поучаствуют в состязании «между варягами и греками». Им предстоит стать дружинниками князя Владимира или защитниками византийского Херсона [3].

К празднованию Нового года и Рождества приурочен культурно-просветительный проект «Зажигаем звезды в Херсонесе», который включает цикл тематических экскурсий, мастер-классов, музейных занятий. По окончании мероприятий каждый ребенок получает возможность «зажечь» свою звезду мира, любви, победы и т. д. [3].

Таким образом, опыт Государственного историко-археологического музея-заповедника демонстрирует востребованность и результативность реализации таких форм музейной педагогики как тематические экскурсии, особенно с применением современных интерактивных технологий в работе по духовно-нравственному воспитанию школьников.

Источники и литература

1. Антонова И.А. Музей – в помощь школе// газета «Слава Севастополя» от 09.09.1960.
2. Бойцова Е.Е., Гончарова Н.О. Особенности организации работы в музее с детской аудиторией в советское и современное время на примере Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» // Причерноморье. История, политика, культура – Севастополь, 2022. – № XXXIII(XVI) Серия Б. 2022. С. 6-14.
3. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (ГИАМЗХТ): официальный сайт // URL <https://www.chersonesos-sev.ru/>
4. Методическая разработка экскурсии для учащихся 5-х классов «Религия и свободомыслие в античном Херсонесе». Г.Х.М. // Научный архив ГИАМЗХТ. Д. 2621.
5. Оленина Е.Ф. Текст экскурсии по выставке «Магия в языческом и христианском Херсонесе» 1988. Г.Х.М. // Научный архив ГИАМЗХТ. Д. 2809 Л. 17.
6. Переписка с научными учреждениями, музеями и местными организациями по научным вопросам начало 10 января 1956 г. окончено 22 декабря 1956 г. Г.Х.М. // Научный архив ГИАМЗХТ. Д. 1024.

Мартыненко Р.Г.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ХРАМОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучена работа по обнаружению и музеефикации христианских храмов византийского Херсона. Рассмотрены вопросы датировки культовых сооружений. Рассмотрен вопрос процесса музеефикации на примере музеефикации Загородного храма. Сделаны выводы о дальнейших направлениях музеефикации культовых объектов.

Abstract. The article examines the work on the discovery and museumification of Christian churches in Byzantine Kherson. The issues of dating of religious buildings are considered. The question of the museification process is considered on the example of the museification of a Suburban church. Conclusions are drawn about the further directions of museumification of cult objects.

Ключевые слова: Византийский Херсон, музеефикация, христианское историко-культурное наследие, археология, Загородный храм

Keywords: Byzantine Kherson, museumification, Christian historical and cultural heritage, archeology, Country church

Византийский Херсонес-Херсон представлял собой особый интерес в контексте своего географического положения, находясь на границе Мира Ромеев и Мира Варваров. Город, являющийся классическим примером провинциального центра, соответствовал принципам формирования городского пространства византийской урбанистики. В его структуре гармонично сочеталось и мирское, и культовое. Византийский город — это понятие комплексное. Помимо укреплений, инженерных конструкций, административных сооружений он включал жилые постройки и производственные помещения, составлявшие обывденное пространство, также он включал и церкви, мартирии, реликвии и святыни, в которых и вокруг которых совершались богослужения, они же и создавали культовое пространство города. Херсон был проводником христианства, опорным пунктом миссионеров, паломническим центром.

В отличие от многих других центров, таких как Константинополь, Александрия, Антиохия, Фесалоники или Афины, Херсонес-Херсон расположен вне современной городской застройки, его исследование продолжается более ста лет, на его территории был создан научно-исследовательский комплекс, а накопленный материал позволяет проследить этапы формирования городского пространства на протяжении всей истории города. Но наибольший интерес представляет период от поздней античности до X ст., т.к. позволяет проследить процесс формирования и развития христианского культового ландшафта города. Необходимо отметить, что культовые сооружения Херсонеса-Херсона не ограничивались городскими стенами и охватывали ряд важных религиозных центров в ближайшей округе.

Археологическое исследование Херсонеса-Херсона началось именно с раскопок древних церквей ещё в 1827 г. мичманом К. Крузе по приказу главного командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга. Однако большинство известных на сегодня храмов Херсонеса раскапывали в XIX – начале XX вв. Средства и методы

археологических исследований в тот период были весьма примитивны, что затрудняло датировку культовых сооружений. Например, К.К. Косцюшко-Валюжинич разделял византийский Херсонес на старый (ранневизантийский) и верхний город, сооружение христианских базилик относил ко времени старого города [9, л. 90–91]. В свою очередь К.Э. Гриневич считал, что базилики и крещальня были построены в период с I по IX вв. [2, л. 9]. С усовершенствованием методов археологических исследований на протяжении XX в. возможно предположить, что начало формирования культового христианского ландшафта города было положено в IV–V вв. Строительство многих раннехристианских храмов датируется, в том числе, и по нумизматическим данным. Так, И.А. Завадская [3, л. 79] на основании исследования Загородного крестообразного храма в 1953 г. (под руководством О.И. Домбровского) и найденным монетам Феодосия I (379–395) и Аркадия (396–408) предполагает, что загородный малый храм могли соорудить в период с рубежа IV–V вв., и он является самым ранним из известных в Херсонесе христианских культовых сооружений.

Также по монетам определяется и время возведения центрального херсонесского комплекса Уваровской базилики, время постройки которой, предположительно, 70-е гг. VI в. [3, л. 80]. Базилика 1935 г. возведена на остатках синагоги конца IV–V вв. в период не ранее середины – третьей четверти VI в. и не позднее конца VI – самого начала VII в. В датировке этой базилики нумизматические данные сыграли не последнюю роль. К западу от Базилики 1935 г. расположены остатки Базилики 1932 г., датировка которой, в основном по керамическому материалу, позволяет относить возведение обеих базилик к одному хронологическому периоду [1, л. 29–31]. Время возведения Базилики в базилике (1889 г.) было уточнено в ходе исследования под руководством С.Г. Рыжова в 1972–1974 гг. На основании нумизматических и других данных сделано предположение [10], что ранняя базилика была возведена во второй половине VI в. не ранее времени правления Юстина II.

Археологические исследования комплекса Западной базилики и четырехapsedного храма позволяют датировать их возведение временем правления Юстиниана I. Возведение такого большого количества культовых сооружений за относительно небольшой период времени не является чем-то уникальным. Все дошедшие до нас раннесредневековые храмы функционировали на протяжении длительного времени, неоднократно ремонтировались и перестраивались. Верхней границей существования является время их гибели. Окончательное разрушение херсонесских храмов археологически датируется XIII–XIV вв. и связано, скорее всего, с гибелью всего города [3, л. 88].

Под музеефикацией принято понимать превращение памятника в самостоятельный объект музейного показа с целью раскрытия его информационного потенциала, выявления историко-культурной ценности и включения в актуальную культуру [4, л. 61]. Первые шаги в музеефикации раскопок Херсонеса были сделаны заведующим раскопками, назначенным по инициативе Императорской археологической комиссии в 1888 г., Карлом Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем. Благодаря его стараниям в 1892 году был создан первый музей Херсонеса «Склад местных древностей», в котором были заложены принципы экспонирования археологических находок. Особое внимание хотелось бы уделить раскопкам большого насыпного холма, возвышавшегося в западной части Карантинной балки. То, что место – это значимо для истории, было известно давно, так как именно здесь располагался загадочный подземный ход-галерея с колодцами пресной воды, его даже связывали с летописной осадой Херсонеса князем Владимиром, но, как выяснилось, колодцы и подземная галерея с городом не сообщались.

Обширный некрополь, на котором херсонеситы хоронили своих умерших, начиная с языческих времён, простирался за пределы города и на запад, и на юг, и на восток, а окрестности Карантинной бухты иногда казались путешественникам похожими на соты, так много здесь склепов, выдолбленных в скалистом массиве,

многие из них были украшены фресками. Важно, что склепы и подземелье с колодцами издавна привлекали внимание, а вот курган никто не исследовал до 1902 года. Под земляной насыпью открылся древний храм, построенный в форме креста, пол которого покрывал мозаичный ковёр редкой красоты и сохранности, с множеством изображений, характерных для позднеантичного и ранневизантийского изобразительного искусства [5, л. 1–62]. Об открытии писали в газетах, а Косцюшко поручал рабочим по очереди сторожить храм и раскопчное имущество. Эта местность, как и прочие ближайшие окрестности Херсонеса, была тогда пустынной. В путеводителях того времени писали, что Херсонес расположен в трех верстах от Севастополя, за городом. А в древности открытый Косцюшко-Валюжиничем храм располагался тоже за городом, почти в километре от города Херсонеса. Изучение Загородного храма, примыкающих к нему помещений и остатков монументальной ограда, напоминающей крепостную, стало прологом ко многим учёным спорам, продолжающимся до сих пор. С самого начала было понятно, что храм пережил несколько перестроек и существовал многие столетия. Помимо мозаичного пола в храме сохранились остатки фресок, к сожалению, немного и разных временных периодов, но об их художественном уровне позволяет судить хотя бы фрагмент поздней росписи с изображением головы святого в нимбе. На одной из фресок сохранились начальные строки 34 псалма Давида «Вступись, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною; возьми щит и латы и восстань на помощь мне...».

Почти сразу Загородный храм учёные того времени определили как «Монастырь Богородицы Влахернской», так как его расположение на местности, время основания и периоды существования, богатый декор – совпадали с описаниями некоторых письменных источников о существовании на расстоянии одной стадии от Херсона, почитаемого и красивого храма в монастыре на священном кладбище. В нём или рядом с ним был погребён в 655 году римский папа Мартин I Исповедник, сосланный в Херсон за борьбу с возобладавшей тогда ересью и скончавшийся здесь от голода и лишений. В его житии сказано, что похоронен он был «в некрополе святых, в прекрасном доме Девы Марии, именуемой Влахернской, за стенами, на расстоянии стадия от благословенного города Херсона».

Известно, что на одном из участков городского кладбища Херсонеса были захоронены и почитались первой христианской общиной города останки мучеников, предположительно, кого-то из сподвижников святителя Василия, одного из семи священномучеников херсонесских. Над их могилами с середины IV века существовал маленький храм-мавзолей самой простой формы. В конце IV в. херсонесский епископ (возможно, Эферий, участвовавший во Втором вселенском соборе), мог соорудить над священными могилами храм-мартирий (место почитания мучеников) в виде крестообразного здания, вход в который осуществлялся с четырёх сторон через двери в каждой ветви креста, а почитаемые могилы находились в центре храма, под куполом. В эпоху Юстиниана I (527–565 гг.) храм-мартирий преобразуется в обычную церковь, устроенную по литургическим канонам, устоявшимся к тому времени – дверь в восточной ветви креста закладывается, в ней располагается алтарная часть, вымощенная мраморными плитами, а всю остальную площадь храма занимает мозаика.

К храму пристраиваются небольшие помещения, в частности – крещальня с южной стороны. Перекрытия рукавов креста, скорее всего, были сводчатыми, а центральную часть здания венчал купол. Здание существовало долго и поддерживалось до самой гибели города. Императорская Археологическая комиссия регулярно информировала правящего монарха о совершавшихся в России открытиях, устраивала выставки древностей в Эрмитаже. В 1902 году император Николай II с супругой и свитой посетил Херсонесский монастырь и Херсонесский музей. Этот визит имел важные последствия и для раскопок Херсонеса вообще (Николай II повелел увеличить бюджет раскопок, и он достиг 10 тыс. рублей в год), и для Загородного храма в частности – последовало высочайшее указание накрыть храм с мозаикой кровлей, нанять постоянного сторожа и

выстроить рядом сторожку, что и было исполнено. Для этого древние стены немного «нарастили» – доложили камнем и выровняли, а сверху устроили деревянные перекрытия и крышу из листов железа. Для освещения внутренности храма сделали ряды окон в деревянной надстройке. Средства на охрану выделялись из бюджета Министерства внутренних дел.

После смерти Карла Казимировича в 1907 г. и до начала Первой мировой войны его дело продолжил Р.Х. Лепер. В связи с военной угрозой херсонесская коллекция была эвакуирована в Харьков. В ноябре 1914 года ремонтируется железная крыша «над храмом с мозаикой», а в 1916 году производятся ещё какие-то ремонты павильона и сторожки при нём. И храм с мозаикой, и сторожка формально относились к ведомству Императорской Археологической комиссии и, уже в новую, советскую эпоху перешли к созданному на раскопках Херсонеса Таврического историко-археологическому музею. В какой-то момент железо на крыше было заменено толем, это произошло ещё до войны и сыграло зловещую роль в судьбе мозаики. Во время войны, по сведениям, которые удалось получить уже после освобождения Севастополя, в крышу над мозаикой попала зажигательная бомба, сброшенная с немецкого самолёта, деревянная надстройка и крыша загорелись. Пожар был сильным, от огня и последующего атмосферного воздействия, известковые кубики мозаики во многих местах превратились в известь и рассыпались. Достоверно известно, что с 1941 года храм стоял без крыши, а его стены потихоньку разбирались на камень, правда, первыми разбирались камни, которыми «дистраивали» его при Карле Казимировиче.

В 1946 году дирекция музея просит командира военной части разрешить осмотреть остатки храма с мозаикой. Осенью 1951 года храм обследуется сотрудниками Крымского филиала Института археологии АН СССР под руководством О.И. Домбровского и результаты этого обследования были неутешительными: от первоначального мозаичного панно осталось неповреждёнными не более 30%. Годы Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для всей территории городища и хоры. Многие археологические памятники были повреждены, а археологический слой нарушен. С 1947 года продолжились регулярные раскопки, позже открылись античная и средневековая экспозиции. Но в советский период исследование христианских памятников происходило в некотором отрыве от истории христианства в целом.

В постсоветский период становится актуальным изучение древней и средневековой истории христианства в Крыму в форме археологических исследований (с публикацией их результатов в статьях и монографиях) и в форме разработки различных спорных вопросов этого периода. Продолжается и работа с христианскими памятниками Херсонеса: например, в настоящее время уточняются представления о времени создания базилик. Работы, которые проводились в 1996–2010 гг. на «базилке Крузе», показали, что эта базилика была построена не ранее второй четверти VI в., т.е. самое раннее, в последние годы царствования упомянутого императора, а вероятнее всего – кем-то из его преемников [12, л. 23–34]. Более поздние результаты подкорректировали датировку. Как было отмечено, «финальное время образования засыпи под полом базилики... должно быть определено... в хронологических пределах правления Юстиниана I» [11, л. 66].

Корректировка хронологии производится и для других херсонесских памятников: например, А.В.Сазанов в статье «К вопросу о времени сооружения четырёхапсидного храма Херсонеса» [7, л. 202–210] пересмотрел датировку основания этого храма VII веком, которую ранее вывел А.В.Кутайсов. Такая датировка, по мнению Сазанова, противоречит стратиграфии памятника: сам он придерживается варианта – 550–570 гг., но добавляет при этом, что «окончательное решение возможно только после исследования участка, прилегающего к храму» [7, л. 207].

Введение современных средств в процесс исследования позволяет к настоящему времени расширить круг работ с базиликами, например, создавать реконструкции их изначального внешнего облика, а изучение древней и средневековой истории

христианства продолжается с учетом новых археологических, лингвистических, этнографических и исторических исследований.

Источники и литература

1. Беляев С.А. Новые данные о западной части Херсонеса // Памятники культуры. Новые открытия. 1989 г. М., 1990. С. 76.
2. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического (по данным раскопок Р.Х.Лепера) // Херсонесский сборник. 1930. Т. III.
3. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып VII. 2000.
4. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012.
5. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // Известия императорской археологической комиссии. 1904. Вып.9.
6. Латышев В.В. Жития свв. епископов херсонских // Записки императорской АН. 1906. № 3.
7. Сазанов А.В. К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма в Херсонесе // Херсонесский сборник. 2004. № 13.
8. Север Сульпиций. Житие святого Мартина, епископа и исповедника Пер. А Донченко // «Альфа и Омега». 1998. №16.
9. Отчет заведывающего раскопками в Херсонесе К.К.Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
10. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках «Базилики 1889 г.» в 1972–1974 гг. // Научный архив государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 2438.
11. Ушаков С.В. Базилики «Крузе» в Херсонесе. Новые исследования: основные итоги // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып.6.
12. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И. Раскопки базилики Крузе в 2010 г. (Краткая предварительная информация) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып.3. 2011.

СЕКЦИЯ «История Большого Средиземноморья в новое и новейшее время»

УДК 94(47).06:75.04

DOI 10.5281/zenodo.10000780

Смирнова Т.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕТАЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО ВО СЛАВУ И ПРОЦВЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Автор исследует разностороннюю деятельность светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического в эпоху Промышленной революции по инициированию открытия новых производств как основы будущих направлений промышленности России.

Ключевые слова: Потемкинские чтения, светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический, Промышленная революция, Российская Империя, Екатерина Великая

Abstract. The author investigates the deeds of the Serene Highness Potemkin in the epoch of the Industrial Revolution, which made possible the emergence of cutting edge factories that laid the foundation for future industrial trends in Russian Empire.

Key words: Potemkin readings, the Serene Highness Prince G.A. Potemkin of Taurida, Industrial Revolution, engraving technologies, Russian Empire, Catherine the Great.

13 (24) сентября 2023 года исполняется 284 года со дня рождения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. Следует отметить важнейшую роль проведения вошедших в традицию Потемкинских чтений для восстановления исторической достоверности в аспекте оценки значимости вклада Светлейшего князя Потёмкина-Таврического как «одного из столпов, обеспечивавших устойчивость императорского трона». Ежегодное оживление исторических фактов, позволяющих убедительно подтвердить реальные заслуги «государева человека» перед Россией, несомненно должно послужить во благо формирования объективного мнения об уровне правдивости высказываний многочисленных доброжелателей и завистников, его современников.

В наших публикациях в первых выпусках материалов Потемкинских чтений [11]; [12], прежде всего, мы попытались определить, коррелирует ли прижизненная галерея образов выдающегося представителя эпохи, созданная из портретов, выполненных теми мастерами, которых он лично приглашал для портретирования, с описаниями различных проявлений богатейшего его таланта в документалистике, дневниках, эпистолярном наследии, литературе [1]; [2]; [3]; [4]; [6]; [10].

Приходилось выражать сожаление по поводу отсутствия не только специальных трудов, анализирующих степень мастерства и глубину отражения образа многогранной личности, нет даже каталога, который предоставил бы элементарные научные сведения о диапазоне дошедших до нашего времени (в том числе, и о недошедших) произведениях в разнообразных техниках живописи, графики, скульптуры, прикладном искусстве, их нет и поныне. Потому, повторяюсь, мы с

глубокой признательностью отдаем дань трудам Дмитрия Александровича Ровинского, юриста, тайного советника, одного из главных разработчиков судебной реформы 1860-х гг., не менее известного как историка искусства и составителя справочников по русским портретам и гравюре XVIII–XIX веков. Гравюры, выполненные отечественными и зарубежными граверами и литографами с прижизненных живописных, графических, скульптурных портретов Григория Потемкина, ситуативных композиций, в которых он изображен в разные моменты его динамичной государственной деятельности, были тщательно систематизированы и скрупулезно описаны. Кроме обычных каталожных данных, каждый из 88 листов снабжен не только подробным научным описанием гравюрных технологий, но, что особо важно, и перечнем исторических персонажей, окружавших князя [7, с. 1822–1931].

Продолжая проведение анализа деяний Светлейшего князя, после выявления ряда, по нашему мнению, наиболее глубоко запечатлевших яркие характеристики «человека недюжинного калибра», выдающейся личности своего времени, отразивших и «...природный ум, ...возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливую смесь причуд, великую щедрость... величайшее познание людей...» в живописных, скульптурных и графических портретах, а также в гравюре, представляющей пейзажи присоединенных территорий, этнические зарисовки и наброски архитектуры закладываемых городов, мы обратимся в данной статье к привлечению внимания к результатам его благодатного погружения в виды и формы прикладного искусства.

Следует отметить, что ни одна отрасль зарождающейся промышленности не миновала его пристального внимания и не замерла с его уходом, благодаря предпринятым мерам со стороны императрицы по их поддержке и дальнейшему развитию. Без опеки государыни не остался и ни один из участников окружавшей князя свиты, невзирая на чины или общественное положение, что акцентировано в нашей предыдущей публикации.

В настоящей статье освещается многогранной разносторонней деятельности сподвижника и соратника великой императрицы, князя Г.А. Потемкина-Таврического, представленной на протяжении почти двадцати лет в многочисленных принадлежавших ему артефактах, сочинениях, проектах нововведений, на основе которых им были инициированы открытия фабричных и заводских объектов, различных ведомств, где внедрялись ранее неизвестные технологии, закладывались основы будущих российских производств, что определило методы исследования – историко-культурологический, иконографический анализ произведений прикладного искусства.

Исследуя публикационный ресурс по теме запуска князем новейших производств, мы обнаружили не только документальное подтверждение воплощения грандиозных проектов светлейшего князя, но и глубокие научные труды. Вкратце коснемся особенностей искусства Екатерининской поры, когда не плавно и в течении столетий, но в невероятной динамике смен или, скорее, напластований, разнообразных стилей, русское искусство от средневековых форм переходило сразу к барокко, за всего лишь полувековой промежуток догоняя страны Европы, где на подобный переход ушли столетия, да и случился переход гораздо раньше, чем в России [13]; [14]. Уже в эпоху Петра Великого искусство стало светским, в нем сказались особые черты в переосмыслении европейских традиций появлением местных интерпретаций европейской стилистики – барокко Петровское, Нарышкинское и т.д. Опыт «птенцов Петровых» продолжает и Светлейший князь, отыскивая наиболее инновационные базы для зарубежного стажирования и приглашая из процветающих центров лучших зарубежных мастеров для реализации собственных проектов, одновременно формируя фабрики-школы для знакомства талантливых российских специалистов с новейшими технологиям, прежде всего в Петербурге.

Государственным делом воспринимался императрицей и Светлейшим князем выход молодой империи в европейское сообщество именно на основе обновленного, обогащенного просветительским мирозерцанием искусства. Оснащение самого императорского Двора было проведено в соответствии с высокими вкусами и по проектам лично императрицы и основного исполнителя, Светлейшего князя. Императорский Двор обретает свое постоянное место в Зимнем дворце, где по указу императрицы в 1762 г. размещаются собранные из разных дворцов и особняков придворных драгоценности – золотые и серебряные изделия, собственность двора со времен Петра, каждый предмет прошел инвентаризацию и маркировку.

Школа ювелиров, заложенная в начале века, когда «Серебро, камни, разные предметы роскоши привозят караваны из Китая и Астрахани. В 1730–1750 гг. в Петербурге появляются серебряные и ювелирные шедевры». Рассматривая достоинства сформировавшегося производства золотых дел мастеров в данный период в главе «Институт придворных ювелиров как один из символов власти», исследователь темы акцентировал внимание на важной особенности в процессе осваивания европейского опыта – творческом переосмыслении наследия лучших ювелиров Европы, что проявлялось в выработке собственного почерка обогащением барочного орнамента мотивами русской природы, широко известных по традиционным росписям в народных русских промыслах и применением оригинальных техник в работе с драгоценными металлами. Выполненные на уровне высоких технологий ювелирные украшения из бриллиантов, рубинов, сапфиров, хранящиеся в Алмазном фонде РФ, были созданы в придворной Алмазной мастерской.

Представим наиболее выдающиеся. Продолжая реформы провинциального управления, начатые Петром I, в 1775 г. Екатерина II издала закон об учреждении губерний – так называемое «Начертание». Поскольку издание любого закона в России того времени сопровождалось специальным ритуалом торжественного положения документа в дароносицу-хранилище особо важных документов государства в алтарь Успенского собора Московского Кремля, князь заказывает по собственным эскизам для этой цели выполненный из золота ковчег в виде горы Синай и фигурой Моисея на ее вершине, принимающего скрижали завета. Кроме золотого ковчега, к процедуре положения в алтарь «Начертания» по приказу князя в собор передали иконы из Оружейной палаты, они и ныне в иконостасах у северной и южной стен. В 1790-х их закрыли заказанными Светлейшим князем золотыми и серебряными окладами. Он намеревался передать собору пожалованное за службу большое золотое блюдо, что было выполнено его наследниками – 10 марта 1793 года блюдо было передано ключарям Успенского собора.

Мощь новой страны Европы утверждалась и через создание уникальных наградных образцов золотого оружия, с эфесом, декорированным бриллиантами, подобной золотой шпагой был награжден и князь Г.А. Потемкин. Серебряных дел мастера также славились изготовлением, кроме прочих наградных предметов, введенных императрицей в традицию наместнических серебряных сервизов, до двухсот предметов каждый, которыми были жалованы и новоназначенные губернаторы.

Златокузнечный промысел стал важнейшей заботой князя, поскольку им был запущен процесс перевода Тульского императорского оружейного завода на новые технологии с целью укрепления отечественной базы изобретательства. Созданная князем Приборная мастерская – собственная «Фабрика» – рассматривалась как школа совершенствования приемов металлообработки для всей страны, кузница мастеров-новаторов высокого класса, задачей которой было возвышение престижа страны за счет изготовления тульскими златокузнецами предметов производственно-технического назначения оригинальной конструкции и «совершенного исполнения», что важно было продемонстрировать Европе в условиях эпохи промышленного переворота.

По сохранившимся письмам князя можно проследить, на сколько тщательно обеспечивалось производство. Отправив ряд мастеров на обучение в Англию, князь открывает школу и в столице, куда приглашает европейских оружейников, чтобы наблюдать лично процесс обучения, просит отобрать «... еще четырех мастеров, которые бы были искусны один в бронзовой работе, другой в воронении, третий в шпажной и прочих слесарных и четвертый в мелочной работе. Я буду стараться довести их до совершенства в своем деле посредством искусного здесь художника, дабы увидеть, здесь лучший получают успех или отправленные в Англию...» [4, с. 32–33].

Наблюдая высокое мастерство русских оружейников, решает создать мастерскую-школу непосредственно на заводе с приглашением возглавить ее известного европейского мастера Фердинанда Довиха, который, обрусев, приняв православие, став уважаемым Федором Довихом, остался в Туле навсегда. В 1784 году была построена каменная Пробная галерея и новая Приборная мастерская для проведения экспериментов. «Оружейное дело продолжало крепнуть, - отмечал полковник Зыбин. - Явилась возможность не только заниматься изготовлением относительно довольно грубого оружия, но приступить к производству точных физических и математических приборов...» [4, с. 48–49]. Екатерина II ввела традицию открывать первой покупкой ежегодную майскую ярмарку изделий тульских мастеров в Царском Селе, постоянно делала заказы на дары и награды европейским дворам, особо ценивших сочетание вороненой стали с позолотой и высокое качество исполнения тульскими мастерами, что сделало продукцию Потемкинского завода широко известной в Европе.

Сохранилось около пятисот подлинных изделий тульских златокузнецов времени Екатерины II, около 300 в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), почти 200 в ГИМ (Москва), единично представлены в музеях России, Германии, Англии. Еще более редки научные приборы и инструменты: солнечные часы наклонные, универсальные, геодезические астролябии, транспортиры, термометр со шкалой Реомюра. Особенности производства и декорирования продукции потемкинской фабрики, Приборной мастерской: «...оптимальность дизайна, использование передовых станков, механизмов и технологий в области металлообработки, ручная сборка, высокий профессионализм гравировальных и других художественных работ в сочетании со строгостью, лаконизмом и изяществом исполнения» - по оценке современных экспертов [5].

Получив в 1784 году в собственность местечко Дубровны (современная Беларусь), князь основал одну из первых в России часовую фабрику-мануфактуру и, пригласив в руководство известного шведского часовых дел мастера Петра Нордштейна, выделил значительный кредит. Мануфактура не только успешно изготавливала часовые механизмы - до 10 единиц ежемесячно - но и стала подлинной школой мастерства, поскольку, по оценке современных экспертов, прибыль получалась за счет новаций: «...главным достоинством Дубровенской мануфактуры было использование вместо ножного привода для токарных станков привода от водяного колеса. Механизмы получались в этом случае более точными, а часы конкурентоспособными. Было на фабрике и разделение труда по операциям - тоже «ноу-хау» для того времени...» [7]; [23]. Произведения Потемкинской фабрики хранятся в ГЭ, встречаются в зарубежных коллекциях. После смерти Потемкина в 1791 году часовое производство у наследников выкупила императрица, оснащение завода, около сотни мастеров с семьями были перемещены в подмосковную слободу Купавну, в специально построенный корпус, где производство продолжалось.

В 1777 году Высочайшим Указом Императрица Екатерина Великая, в день рождения князя, подарила «во владение Завод стеклянный в Назье на озере Ладожском». Историю стеклоделия принято считать именно с этого события, как и основание Потемкинского Стекланного завода, перенесенного им в свое имение в

Озерках. Фабрике присвоили статус Казенной Художественной мануфактуры, призванной исполнять «изделия художественные для представления оных Высочайшему двору и для пожалования лицам различным и учреждениям от Высочайшего имени Кабинета его Величества». Динамично развиваясь, превратившись в школу стеклоделия, завод приобрел известность по всей Европе. При кураторстве князя, помимо сложной гравировки, начинает появляться роспись золотом и серебром, декорировка стекла и хрусталя художественным металлом бронзолитейных предприятий - литая бронза и латунь, выпускаются различные люстры, жирандоли, интерьерные вазы, именные сервизы с монограммами, гербами и вензелями. Введя в практику изготовление модного хрусталя, лишь короткое время работая на основе изучения изделий из английского (ирландского) хрусталя, русские архитекторы Воронихин, Бармин и др. разработали принципиально новые, ранее не встречающиеся в европейском стеклоделии формы, а огранщики начали применять новые рисунки грани, гравировки и росписи [8, с. 15].

В создании некоторых образцов принимал участие сам князь, к примеру, предложив соединить осветительный прибор – парадную дворцовую люстру – с вмонтированным в нее музыкальным устройством (представлена в экспозиции ГЭ). Для примера обучающимся стеклоделию привозил из-за рубежа разнообразные «диловины», из которых и ныне демонстрируются заводные часы «Павлин» в ГЭ. После смерти князя и это налаженное им производство было выкуплено императрицей и в статусе императорского стеклянного завода продолжало существовать, выпуская уникальные изделия в сложных технологиях, популярные за рубежом. По нашему мнению, лучшим по истории русского художественного стеклоделия можно назвать издание ученого Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) Тамары Алексеевны Малининой, (1948–2010) – доцента, кандидата искусствоведения, хранителя русского художественного стекла [8]. В ее труде дается глубокий стилистический анализ произведений Императорского Стеклянного завода, одного из известных Потемкинских производств, их атрибуция. Однако, приходится вновь выразить сожаление, что ныне нет никакой возможности обнаружить следы памятных мест в том районе Санкт-Петербурга, где размещалась Стеклянная слобода, позже прозванная Царским городком, где сохранились лишь удивительные названия улиц - Глазурная, Фарфоровая, Хрустальная...где проспект носит странное для неосведомленных название – Второй Луч... память нереализованной его идеи - Светлейшим князем в этих местах его обетования планировалось не только создание улиц-кругов - один такой большой круг сохранился в самом центре городка (теперь протяженной промзоны), но и улиц-лучей – предположим, что они были бы проложены в некоем подобии знаменитого трехлучия, сходящегося к Версальскому Дворцу или не менее знаменитого трехлучия Петербурга...

В заключении представляется важным отметить – в какую бы область деяний Светлейшего князя исследователи ни погружались, неизменно обнаруживается его неутомимое стремление добавить славы России любым своим начинанием. Потому и Потемкинские чтения, представляется, вошли надолго в традицию. Пример его деятельности во благо России есть пример беззаветного ей служения и патриотизма. Созерцая обширные деяния князя Потемкина-Таврического, пытаясь охватить его многообразный по исполнению вклад в укрепление русского государства, разделяем мнение как высоко почитавших его иностранцев, среди которых следует выделить высказывания известного при европейских дворах князя Шарля Жозефа де Линя (1735–1814), фельдмаршала и дипломата, мемуариста: «Гений и еще раз гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, ...счастливая смесь причуд, великая щедрость... величайшее познание людей...» [6, с. 119], так и соотечественников «государева человека», обратимся к единственному автору, Александру Николаевичу Самойлову (1744–1814), дворянину, завершившему службу в должно-

сти генерал-прокурора, кто воссоздал со всей глубиной искренности, признательности и почтения не просто жизненный путь Светлейшего князя, «от вахмистра до фельдмаршала», но, по утверждению экспертов, «настоящее житие светлейшего», будучи ему не только родным племянником, но и с 1783 года участником действий по присоединению Крыма, позже одним из главных помощников князя при осаде и штурме Очакова, а в декабре 1790, командуя левым флангом в штурме Измаила, был высоко аттестован Суворовым: «...отдавая справедливость памяти великих людей, совершивших со славою поприще служения престолу и отечеству, каждый здравомыслящий россиянин, всякой прямой сын отечества, не отвергнет сего, что князь Потемкин Таврический принадлежит к сословию тех великих мужей, коих возвышенный дух проложил им путь к бессмертию, что имя его останется в потомствах незабвенным и что деяния его навсегда пребудут известны, не по преданиям, но по памятникам заслуг его и подвигов» [9, 128]; и завершим обобщением самой императрицы Екатерины II: «... князь Потемкин был великий человек...».

Источники и литература

1. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического: [Т.1] / Под ред. акад. Н.Ф. Дубровина. Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. VI. 385 с.
2. Екатерина II и Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. (Литературные памятники). М., 1997. С. 98.
3. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, взятая из иностранных и отечественных источников: Кн.1. М., 1808 (Изд. 2-е.: М., 1812). 98 с.
4. Зыбин С.А. История Тульского, императора Петра Великого оружейного завода. Т. 1: 1595 г., 1712–1834 г. / сост. гвардии полк. Зыбин. - М.: типо-лит. т./ д. И.Н. Грызунов и К, 1912. 357 с.
5. Кузьмина И. Кузница талантов, или «Фабрика» князя Потемкина на Тульском оружейном заводе // Тульский краеведческий альманах. 2007. Вып. 5. С. 43 - 51.
6. де Линь Ш.Ж., де Сталь А.А.Ж. Письма и мысли маршала принца де Линь / пер. с фр. М.С. Ильинского, А.В. Иванова. М.: Университетская типография, 1809. Ч. I. 233 с.
7. Майстров Л.Е. Приборы и инструменты исторического значения: Микроскопы / Л.Е. Майстров; ИИЕТ АН СССР. М.: Наука, 1974. 168 с.
8. Малинина Т.А. Императорский стеклянный завод XVIII – начало XX века. СПб., Государственный Эрмитаж, 2009. 454 с.
9. Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2002. С. 128–148.
10. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. В 2 т. СПб.: Тип. А.Н., 1895. Т.1 «А-1». 448 с.
11. Смирнова Т.В. Образ Григория Потемкина, светлейшего покровителя Тавриды, в творчестве мастеров Екатерининской эпохи. Парадигмы истории и общественного развития. Изд-во «СевГУ», 2017. № 6–7. С. 107–112.
12. Смирнова Т.В. Деяния князя Г.А. Потёмкина в графическом наследии мастеров его времени. Потемкинские чтения: сборник материалов III международной научной конференции. Изд-во «СевГУ», 2018. С. 233–239.
13. Смирнова Т.В. Стилистические проблемы в европейском портрете эпохи Просвещения. Искусствознание Украины: Научный сборник. Академия искусств Украины. К., 2003. №3. С. 204–220.
14. Смирнова Т.В. Художественная картина мира эпохи Просвещения / Т.В. Смирнова. «Язык и культура». Сборник научных трудов. К., Издательский Дом Бурого, 2007. С. 232–244.

Попова А.Д.

ОСОБЕННОСТИ КРЫМСКОЙ ПЕРИОДИКИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань

Аннотация. Исследование изучает особенности крымских периодических изданий как исторического источника по истории повседневности рубежа XIX–XX веков. Автор проанализировал публикации ряда крымских газет («Крым», «Крымский вестник», «Крымский листок», «Ялтинский вестник»). Им выявлено, что крымские газеты имели общие черты с другими провинциальными газетами, но и имелась своя специфика. Сведения о повседневной жизни содержатся в новостных сообщениях, официальных материалах и рекламных объявлениях. Они показывают происшествия, досуговые практики, развитие сферы услуг. Особенностью крымских газет является наличие большого числа материалов, связанных с жизнью курортников и туристов, эти публикации позволяют проследить развитие гостиничного и ресторанного бизнеса, спортивного и экскурсионного движения.

Ключевые слова: Периодическая печать, Крым, повседневная жизнь, исторический источник, экскурсии, досуг.

Abstract. The study examines the features of Crimean periodicals as a historical source on the history of everyday life at the turn of the 19th–20th centuries. The author analyzed the publications of a number of Crimean newspapers («Crimea», «Crimean Messenger», «Crimean Leaflet», «Yalta Messenger»). They found that Crimean newspapers had common features with other provincial newspapers, but they also stood out in their differences. Information about everyday life is contained in news reports, official materials and advertisements. They show incidents, leisure practices, and the development of the service sector. A special feature of Crimean newspapers is the presence of a large number of materials related to the life of holiday-makers and tourists: the development of the hotel and restaurant business, sports and excursion traffic.

Key words: Periodicals, Crimea, everyday life, historical source, excursions, leisure.

Периодическая печать играет большую роль в изучении повседневной жизни. Бесспорным ее достоинством как источника познания прошлого является оперативность фиксирования происходящих трансформаций. Не менее важным моментом является многоплановость – газеты публикуют самую разнообразную информацию, на их страницах находят отражение событий в политической, экономической, духовной жизни. Поэтому традиционно исследователи особо подчеркивают важное значение газет и журналов при исследовании исторических процессов: «периодическая печать позволяет обогащать исследование новыми фактами, так как содержит большой объем фактической информации самого различного содержания» [1, с. 17]. В том числе этот источник ценится историками, изучающими повседневную жизнь. Особенно интересный материал представляют провинциальные газеты, так как они в меньшей степени были заполнены официальными материалами центральных ведомств. К ним как никогда можно применить тезис о соединении общего и частного: «Специфика периодической печати, как исторического источника, пожалуй, в том, что она ярче других

источников соединяет в себе типическое и индивидуальное. С одной стороны, многие материалы печати: статьи, рецензии, памфлеты и др., необычны, индивидуальны, с другой, являются отражением общего, повторяющегося» [4, с. 79]. В этом плане представляется интересным проанализировать крымские периодические издания в качестве источника по истории повседневности.

На Крымском полуострове на рубеже XIX-XX веков издавался довольно большой ряд местных изданий: «Новый Крым», «Отклики Крыма», «Весь Крым», «Крымский курьер», «Ялтинская справочная газета», «Курортный посредник», «Вестник Юга», «Ялтинский голос» и другие. Для анализа использовались страницы газет «Крым», «Крымский вестник», «Крымский листок», «Ялтинский вестник». Некоторые из них выходили непродолжительный период времени, другие стали долгожителями на рынке прессы. Все эти газеты довольно разнообразны по содержанию. Одни имели коммерческий характер и в первую очередь печатали объявления и рекламу, другие имели политический, общественный или литературный характер. Провинциальные средства информации часто сталкиваются с общей проблемой: отсутствие большого числа информационных поводов. Традиционной рубрикой во многих провинциальных изданиях была «Происшествия». Обывателям сообщалось о преступлениях, несчастных случаях, подброшенных младенцах. В этом плане крымские газеты не были исключениями. Например, номер газеты «Крымский вестник» от 12 мая 1910 года сообщал о неприятной истории, которая случилась с поданным Турции: несколько неизвестных людей заманили его на Малахов курган и отобрали у него 50 рублей. А газета «Крымский листок» сообщила о весьма дерзком мошенничестве: симферопольский мещанин выдавал себя за сотрудника сыскного отделения и вымогал деньги в бакалейных лавках.

Однако писали газеты не только о плохом. Поэтому вниманию читателей представлялась информация даже о незначительных событиях. Например, рязанская газета «Рязанский вестник» активно освещала городскую жизнь. Это же делали и газеты в Енисейской губернии. Заголовки газетных статей отражают ежедневные проблемы, нравы и предпочтения городских жителей: «Мелочи повсе дневной жизни», «Перестройка красноярского вокзала», «Посадка деревьев на городских улицах», «Музей и библиотеки», «Празднование Святой коронации», «Кабакские нравы», «Праздник белого цветка», «Что читает Ачинск?», «О Минусинском музее», «Светотени ачинской жизни» [3, с. 27]. В этом плане крымские газеты мало чем отличались от других провинциальных изданий. Выпуск в местных учебных заведениях, проведение музыкального вечера, собрание какого-либо общества или спортивные состязания – все это получало освещение на страницах газет полуострова. При этом часто события описывались достаточно подробно, с изложением различных деталей, фамилий участников. Например, в номере от 18 января 1905 года газета «Крым» сообщала о проведении состязаний в севастопольском фехтовально-гимнастическом обществе. Издание подробно расписывает ход соревнований, указывает почетных гостей, номинации соревнований и фамилий победителей. Один из июньских номеров «Крымского вестника» рассказывал о проведении выпускных экзаменов в гимназии в Севастополе. Читатель, а следовательно, и исследователь получает возможность узнать не только точное число выпускников, но даже их фамилии. Так в 1910 году мужскую гимназию закончило 8 человек, еще 3 человека сдавали экзамен экстерном, кроме того, читатель узнавал, что испытания по латинскому языку для поступления в медицинский институт выдержали господин Чайш и госпожи Кауф, Яновская и Степанова. В женской гимназии 8 классный курс окончили 48 выпускниц. В номере «Крымского вестника» от 25 мая 1910 года нашло отражение работы общества защиты женщин: газета опубликовала заметку, в которой говорилось, что общество желает устроить приют для женщин, которые занимались проституцией и стремятся вырваться из порочного промысла. Один из

номеров газеты «Ялтинский вестник» за 1910 г. описала музыкальный вечер в Кореизе, который состоялся 20 июня в помещении народного дома. Издание перечисляет всех выступивших артистов и целый ряд деталей о ходе вечера типа «исполнителей вызывали несколько раз», «неудобство скамьей для сиденья», «шум от публики, не попавшей в залу».

Крымские газеты, как и другие провинциальные газеты, много места отводили под рекламу и частные объявления. Многие из них типичные и вполне сопоставимы с публикациями в других провинциальных газетах, например, с рязанской газетой. Можно смело сказать, что провинциальная периодика выполняла роль современных социальных сетей. Через объявления в газете продавали ненужные вещи, искали работу, предлагали услуги. В этом плане крымские газеты также пестрят объявлениями типа: «Желаю получить место горничной, имею рекомендации. Согласна в отъезд»; «Инженер-механик репетирует по математике и физике»; «Дача в Бахчисарае с прекрасным видом на город и окрестности. Сухая, солнечная. Сад с лечебным виноградом. Отдается в аренду. Цена весьма умеренная». Некоторые из объявлений имели экзотический вид: «Буду преследовать по закону того, кто снял с ошейника моей собаки породы понтер коричневой масти ярлык, выданный городской управой в уплату сбора» или «Предупреждаю Федора Боровко если он мне не вернет моего фотографического аппарата, то я об этом заявляю судебным властям».

Подобные объявления встречаются и в других провинциальных изданиях. Для сравнения можно использовать, например, провинциальную газету «Рязанский вестник». Газеты этого издания тоже щедро наполнены рекламными объявлениями. Реклама – один из очень информативных массовых источников: «Имея в виду рекламу, как разновидность массового источника, совершенно очевидно, что реклама предлагала именно те товары и услуги, которые удовлетворяли нужды населения и запросы времени. В этой связи реклама также отображает морально-этические нормы общества, уровень культуры и её особенности, а также тенденции развития» [1, с. 74]. Читателям газет начала XX в. предлагались рекламные объявления, предлагающие самый широкий круг товаров – рекламировали одежду, продукты питания, книги, модные журналы. Особо ценными являются объявления, которые предлагают новые для своего времени товары. Например, довольно часто реклама в газетах предлагала купить граммофоны, пластинки, фотоаппараты, велосипеды. Недостаток рекламы как источника является частое отсутствие указания цены на предлагаемые товары. В рекламе далеко не всегда указывается стоимость товара, часто потенциального покупателя только убеждают, что «цены вас приятно удивят». О диапазоне этого удивления можно только догадываться. Хотя бывают и исключения. Например, газета «Крым» от 13 февраля 1904 года поместила рекламу магазина дамской одежды. И там можно узнать, что «роскошную зимнюю пелерину-ротонду» можно купить за 16 рублей. Другой номер этой же газеты поместил рекламу книжного магазина, из которой можно узнать, что приобретение книг было не дешевым делом: например, сказки братьев Гримма можно было купить за 4 рубля. А знаменитые «Записки институтки» Чарской стоили 3 рубля. Зато роман Ф. Купера «Зверобой» можно было купить всего за 1 рубль. И именно «Крымский вестник» от 5 мая 1910 года дает возможность узнать, что цена на пластинки стартовала от 65 копеек. Также газетная реклама позволяет проследить процесс формирования рынка данных товаров. Можно сравнить две рекламы, предлагающих стать счастливыми обладателями велосипедов, размещенных в газетах «Крымский вестник» и «Рязанские вестник». Оба издания используют женский образ, в обеих рекламах на велосипеде едут именно представительницы прекрасного пола. Образ современной красивой уверенной владелицы велосипеда должен был вызывать желание последовать ее примеру и приобрести новинку. Однако в Рязани эту рекламу модного транспортного средства выложил магазин музыкальных товаров, в

Симферополе же газета предлагается обратиться в оружейно-посудный магазин. То есть обе рекламы свидетельствуют, что специализированных магазинов спортивных товаров еще не существовало и модную новинку предлагали те продавцы, которые первыми сообразили, что этот товар будет иметь спрос.

Однако в содержании рекламных объявлений в крымских газетах отражается повседневность курортных городов. Часто даются объявления гостиниц и ресторанов. Некоторые рекламные объявления гостиниц позволяют не просто установить названия отелей, но даже узнать стоимость их услуг. Так благодаря номеру от 26 февраля 1904 года газеты «Крым» мы можем узнать, что симферопольская гостиница «Бристоль» предлагает свои номера стоимостью от 60 копеек до 5 рублей. А севастопольская гостиница с таким же названием на проспекте Нахимова установила диапазон цен для своих номеров от 1 рубля до 5 рублей. Ялтинская гостиница «Морская» тоже установила минимальную цену в 1 рубль, но если проживать в ней месяц, то можно было заплатить всего 20 рублей. Более того, газеты публиковали списки заселившихся новых постояльцев и списки покинувших гостиницу. Не менее интересны объявления некоторых ресторанов и столовых: они показывают некоторые блюда, которые для отдыхающих были экзотическими. Например, в качестве особо желаемого блюда предлагают шашлыки и чубереки. И мы даже можем узнать цену этих деликатесов. Например, «Ялтинский вестник» от 7 мая 1910 г. рекламирует столовую на улице Бульварной. Потенциальных клиентов заверяют, что кухня не хуже, чем в лучшем ресторане. И мы можем узнать за сколько можно насладиться этой услугой: обед из 2-х блюд стоил 30 копеек, из 3-х 45 копеек, из 4 – 60 копеек. Шашлыки предлагались за 40 копеек порция, чебуреки 30 за порцию. А вот газета «Крымский вестник» от 12 января 1905 г. рекламировало услуги кафе «Ланжерон» в Севастополе и там шашлыки предлагались за 50 копеек 10 штук. Правда остается только предполагать, что имелось в виду под термином «штука» - 10 кусочков мяса или целый шампур? Подобные объявления имеют очень большую ценность при анализе степени доступности туристических услуг, позволяет определить представителям каких социальных слоев были доступны поездки отдых на море в данный исторический период.

Некоторые рекламные объявления помогают узнать о досуге отдыхающих. Есть реклама, предлагающая купить купальные принадлежности. В совокупности с официальным объявлением городских властей города Севастополя об открытии пляжей в Артиллерийской бухте и у Приморского бульвара это показывает, что купание в море уже тогда было любимым делом севастопольцев и отдыхающих. Реклама в крымских газетах позволяет узнать и о том, что курортники изучаемого периода могла, так же, как и современные, проводить время на экскурсиях. На последней странице номера газеты «Крымский вестник» от 25 мая 1910 года опубликовано предложение Крымского горного клуба съездить на экскурсию. Предлагалось несколько экскурсий с разной стоимостью. Также как и сейчас экскурсантов приглашали поехать на Фиолент, в Байдары, в Форос, в Ялту. На Фиолент экскурсия была однодневная, в Байдары и Форос – двухдневная, в Ялту – четырехдневная. Стоимость варьировалась ее продолжительностью, так однодневная экскурсия стоила 1 рубль 25 копеек, четырехдневная – 6 рублей 50 копеек.

Среди рекламных объявлений встречаются официальные сообщения, также имеющие большой интерес для исследователя, например, расписание движения транспорта, прежде всего поездов по железной дороге. Расписание движения поездов публиковали многие провинциальные газеты, в том числе и, например, «Рязанский вестник». И мы можем узнать, сколько требовалось времени, чтобы доехать из одного города в другой. Так, поезд из Севастополя уходил в 6 часов вечера и примерно в это же время прибывал на следующий день в Курск. Публикации в «Крымском вестнике» отмечают проникновение еще одного вида транспорта в

жизнь людей – автомобилей. Обновление сообщает, что по Ялте будут курсировать два автомобиля: от набережной до Александровского парка. Стоимость поездки составляла 10 рублей в час при 4 седоках. Эта же газета на своих страницах зафиксировала работу уникального транспортного средства – «водного такси», то есть лодок или как их называли в Севастополе – яликов. В номере от 9 июня 1910 г. сообщала тарифы на услуги этого средства передвижения: так с Графской пристани до Херсонеса или в Инкерман можно было добраться на ялике за 12 копеек. Хотя те же рекламные объявления рассказывают и об альтернативном способе добраться от Графской пристани в Инкерман: Севастопольское городское пароходство совершало 4 рейса парохода в сутки, стоимость проезда была 10 копеек.

На страницах крымских газет находят отражение некоторые особенности местной повседневной жизни. Например, в 1910 году в Крыму имела места эпидемия холеры. Газеты не только давали рекомендации о способах профилактики заболевания, но даже публиковали статистику заболеваний и смертности. Газета «Крымский листок» 30 мая 1910 г. опубликовала в специальном приложении распоряжении Севастопольского градоначальства о мерах по профилактике распространения холеры. В нем указывался целый ряд мер, указаний, адресованных как частным лицам, так и владельцам гостиниц, ресторанам. Еще одной спецификой повседневной жизни Крыма является разнообразная религиозная жизнь, что также получило отражение на страницах газеты. Только крымские газеты могли поведать о проведении караимского съезда. Газета «Крымский вестник» от 21 мая 1910 г. поместила информацию о съезде караимов, который состоялся в Евпатории. Благодаря газете мы узнаем круг обсуждаемых вопросов: уточнение правил отправления некоторых религиозных обрядов, о мерах по нравственному воспитанию подрастающего поколения, о состоянии кенас в Чуфут-Кале, о преобразовании караимского училища в прогимназию. Это не просто показывает работу съезда как такового, но и повседневную жизнь караимского народа на тот исторический период. А благодарственное письмо от женской школы благотворительного еврейского общества в адрес городской управы за представление катера для поездки учащихся в Инкерман показывает жизнь еврейской общины Севастополя.

Не только рекламные объявления, но публикация текущей хроники показывает развитие экскурсионного движения. Их синтез показывает, что распространенной практикой становятся учебные экскурсии. Так, из новостных сообщений крымских газет становится известно, что на полуостров приезжали на экскурсию студентки Петербургского медицинского института. Неоднократно встречаются сообщения, что учащиеся того или иного учебного заведения приехали в Ялту или Севастополь на экскурсию. Эти публикации показывают бытовые условия, которые были у учащихся-экскурсантов. Не смотря на большое количество гостиниц, экскурсанты порой удовлетворялись весьма скромными условиями. Например, неоднократно сообщалось, что экскурсанты ночевали в здании школы, так как проживать в гостинице было дорого.

Таким образом, как и другие провинциальные газеты, крымские издания содержат много полезной информации для историка, изучающего повседневность. Официальные публикации, новостные сообщения и рекламные объявления содержат информацию самого различного плана: виды продаваемых товаров и предлагаемых услуг и цены на них, развитие транспорта, деятельность религиозных, общественных и спортивных организаций, учебных заведений. Содержание крымских газет во многом похоже с содержанием других провинциальных газет. Однако они имеют и свои особенности: в них отражается специфика региона как морского курорта. Новостные публикации и рекламные объявления позволяют узнать о стоимости проживания в гостиницах, обедов в ресторанах и столовых, направлениях экскурси-

онных поездок. Поэтому изучение крымских изданий будет полезно для исследователей, изучающих развитие туристической отрасли и курортного движения.

Источники и литература

1. Илива М.Н. Реклама как исторический источник // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б: Новая и новейшая история. 2020. № XXX (XIV). С. 72–76.
2. Жежугин А.Н. Специфика медицинской периодики рубежа XIX–XX вв. как исторического источника изучения социальных болезней российского общества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (12). С. 16–25.
3. Кискидосова Т.А. Некоторые стороны жизни городского населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. (по материалам периодической печати) // Вестник Хакасского государственного университета им Н.Ф. Катанова. 2012. № 2. С. 26–30.

Попова О.Д.

**ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СЕМИНАРИИ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ
ИСТОКОВ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКА (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань

Аннотация. В статье анализируются источники необходимые для реконструкции роли учительской корпорации в развитии протестного движения учащихся. Показано, что большим потенциалом обладают мемуары семинаристов и петиции воспитанников. Проведенное исследование показывает специфику каждого документа как исторического источника, показывает, что комплексный анализ документов позволяет выявить характеристику преподавателей, их воздействие на учеников. Анализ показал, что учительская корпорация не была единой консервативной массой. Слишком строгие требования, мелочная регламентация семинарской жизни были провоцирующим фактором протестного движения. Часть преподавательской корпорации сама поддерживала оппозиционные движения.

Ключевые слова: духовные семинарии, мемуары, петиции, протестное движение, учительская корпорация.

Abstract. The article analyzes the sources necessary for the reconstruction of the role of the teachers' corporation in the development of the protest movement of students. It is shown that memoirs of seminarians and petitions of pupils have great potential. The conducted research shows the specifics of each document as a historical source, shows that a comprehensive analysis of documents makes it possible to identify the characteristics of teachers, their impact on students. The analysis showed that the teachers' corporation was not a single conservative mass. Too strict requirements, petty regulation of seminary life were a provoking factor of the protest movement. Part of the teaching corporation itself supported the opposition movements.

Key words: theological seminaries, memoirs, petitions, protest movement, teachers' corporation.

Россия рубежа XIX-XX веков встретила стремительным нарастанием революционного движения. Традиционная советская историография к революционным силам относил только два социальных слоя: пролетариат и крестьянство, определенную роль отводила рядовым вооруженных сил. Однако, как отмечала профессор Московского университета Л.И. Семенникова, революцию 1905–1907-х годов нельзя рассматривать через призму только классовых интересов. В этот период основная масса населения стояла вне политики и боролась за улучшения положения в рамках своего уклада [14, с. 354]. Вовлечено в протестное движение было и духовенство. Т.Г. Леонтьева в своей монографии «Вера и прогресс», характеризуя духовенство рубежа веков констатирует: «Церковь становилась если не оппозиционной, то недовольной» [6, с. 188]. Активными участниками протестного движения становились семинаристы. Семинарии начали входить в зону претесного движения постепенно с середины XIX века, что нашло отражение в структуре делопроизводства Учебного Комитета Св. Синода. Если в середине XIX века (в 1864 году) чиновники Учебного комитета с возмущением выносят в отдельное делопроиз-

водство материалы по фактам чтения учащимися Вологодской семинарии трудов Л. Фейербаха «Об учениках Вологодской духовной семинарии, оказавшихся виновными в распространении возмутительных сочинений» [10], то в начале XX века факты беспорядков уже рутинно фиксируются в материалах ревизий семинарий со стороны Учебного комитета.

Можно с уверенностью утверждать в начале XX века протестное движение накрыло все учебные духовно-учебные заведения. Также можно с уверенностью утверждать, что эти волнения в годы первой русской революции носили организованный характер. В Вятке состоялся съезд семинаристов, который координировал выступления учащихся. Однако уровень проявления недовольства в различных семинариях был разнообразным. Некоторые семинарии в годы первой русской революции столкнулись с жестокой агрессией со стороны учащихся по отношению к преподавателям и начальству. Например, воспитанником Тамбовской семинарии 2 мая 2006 было совершено покушение на ректора Феодора (Поздиевского). Через год воспитанник Николай Архангельский стрелял в ректора Семеиона (Холмогорова) [3, с. 176]. В других же семинариях учащиеся ограничивались только подачей петиций и забастовкой. Например, для в Орловской семинарии наивысшим выражением неповиновения была организация шествия и траурного митинга во время похорон своего товарища [8].

Представляется, что такая мозаичность была и в том числе обусловлена не только объективными условиями, недовольством общим строем духовных семинарий, но внутренней атмосферой учебного заведения, влиянием конкретных преподавателей на жизнь воспитанников. Поэтому очень важным является не только исследование внутреннего строя семинарий, учебных планов и требований семинаристов, но и то какое влияние оказывали на своих учеников преподаватели, как выстраивались отношения между учащими и учащимся. Здесь следует подчеркнуть, что специфика учебы в семинарии состояла в том, что многие молодые люди оказывались оторванными от дома и члены учительской корпорации ближе всего стояли рядом со взрослеющими людьми. Один из семинаристов так отмечал специфику их жизни: «Есть другой, по нашему мнению, серьезный недостаток семинарской жизни, особенно чувствуемый теперь, – это почти полное отсутствие живого общения между учащими и учащимися. В светских заведениях этот недостаток не так заметен и не так ощутителен, так как семьи и более широкий круг знакомства внешкольного значительно восполняют этот недостаток. Мы же, семинары, большей частью оторванные от семьи, лишены возможности заводить хорошие знакомства. А потребность в этом большая» [5, с. 836]. Поэтому важная задача перед исследователем является реконструкция образа преподавательской корпорации. Это довольно сложная задача, поскольку требуется проникнуть за ширму официальных сведений, оценить проблему с точки зрения личностных качеств. Решение такой задачи требует соответствующих источников.

Большой потенциал для раскрытия роли преподавательской корпорации в личности воспитанников играют мемуары воспитанников. На рубеже веков – публикация воспоминаний учащихся духовной школы была своеобразной формой дискуссий о судьбе духовной школы. В них не мало места занимали образы преподавателей, которые встретились на пути автора того или иного текста. Ценность мемуаров как раз состоит в том, что позволяет понять какие качества ценили воспитанники в своих наставниках. Как показывает анализ текстов – воспитанники очень хорошо чувствовали отношение наставников к детям, даже если внешнее обличие носило грубоватый характер. Это было тогда, когда семинаристы понимали, что иногда за очень резкими поступками сохранялась отеческая любовь о детях. Например, по воспоминаниям воспитанника Одесской духовной семинарии Ю.А. Галабутского инспектор семинарии иногда ловил сбежавших семинаристов со

службы в церкви со словами: «Вот какую крысу я поймал сегодня!» [2, с. 35]. Однако дети прощали ему такую грубость, и такое обращение к себе воспринимали как правила игры.

На рубеже веков отношения между учащими и учащимся значительно усложняются, особенно в конце XIX века после принятия Устава духовных семинарий 1884 года. Для характеристики образа преподавателя этого периода еще одним важным документом являются петиции самих воспитанников, которые подавались в правления семинарии, и далее в Учебный комитет Св. Синода.

Мемуары в совокупности с текстами петиций воспитанников позволяют выделить несколько типов педагогов духовной школы, которые вызывали различное отношение воспитанников. Попытка насильно ввести всех детей духовенства в ложе церкви заканчивается резким противостоянием.

Негативной оценки заслужили те преподаватели и инспектора, которые во взаимоотношениях с воспитанниками использовали методы шпионажа, беспочвенных обвинений, требований соблюдения палочной дисциплины. Особенно много негативных характеристик преподавателей содержится в петициях, которые семинаристы подавали своему начальству или в Учебный комитет. Нередко там содержались требования удалить из семинарии того или иного преподавателя, с подробным обоснованием причин этого требования. Например, в ходе волнений в Рязанской духовной семинарии в 1901 году воспитанники конкретные претензии предъявляли по отношению инспектора семинарии: «Грубость инспектора в обращении с воспитанниками и дерзость – вошли в пословицу всей епархии. Инспектор является автором многочисленных правил, запрещений, постановлений, создающую невыносимую атмосферу в жизни семинаристов» [11, л. 8об.]. Также очень негативный образ инспектора Пермской духовной семинарии Потоцкого, имеющий кличку «Крыса» воссоздают воспоминания бывшего семинариста Владимира Александровича Яхонтова: «Не было, кажется, ни одного семинариста, который не возненавидел бы Крысу через два месяца после его появления!» [7, л. 520]. По словам автора новый инспектор ввел для бursы такой режим, какому не могли завидовать и каторжные арестанты [7, л. 518]. Другой воспитанник этого учебного заведения – Василий Алексеевич Игнатъев свидетельствуют, что негативная слава о Потоцком сохранялась в нескольких поколениях учащихся даже когда он из Перми был переведен в другое учебное заведение. Собственно этот перевод состоялся именно потому, что ситуация в семинарии накалилась до предела. В 1902 году по факту беспорядков в Пермской духовной семинарии проводилась ревизия Учебным комитетом [9]. Самое интересное, что самый сложный год – 1905 в Пермской семинарии прошел, не то, что мирно, но без жестоких столкновений между корпорациями и преподавателей и учащихся. Семинаристы, как и все воспитанники всех духовных семинарий подали петицию с требованием реформ, а затем занятия были прекращены и всех распустили по домам. Почему так? На этот вопрос отвечают воспоминания Игнатъева. Он пишет, что на смену Потоцкому, пришел А.П. Миролюбов. Он нередко встречался со своими воспитанниками, беседовал с ними о литературе, пытался воздействовать на них словом даже в самые бурные волнения семинаристов: «Для нас А.П. был самым авторитетным человеком. Он, безусловно, верил в то, что проповедями, можно воспитать людей, и он безусловно, стремился к этому» [4, с. 93].

В целом, то, что одна из причин волнений лежит в глубине преподавательской корпорации осознавал и сам Учебный комитет. В циркулярном отношении г. Обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева от 19 октября 1901 года за № 109 отмечалось: «Как показало исследование, что во всех случаях беспорядков главная вина лежала на начальствующих лицах, коим поручено управление заведением и надзор за воспитанниками, в их равнодушии, небрежности, неумению обращаться с юношеством» [12, л. 2об.].

Между тем, мемуары, а также документы ревизий семинарий со стороны Учебного комитета свидетельствуют, что не всегда преподавательская корпорация была единой карательной массой. Как уже отмечалось выше, пытался словом воздействовать на воспитанников Миролюбов. Также по воспоминаниям Яхонотова в Пермской семинарии работал преподаватель Св. писания, библейской и церковной истории Александр Иванович Тихомиров, который приглашал учеников домой, и беседовал с ними почти всегда о предметах, не имеющих ничего общего с тем, что он должен был преподавать. Постепенно вокруг него сформировался кружок из жаждущих настоящего, а не казенного просвещения [7, л. 426]. Однако, как отмечает автор воспоминаний, сначала Тихомирову не доверяли, - боялись провокации, затем его кружок состоял из человек 20 и все расширялся.

Мемуары воспитанника Орловской духовной семинарии показывают, что ряд преподавателей сами были недалеко от революционного бунта, и иногда действовали на семинаристов провокационно. В годы первой русской революции в Орловской семинарии протестные движения семинаристов проходили довольно мирно, в целом учащиеся отказывались заниматься, подали петицию и все революционность сводилась к исполнению революционных песен. Однако воспоминания Константина Ивановича Никольского показывают, что немалую провокационную роль сыграл преподаватель Михаил Васильевич Вадковский.

Интересно, что это был племянник С-Петербургского и Ладожского митрополита Антония (Вадковского). И именно этот преподаватель был инициатором революционных речей во время похорон одного из учеников семинарии Евгения Монастырёва. Траурные речи были запрещены начальством и именно Вадковский первый произнес на кладбище речь, в которой были слова «Опять произвол, опять насилие..» [8, л. 24].

Под этим понималось, что начальство запретило траурный митинг и пыталось ограничить явку семинаристов на похороны. Более объемно его речь зафиксировал ревизор в своем отчете: «Аживое льстивое Правительство обнаружило здесь новую и гнусную черту – оно проявило презренную трусость, запретив перенести тело нашего товарища в его родную школу» [13, л. 5 об.]. И именно Вадковский дирижировал воспитанниками в ходе исполнения революционных песен: на пути с кладбища была несколько раз пропета Марсельеза и революционный гимн «Отречемся от старого мира...». После этого митинга Вадковский скрылся из города, и затем уже в Европе в октябре 1910 года получил диплом доктора философии Йельского университета [1, с. 195].

Таким образом, преподавательская корпорация порой была одним из фитилей, которая постепенно разжигала пламя борьбы. Преподавательский состав сам был неоднородный. Одни не могли справиться с учащимися именно в силу отсутствия желания находить контакт с детьми, использовать какие-либо педагогические формы воздействия на детей, при этом слепо следовали указаниям от Св. Синода, поддерживая казарменный режим.

Другим преподавателям было самым тесно в рамках предписываемых начальством, они сами оказывались заложниками стратегии, которая закладывалась социальным статусом духовенства. Сложность характеристики преподавательской корпорации состоит в том, что она тесно завязана на конкретные личностные качества. Такую мозаичность позволяют проследить источники личного происхождения: мемуары, они как раз свидетельствуют какие качества были наиболее ценными для воспитанников. Петиции семинаристов воссоздают образы наиболее одиозных преподавателей, здесь преобладает негативный контент. Комплексный подход к этим источникам позволяет определить роль личностного фактора в развитии протестного движения.

Источники и литература

1. Вадковский М.В. Мои воспоминания о митрополите Антонии [Александре Васильевиче Вадковоком, 1846-1912]. // Исторический вестник, 1916. Т. 143. № 1. С. 195–220.
2. Галабутский Ю.А. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902.
3. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Духовные семинарии центрально-черноземного региона в период революции 1905-1907 гг // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 174–179.
4. Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Ч. 1. 2017. С. 93.
5. Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21. Часть неофиц. С. 835–843.
6. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. М., 2002. С. 188.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) Ф. 1000 Оп. 7. Д. 107. Л. 426.
8. ОР РНБ, Ф. 1000. Оп. 5. Д. 324. Л. 4–28.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 802. Оп. 10 (1902). Д. 9.
10. РГИА Ф. 802. Оп. 8. Д. 26366.
11. РГИА, Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 29. Л. 8 об.
12. РГИА, Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 2 об.
13. РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906) Д. 23. Л. 5 об.
14. Семенникова Л.И. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М., 2006. С. 354.

Шук Н.В.

ПЕРВЫЕ ГЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЫМА В ХОДЕ ЭКСПЕДИЦИИ РОССИЙСКИХ МОРЯКОВ 1771 ГОДА

Севастопольский центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий, г. Севастополь

Аннотация. В статье приводится информация о малоизвестной экспедиции российских морских офицеров И. Баскакова и С. Афанасьева в сентябре 1771 года в Крыму. Цель экспедиции указала императрица Екатерина II - поиск леса, который пригоден для строительства кораблей. Моряки исследовали побережье Крымского полуострова. Их подробное донесение адмиралу А.Н. Сенявину можно считать первым в России официальным научным сообщением о растительности Крыма. Они сделали вывод о малой пригодности крымского леса для кораблестроения.

Ключевые слова: Крымский полуостров, корабельный лес, геоботаника, Русско-турецкая война 1768–1774 гг.

Abstract. The article provides information about the unknown expedition of Russian naval officers I. Baskakov and S. Afanasyev in September 1771 in Crimea. The purpose of the expedition was indicated by Empress Catherine II – the search for forests suitable for building ships. Sailors explored the coast of the Crimean Peninsula. Their detailed report to Admiral A.N. Senyavin can be considered the first official scientific report in Russia on the vegetation of Crimea.

Key words: Crimean Peninsula, ship forest, geobotany, Russian-Turkish War of 1768–1774.

Познание Крыма длится уже более трех тысяч лет, начиная от аргонавтов и Одиссея. Чаще всего путешественников интересовали экономические, торговые или политические вопросы. Поэтому отправной точкой научного изучения Крымского полуострова справедливо считают время присоединения Крыма к России (1783 г.). Первое имя, которое приходит на память, конечно, же имя академика П.С. Палласа, который много лет прожил на Крымском полуострове, неустанно исследуя и описывая «полуденный край». Можно уточнить, что за несколько лет до Палласа, а именно в 1785 году, разностороннее описание Крыма составил Карл Габлиц, первый вице-губернатор новой Таврической губернии. Но по мнению авторов книги «Открыватели земли Крымской» [3], изданной в 2007 году, первооткрывателем Крыма в ддя научного мира России следует считать адъютанта Петербургской Академии наук Василия Федоровича Зуева (1754–1794), который апреле-июле 1782 года, то есть еще до официального вхождения Крыма в Россию, совершил путешествие по полуострову [3].

С имени В.Ф. Зуева начинается глава «Первые исследователи Крыма и Тамани» в третьем томе 5-ти томного труда «Очерки по истории географических открытий», вышедшей в 1984 году [5, с. 45–46]. Авторы (И.П. Магидович, В.И. Магидович), вероятно, использовали материал из книги известного крымского географа В.Г. Ены «Открыватели земли крымской» (издательство «Таврия», 1969 год) [2]. Вот так в ней описывается российский этап географического познания нашего полуострова: «Начало географического изучения Крыма русскими исследователями справедливо связать с именем академика Василия Федоровича Зуева (1754–1794 гг.). Еще в 1782 году во главе небольшой академической экспедиции предпринял путешествие в

Крым. Результаты своих исследований Василий Федорович изложил в небольшой работе «Выписка из путешественных записок, касающихся до полуострова Крым» [2]. Спустя почти 40 лет (в 2007 году) выходит новое издание этой книги (в соавторстве с Александром и Андреем Ена). Её объем позволил авторам показать историю исследования более подробно. Так, предвзяв рассказ о рекогносцировочной экспедиции Василия Зуева, они пишут: «Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Крыму начались первые фрагментарные топографические и ботанические исследования... Во время той же войны, будучи армейским лекарем, в Крыму побывал один из современников М.В. Ломоносова, выпускник Киевской академии М.Я. Трахимовский. Свои служебные обязанности он сочетал с научной работой, итогом которой стала книга, посвященная растительному покрову полуострова. Это рекогносцировочное ботаническое описание считалось изданным в Петербурге в 1772 г. под названием «М. Трахимовский. Рассуждения о растениях, в Крымской степи им усмотренных». Однако все наши попытки отыскать в столичных библиотеках эту книгу, к сожалению, не увенчались успехом. Очевидно, этот первый труд о флоре Крыма остался в рукописи и затерялся во время Ленинградской блокады 1941–1944 гг.» [3].

Кажется, что приоритеты расставлены. Но будет справедливо, а главное – научно обосновано, в этот ряд открывателей природных особенностей Крыма первыми поставить имена двух служителей флота Российского – Ивана Баскакова и Семена Афанасьева. Именно они, как свидетельствуют документы, совершили настоящую исследовательскую экспедицию по Южному берегу и Горному Крыму на 11 лет раньше В. Зуева и на год раньше М. Трохимовского.

Что же исследовали моряки на полуострове? Согласно современным научным терминам задачей экспедиции было «геоботаническое описание Южной части Крыма» (геоботаника – наука о типичных растительных сообществах). Но флота капитан-лейтенант Иван Абросимович Баскаков (1732–1802 гг.) и подмастерье Семен Иванович Афанасьев (около 1750–1793 гг.) очень бы удивились, если бы узнали, какое мудреное исследование они провели. На языке того времени их задание, которое дал вице-адмирал А.Н. Сенявин в начале сентября 1771 года, вероятно, звучало следующим образом: «Отправиться по над берегом Черного моря от пролива Еникальского до Балаклавы под видом будто бы для снятия берега и осмотреть леса, пригодные для строительства кораблей» [1].

Основным источником сведений об этой экспедиции являются «Материалы для истории русского флота» (сокращённо МИРФ) – многотомное издание документов, журналов, официальной и частной переписки, относящихся к деятельности русского флота с 1702 по 1801 годы. Всего с 1867 по 1904 год было издано 17 томов «Материалов». Для нас интерес представляет 6-й том, подготовленный Ф.Ф. Веселаго [6]. В нем приводится Высочайший рескрипт, составленный 29 августа 1771 года на имя адмирала Алексея Наумовича Сенявина, командующего Азовской эскадрой в Русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Он гласит «По дошедшему до Нас известиям находятся в крымском полуострове дубовые и сосновые леса; из последних по объявлению тамошних жителей турки брали на мачты для своих судов, а потому желая Мы узнать подлинность сего, повелеваем вам отправить от себя офицеров для осмотра и описания помянутых лесов, и если найдутся оные годные к корабельному строению, в таком случае имеете вы построить 2, а по крайней мере один 66-ти пушечный корабль» [6, с. 370]. В конце рескрипта Екатерина II собственноручно дописывает: «...осмотр в лесах имеете делать сносась с генералом князем Василием Михайловичем Долгоруким, дабы сим татары не были встревожены и огорчены» [6, с. 370].

Практически в тот же день молодые офицеры, имеющие достаточный опыт в строительстве кораблей и выборе леса для них, отправляются в путь. Экспедиция была связана со многими трудностями, главная из которых – полное отсутствие дорог. Адмирал А.Н. Сенявин в одном из донесений в адмиралтейств-коллегию (от 6

августа 1771 года) приводит сведения полкового квартирмейстера, который был отправлен для поиска дороги между Балаклавой и Феодосией: «...проход к ней (Ялте - прим автора) столь труден, что нельзя иначе как идти одному человеку по превысочайшим и столь крутым горам, что при каждом поползновении надобно бояться дабы не извергнуться в море...» [6, с. 370].

И вот 14 сентября 1771 года экспедиция в сопровождении местных греков (вероятно, они выполняли роль переводчиков), направилась вдоль берега моря с востока на запад. А уже в октябре на стол начальства слегло донесение. На его основе А.Н. Сенявин 25 октября доводит до сведения членов адмиралтейств-коллегии результаты исследования лесов Крыма. К сожалению, данный документ, не попав в вышеуказанное издание МИРФ, но сохранился на страницах книги исследователя истории Черноморского флота XIX века Виктора Филипповича Головачева (1821–1904 гг.) «История Севастополя, как русского порта» изданного в 1872 году [1]. Нужно отметить, что материал, представленный в этом труде, широко использовался последующими исследователями и до сих пор, как считает историк А.А. Лебедев, не потерял своего значения [4].

Вот основные положения этого отчета. «...от пролива Еникальского ...до Кафы никакого леса не видали, а от Кафы до города Судак есть только один прутняк (прутняком в то время называли заросли листопадных кустарников и низкорослых деревьев – прим. автора); за Судаком же расстоянием в шестидесяти верстах к местечку Ялта между горами в буераках, растет дубовый лес двух видов, первого – вышиной до трех сажень (1 сажень = 2,13 метра – прим. авт.), толщиной от четырех до осьми дюймов; другого виду – вышиной не более сажени, толщиной четырнадцати до шестнадцати дюймов – на расстоянии от берега Черного моря, ближний верстах в десяти. А от Ялты до города Балаклавы, проезжая прямо в средину гор, находим лес сосновый длиной от одной с половиной до трех сажень, толщиной от четырех и семи дюймов – на расстоянии от берега Черного моря верстах в десять и двадцати. А от Балаклавы до города Козлова кроме прутняку никакого леса нет; а от Козлова же следовали прямой дорогой в Кафу и там все степь; почему на Крымском полуострове до днесь таких лесов не найдено, чтобы годны были к построению кораблей еще не найдено» [1, с. 25–26].

Удивляет та оперативность, с какой была проведена экспедиция. Ведь следует учесть отсутствие в то время сносных дорог в этом уголке Крыма. В XVII–XVIII веках Южный берег Крыма практически не имел колесных дорог. Доказательством этого может служить тот факт, что буквально за несколько месяцев до флотской экспедиции упомянутый князь В.Долгорукий также посылал своих людей осматривать южные берега Тавриды от Феодосии до Балаклавы. Вот их отзыв: «Даже пешему человеку опасно было туда пробираться, а еще не способнее посылать войска или артиллерию» [1, с. 24]. Также следует отметить точность, с которой Н. Баскаков определил расстояние от морского берега до подножья Яйлы – «в десяти верстах» [1].

Проявляя исследовательскую инициативу, И.Баскаков, позволил себе отклониться от заданного маршрута вглубь полуострова и обнаружил на южном макросклоне Крымских гор сравнительно хорошие сосновые леса. Можно назвать ещё один научный результат экспедиции российских моряков – геоботаническое районирование Крыма. В их отчете довольно точно указаны (впервые!) границы некоторых физико-географических районов Крыма. Теперь они носят следующие названия: Керченский степной («от пролива Еникальского до Кафы»), Восточный и Западный южнобережные («от Судака до Ялты» и «от Ялты до Балаклав»), Сасык-Альминский район Центрально-Крымской равнинной степи («от Балаклав до Козлова», (то есть до Евпатории). Именно такая схема физико-географического районирования приводится в добротном труде известного крымского географа П.Д. Подгородецкого «Крым. Природа» [7], который отражает уровень науки XX века. Поражает та про-

зорливость, с которой флотский лейтенант ещё 250 лет назад указал границы этих районов и основной тип растительности на их территории.

Наблюдения Баскакова об удаленности лесных районов от побережья подтвердили и другие русские моряки в первый год существования Ахтиарской крепости, то есть после 1783 года, которые докладывали о необходимости посылать команды служилых людей за лесом на расстояние в 10–20 верст. Ближе леса не было.

Таким образом, можно смело утверждать, что первые «кирпичики» научных знаний о Крымском полуострове были заложены на 11 лет раньше общепринятой даты. И сделали это моряки российского флота.

Источники и литература

1. Головачёв В. Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб.: Изд. Севастопольского отд. на Политехн. выст., 1872. 260 с.
2. Ена В.Г. Открыватели земли Крымской. Очерки об исследователях природы Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1969. 136 с.
3. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 536 с.
4. Лебедев А.А. Корабельные мастера Афанасьевы в судостроении юга России во второй половине XVIII века // Гангут. № 58. 2010. С. 111–121.
5. Магидович В.И., Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1984. 319 с.
6. Материалы для истории Российского флота. 1865-1904. Ч. 6. С-Пб., 1877. 788 с.
7. Подгородецкий П.Д. Крым. Природа. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.

Воробьев В.Е. , Хапаев В.В.***

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОЗДАНИИ ПАМЯТНИКА А.И. КАЗАРСКОМУ В СЕВАСТОПОЛЕ¹

** Севастопольское городское отделение Русского географического общества,*

*** Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Аннотация. В статье, на основе документов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, изучен вопрос о времени и обстоятельствах выдвижения инициативы по созданию памятника А.И. Казарскому в Севастополе. Установлена личность инициатора этого начинания – капитан-лейтенанта, флигель-адъютанта И.П. Бутенёва. Установлена дата и место выдвижения инициативы – 21 июня (2 июля) 1833 г., г. Одесса. Определена роль в этом процессе адмиралов М.П. Лазарева и А.С. Грейга, морского министра А.В. Моллера, начальника главного морского штаба А.С. Меншикова и императора Николая I. Изучен процесс сбора средств на строительство памятника по подписке среди офицеров Балтийского флота. Установлено, что этот процесс шел тяжело, и была собрана незначительная сумма. Доказано, что надпись на памятнике «Казарскому. Потомству в пример» не была придумана императором Николаем I, но была им лично утверждена из нескольких предложенных вариантов.

Ключевые слова: А.И. Казарский, памятник, подписка, Николай I, М.П. Лазарев, А.С. Грейг, А.В. Моллер, А.С. Меншиков, И.П. Бутенёв.

Abstract. The article deals (on the basis of documents stored in the Russian State Archive of the Navy) the question of the time and circumstances of the initiative to create a monument to Aleksandr Kazarsky in Sevastopol. The identity of the initiator of this undertaking has been established – captain-lieutenant, adjutant wing Ivan Butenev. The date and place of the initiative was set – June 21 (July 2), 1833, Odessa. The role of admirals Mikhail Lazarev and Aleksey Greig, Naval Minister Anton Moller, Chief of the Main Naval Staff Aleksandr Menshikov and Emperor Nicholas I in this process has been determined. The process of raising funds for the construction of the monument by sub-scription among officers of the Baltic Fleet has been studied. It was established that this process was difficult and a small amount was collected. It has been proven that the inscription on the mon-ument “To Kazarsky. As an example, for posterity” was not invented by Emperor Nicholas I, but was personally approved by him from several proposed options.

Key words: Aleksandr Kazarsky, monument, subscription, Nicholas I, Mikhail Lazarev, Aleksey Greig, Anton Moller, Aleksandr S. Menshikov, Ivan Butenev.

Вопрос об обстоятельствах выдвижения и реализации инициативы по созданию в Севастополе памятника А.И. Казарскому в историографии практически не изучен. Автор монографии «Адмирал М.П. Лазарев. Роль личности в истории России» военный историк А.А. Черноусов представил этот процесс так: «В 1833 г. Лазарев, после смерти Казарского, предложил открыть подписку (т.е. сбор добровольных пожертвований) на установку памятника, и сам первый внес взнос в размере 100 рублей» [17, с. 163–164]. Этот тезис дословно повторен во втором томе фундаментальной

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Русского географического общества «Потомству в пример» (договор № 04/2023И от 05.06.2023 г.).

«Истории Севастополя» (автор раздела – В.Н. Прокопенков) [2, с. 247–248]. Но насколько он верен? Как показывают документы, изученные авторами в РГАВМФ, история инициативы по созданию памятника герою сражения на бриге «Меркурий» гораздо более сложна и драматична. В ней множество действующих лиц, среди которых – император, высшие должностные лица империи, два командующих Черноморским флотом и... один капитан-лейтенант, который выдвинул и в дальнейшем продвигал идею создания памятника безвременно почившему герою.

Александр Иванович Казарский скончался 16(28) июня 1833 г. в Николаеве. Официальная причина его смерти (пневмония) была подтверждена в ходе проведенного по распоряжению императора расследования, в рамках которого проводилась эксгумация тела покойного, вскрытие и химическое обследование внутренностей с личным участием и присутствием на эксгумации начальника главного морского штаба А.С. Меншикова и исправляющего должность главного командира Черноморского флота и портов М.П. Лазарева [9, л. 11–13об., 21–22]. Столь сложные и неприятные манипуляции были выполнены в связи с тем, что по Николаеву поползли взбудоражившие многих слухи об отравлении героя злоумышленниками [9, л. 1], о чем доложил императору шеф жандармов А.Х. Бенкендорф [16, с. 42]. Следствие и связанная с ним переписка длились с ноября 1833 по 2 апреля 1834 года. Смерть флигель-адъютанта императора от естественных причин объявлена доказанной.

Инициатива создания памятника А.И. Казарскому была выдвинута еще до того, как по Николаеву поползли взбудоражившие многих слухи. И выдвинута она была человеком, который, судя по всему, познакомился с А.И. Казарским совсем недавно – в ходе участия последнего в подготовке Босфорской экспедиции Черноморского флота 1833 года на помощь османскому султану в его войне против восставшего вассала – египетского паши Мухаммеда Али [10]. Это был (так же, как и Казарский), флигель-адъютант императора (с 8(20).02.1833), капитан-лейтенант (с 1834 г. капитан 2 ранга) Иван Петрович Бутенёв (1802–1836). Участник кругосветного плавания 1822–1825 гг. на фрегате «Крейсер» под командованием М.П. Лазарева и Наваринского сражения 1827 г. на линейном корабле «Азов» под его же начальством, в котором потерял руку, но продолжал участие в бое до его победного завершения [5, с. 480–481].

Известие о смерти А.И. Казарского застало И.П. Бутенёва в Одессе, откуда Казарский уехал в свою последнюю командировку в Николаев в конце мая (ст.ст.) 1833 г. [9, л. 11]. И достигло оно столицы Новороссийского генерал-губернаторства очень быстро. Всего через 5 дней после трагедии Бутенёв написал своему бывшему командиру М.П. Лазареву письмо, которое стало отправной точкой длительного процесса согласования разрешения на строительство памятника и сбора средств на него. Ввиду чрезвычайной важности документа и его отсутствия в историографическом дискурсе приведем его полностью.

«Одесский карантин. июня 21 1833 года.

Его п-ву М.П. Лазареву (авторская приписка на нижнем поле листа)

Вашему превосходительству, конечно, ещё неизвестна потеря, которую понёс флот наш. 16-го сего месяца скончался в Николаеве Козарский¹.

Не буду говорить о горестном чувстве, которое произвело во мне сие известие, оно отзовется в душе каждого офицера Российского флота.

Героический подвиг Козарского в последнюю Турецкую войну, могущий стать наряду со знаменитейшими военными подвигами всех веков и всех народов, сделал имя его драгоценным сердцу каждого русского и осветив флот наш новым лучом непомерцаемой славы.

Государь Император с свойственной ему великостью души, приблизив Козарского к Священной своей особе и удостоив своей монаршей доверенностью, наградив его, как только подданный награждён быть может. Но когда смерть похитила юного героя с блистательного поприща, ему предназначенного, то память его есть священное наследие, оставленное им российскому флоту, наследие, которое мы, его современники и сослуживцы, должны ценить и передать потомству.

¹ Так в тексте источника – прим. авт.

Чёрное море, бывшее свидетелем его славы, пусть будет свидетелем нашей благодарности, пусть на берегах его воздвигнется памятник Козарскому, памятник, который будучи данью признательности Российского флота, будет в то же время и залогом его будущей славы.

Я уверен, что сие желание в сердце каждого морского офицера неразлучно с мыслию о смерти Козарского и, будучи изъявлено вашим превосходительством, которого мы привыкли видеть нашим путеводителем на стезе Пользы и Чести, примется вести с живейшим восторгом.

Черноморский флот, приобретший под начальством вашего превосходительства, новую славу с своим быстрым появлением на Босфоре¹, конечно, не лишит прочих своих сослуживцев чести участвовать в сооружении памятника тому, которого имя займет одну из блистательных страниц истории Российского флота. Пусть каждый из нас имеет право сказать, что принес камень к памятнику незабвенного, и взгляд на оный одушевит нас новой, пламенной любовью к чести Флота и Славе Отечества.

Ежели ваше превосходительство сочтёт меня достойным предложить о сем нашим ближайшим сослуживцам, то я с гордостью и, не сомневаясь в успехе, приму сие поручение от лица благородных сподвижников Козарского.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего превосходительства

покорный слуга

И. Бутенёв (собственноручная подпись)» [7, л. 6–7].

31 июля (12 августа) 1833 г. М.П. Лазарев, тогда состоявший в должности командира эскадры ЧФ, доложил главному командиру Черноморского флота и портов А.С. Грейгу об этой инициативе. Доклад Лазарева в деле «О дозволении соорудить памятник покойному флигель-адъютанту Казарскому» не сохранился, но на него ссылается Грейг в письме императору от 22 августа (2 сентября) 1833 г., в котором просит поддержать это начинание. Правда, инициатором он назвал не Бутенёва (которого не упоминает), а Лазарева [11, л. 1]. Причем на момент написания Грейгом рапорта, по его словам, офицеры Черноморского флота уже собрали «более 2000 рублей» [11, л. 1об.]. От себя Грейг просил императора разрешить соорудить памятник конкретно в Севастополе [11, л. 1об.]. Император начинание сразу же поддержал, о чем свидетельствует написанная рукой его генерал-адъютанта В.Ф. Адлерберга резолюция на верхнем поле первого листа: «Высочайше дозволяет... 31 августа 1833 г.» (12 сентября н.ст.) [11, л. 1].

Переписка о сооружении памятника А.И. Казарскому невольно стала свидетельством неразберихи, воцарившейся на Черноморском флоте во время смены командования. О положительном решении императора М.П. Лазареву, как «исправляющему должность главного командира Черноморского флота и портов», сообщил письмом управляющий главным морским штабом морской министр А.В. Моллер. Причем Грейг назван в нем бывшим главным командиром. Письмо датировано 10(22) сентября 1833 г. [11, л. 2–2об.]. Ответ морскому министру был составлен через 20 дней. Дата на нем – 30 сентября (12 октября) 1833 г. Адресатом оно получено 13(25) октября. Но... не от Лазарева, а от Грейга. Помимо собственноручной подписи Алексея Самуиловича, под текстом значится и подпись «исправляющего должность» начальника штаба ЧФ капитана 1 ранга Дмитриева. Грейг ни словом не упоминает в своем ответе о М.П. Лазареве и сообщает, что письмо «мною получено и для зависящего от кого следовать будет распоряжения по Черноморскому флоту объявлено» [11, л. 2–2об.].

16(28) ноября 1833 г. император сделал устное распоряжение, записанное с его слов генерал-адъютантом В.Ф. Адлербергом и разосланное спустя 3 дня нижеуказанным адресатам:

1. Министру двора от имени его императорского высочества генерал-адмирала (5 лет от роду!) Константина Николаевича пожертвовать на сооружение памятника 5000 рублей.

¹ и имеющего право считать в последнюю войну Козарского своим сподвижником (авторская приписка вдоль левого поля).

2. Адмиралу Моллеру сообщить, «что государю императору угодно, чтобы один из строящихся военных бригав был наименован “Казарский”» [11, л. 7].

3. Сообщить флигель-адъютанту И.Ф. Бутенёву, что запрошенное им разрешение на публикацию в газетах объявления о подписке на памятник государь дать «соизволяет» [11, л. 4]. В тот же день В.Ф. Адлерберг подписал письмо И.Ф. Бутенёву. Из текста письма следует, что Бутенёв лично подал на имя императора через Адлерберга «бумаги о памятнике, который предполагается воздвигнуть покойному флигель-адъютанту Казарскому» [11, л. 5]. Среди этих бумаг упоминаются: приведенное выше письмо Бутенёва М.П. Лазареву, просьба о дозволении провести подписку на строительство памятника среди офицеров Балтийского флота, просьба о публикации воззвания об этом же в газетах от имени «некоего морского офицера» [11, л. 5–5об.]. Этот документ очень ценен, так как подтверждает, что подлинным энтузиастом создания памятника Казарскому был его инициатор И.Ф. Бутенёв, и из процесса реализации этой инициативы он не выпал.

В тот же день В.Ф. Адлерберг личным письмом известил морского министра о воле государя назвать «один из имеющих вновь строиться бригав “Казарский”» [11, л. 5–5об.].

24 ноября (6 декабря) 1833 г. морской министр А.В. Моллер направил инспекторскому департаменту своего министерства предписание «сообщить циркуляром всем гг. главным командирам и командирам портов и дивизионным начальникам Балтийского флота об открытии означенной подписки (на сооружение памятника – авт.) для флотских офицеров, под начальством их находящихся» [11, л. 8–8об.].

В декабре 1833 года начался сбор пожертвований на Балтийском флоте. К начальнику Морского кадетского корпуса И.Ф. Крузенштерну с просьбой начать эту акцию, последовав примеру императора и юного генерал-адмирала, 5(17) декабря 1833 г. обратился лично морской министр А.В. Моллер [13, л. 1–1об.]. Он вновь (как и Грейг в августовском письме императору) назвал инициатором возведения памятника М.П. Лазарева. Сумму, которая была в итоге собрана весьма высокооплачиваемыми преподавателями Морского корпуса, нельзя назвать большой – 288 руб. И.Ф. Крузенштерн пожаловал 50 руб., один контр-адмирал и один капитан 1 ранга (фамилии неразборчивы) – по 10 рублей. Остальные 31 офицер (от мичмана до капитана 1 ранга) и один чиновник 9 класса – по 5 рублей [13, л. 3–4об.]. Куда делись 2 рубля из пожертвованных сумм, неизвестно.

Имеющиеся в РГАВМФ документы позволяют проследить сбор средств на сооружение памятника Казарскому еще двумя структурами Балтийского флота – рабочими экипажами и арестантскими ротами. Процесс шел с 5(17) декабря 1833 по 7(19) мая 1834 г. [14, тит. л.]. Для организации сбора средств к командованию соединения также обратился лично А.В. Моллер [14, л. 1–2]. Но энтузиазма это не вызвало. Офицеры рабочих экипажей Санкт-Петербурга собрали 54 рубля 50 коп. В сборе приняло участие 12 офицеров, сдавших суммы от 50 копеек (комиссар 14 класса Дмитрий Кичикин) до 25 рублей (управляющий Ширшемскими заводами полковник Константин Евстафьевич Драко, уроженец Черноморского побережья, участник русско-турецких войн) [14, л. 4–5]. Таковую же сумму (54 р.) собрали чиновники Архангельского порта [14, л. 9]. 6-й рабочий экипаж, дислоцированный в селе Каалпина, в марте 1834 г. собрал 45 рублей [14, л. 11]. Командный состав Санкт-Петербургской арестантской роты прислал в инспекторский департамент Морского министерства 20 рублей 50 копеек [14, л. 14]. Деньги сдавало 11 офицеров: от 1 рубля (прапорщик и два подпоручика) до 5 рублей (командир роты майор Дорофеев) [14, л. 16]. Всего офицеры арестантских рот и рабочих экипажей пожертвовали очень незначительную сумму – 174 рубля.

По вопросу передачи на строительство памятника 5000 рублей от лица пятилетнего «генерал-адмирала» началась переписка между Министерством императорского двора и различными департаментами Морского министерства [8]. М.П. Лазарев планировал положить их в Одесский коммерческий банк «для приращения процентов», о чем уведомил главный морской штаб через исправлявшего должность начальника штаба ЧФ капитана 1 ранга Дмитриева [11, л. 17–17об.]. Известно, что

деньги были доставлены в комиссариатский департамент Морского министерства в феврале 1834 года, о чем исправляющий должность директора канцелярии начальника главного морского штаба статский советник А.А. Жандр (известный драматург и переводчик) уведомил капитана 1 ранга Дмитриева [11, л. 21–21об.]. Дальнейшее движение этих денег по документам не прослеживается.

Видимо, именно недостаток средств привел к тому, что сооружение памятника затянулось на долгие 5 лет. Возможно также, что возникли затруднения с расчисткой участка под памятник и бульвар вокруг него. Со времен основания Севастополя там находились дома для женатых матросов [1, с. 263]. На их снос и переселение обитателей также нужны были средства, которых, видимо, не хватало.

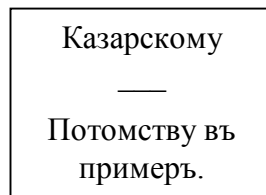
Как свидетельствует хранящееся в РГАВМФ дело «Об открытии памятника в Севастополе на берегу Черного моря флигель-адъютанту капитану 1 ранга Казарскому» Инспекторского департамента Морского министерства, летом 1837 года еще шло обсуждение того, что должно быть написано на памятнике. В рапорте М.П. Лазарева от 22 июня (4 июля) 1837 г. начальнику главного морского штаба А.С. Меншикову говорится, что 13(25) мая 1835 года Меншиков направил Лазареву одобренный императором рисунок будущего памятника [12].

Судя по тексту письма, в течение следующих двух лет дело не двигалось. И только в 1837 г. начались работы. В июне 1837 года Лазарев решил поинтересоваться: «... на рисунке этом над изображением пистолета начертаны римские литеры, которые, впрочем, не выражают никакой мысли и вероятно указывают только место, где должна быть сделана надпись на самом памятнике. Так как постройка памятника сего отдана уже одному известному мне в Севастополе по своему искусству каменных дел мастеру; а назначенные для того в рисунке украшения заказаны на заводе, то я приемлю честь покорнейше просить вашу светлость почтить меня разрешением: какого именно содержания надпись угодно будет утвердить для нанесения на самый памятник Казарского вместо упомянутых римских литер» [12, л. 1–2].

К письму приложен рисунок памятника с латинской абракадаброй [12, л. 2а] и несколько вариантов надписи на нем. Рисунок памятника, вероятно, скопирован с присланного в 1835 г. изображения, т.к. на нем стоит подпись не автора проекта А.П. Брюллова [3, с. 36], а «начальника депо» полковника Кумани¹ (см. рис. 1). На отдельном листе – предложенные (видимо, придуманные М.П. Лазаревым или кем-то из его подчиненных) тексты надписей на памятнике [12, л. 2а]:

1. Казарскому. Потомству в пример.
2. Казарскому и мужеству его потомству в пример.
3. Казарскому и памяти битвы его потомству на подражание (см. рис. 2).

18(30) июля 1837 г. А.С. Меншиков собственноручно начертил резолюцию: «Высочайше повелено: на памятнике флигель-адъютанту Казарскому сделать следующую надпись

А. Меншиков» [12, л. 3].

На следующий день официальное письмо об этом, за подписью самого Меншикова и дежурного генерала главного морского штаба, генерал-адъютанта Павла Андреевича Колзакова было направлено М.П. Лазареву [12, л. 5]. 17(29) августа 1837 г. оно было получено М.П. Лазаревым, принято к исполнению и исполнено, что можно увидеть на памятнике и сейчас.

Упомянутый М.П. Лазаревым в письме А.С. Меншикову «известный по своему искусству каменных дел мастер» это работавший в те годы в Севастополе О.Г. Ньюман [15, с. 64]. О завершении строительства памятника Казарскому М.П. Лазарев доложил начальнику главного морского штаба А.С. Меншикову в письме от 28

¹ Николай Михайлович Кумани (1793–1869), генерал флота (1860), с 1825 г. – управляющий Николаевским депо карт.

декабря 1839 (9 января 1840) года [4, с. 72]. Сведений о торжественной церемонии его открытия в источниках обнаружить не удалось.

На основании вышеизложенного сделаны следующие выводы.

1. Подлинным инициатором создания памятника А.И. Казарскому был капитан-лейтенант, флигель-адъютант свиты Николая I, герой Наваринского сражения И.П. Бутенёв. Свою инициативу он доложил, как М.П. Лазареву (своему давнему командиру и старшему товарищу), так и по линии свиты императора (вероятно, В.Ф. Адлербергу). Он же предложил объявить подписку на сооружение памятника среди офицеров родного для него Балтийского флота и опубликовать призыв об этом же к общественности через газеты. Император начинание своего флигель-адъютанта поддержал.

2. М.П. Лазарева инициатором создания памятника впервые назвал в своем письме императору А.С. Грейг. Он же предложил воздвигнуть монумент в Севастополе. Морской министр А.В. Моллер в своих письмах инициативу создания памятника также приписывал М.П. Лазареву.

3. Сбор средств на создание памятника среди офицеров Балтийского флота шел вяло и значительных результатов не дал. О ходе и итогах общественной подписки информации не сохранилось.

4. Крупнейшим жертвователем средств на строительство стал император Николай I, ассигновавший от имени своего сына Константина 5000 рублей.

5. Эскиз памятника был выполнен А.П. Брюлловым в 1835 году. Но процесс его строительства начался только в 1837 г. Тогда же был решен вопрос о надписи на постаменте. Император из трех предложенных ему вариантов утвердил самый короткий: «Казарскому. Потомству в пример». Авторство всех этих вариантов остается неустановленным. Но наиболее вероятным их автором является М.П. Лазарев, описавший их в письме к А.С. Меншикову.

Источники и литература

1. Аркас З.А. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 год // Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. Т. 4. С. 263.
2. История Севастополя в 3-х томах. Т. II. Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII в. 1917 г. М.: Ист.Лит., 2021. 800 с. С. 247–248.
3. Калугина Н.А. Мемориальная архитектура в творчестве А.П. Брюллова // Третьяковские чтения. 2012: Материалы отчетной научной конференции. М.: СПМ-Индустрия, 2013. С. 31–46.
4. М.П. Лазарев. Документы. Т. III / под ред. К.И. Никульченкова. М.: Воениздат, 1961. 579 с.
5. Общий морской список. Ч. 6 (Царствование Павла I, царствование Александра I, А-Г). СПб., 1892. 656 с.
6. Письмо Николая I И.Ф. Паскевичу от 15(22) августа 1833 г. // URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/pisma_paskevichu.html?ysclid=lmxds4qp92542409532#a001
7. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 7.
8. РГАВМФ. Ф. 171. Оп. 4. Ед. Хр. 77.
9. РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 1463.
10. РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. Хр. 1356А.
11. РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. Хр. 1401.
12. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1-2. Ед. Хр. 3943.
13. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. Хр. 2581.
14. РГАВМФ. Ф. 818. Оп. 1. Ед. Хр. 57.
15. Сибиряков И.В. Выжившие образы прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4(12). С. 63–72.
16. Ульянова Л.В. Александр Казарский. Увидеть в герое человека // Ульянова Л.В. Севастополь. История страны в лицах. СПб.: Алетей, 2022. С. 42.
17. Черноусов А.А. Адмирал М.П. Лазарев. Роль личности в истории России. СПб.: Гангут, 2011. 344 с.

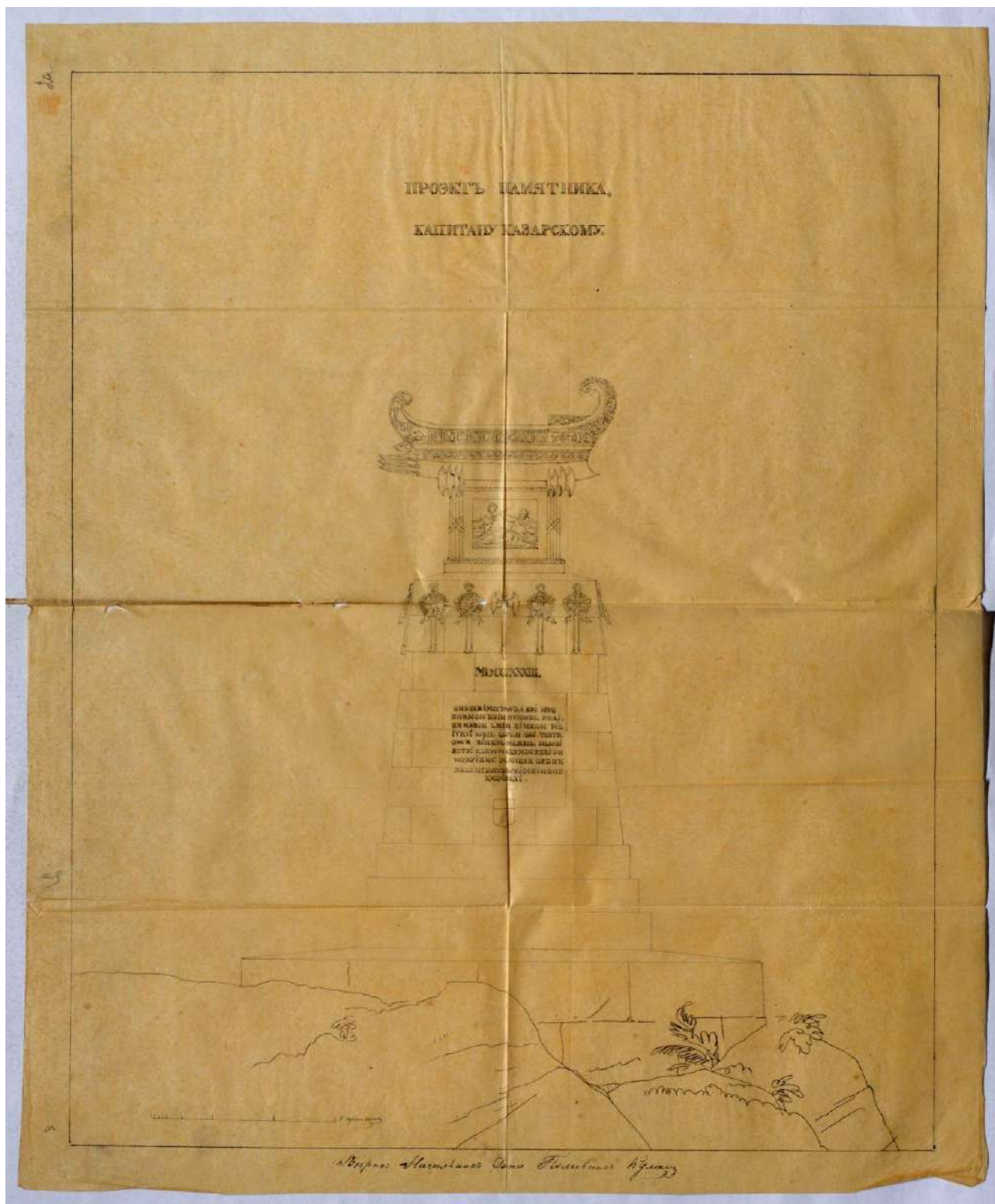

Рис. 1. Эскиз памятника А.И. Казарскому
(приложение к письму М.П. Лазарева А.С. Меншикову от 22 июня (4 июля) 1837 г. [12, л. 2а])

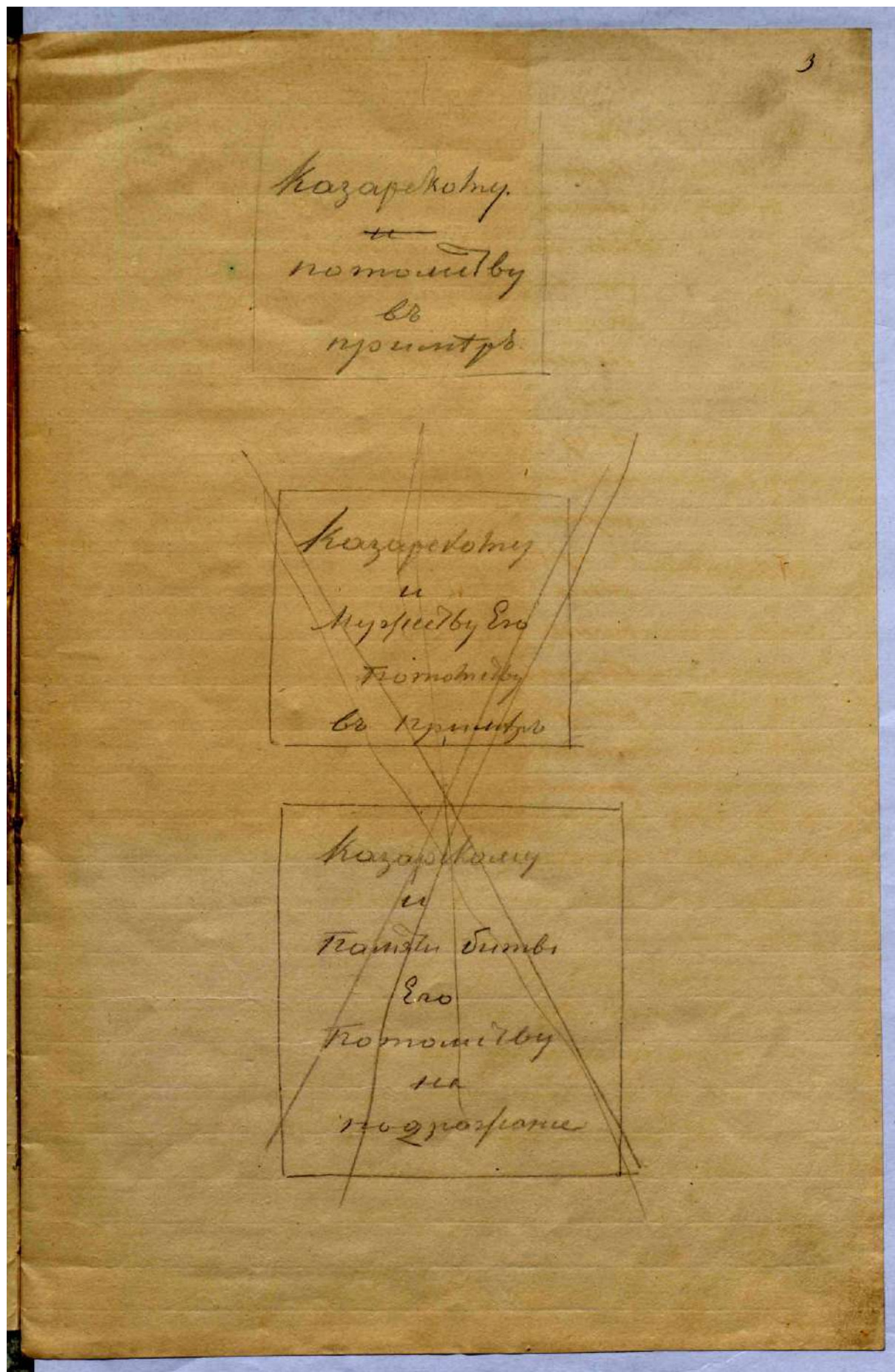

Рис. 2. Варианты надписей на постаменте памятника А.И. Казарскому
(приложение к письму М.П. Лазарева А.С. Меншикову от 22 июня (4 июля) 1837 г. [12, л. 3])

*Дик Г.В.***БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОД АНТИСЕКТАНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖЕНИЯ ЕПИСКОПА ГУРИЯ***Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Аннотация. Епископ, а потом и архиепископ Гурий (Карпов) был одним из видных церковных деятелей XIX века. Его трудами Таврическая епархия стала стремительно развиваться. Среди направлений ее деятельности особое место занимала антисектантская миссия. В первые годы служения епископа Гурия (Карпова) в епархии среди остальных методов антисектантской деятельности использовалась благотворительность. При помощи историко-хронологического метода, а также методов направленного выбора и системного подхода были исследованы и проанализированы материалы местной церковной периодики, представленной журналом «Таврические епархиальные ведомости». В результате установлено, что благотворительная деятельность в Таврической епархии в первые годы служения епископа Гурия (Карпова) была представлена в основном деятельностью православных братств и приходских попечительств, а также организацией сборов пожертвований. Благодаря этому открывались церковноприходские школы, выделялась материальная помощь, осуществлялась забота о малоимущих. Все это благоприятствовало успеху антисектантской миссии епархии.

Ключевые слова: благотворительность, Таврическая епархия, Гурий (Карпов), секты, миссионерская деятельность, антисектантская деятельность.

Abstract. Bishop, and then Archbishop Guriy (Karpov) was one of the prominent church figures of the 19th century. Thanks to his works, the Taurida diocese began to develop rapidly. Among the areas of her activity, the anti-sectarian mission occupied a special place. In the first years of Bishop Guriy's (Karpov) ministry in the diocese, charity was used among other methods of anti-sectarian activity. Using the historical and chronological method, as well as methods of directed selection and a systematic approach, materials from local church periodicals presented by the magazine «Tavriche Diocesan Gazette» were studied and analyzed. As a result, it was established, that charitable activities in the Tauride diocese in the first years of the ministry of Bishop Guriy (Karpov) were represented mainly by the activities of Orthodox brotherhoods and parish trustees, as well as the organization of donation collections. Thanks to this, parochial schools were opened, material assistance was allocated, and care was provided for the poor. All this contributed to the success of the anti-sectarian mission of the diocese.

Key words: Charity, Taurida diocese, Guriy (Karpov), sects, missionary activity, anti-sectarian activity.

Проблема восприятия благотворительности, как метода противодействия сектантской пропаганде со стороны Русской православной церкви в настоящее время, как и в прошлые века, является особо актуальной. Церковь сегодня оказывает существенное влияние на разные сферы современного российского общества. Ее деятельность довольно разнообразна: начиная от исполнения богослужебных обрядов и заканчивая активной позицией по различным гражданским вопросам. Отдельное внимание церковь уделяет благотворительности, которая тесным образом связана с миссионерской деятельностью. В Концепции миссионерской деятельности п.1.5.2 указывается как миссионерская задача защита социально незащищенных слоев населения. В документе подчеркивается важность социальной диаконии (участие в

помощи нуждающимся) [7]. Необходимость такого подхода подтверждается фактами. Как правило, одним из способов привлечения широких народных масс в общины тоталитарных деструктивных сект используется именно материальная заинтересованность и финансовая составляющая. В результате наносится не только духовный, но материальный ущерб последователям секты (дело Виссариона, суд в отношении основателя секты «Последний завет» Торопова и множество других), которые распространены в разных епархиях Русской православной церкви.

В настоящее время сектантство присутствует и на территории современной Симферопольской и Крымской епархии, которая является преемницей Таврической и Симферопольской епархии. Изучение опыта церковной благотворительности в контексте современной церковной антисектантской миссионерской деятельности епархии поможет максимально обезопасить современное общество от негативного влияния деструктивных религиозных сект.

На данный момент нет единого комплексного исследования, посвященного благотворительной деятельности Таврической епархии в контексте ее антисектантской миссии в первые годы служения епископа Гурия (Карпова). На сегодняшний день из комплексных работ, затрагивающих все аспекты истории Таврической епархии, можно выделить две: епископа Гермогена (Добронравина) «Таврическая епархия» (1887 г.) [3] и профессора кафедры культурологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Симферополе Ю.А. Катунина «Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века)» [6]. В современной региональной истории (крымоведении) заметно выделяются по своему содержанию следующие работы: А.Н. Савочка «Благотворительность в Таврической губернии (1802–1920)» [13], А. Власенко и Д.И. Абибуллаевой «Благотворительность в уездах и градоначальствах Таврической губернии» [2]. Вопросы церковной благотворительности внимания уделено значительно меньше [14].

В ходе данного исследования было установлено, что благотворительная деятельность в Таврической епархии в первые годы служения епископа Гурия (Карпова) была представлена в основном деятельностью православных братств и приходских попечительств, а также организацией сборов пожертвований в дни церковных праздников и по просьбе отдельных императорских или государственных лиц.

Деятельность православных братств. Особым событием для местной православной общины Таврической губернии стало создание в 1859 году самостоятельной Таврической и Симферопольской епархии. С первых дней своего существования епархия начала проводить активную миссионерскую деятельность, одной из направлений которой являлась антисектантская работа, включавшая в себя помимо религиозного просвещения благотворительную деятельность. Таврическая епархия была одной из густонаселенных сектантами территорий Русской православной церкви. Здесь проживали иностранные колонисты, переселенцы из разных губерний, представители местных традиционных религиозных общин. В результате эмиграции греков, армян, а затем и татар, во второй половине XIX века произошел значительный прирост русского населения, а также иностранцев в первую очередь в лице немцев-колонистов [4, с. 282–284]. Несмотря на это, православие было доминирующей конфессией данного региона. Православные составляли 68,1 % населения [11, с. 356].

Самым крупным и дееспособным в Таврической епархии было Православное братство святого благоверного князя Александра Невского в г. Симферополе. Оно создано по указу императора Александра III и Таврической Духовной консистории при Симферопольском кафедральном Александро-Невском соборе 23 ноября 1868 года. Основателем братства стал епископ Таврический Гурий (Карпов). Задачи братства были разнообразны; создание церковноприходских школ и оказание им и местным храмам материальной помощи, строительство новых храмов, забота о

бедных, престарелых и сиротах, борьба с расколами и сектантством. Во время Первой мировой войны Александро-Невское братство совместно с общиной сестер милосердия Красного Креста собирали подарки, лекарства для солдат, устраивали лазареты и санатории для раненых. Братство пользовалось заслуженным авторитетом. Ежегодно братство публиковало отчеты о своей деятельности. Руководство братством осуществлял специально созданный для этого совет. На заседаниях совета производились письменные и устные доклады, обсуждались программа братства. Состав совета братства был изменчив. Возглавлял его председатель [8, с. 115–116].

Состав совета братства включал в себя представителей местного православного духовенства, а также светских лиц. Так, например, к учредителям братства относился таврический прокурор А. Г. Глухов. При братстве действовал дамский комитет. По спискам числилось всего 685 членов братства. В их числе, помимо участников из местной Таврической губернии, были из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Казани, Одессы, Херсона, Николаева и других регионов империи [8, с. 117].

Деятельность приходских попечительств. Благотворительная деятельность Таврической епархии была также представлена приходскими попечительствами.

В «Таврических епархиальных ведомостях» публиковались уставы приходских попечительств и инструкции для их деятельности.

Вот некоторые из них:

I. Устав Свято-Покровского попечительства о бедных при Каховской церкви.

«Каховское попечительство о бедных учреждается при Каховской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Цель попечительства состоит во 1-х в заботе о приличном содержании храма; во 2-х в пособии, в случае надобности, причту в местной церкви; в 3-х в оказании постоянной или единовременной помощи бедным, не могущим за болезнью, престарелостью или по другим, независящим от них, обстоятельствам снискивать себе пропитание; в 4-х в заботах и попечении о беспомощных больных – приюте их, оказании медицинского пособия, а в случае смерти и погребении; в 5-х в содействии к развитию учащихся в Каховском училище. И вообще, по мере средств, во всех делах благотворительности. Благотворительность попечительства, за удовлетворением прихожан, может распространяться на лиц других приходов и даже других вероисповеданий». Согласно отчету этого попечительства за период с 2 мая 1869 года по 2 мая 1870 года на призрение бедных и больных израсходовано 151 руб. 45 коп. [20, с. 133–136].

II. Инструкция для действия приходского попечительства при Николаевской церкви в селении Большой Лепатихе, Мелитопольского уезда.

Приходское Попечительство при Николаевской церкви в селении Большой Лепатихе принимает на себя обязанность, на основании 5 статьи Высочайше утвержденного положения о приходских попечительствах, заботиться: а) о содержании и удовлетворении нужд приходской церкви в хозяйственном отношении, б) о благосостоянии приходской школы, в) о подании медицинской помощи больным, особенно в случае появления эпидемических болезней и вообще об оказании бедным людям прихода, в необходимых случаях, возможных пособий и о содержании в порядке кладбищ. Попечительство, в видах христианского благотворения, находит весьма полезным принять на себя обязанность распространять в народе, в пределах своего прихода, путем убеждения, здравые понятия о христианской жизни, уважение к Закону Божьему и гражданскому, любовь к труду, бережливости, порядку, а особенно к трезвой жизни [5, с. 46].

По окончании года приходорасходная книга попечительства представляется вместе с отчетом на ревизию общему собранию прихожан, которые – о последствиях своей ревизии делают надпись на самой книге, а в случае допущенных каких-либо беспорядков по приходу и расходу попечительских сумм, доносят епархиальному

начальству. Для успешного преподавания положенных предметов в приходской школе, иметь по возможности благонадежного учителя, который бы и своим нравственным влиянием и искусством преподавания умел внушить детям любовь к грамотности. Для содержания при училище вполне благонадежного наставника потребно давать ему приличное жалование. Забота по сему предмету относится к обязанности попечительства. Внушать прихожанам, чтобы они посылали в училище своих детей и не отвлекали их на домашние работы до закрытия училища, т.е. до роспуска детей для пособия родителям в полевых работах на время, от дня Св. Троицы до 1 октября. В случае появления в приходе эпидемии болезней, холеры, оспы и др. попечительство по силе ст. 7 положения о приходских попечительствах содействует сельскому начальству к прекращению эпидемии недуга; для сего, имеет общеупотребительные, в подобных случаях, лекарства, которыми снабжает неимущих, чрез своих членов, дает наставление, как пользоваться лекарствами, старается искоренять суеверия и предрассудки, существующие в народе, при появлении эпидемии болезней и внушает доверие к присылаемым по распоряжению начальства медикам и лекарствам, указанным наукой и опытом. Позаботиться привести кладбища в порядок.... Если до сведения попечительства дойдет, что питейные заведения открываются в незаконное время: во дни воскресные и праздничные до окончания литургии, а в обыкновенное время бывают открыты позже указанных в законе часов, то сообщить о том сельскому начальству и просить неперменного члена своего, волостного старшину, сделать зависящее распоряжение к устранению замеченных от закона отступлений. В случае, если до сведения попечительства дойдет, что кто-либо из прихожан постоянно предается пьянству, разоряет чрез то хозяйство, обижает семейство, служит явным соблазном в приходе; то просить приходского священника употребить пастырские увещания к вразумлению заблудшего, в случае безуспешности пастырских увещаний наедине, повторить эти увещания в присутствии попечительства. Если и затем увещаемый не исправится, то просить сельское начальство принять указанные законом меры, для пресечения способов подобным лицам разорять свои хозяйства и делать несчастными свои семейства. Во всех своих действиях, в пределах закона и по указанию настоящих правил, попечительство избегает принудительных мер, а старается распространять в народе любовь к трезвости, труду и порядку, уважение к закону, попечительность об общественном благосостоянии, религиозном и нравственном, путем христианского убеждения и благотворения. По окончании каждого года своего существования, попечительство составляет подробный отчет в своих действиях и распоряжениях и представляет оный на усмотрение общего собрания прихожан» [5, с. 47–49].

Организация сборов пожертвований. Таврическая епархия принимала сильное участие и в сборах пожертвований для нуждающихся. О чем также есть упоминания в епархиальных ведомостях.

Например:

1. «Благочинный церквей Михайловского Округа, Мелитопольского уезда, от 7 января 1871 года за №28 сообщил редакции «Таврических епархиальных ведомостей», что духовенством Михайловского Благочиннического Округа пожертвовано 6 руб. серебром для подготовки сестер милосердия для ухода за ранеными и больными воинами, какие деньги и препровождены им, Благочинным, Ея Превосходительству Екатерине Ивановне Жуковской, Председательнице Дамского Комитета о раненых и больных воинах» [15, с. 73].

То же и от Ногайского Благочиннического Округа – за 1870 г – 25 руб. 32 коп [16, с. 173].

То же братией Корсунского Богородичного монастыря – 25 руб. и то же Григорьевским и Молознаменским Благочинническими Округами – 54 руб. 25 коп [17, с. 199–201].

2. О сборе пожертвований на сооружение памятника первому Московскому типографу диакону Ивану Федоровичу, 300 лет тому назад начавшему и распространившему в России просветительное дело книгопечатания по инициативе Московского Археологического Общества [9, с. 522].

3. Объявление о пожертвовании в пользу голодающим в Самарской епархии. За это было получено благодарственное уведомление от 21 декабря 1873 года за №6804 от Преосвященного Герасима, епископа Самарского и Ставропольского, на имя Преосвященного Гурия, епископа Таврического:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь! Адресованные Вашим Преосвященством на мое имя деньги, при отношении от 28 прошлого ноября за №3296, всего 261 руб. серебром, собранных по Таврической губернии в пользу голодающего духовенства епархии Самарской, мною получены и с сею почтою препровождаются на имя благочинного 7 округа Николаевского уезда, для выдачи особо бедным и малосемейным членам причтов сего округа. Искренне благодарю Ваше Преосвященство и жертвователей Вашей паствы за любовь и помощь в постигшем испытании от голода вверенную мне Самарскую епархию. С искренним почтением и братской о Христе любовью имею честь быть Вашего Преосвященства покорным слугою, Герасим епископ Самарский» [1, с. 73–74].

4. Участие в 1870 году в сборе пожертвований в пользу мельхитов в оказании пособия на поддержание Православных церквей в Сирии, по ходатайству настоятеля Бейрутской церкви архимандрита Джибрай и Министерства Иностранных Дел [10, с. 881–882].

5. Сбор пожертвований на страждущих славян (Босния Герцеговина, Сербия, Черногорие – под властью турок) в Херсонисском монастыре около г. Севастополя, 15 июля, в день памяти св. Владимира. Вот описание как проходил сбор: в престольный праздник монастыря, «бывает крестный ход из севастопольского военного собора в Херсонисский монастырь при громадном стечении народа и участии войска... Желая воспользоваться праздничным торжеством с благотворительной целью ялтинский дамский комитет общества попечения о больных и раненых воинах обратился с приглашением к некоторым представительным лицам г. Севастополя устроить сбор пожертвований для страждущих славян в день праздника св. Владимира в Херсонисском монастыре. Супруга начальника местной дивизии г-жа Рихтер сообщила приглашение дамского комитета Преосвященнейшему Гурию и просила его дозволить сделать сбор в пользу славян в церкви и вне оной в день монастырского праздника. Преосвященнейший Владыка не только дозволил производить сбор, но и поручил о. Архимандриту Арсению, ректору Таврической духовной семинарии, в это время находившемуся в Херсонисском монастыре, сказать несколько слов перед началом сбора. Доброе предприятие увенчалось желанным успехом...». Пожертвований оказалось ок. 400 руб. серебром [19, с. 486–487]. Пожертвованные общим собранием Симферопольского Александро-Невского братства 1441 руб. 78 1/3 коп. в пользу страждущих славян препровождены были Преосвященнейшему Митрополиту Сербскому Михаилу [12, с. 655].

6. Учреждение для сбора пожертвований на устройство новых и украшение существующих православных храмов в Туркестанской области [18, с. 717–718].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Благотворительная деятельность всегда была неотъемлемой частью жизни русского православного народа и Церкви. Таврическая епархия, которая находилась в территориальных границах Таврической губернии, не была в стороне от этих общественно важных проектов. Особый подъем церковной жизни был в первые годы служения здесь епископа Гурия (Карпова). Его трудами и трудами таврических священнослужителей и прихожан открывались различные богоугодные заведения, попечительства, приходские братства, проводились сборы средств на содержание нищих и т.д. Особо выделялось

Симферопольское Александро-Невское братство. Благотворительность стала одним из методов антисектантской миссии.

Источники и литература

1. Благодарственное уведомление от 21 декабря 1873 г. // Таврические епархиальные ведомости. 1874. № 3. С. 73–74.
2. Власенко А., Абибуллаева Д.И. Благотворительность в уездах и градоначальствах Таврической губернии // Форум молодых ученых. 11 (39), 2019. С. 92–97.
3. Гермоген (Добронравин), еп. Таврическая епархия. Псков: тип. Губ. правл., 1887. 520 с.
4. История Крыма / под. ред. А. В. Юрасова. М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. 789 с.
5. Инструкция для действия приходского попечительства при Николаевской церкви в селении Большой Лепатихе, Мелитопольского уезда // Таврические епархиальные ведомости. 1873. № 2. С. 45–50.
6. Катунин Ю. А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX - начало XX века). Симферополь: Таврия, 1995. 110 с.
7. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 19.09.2023).
8. Отчет о деятельности совета симферопольского братства святого благоверного князя Александра-Невского, от 23 ноября 1868 года до 30 августа 1869 года // Таврические епархиальные ведомости. 1869. № 4. С. 115–129.
9. О сборе пожертвований на сооружение памятника первому Московскому типографу диакону Ив. Федоровичу. // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 17. С. 521–522.
10. Об оказании пособия на поддержание Православных церквей в Сирии // Таврические епархиальные ведомости. 1870. № 28. С. 881–882.
11. Памятная книга Таврической губернии / под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. 657 с.
12. Протокол общего собрания членов Симферопольского Александро-Невского братства // Таврические епархиальные ведомости. 1876. № 21. С. 653–656.
13. Савочка А. Н. Благотворительность в Таврической губернии (1802–1920) / под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь: Доля, 2012. 318 с.
14. Савочка А.Н. Благотворительная деятельность православной церкви Таврической губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. № 20-2. 2010. С.111–113.
15. Сбор пожертвований духовенством Михайловского Благочиннического Округа для подготовки сестер милосердия для ухода за ранеными и больными воинами // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 3. С. 73.
16. Сбор пожертвований духовенством Ногайского Благочиннического Округа для подготовки сестер милосердия для ухода за ранеными и больными воинами // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 5. С. 136–137.
17. Сбор пожертвований братией Корсунского Богородичного монастыря и духовенством Григорьевского и Молознаменского Благочиннических Округов для подготовки сестер милосердия для ухода за ранеными и больными воинами // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 7. С. 199–201.
18. Сбор пожертвований на устройство новых и украшение существующих православных храмов в Туркестанской области // Таврические епархиальные ведомости. 1876. № 23. С. 717–718.
19. Сбор пожертвований на страждущих славян // Таврические епархиальные ведомости. 1876. № 15. С. 486–487.
20. Устав Свято-Покровского попечительства о бедных при Каховской церкви. // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 5. С. 133–136.

Шкарубо С.Н.

АНТОНИО ГРАМШИ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва*

Аннотация. Наследие А.Грамши, как в области теории культуры, так и практики исторической науки, так и не получило в исследованиях отечественных ученых-историков системного осмысления. Отчасти это произошло потому, что изучение духовного наследия А. Грамши само по себе бесспорно сложно: вопросы современности, исторические, культурологические, политические и социальные вопросы связаны и тесно переплетены в его работах.

Ключевые слова: эвристический потенциал, духовное наследие, эволюция культурно-исторических взглядов, главенство культуры в истории человечества.

Abstract. The legacy of A. Gramsci, both in the field of cultural theory and the practice of historical science, has not received systematic comprehension in the research of domestic historians. In part, this happened because the study of A. Gramsci's spiritual heritage is in itself undeniably complex: contemporary issues, historical, cultural, political and social issues are connected and closely intertwined in his works.

Key words: heuristic potential, spiritual heritage, evolution of cultural and historical views, the primacy of culture in human history.

Обладающее большим эвристическим потенциалом теоретическое и практическое творческое наследие А. Грамши, которому более 100 лет, хоть и вызывало пристальный интерес исследователей различных научных направлений, тем не менее на протяжении предшествующих десятилетий так и не получило должного и всестороннего тематического охвата российскими учеными.

Более того, несмотря на оригинальность, масштабность и глубину исторического аспекта творчества А. Грамши его наследие, как в области теории культуры, так и практики исторической науки, так и не получило в исследованиях отечественных ученых-историков и культурологов системного осмысления. Отчасти это произошло потому, что изучение творчества А. Грамши само по себе бесспорно сложно: вопросы современности, исторические, культурологические, политические и социальные вопросы связаны и тесно переплетены в его работах. Для Грамши характерно (что важно для понимания сложности исследования его культурно-исторического наследия) переключение его научных положений как ученого, с политическим откликом: реакция на современные для него события сочеталась с глубокой рефлексией в отношении прошлых веков итальянской и всемирной истории.

Для современных исследовательских работ, что ценно, характерен вытекающий из вышеуказанного учет историко-событийного контекста биографии А.Грамши на фоне глобальных исторических событий итальянской и всемирной истории XX и предшествующих веков. Использование историко-биографического метода совместно с исследованием эволюции взглядов А. Грамши, как историка и мыслителя, принесло современным авторам несомненно положительный результат.

Для Грамши, как для историка, культуролога, публициста, мыслителя- революционера, характерно понимание того, что история не является исключительно

объектом для исследования прошлого, а является также актуальным настоящим живым процессом преемственности прошлого. Современная историческая наука уловила эту важную особенность исторического подхода Грамши: проведение параллелей между событиями прошлого и событийным рядом его современности.

Следует, пожалуй, обратить внимание на степень разработанности проблемы исследования. Несмотря на то, что открытие наследия Грамши произошло еще в 40-е годы 20-го века (впервые публикуется в «Тюремной тетради» и «Письмах из тюрьмы») систематизации этих записей, и их полный перевод, в том числе на русский язык, является длительным и не до конца завершенным процессом.

Достаточно сказать, к примеру, что на основании собранных из разных источников архивных данных, В. Джерратано смог подготовить научно-критическое издание «Тюремных тетрадей» только к 1975 году. В отношении источника базы исследования следует особо отметить работу современных исследователей с документами в архиве и в библиотеке Фонда Института А. Грамши в г. Риме и в библиотеке Института А. Грамши в г. Турине, и в фонде А. Грамши при данном институте, в фонде музея Антонио Грамши в г. Гиларца.

Необходимо осуществить перевод статей и писем А. Грамши, до сих пор не переведённых на русский язык и не введённых в оборот в российскую историографию, чтобы они попали в поле зрения российского научного сообщества.

Историкам и культурологам удалось проследить, что важно для понимания генезиса историософских и культурологических взглядов А. Грамши, как на ранних этапах его развития как мыслителя и историка, произошло преодоление им вульгаризированной трактовки материалистического понимания истории, испытывавшей сильное влияние позитивизма, распространенного в среде итальянских социалистов той поры (1911–1918 гг.), а также проанализировать его переосмысление восприятия истории и культуры под воздействием авторитета его современников-неогегельянцев Б. Кроче и Дж. Джентиле, прежде всего, как главенства человеческой воли в историческом процессе.

В 1917–1919 годах – времени Революции и Гражданской войны в России – происходил отход мыслителя от понятия воли и вводились в дискурс понятие «революционная политика» и учет объективной исторической закономерности, как в работах периода «Красного двухлетия», в контексте революции, А. Грамши считает «массу» – олицетворением исторической необходимости, в то время как «партия» – рассматривается им как субъективный фактор, – обе они находятся в постоянном диалектическом взаимодействии. Последнее обстоятельство – учет событий актуальной ему современности – Октября и Гражданской войны, при изменении и формировании историко-теоретической концепции А. Грамши весьма важное обстоятельство, поскольку политика была всегда для него актуальным выражением истории, а, следовательно, влияла на формирование его марксистской концепции понимания истории. Истории, которая наполнена оптимизмом, поскольку, как пишет А. Грамши, – история человечества — это непрерывный и неопределенный путь освобождения.

Анализ современности и исторических процессов прошлого взаимообусловлены у Грамши. Весьма примечательным и удачным примером такого рода диалектического анализа политической современности в контексте исторических процессов проведенного итальянским мыслителем является объяснение Антонио Грамши из конкретно исторического анализа процесса Рисорджименто – феномена современного ему фашизма – как комплекса проблем, возникшего из предпосылок развития итальянского государства, находя объяснение специфических национально-исторических корней итальянского фашизма, исследуя историю Италии эпохи Рисорджименто: в частности из недостатка гражданской зрелости, который показал незавершенный процесс объединения Италии в предвоенную эпоху. На примере грамшианского анализа генезиса фашизма улавливается в подобном анализе

данного феномена его желание поймать историю в настоящем, и видеть корни происходящего в прошлом, соединенное с пониманием национально-исторической специфики Италии – что во многом иллюстрирует «работу» исторической составляющей в трудах А.Грамши.

Вершиной научного творчества, позволяющей в полной мере исследовать историческую и культурологическую составляющую трудов А.Грамши, является корпус его произведений, известных как «Тюремные тетради» – почти три тысячи страниц текста и являющие собой ядро творческого наследия итальянского мыслителя, текстов, которые по праву стали основой для развития неомарксизма XX века.

Апеллируя к письму Грамши от 25 марта 1929 года, обращаешь внимание, что из основных тем «Тетрадей» можно выделить три взаимосвязанных глобальных направления, два из которых это – история Италии XIX в., с акцентом на формирование и развитие интеллектуальных групп, и второе – теория истории и историография. Несмотря на кажущуюся фрагментарность и отрывочность продиктованных условиями работы автора над произведением, содержание «Тетрадей» гармонично, представляет слаженный труд с последовательным раскрытием идей итальянского мыслителя. И это несмотря на проблему датировки, которая и поныне остается не до конца решенной.

Политика, культура, история и философия в работах А.Грамши предстают как единое системное целое. Философия Грамши, основанная на марксистской диалектике, позволяет ввести последнюю в исторический понятийный аппарат. Для А.Грамши историческую прошлую и актуальную действительность можно постигнуть только, мысля ее «исторически и в единстве», – исторический и диалектический материализм у него тождественны. А сама категория «исторического» лежит в основе грамшианского мировоззрения.

Интересно отметить, то глобальность «историзма» в мировоззрении Грамши, привела в 70-е годы XX века в итальянской научной среде к обширной полемике о термине «историзм» в его произведениях. Существенным представляется суждение Н.Бадалони, согласно которому основное направление историзма А.Грамши – это политический революционный проект на основе культурно-исторического анализа.

Проблемы культуры и практической истории наиболее выразительно нашли свое воплощение в «Тетрадах», пожалуй, в исследовании эпохи Рисорджименто. В текстах «Тетрадей» данная эпоха итальянской истории рассматривается наиболее основательно. И здесь снова вопросы практической и теоретической истории неразрывно связаны.

Именно на примере исследования Рисорджименто А. Грамши раскрывается тема гегемонии, выделяя два типа власти: управление, основанное на господстве и управление – основанное на духовном руководстве, то есть гегемония. По мнению И.В. Григорьевой – это подход политика, который старается выжать максимальную пользу из истории для современности.

Хочется надеяться, что современным исследователям удастся продвинуться вперед в масштабном анализе духовного наследия А.Грамши, увидеть и осмыслить полную выверенную картину культурно-исторических воззрений и принципов научного познания итальянского мыслителя и осознать их несомненную значимость для современности.

Источники и литература

1. Грамши А. Тюремные тетради: В 3-х ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
2. Грамши А. Избранные произведения: В 3-х т. М.: Изд-во иностр. лит., 1957–1959; М.: Политиздат, 1980.
3. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. Т. 1. / Пер. с итал. Текст. М.: Искусство, 1991. 432 с.

4. Грамши А. Искусство и политика. В 2-х т. Т. 2. / Пер. с итал. Текст. М.: Искусство, 1990. 336 с.
5. Грамши А. О литературе и искусстве. М.: Прогресс, 1967. 264 с.
6. Грамши А. Письма из тюрьмы // Грамши А. Искусство и политика: В 2х т. Т. 1. Текст. М., 1991. С. 19–42.
7. Грамши А. Формирование человека: Записки о педагогике. М.: Педагогика, 1983. 224 с.
9. Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни Текст. СПб.: Алетейя, 1998. 312 с.
10. Аббате М. Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества Текст. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959. 248 с.
11. Гаро Ф. Общественно-дисциплинарные дисциплины в теоретических разработках Грамши // URL: alternativy.ru/old/magazine/htm/953/51.htm.
12. Долгов К.М. Вступительная статья // Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. М.: Искусство, 1990–1991.
13. Илларионов О.В. Грамши и проблема историцизма // Философские науки. 1991. № 1. С. 96–105.
14. Коломиец В.К. Грамши: Актуальное наследие // Полис. 1997. № 4. С. 185–188.
15. Коломиец В.К. Теоретическая мысль Грамши и современность // Полис. 1997. № 3. С. 186–187.
16. Лебедев А.В. Антонио Грамши о культуре и искусстве. Идеи и темы «Тюремных тетрадей»/ Очерки. М.: Издательство «Искусство», 1965. 182 с.
17. Лебедев А.В. Проблемы развития народного искусства в «Тюремных тетрадях» Антонио Грамши // Вопросы философии. 1960. № 7. С. 78–89.
18. Лестер Джереми. Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание // URL: alternativy.ru/old/magazine/htm/991/.
19. Матвеев П.А. Проблемы взаимосвязи политики, культуры и мировоззрения в работах А.Грамши // Философские науки. 1985. № 6. С. 75–82.
20. Славин Б. «Философии практики» и революция глазами А. Грамши // Альтернативы. 2010. № 3.
21. Crehan K. A.F. Gramsci, culture and anthropology. University of California Press, 2002. 220 p. // URL: <http://books.google.ru/books7id>.
22. Entwistle H. Antonio Gramsci: conservative schooling for radical politics Routledge education books Education Bks International Library of Sociology. Routledge, 1979. 207 p. // URL: <http://books.google.ru/books7id>.
23. Hall, S. The problem of ideology: Marxism without guarantees, in Marx: 100 Years On, B. Matthews (ed.). London: Lawrence & Woshart, 1983, P. 57–84. // URL: www.soclexicon.ru/xoll-hall-styuart.
24. Holub, Renate. Antonio Gramsci: beyond Marxism and postmodernism Critics of the twentieth century. Routledge, 1992. 247 p. // URL: <http://books.google.ru/books7id>.

Станкович С.Т.

ИНЖЕНЕР АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СЛАСТЕНКО

профессор истории, г. Ниш, Сербия

Аннотация. В статье изучен жизненный путь эмигранта из России (первой волны) Александра Михайловича Сластенко, проживавшего в сербском городе Ниш и много сделавшего для развития этого города, а затем и всей Югославии. Ранее никто из историков не попытался изучить биографию этого инженера. Перед тем, как пойти в школу, Александр Сластенко остался сиротой без обоих родителей, о нем заботился дядя. В родном городе он окончил начальную и среднюю школу и, будучи отличником, получил стипендию. В 1915 году он стал студентом Института инженеров путей сообщения императора Александра I в Петрограде. В июле 1917 года его мобилизовали и отправили на Урал, в Военную академию в Оренбурге. После ранения на фронте, он лечился в больницах Москвы и Воронежа. После взятия Павловска донские казаки мобилизовали его и отправили в Ростов в казачью инженерную роту. После Гражданской войны он отправился в изгнание с генералом Врангелем и прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Ему удалось поступить на технический факультет Белградского университета, где он учился, живя в бедности и получая стипендию. После окончания учебы, он сначала служил в Неготине, а затем в Нише, где женился на Радмиле Николич, дочери депутата Тешмана Николича. Здесь родилась его дочь Татьяна Сластенко, которая стала впоследствии всемирно известной оперной певицей. После Второй мировой войны инженер Сластенко со своей службой переехал в Белград, где позже внезапно скончался в троллейбусе. Похоронен на Новом кладбище в Белграде в той его части, где похоронены русские эмигранты.

Ключевые слова: Александр Сластенко, инженер, Гражданская война, эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославия, г. Белград, г. Ниш.

Abstract. The article examines the life path of an emigrant from Russia (the first wave) Alexander Mikhailovich Slastenko, who lived in the Serbian city of Nis and did a lot for the development of this city, and then of the whole of Yugoslavia. Previously, no historian had tried to study the biography of this engineer. Before going to school, Alexander Slastenko was left an orphan without both parents; his uncle took care of him. In his hometown, he graduated from primary and secondary school and, being an excellent student, received a scholarship. In 1915, he became a student at the Institute of Railway Engineers of Emperor Alexander I in Petrograd. In July 1917, he was mobilized and sent to the Urals, to the Military Academy in Orenburg. After being wounded at the front, he was treated in hospitals in Moscow and Voronezh. After the capture of Pavlovsk, the Don Cossacks mobilized him and sent him to Rostov to a Cossack engineering company. After the Civil War, he went into exile with General Wrangel and arrived in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. He managed to enter the Faculty of Engineering at the University of Belgrade, where he studied while living in poverty and receiving a scholarship. After finishing his studies, he first served in Negotin and then in Niš, where he married Radmila Nikolić, daughter of deputy Tešman Nikolić. His daughter Tatyana Slastenko was born here, who later became a world-famous opera singer. After World War II, engineer Slastenko and his service moved to Belgrade, where he later died suddenly in a trolleybus. He was buried in the New Cemetery in Belgrade in the part where Russian emigrants are buried.

Key words: Alexander Slastenko, engineer, Civil War, emigration, Yugoslavia, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, Belgrade, Niš.

В жёлтом конверте большого формата¹, предназначенном его дочери Татьяне Сластенко, на обложке написано: *«Для Татьяны Александр. Сластенко»*. В нем, помимо личных документов, есть еще краткая биография, которую он сам написал на пишущей машинке кириллицей.

«БИОГРАФИЯ Инженера Сластенко М. Александра, управляющего предприятием Городского водопроводно-канализационного хозяйства в Нише.

Я родился 27 июля 1897 года в городе Павловск в России. Мои родители – мать Татьяна и отец Михаил, купец. Мои родители умерли, когда мне было 4 или 5 лет, братьев и сестёр у меня не было, поэтому детство я провёл с дядей Константином Будильниковым, купцом из Павловска, который заботился о моём воспитании, учёбе и жизнеобеспечении. До 1915 года я жил в моём родном городе, где я закончил среднюю школу в мае месяце.

В течение 1915–1916 учебного года я учился в Ленинграде на техническом факультете.

В июле 1916 г. меня мобилизовали и отправили в военное училище в Оренбурге на Урале, которое я окончил в январе 1917 года, когда я стал офицером и был направлен в запасной полк в г. Острогорск. В Острогорске я служил сержантом до мая 1917 года, когда нас с полком отправили на германский фронт в прошлой мировой войне. Из-за ранения меня эвакуировали в Москву, а затем в Воронеж, где я пребывал до конца лечения и демобилизации в январе 1918 года. Время после демобилизации, с января по октябрь 1918 г., я провел в своём родном городе, готовясь к экзаменам, так как я намерен был продолжить прерванную войной учебу, военными властями во время учебы я был освобожден от повторной мобилизации, которая тогда проводилась для ведения Гражданской войны.

В сентябре или октябре 1918 года, после оккупации моего родного места донскими казаками, меня мобилизовали и отправили в город Ростов в казачью инженерную роту, где я занимался техническим обслуживанием и ремонтом железных дорог, до полного развала генерала Врангеля и эвакуации в ноябре 1920 года.

Время с ноября 1920 года по июнь 1921 года я провёл в лагерях эвакуированной армии, сначала в Турции, а затем на греческом острове Лемнос.

В начале июня 1921 года со своим отрядом меня перевели в Югославию, где я до августа был в лагере возле Прилепа, собирая военную добычу.

Имея постоянное желание продолжить учебу, прерванную войной, и осознавая бесполезную трату времени в военных лагерях, в августе 1921 года, с десятком товарищей, я покинул свой отряд, из-за чего командир полка объявил меня предателем. Не имея других средств, на деньги от проданных ботинок, шинелей и других вещей, я поехал в город Велес, где устроился железнодорожником.

В сентябре 1921 г. у меня уже были сэкономленные деньги от первой зарплаты рабочего и проданных вещей, я поехал в Белград и поступил на технический факультет Белградского университета. Обстоятельства для учёбы были тяжёлыми, потому что без материальных средств я был вынужден зарабатывать на жизнь физическим трудом на строительстве общественных зданий, дорог и тому подобное. Это продолжалось до мая 1922 года, когда я получил стипендию, но незнание языка также затрудняло нормальное обучение. Я провёл время до конца 1924 года в Белграде, когда закончил обучение. Между тем, будучи студентом, я работал геодезистом с 4 августа по 22 октября 1922 года в городке Приеполе на работе по ограждению лесов, а с 17 октября 1923 года по 27 марта 1924 года на участке для трассировки железных дорог Белград–Панчево и Белград–Обреновац.

После окончания Белградского университета, с 25 января 1925 года по 25 февраля 1928 года, я работал инженером в гидротехническом управлении в городе Неготин.

Меня приняли в Ниш после конкурса на звание инженера, и я вступил в должность 25 февраля 1928 года, где я работаю по сей день. Во время службы выполнял обязанности начальника отдела водоснабжения и канализации, и. о. (исполняющего обязанности) начальника технического отдела, заведующего водопроводом и канализацией, а также и текущую должность управляющего предприятием Городского водопроводно-канализационного хозяйства в Нише.

(и с 21 мая 1947 года назначен директором Городского водопроводно-канализационного хозяйства в Нише)

Во время моей службы я работал над проектированием и строительством систем водоснабжения в сельских и городской местностях, мелиорацией земель и регулированием рек, проектированием и строительством городского водопровода и канализации в Нише, проек-

¹ Семейный архив семьи Сластенко.

тированием и надзором общественных зданий, проектированием и строительством дорог и тротуаров.

Я женился в Нише 16 сентября 1928 года на Радмиле, дочери бывшего депутата Тешмана Николича из Ниша. 23 июня 1929 года у меня родилась дочь Татьяна.

Я получил югославское гражданство 17 августа 1929 года.

В Нише у меня есть дом на улице Йована Цвийича номер 37, который хранится в земельных книгах на моё имя и имя моей жены. Дом построен для моего личного пользования. У меня нет другого дохода, кроме моей зарплаты. Я никогда не занимался политикой и не состоял в каких-либо политических организациях, но посвятил себя исключительно своей профессиональной деятельности.

15 ноября 1946 года.

Профессиональный руководитель,
в Нише

инженер А. Сластенко¹.

В дополнение к этому документу, который был составлен самим инженером Александром Сластенко, сохранился схожий по объёму и содержанию документ, который был напечатан на пишущей машинке латиницей вскоре после его смерти. В этом документе есть и некоторые дополнительные сведения.

«...Родился в городе Павловске, Павловский уезд, Воронежская губерния в России 9 августа 1897 года... крестился в православии, его крестными родителями были Пётр Б. Степаков и Анастасия В. Павленко.

... Благодаря сбережениям, он отправляется в Берлин, чтобы усовершенствовать свои знания по техническим наукам. Не желая принимать предложенные ему контракты в среде, которая не устраивала его, восхищенный незабываемой Сербией, он вернулся в Белград ...

... Он работал в Нишской крепости...

... В июле 1948 года он был объявлен рационализатором, обеспечил нормальное водоснабжение города, снизил цену, увеличил объём воды, был назначен и повышен до звания старшего инженера-строителя. Было предложено поставить его бюст в общественном месте в городе Ниш, чему он воспротивился и не позволил, потому что был очень скромным человеком!

Получает приглашение от Технического факультета Белградского университета – кафедре высшей математики и статистики. Он отказывается!

Однако он переезжает в Белград, чтобы начать борьбу за восстановление разрушенной войной страны. Он принял предприятие на грани краха, стал техническим директором предприятия «Дорога», которое в это время оно пережило свой ренессанс. Слиянием предприятий «Дорога» и «Белград» в 1959 году создаёт предприятие «Автодорога», техническим директором которого он является до последнего вздоха. Он выполнял работы огромных размеров, работал по ночам: без перерывов, без отпусков, без материальных компенсаций, вил и квартир.

Он построил автомагистрали, туннели, ущелья, дороги, площади, парки по всей стране, он получил материальную прибыль для предприятия, огромную репутацию и «Автодорога» достигла своего апогея!

Его преждевременный отъезд болезненно повлиял на персонал предприятия «Автодорога». На предприятии осталась лишь работа, которую только что выиграли на аукционе, много незавершённых эскизов, планов, только что задуманных идей, остались его молодые инженеры и техники, которых он вырастил и сделал из них отличных экспертов.

Произошло это в ледяном январе 1963 года.

Возвращаясь со своего рабочего места, тихо и достойно скончался в троллейбусе.

Он любил работу и жизнь. Он был нежным отцом и верным мужем»².

Об образовании инженера Александра Сластенко...

Из зачётной книжки № 3815 (рис. 1) выясняется, что студент Сластенко Александр Михайлович поступил в Институт инженеров транспорта Императора Александра I в 1915 году... До окончания учёбы он сдал всего 10 экзаменов (высшая

¹ Личный архив инженера Александра Сластенко. Текст приведен без изменений. Курсивом выделены слова над основным текстом источника в начале второй страницы (написаны от руки позже основного текста) (прим. авт.).

² Личный архив инженера Александра Сластенко, *Неподписанный документ без даты*. Вероятнее всего, составленный его дочерью Татьяной Сластенко. Без изменений взяты только части, дополняющие предыдущий документ.

математика, физика, геодезия, начертательная геометрия, строительство, религиозное, рисование ...)¹.

Институт выдал ему свидетельство о сдаче экзаменов первого курса 21 июня 1917 года для инженерных нужд армии².

Зачётная книжка с учебы в Белграде не сохранилась.

Технический факультет Белградского университета (отделение инженеров-строителей) 7 января выдал свидетельство о сдаче подготовительного дипломного экзамена 7 апреля 1923 года со средней оценкой 8 (очень хорошо)³. Инженер Александр М. Сластенко окончил факультет со средней оценкой 8 (очень хорошо) 21 октября 1924 года в Белграде⁴.

Александр Сластенко, инженер из Ниша, рождённый 27 июля 1897 года в городе Павловск в России (религия-православная), его родители – мать Татияна и отец Михаил, женился на Радмиле дочери Тешмана Николича депутата из Ниша, рождённой 24 мая 1904 года в Бучье, район города Княжевац, 16 сентября 1928 года в Соборной церкви. Крёстным отцом на свадьбе был Момчило Янкович, а свидетелем – Милутин Джулизибарич, купец из Ниша⁵.

Г-н Тешман Р. Николич (подробнее о нем [7]; [8]), депутат Учредительного собрания (в 1921 году и еще три срока подряд) дал своему зятю приданое в размере 100 000 динаров и перечисленные ниже предметы: 1) 10 больших подушек; 2) 8 маленьких подушек; 3) 2 большие простыни; 4) 9 спальных рубашек; 5) 2 витража; 6) 6 поясов; 7) 12 рубашек; 8) 13 женских трусов; 9) 8 салфеток, вязанных крючком; 10) 2 плетеные скатерти; 11) 3 вязанные крючком салфетки для кухни; 12) 6 салфеток крючком для полок; 13) 1 пианино. Инженер Александр Сластенко 14 и 16 сентября, а также 2 декабря 1928 года подписал квитанции (на которых аннулировались налоговые марки) о получении упомянутых предметов, представляющих собой приданое⁶.

В доме семьи Сластенко 23 июня 1929 года родился ребёнок. Крестный отец дал девочке имя Татьяна в честь бабушки по отцу⁷.

Вслед за этим г-н Сластенко М. Александр из Ниша, рождённый 27 июля 1897 года в городе Павловске, Павловский уезд, Воронежская губерния. Рост 180 см. Лицо круглое; глаза карие; волосы чёрные. Особые характеристики: с 17 августа 1929 года является гражданином Королевства сербов, хорватов и словенцев и живёт в городе Ниш, Нишавский округ. Это свидетельство относится и к его жене Радмиле, рождённой 24 мая 1904 года, и к несовершеннолетним детям: к Татьяне, родившейся 23 июня 1929 года⁸.

В начале 1937 года в издававшейся тогда белградской ежедневной газете «Правда» была опубликована статья о больших заслугах инженера Александра Сластенко в строительстве водопровода в городе Ниш «Ниш наконец получит водопровод» [9].

Вскоре после Второй мировой войны в городе Ниш снова возникли серьезные проблемы с водоснабжением. В местной газете появилась статья о том, что инженер Александр Сластенко решил тяжелую проблему с водоснабжением. В статье «Наши

¹ Фамильный архив семьи Сластенко, Зачётная книжка № 3815 (см. рис. 1).

² Фамильный архив семьи Сластенко, Свидетельство № 933, 21 июня 1917 года в Петрограде.

³ Фамильный архив семьи Сластенко, Диплом инженера-строителя Технического факультета, № 3061.

⁴ Личный архив автора, Свидетельство о заключении брака. Хранится в ЗАГСе города Ниш (лично осматривал его 08 февраля 2016 года). Записано в Книге регистрации актов о заключении брака Соборной церкви в Нише, 1928, № 103.

⁵ Личный архив автора, Свидетельство о заключении брака. Хранится в ЗАГСе города Ниш (лично осматривал его 08 февраля 2016 года). Записано в Книге регистрации актов о заключении брака Соборной церкви в Нише, 1928, № 103.

⁶ Личный архив потомков Тешмана Р. Николича, Документы о приданом.

⁷ Фамильный архив семьи Сластенко семьи Сластенко, Документы.

⁸ Фамильный архив семьи Сластенко семьи Сластенко, Свидетельство о гражданстве, Королевство сербов, хорватов и словенцев, номер 3780, Регистрационный номер 6, подпись начальника округа (Мил. Д. Байич)..

местные компании в предконгрессном конкурсе», подписанной только инициалами, есть раздел, в котором говорится: «Исполнитель инженер Александр Сластенко обеспечил нормальное водоснабжение города и снизил полную стоимость на 15%. Среди этих предприятий следует особо выделить предприятие Городского водопроводно-канализационного хозяйства, которому, благодаря недавней рационализации, проведенной директором предприятия инженером Александром Сластенко, в течение июня удалось снизить полную стоимость питьевой воды на 15%» [10].

Интервью с инженером Сластенко было опубликовано на первой полосе газеты возглавляемого им предприятия, в котором он представил ситуацию на строительных площадках предприятия на улице Маршала Тито в Земуне, на улицах Белграда: Савска и Пожешка, на кольцевой развязке, в Лешнице, в Великой Планае, во Врбово. В интервью Сластенко подчеркнул, что выполнение взятых на себя обязательств – заслуга рабочих и технического персонала на строительной площадке. Однако, как обычно, из скромности не хвалил себя и техслужбу [6].

„В некрологе А. Сластенко его коллеги написали: «Смерть технического директора, инженера Сластенко, глубоко тронула коллектив предприятия „Автодорога“. Как больно и трудно для каждого из нас сегодня думать, что тот, кто жил и работал с нами так долго, никогда не вернется. Умер наш верный и лучший сотрудник, технический директор, инженер Александр Сластенко. Он ушел так внезапно, оставив нам единственную возможность вспоминать» [5].

В. Милоевич, заведующий бюро ЗАГС при Народном комитете муниципалитета Старый Град Белградской области 12 февраля 1963 года в Книге регистрации актов о смерти на 8 странице за номером 57 на основании протокола расследования, составленного органами МВД города Белграда №. 02/3-6523 от 24 января 1963 года) написала, что 24 января 1963 года, около 16 часов Александр Сластенко скончался на улице Райичева в Белграде (родившийся 27 июля 1897 года – в Павлово, СССР. По профессии инженер. Национальность: русский. Последнее место жительства: г. Белград, ул. Бориса Кидрича, 4)¹.

Оставил после себя жену Радмилу Сластенко (24 мая 1904 г. – 20 мая 1987 г.)¹⁸ и дочь Татьяну Сластенко (Ниш, 23 июня 1929 – 01 февраля 2014, Стари Сланкамен), всемирно известную оперную певицу. Она была участницей оперного ансамбля Национального театра в Белграде, Хорватского национального театра в Загребе и Ла Скала в Милане в Италии.

Источники и литература

1. Новое кладбище в Белграде, надгробие
2. Наследство семьи Сластенко (зачётная книжка, свидетельства, дипломы, фотографии...)
3. Личный архив автора Свидетельство о заключении брака
4. Личный архив потомков Тешмана Р. Николича, Документ о приданом
5. Марковић, Р., «Колектив,, Аутопута“ болно погођен смрћу свог техничког директора Инж. Сластенка“, Аутопут, лист колектива грађевинског предузећа «Аутопут», бесплатан примерак, Београд, Година IV, број 19, јануар 1963, исечак без броја станице.
6. Н.Н., «Разговор са техничким директором ИСПУНИЛИ СМО ОБАВЕЗЕ признање инвеститора», Аутопут, лист колектива грађевинског предузећа «Аутопут», бесплатан примерак, Београд, Година III, број 16, октобар 1962, насловна страница;
7. Станковић, С. Т., Тешман Р. Николић (одредница), Српски биографски речник, енциклопедија МАТИЦЕ СРПСКЕ, Том 7, Нови Сад 2018, 483.

¹ Фамильный архив семьи Сластенко, *Свидетельство о смерти, февраль 1963 года.*

¹⁸ Новое кладбище в Белграде, *надгробие*, запись автора 19 июля 2019 г.

8. Грађанска елита Ниша II: коњички пуковник Владислав А. Милићевић и Тешман Р. Николић, учитељ и народни посланик“, Међународни научни скуп Наука и савремени универзитет 5 (НИСУН 5), Философски факултет Ниш, Ниш 13-14. 11. 2015.

9. Царић, С., „Ниш ће, најзад добити водовод...“, Правда, Број 11.579, Година XXXIII, Београд, субота 16. јануар 1937, 5.

10. Ц.П., „Наша локална предузећа у претконгресном такмичењу“, Народни лист, издаје градски одбор народног фронта – Ниш, Година V-Број 211, Ниш 10. јул 1948, 3.

Рис. 1. Зачётная книжка № 3815, выписанная на имя А.М. Сластенко

Глушич А.М.

ЕВРОПЕЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СПОРТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР В 1920-Е ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва*

Аннотация. В статье изучена работа спортивной дипломатии СССР в 1920-е гг. на самом важном и интенсивном направлении – европейском. На основании делопроизводственной документации и деловой переписки Красного спортивного Интернационала и Высшего совета физической культуры СССР с зарубежными спортивными органами показаны приоритеты и стратегии работы советского государства, а также неравномерность успехов работы в регионах Европы. Сделан вывод о том, что добиться особых успехов удавалось в странах с высоким уровнем развития рабочего спорта как такового, даже если большая часть секций находилась под влиянием социал-демократических сил в виде Люцернского спортивного Интернационала. Приоритет в работе отдавался футболу и зимним видам спорта, в которых советские спортсмены были особенно сильны, а значит могли не только налаживать связи по спортивной линии, но и демонстрировать миру успехи социалистической системы физического воспитания. Факторами, снижающими эффективность работы, было силовое противодействие властей государств, что было особенно характерно для стран Балканского полуострова, а также логистические трудности, затруднявшими взаимодействие с государствами юго-западной Европы.

Ключевые слова: СССР, спорт, спортивная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК).

Abstract. The article examines the work of sports diplomacy of the USSR in the 1920s in the most important and intensive direction - the European one. Based on the records and business correspondence of the Red Sports International and the Supreme Council of Physical Culture of the USSR with foreign sports bodies, the priorities and strategies of the work of the Soviet state, as well as the uneven success of work in the regions of Europe, are shown. It is concluded that it was possible to achieve special success in countries with a high level of development of workers' sports as such, even if most of the sections were under the influence of social democratic forces in the form of the Lucerne Sports International. Priority in the work was given to football and winter sports, in which Soviet athletes were especially strong, which means they could not only establish contacts along the sports line, but also demonstrate to the world the successes of the socialist system of physical education. The factors reducing the effectiveness of the work were the forceful opposition of the state authorities, which was especially typical for the countries of the Balkan peninsula, as well as logistical difficulties that made it difficult to interact with the states of southwestern Europe.

Key words: USSR, sport, sports diplomacy, Red Sport International (RSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC).

В начале 1920-х годов СССР стал основоположником нового типа международного взаимодействия – спортивной дипломатии как части культурной дипломатии государства, имевшей первоочередную задачу преодоления изоляции СССР

через формально неполитические институты, а затем – создание благоприятного имиджа «советского проекта».

Для управления и координации этой практики в 1921 году был создан отдельный орган – Красный спортивный Интернационал (КСИ), формально – наднациональный [1, с. 108]. Вторым управляющим звеном в этой системе стал реорганизованный в 1923 году Высший совет физической культуры (ВСФК) при ВЦИК СССР, который на бумаге являлся советской секцией Спортинтерна, но на деле практически полностью обеспечивал функционирование советской спортивной дипломатии с материальной точки зрения. Именно им предстояло расширять влияние красного рабоче-спортивного движения в противостоянии с буржуазными органами и социал-демократическим Люцернским спортивным Интернационалом (ЛСИ).

Работа этих институций СССР, управленческие противоречия между ними и основные итоги деятельности достаточно полно изучены в историографии: как посвященной советским практикам [32], [2], [30], так и описывающей возникновение спортивной дипломатии как явления в мировом масштабе [31], [33]. Однако, недостаточно изучены конкретные результаты и стратегии работы в 1920-е гг. в регионах мира. Данная статья призвана осветить ситуацию на самом интенсивном с точки зрения контактов направлении – европейском, определить приоритетные направления взаимодействия и проблемные точки.

Логично начать с государств, спортивные объединения которых были членами Красного Спортинтерна, а значит взаимодействовали с советскими физкультурными органами наиболее близко.

Второй по величине секцией КСИ после советской была чехословацкая (на 1924 год – около 100 тысяч членов) [5, л. 85]. Спортсмены этой страны были частыми гостями в СССР, причем посещали не только Москву и Ленинград, но и «спортивные окраины» европейской части Союза: например, участвовали во Всебелорусском празднике физкультуры в 1926 году, а годом ранее футбольная команда из города Кладно по договоренности с ВСФК Крыма (как видим, прямое взаимодействие с местными управляющими органами было налажено) провела турне по «южному» маршруту «Харьков – Крым – Одесса» [28, л. 14]. Для укрепления связей над отдельными регионами Чехословакии было установлено спортивное шефство.

С 1924 года функционировала секция КСИ во Франции. Тем не менее, размах ее работы и близко нельзя сравнить с чехословацким, а в отчетах о ней радовало только одно: «сама секция слаба, но угроза попадания под влияние ЛСИ отсутствует» [10, л. 72]. Эта организация, пожалуй, самое загадочное достижение работы советских спортивных органов в Европе. Одна из первых секций КСИ, при этом она практически не имела возможностей для активной работы внутри страны (в первую очередь – из-за проблем с инфраструктурой, которая полностью находилась под контролем буржуазных клубов [12, л. 3–4]). В то же время неясно, почему ЛСИ не слишком и пытался распространить свое влияние на рабочий спорт в одной из важнейших стран Европы. Тем не менее, констатируем, что и к 1930 году положение в местной секции расценивается как самое стабильное среди всех европейских ячеек КСИ [13, л. 14].

Значительными были успехи в Скандинавских странах. И если в Швеции сопротивление буржуазного спорта преодолеть не удавалось вплоть до начала 30-х, когда секция этой страны наконец оказалась на грани вступления в КСИ [13, л. 15], то Норвегия являлась одной из старейших секций КСИ. Можно отметить особую «соревновательную принципиальность» в отношениях между советскими и норвежскими спортсменами: футбольный матч команды Красной Пресни с командой Норвегии в 1924 году в анонсе от ВСФК характеризовался для СССР ни много ни мало как «вопрос самолюбия всей нации» [27, л. 107], а поездка в 1927 году советских боксеров на праздник 10-летия ВИКа (боксерского объединения РССС Норве-

гии) был раскритикован КСИ из-за того, что спортсмены забыли про любую идеологическую работу и на протяжении всего турнира преследовали только задачу «подняться» [11, л. 153]. Кроме того, именно в Осло была проведена первая зимняя Спартакиада КСИ, что подчеркивает роль этой секции как «северного плацдарма» всего «красного» спорта.

Особые отношения были у ВСФК и с финским рабочим союзом ТУЛ. Именно со спортсменами этого союза, входящего в состав АСИ, но «сочувствующего» движению КСИ, наблюдалась самая высокая интенсивность спортивных связей на начальном этапе деятельности Красного Спортинтерна. КСИ даже ставил это в упрек ВСФК – мол, контактируете вы активно только с «ближней» Финляндией, и не стремитесь наладить связи с более отдаленными странами [3, л. 116]. Эти действительно тесные отношения, как и многие другие, окажутся ослаблены или вовсе разорваны в 1930 году из-за конфликта КСИ и АСИ, когда последние пошли на санкции в отношении любых встреч своих и «красных» спортсменов [13, л. 10].

Работу советской спортивной дипломатии в Центральной Европе также можно признать успешной. Особенно поражали достижения в Германии, центре всего рабочего спортивного движения: согласно отчету за 1924 год, во фракциях КСИ в РСС Германии (члене АСИ) состояло примерно 750 тыс. человек (25% от общего числа членов КСИ), в то время как количественный состав всей советской секции оценивался в 2 млн., а чехословацкой – 100 тыс. [5, л. 85]. В период с 1926 (когда ВСФК заключил договор о соревнованиях с РСС Германии [9, л. 45]) по 1928 год именно Германия стала лидером по количеству соревнований с советскими спортсменами, а на Спартакиаду-1928 Германия, несмотря на угрозы санкций со стороны АСИ, прислала самую большую иностранную делегацию из 195 человек (кстати, второй по размеру стала финская команда – 83 спортсмена). Хотя все руководящие посты в германском спорте были заняты социал-демократами, которые пытались препятствовать связям с СССР, благодаря силе рабочего движения в целом, а также энтузиазму местной компартии и спортсменов отношения с Германией останутся достаточно крепкими даже после разрыва с социал-демократическим спортивным движением начала 30-х годов [10, л. 83].

Сложной была ситуация взаимодействия с Австрией. Местные «красные» ячейки неоднократно запрашивали деньги для своей работы, подчеркивая, что «нигде как в Австрии нет такого слабого коммунистического и такого сильного социал-демократического движения» [15, л. 60–61], однако, местная компартия отказывалась помогать материально спортивному движению. Более того, местная федерация АСКО, являясь секцией АСИ, всячески блокировала возможности встреч с советскими спортсменами. Тем не менее, благодаря желанию ряда организаций удавалось проводить и футбольные матчи (в 1926 году такая встреча собрала на трибунах в Вене 16 тыс. зрителей – значительный показатель для встречи рабочих команд [15, л. 160]), и митинги против действий АСКО («плавательный» митинг с советскими спортсменами в том же году [15, л. 73]). Делегация Австрии на Спартакиаде оказалась третьей по количеству среди иностранных.

Такие отношения, при должной работе с местными коммунистическими органами и влияния на них, например, через Коминтерн с целью обеспечить должное финансирование могли бы переломить ситуацию и сделать Австрию одной из опор «красного» спорта в этом регионе, но на личном энтузиазме эти связи продержались примерно до конца 1928 года, когда АСКО окончательно разобрался со спортивной оппозицией внутри страны.

Хорошо складывались отношения со швейцарскими спортсменами: первые связи были налажены ещё в 1922 году [7, л. 8], а на Спартакиаду прибыла одна из самых представительных делегаций – 51 человек. Спортивные выезды в эту страну

были, однако, затруднены: швейцарское правительство упорно и регулярно отказывалось выдавать визы советским спортсменам.

Неожиданно плодотворными (особенно в контексте крайне сложных отношений самих стран в 20-е годы) были связи ВСФК с британскими коллегами. По рекомендации советского посольства уже с 1926 года был взят курс на интенсификацию отношений: в этом же году КСИ были организованы соревнования, все доходы от которых пошли в фонд поддержки протестных выступлений британских рабочих [8, л. 44], а уже в сентябре 1927 года команда футболистов по приглашению ВЦСПС приезжает в СССР [14, л. 158]. Прием был организован с большим пафосом – делегацию встречали 4 оркестра и тысячи рабочих. И отдача была впечатляющей: по прибытии на родину британцы дали своим газетам несколько интервью, в которых в восхищенных выражениях оценили уровень советской физкультуры, а также призывали свою федерацию (БУСФ) к поездке на Спартакиаду-1928 [16, л. 82–83]. И, в отличие от большинства подобных локальных призывов в разных странах, этот был услышан, началась подготовка делегации через отборы [16, л. 90].

Поездка на Спартакиаду состоялась, хоть и не прошла без эксцессов: после состязаний комиссией внешних сношений ВЦСПС было обещано выдать британцам 800 фунтов как субсидию на работу БУСФ, но выплата не была осуществлена, в результате чего федерация, серьезно потратившаяся на организацию поездки в Москву в условиях разрыва дипломатических отношений Британии и СССР, оказалась на грани финансового краха. Все выплаты были произведены только спустя год [17, л. 83]. После этого БУСФ неоднократно признавал, что поездка на Спартакиаду привлекла внимание, начались митинги рабочих спортсменов по всей Британии [17, л. 14]. В итоге, уже в 1930 году британская секция вошла в состав КСИ [18, л. 31], став едва ли не единственным (вместе с Грецией) крупным «приобретением» Красного Спортинтерна на европейской арене в условиях конфликта с АСИ.

Имея сильные связи с Северной Европой, КСИ, тем не менее, совсем не был представлен в Бельгии, которая стала одним из первых членов АСИ, а, кроме того, активно вовлекала рабочих в буржуазные спортивные общества [19], и Голландии, где Рабочий спортивный союз появился только в 1926 году, был немногочисленным (3000 членов спустя год после институционализации) и сразу же полностью подпал под влияние АСИ [21, л. 40–41].

Лучше обстояли дела в Прибалтике. Литовские и эстонские спортсмены иногда участвовали в соревнованиях под эгидой КСИ (например, эстонцы стали участниками Спартакиады-1928), хотя консолидирующие организации здесь созданы не были, что объяснялось сильнейшим «белым террором» в этих странах [3, л. 31]. А вот в Латвии рабочее движение оказалось сильнее: несмотря на конфликты с организациями фашистского толка (так, в 1925 году был убит один рабочий спортсмен в ходе нападения на группу физкультурников [6, л. 99]), латвийцы смогли организовать свой рабочий союз и принимали у себя советских спортсменов (главным образом – борцов) [6, л. 22].

Как видим, практически все главные успехи советской спортивной дипломатии в Европе связаны со странами Центра и Севера. Это объясняется как высокой степенью развитости рабочего спортивного движения в этом регионе, так и доминирующей ролью зимних видов спорта в общей состязательной повестке советских спортсменов.

Куда сложнее складывалась ситуация на юге Европы. В Италии ещё в начале 20-х была основана Пролетарская ассоциация физического воспитания (именно она, видимо, и была отдана под шефство Северного Кавказа), однако, в силу усиления режима Муссолини, одной из целей которого было вовлечение итальянцев с раннего возраста в свои физкультурные организации, эта ассоциация была малоактивной [24, л. 1–10]. Более того, практическая вся переписка велась с немецким бюро КСИ и

не переводилась для отделения в Москве (редкая ситуация для такого типа документов), так что говорить о каких-либо плотных советско-итальянских спортивных связях не приходится.

С Португалией переписка практически отсутствует (за 5 лет с 1923 по 1928 лишь несколько запросов от КСИ [25]), аналогична и ситуация в Испании – лишь несколько писем в 20-е, а первый конкретный документ (разнарядка из Москвы по задачам комсомола и рабочих в Испании) датируется только 1932 годом [23].

Завершим обзор ситуацией в Восточной Европе и на Балканах (в отчетах КСИ страны этих регионов зачастую идут рядом в силу общности положения в них).

Любопытно, что в ранних отчетах КСИ за сентябрь 1924 года говорится о начальных успехах в Югославии, Румынии и на Балканах [4], но, как мы увидим, из этих оптимистичных начинаний ситуаций быстро превратится в печальную и неконтролируемую.

С Югославией все спортивные связи оказались оборваны уже в 1925 году. Власти страны, в которой продолжало доминировать «сокольническое» движение, сделали все, чтобы устранить рабочий спорт как таковой. Схожей ситуация была и в Венгрии – лишь «Свободная организация Рабочих футбольных фереинов Венгрии» смогла войти в АСИ, рабочее движение по другим видам спорта было фактически задавлено [10, л. 93].

После 1927 года были потеряны и связи КСИ с Румынией. Ее рабочие организации примкнули в АСИ [10, л. 94], и, в целом, румынское правительство, по сообщениям местных представителей, поощряло только деятельно социал-демократических рабочих сообществ, даже введя необходимость получения разрешения у полиции на проведение футбольных матчей, которая неохотно выдавала их секциям, неудобным власти [26, л. 42]. Но и суммарно все рабочее движения Румынии было очень малочисленным – лишь 3000 членов, на основании чего ЦК комсомола Румынии даже предлагал попытаться осуществить объединение с социал-демократическими обществами [26, л. 5], но эта инициатива была отвергнута.

С большими трудностями сталкивался рабочий спорт коммунистического толка в Болгарии. Единственная опора для деятельности там – комсомол, но он был практически разгромлен уже в 1923 году. Будучи слабо осведомленными о происходящем там, руководители физкультуры СССР даже ставили задачи перед болгарскими распространять практики рабочего спорта на Венгрию и Румынию, что, конечно, было невозможным [20, л. 19–20]. На 1924 год под угрозой постоянных преследований существовало лишь 20 коммунистических рабочих клубов с 700 членами в них [20, л. 37]. Болгары, прекрасно осознавая тяжесть положения в этой сфере (в отличие от лидеров КСИ и московских руководителей), резко отвергли инициативу по созданию Балканского бюро КСИ, признав спортивное движение в своей стране слишком слабым для таких проектов [20, л. 57]. И были правы: уже в 1926 году правительство А. Цанкова разогнало практически все рабочие спортивные клубы [20, л. 72–73].

Подводя итог работе в этом регионе, один из лидеров КСИ Карел Аксамит заявил в 1927 году, что создание связей и воздействие на спортивные организации в балканских странах из Москвы невозможно [10, л. 94]. Внутренних же ресурсов у рабочих этих стран просто не было.

Единственным действительно позитивным примером того, как на Балканах, несмотря на противодействие власти и невысокий уровень спорта в стране, буквально за пять лет можно наладить достаточно эффективное и регулярное сотрудничество служит Греция.

В 1925 году, когда советские футболисты уезжали после турне по Турции, Союз афинских футбольных клубов обратился к ним с просьбой прислать к ним осенью из СССР команду «послабее», чтобы через зарождавшийся греческий футбол устано-

вить связь [22, л. 2]. В 1927 году основывается «красная» Рабочая спортивная федерация Греции – единственная консолидирующая сила всего греческого пролетарского движения (случай уникальный – в стране не было объединения социал-демократических спортсменов, на лицо полная доминация буржуазных клубов) [22, л. 12]. В 1928 году греки дают отчет о терроре в отношении их организации – все бюро рабочих клубов в Македонии сожжены, кассир одного из спортивных клубов убит жандармами, секретарь Федерации арестован.

Тем не менее, благодаря энтузиазму греков и некоторой финансовой помощи (субсидии валютой в размере 50 долларов) местному союзу удалось отправить своего представителя на Конгресс КСИ в Москву с целью установления личных контактов [22, л. 30], а спустя два года Федерация Греции настолько окрепла и обеспечила стабильную связь со Спортинтерном и ВСФК, что 4 апреля 1930 года официально стала секцией КСИ [22, л. 81–82].

Подводя итог, констатируем, что в Европе важнейшими факторами, которые обуславливали успех работы, зачастую становилась сила рабочего движения в стране в целом, а также энтузиазм ее руководителей и готовность налаживать связи с СССР, несмотря на активное противодействие АСИ и буржуазных организаций. К сожалению, в большинстве государств руководители рабочего спорта боялись потерять поддержку АСИ и при первых угрозах санкций сворачивали свою деятельность до минимума. Важнейшими исключениями стали Германия и Англия. Сильнейшее же противодействие властей стран связям с СССР (в виде не просто запретов на въезд, а действительного террора против рабочих спортивных организаций) не удалось преодолеть практически нигде, кроме Греции. У КСИ и ВСФК попросту не было ресурсов, чтобы создать разветвленную и мощную систему, способную противостоять преследованиям властей.

Источники и литература

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения, сер. 6, вып. 2, 2012. С. 108.
2. Мельников Е. А. В едином строю интернационалистов. Из истории советских секций международных организаций рабочего класса (1919– 1939 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 163 с.
3. Российский государственный архив социально политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 537. Оп. 1. Д. 53.
4. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 79.
5. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82.
6. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 101.
7. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 118.
8. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 120.
9. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 121.
10. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 142.
11. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150.
12. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 176.
13. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 190.
14. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240.
15. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 5.
16. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 13.
17. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 14.
18. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 15.
19. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 22.
20. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 23.
21. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 64.
22. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 65.
23. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 67.

24. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 68.
25. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 91.
26. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 92.
27. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 93.
28. РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94.
29. Хорошева А.В. Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Московского университета. История, сер.8, № 5, 2018. С. 86–105.
30. Gounot A. Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921-1937 // Journal of Sport History, 2002. 28(1):23-9. P. 23–39.
31. Kissoudi P. Sport, Politics and International Relations in the Twentieth Century // The International Journal of the History of Sport, 2008. Vol. 25, No. 13. P. 1689–1706.
32. Steinberg D. The Workers' Sport Internationals 1920-28 // Journal of Contemporary History, 1978. Vol. 13, No. 2. P. 233–251.
33. Vonnard P., Marston K.T. Playing Across the 'Halfway Line' on the Fields of International Relations: The Journey from Globalising Sport to Sport Diplomacy // Contemporary European History, 2020. № 29. P. 220–231.

Белоглазов Р.Н., Рац А.Г.

НЕИЗДАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ В.И. ОСОКИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается текст неопубликованных воспоминаний В.И. Осокина о подполье Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что данный источник имеет большое информационное значение для изучения истории движения сопротивления в городе в период оккупации.

Ключевые слова: Севастополь, оккупационный режим, подпольные организации, движение сопротивления, В.Д. Ревякин.

Abstract. The article deals with the text of unpublished memoirs of the participant of the Sevastopol underground V.I. Osokin during the Great Patriotic War. It has been established that this source is of great informational value for studying the history of the resistance movement in the city during the occupation period.

Key words: Sevastopol, occupation regime, underground organizations, resistance movement, V.D. Revyakin.

Основными источниками по истории движения сопротивления в Крыму в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) являются документальные материалы различных государственных, партийных и военных структур, находящиеся на хранении в региональных и федеральных архивах, документы оккупационного режима и воспоминания участников событий. Среди последней группы наименее изученными и не введенными в научный оборот остаются неопубликованные мемуары партизан и подпольщиков из фондов ряда крымских музейных и архивных учреждений.

В настоящее время в источниковедческом плане данная проблема рассмотрена в публикации Н.С. Ткаченко [7], который выявил круг неизданных воспоминаний советских патриотов участников партизанского движения в Крыму, изучение которых позволяет пролить свет на вопрос об эффективности оказания помощи местным партизанам с «большой земли» благодаря организации регулярных полетов транспортной авиации советских ВВС с целью доставки людей, оружия, боеприпасов и других необходимых грузов.

Автор указанной публикации дал характеристику информационного потенциала данной группы источников личного происхождения, который имеет актуальность в отношении изучения не только указанной проблемы, а также всего движения сопротивления в период оккупации в Крыму. В равной мере это имеет значение и применительно к разработке региональных сюжетов истории, связанных с деятельностью советского подполья в отдельных городах и населенных пунктах, что можно рассмотреть на примере воспоминаний участника одной из севастопольских подпольных организаций В.И. Осокина, которые находятся на хранении в ГКУ «Архив города Севастополя» [1, л. 3–53].

Главная специфика деятельности подполья на оккупированных территориях заключается в его строго конспиративной основе, что минимизирует отражение и фиксацию соответствующих действий и результатов в официальных документах, которые преимущественно относятся к системе делопроизводства специальных служб. Последнее обстоятельство также усложняет доступ к необходимым источникам для исследователей, так как по прошествию даже большого отрезка времени речь может идти о материалах, которые продолжают находиться на хранении в ведомственных архивах под различными грифами секретности. В связи с этим особое значение для изучения движения сопротивления приобретают сохранившиеся письменные свидетельства (воспоминания) его участников, которые по своему происхождению и содержанию имеют исключительный характер, так как доносят сведения о нелегальной работе в тылу противника при повышенном уровне рисков и опасностей, в результате которых до победы над врагом дожили далеко не все члены подполья.

Одними из таких редких источников по истории деятельности подпольных групп и севастопольской «Коммунистической подпольной организации в тылу у немцев» (далее – КПОВТН) под руководством В.Д. Ревякина являются мемуары Осокина Василия Ивановича.

Автор воспоминаний родился в 1917 г. в Казахстане в г. Кокшетау, воспитывался в детских домах Казахской ССР. До призыва в РККА (октябрь 1938 г.) работал в прокуратуре Красноармейского района Северо-Казахстанской области в должности секретаря. Службу в ВС СССР начал как курсант школы младших командиров 11-го Краснознаменного кавалерийского оперативного полка войск НКВД. Перед началом ВОВ служил в 26-м Одесском пограничном отряде войск НКВД, в составе которого принимал участие в обороне Одессы. После эвакуации в Крым был зачислен в штаб 184-й стрелковой дивизии войск НКВД на должность начальника пункта сбора донесений.

После прорыва немцами Перекопских укреплений вместе с сослуживцами ушел в партизаны и в дальнейшем присоединился к регулярной армии, пробившись в расположение Севастопольского оборонительного района. В конце ноября 1941 г. был определен в 456-й стрелковый пограничный полк НКВД на должность старшины транспортной роты. В июле 1942 г. попал в плен. В лагере военнопленных примкнул к подпольной организации во главе с Н.И. Терещенко (псевдоним Михайлов) и впоследствии после побега стал одним из членов КПОВТН. После окончания войны проживал в Севастополе, работал директором управления рынками. Имел государственные награды: медаль «За оборону Одессы», медаль «За оборону Севастополя» (20.09.1945 г.), орден Отечественной войны 1 степени (31.03.1946 г.), орден Отечественной войны 2 степени (6.04.1985 г.). В 1972 г. числился в списке участников севастопольского подполья, продолжавших проживать в городе [1, л. 1-2; 4, с. 158; 6, л. 7].

Мемуары В.И. Осокина – это документ, набранный на печатной машинке объемом 53 страницы с редкими рукописными правками и реквизитами личной подписи автора, датированный 18 июня 1945 г. В архивном деле, где хранятся воспоминания, есть также его краткая двухстраничная автобиография [1, л. 1-2]. Повествование излагается ретроспективно в хронологической последовательности. Период оккупации и участия в работе подполья является только частью текста.

По структуре его содержание можно разделить на следующие условные разделы: начало службы в Красной армии и первые месяцы войны, отступление по территории Крыма в Севастопольский оборонительный район, участие в обороне Севастополя в районе Балаклавы и пленение на мысе Фиолент, пребывание в немецких концлагерях в черте Севастополя в 1942–1943 гг. и работа после побега в рядах подпольной организации В.Д. Ревякина в 1943–1944 гг. Дополнительная

информация в архивном деле об обстоятельствах и мотивах подготовки мемуаров отсутствует.

Судя по датировке источника, можно предположить, что его текст был составлен по заказу одной из государственных комиссий по расследованию преступлений немецко-фашистских оккупантов, преступавших к работе в Крыму после окончания военных действий. Мемуары написаны с элементами пафосно-героического стиля с характерными для советской военной публицистики клише, что также свидетельствует об их содержательной направленности для официальных структур.

Отдельные фрагменты данного письменного свидетельства В.И. Осокина были опубликованы в сборнике архивных документов «Севастополь. 1941–1945», подготовленном к изданию в 2020 г. ГКУ «Архив города Севастополя» [5, с. 298–306].

Период оккупации В.И. Осокин начал освещать в своих мемуарах с момента попадания в плен, когда он оказался лагере для военнопленных, организованном немцами в пригороде Севастополя на территории бывшего Георгиевского монастыря на мысе Фиолент. При этом нацисты намеренно создали невыносимые условия для советских военнопленных (голод, избиения, тяжелые физические нагрузки, антисанитария), что приводило к высокой смертности среди них.

Автор был скуп в характеристике личных страданий и психологических состояний, но фокусировался на довольно подробном описании происходивших событий: «Следующий день и ночь пребывания в Георгиевском монастыре были еще тяжелей. [...] нас не кормили, только женщинам дали по кусочку хлеба, [...]. На вторую ночь нас всех загнали в сарай, возле дороги, которая идет из деревни Карань в Георгиевский монастырь. Сарай был маленький, а народа было много, все были больны, истощены, [...] [здесь] мы пробыли до утра, закрытые на замок. От духоты – испарений человеческих тел и испражнений – мы теряли сознание, это была настоящая пытка [...]. На утро нас открыли и начали выталкивать прикладами из сарая. Многие из наших товарищей умерли в этой душегубке» [5, с. 298].

Через несколько дней пленных перевели в лагерь на Рудольфовой горе в городской черте, а в сентябре 1942 г. на берег Южной бухты в районе железнодорожного вокзала. Именно здесь в тяжелых условиях фашистского плена В.И. Осокин познакомился со своими товарищами и единомышленниками по борьбе с врагом, стал одним из участников подпольного движения. В январе 1943 г. узников перевели в подвалы Черноморского флотского экипажа (Лазаревские казармы). На этом этапе стали возникать более благоприятные условия для проведения подпольной работы. Среди пленных образовывались группы по несколько человек, которые занимались хищением различного имущества у немцев и продажей его специальным закупщикам, что позволило создать запас продуктов, одежды и денег.

Организацией подполья среди пленных занимался Н.И. Терещенко, имевший постоянную связь с КПОВТН. В прошлом он был сотрудником городского комитета ВКП(б), участвовал в обороне Севастополя и попал в плен в последние дни боев на мысе Херсонес. В результате его действий в 1943 г. в лагере была создана подпольная группа в составе В.И. Осокина, А.С. Комарова, С.А. Рынкина, Г. Пустовалова, Г.М. Смагло, В.И. Волкова, А.А. Смирнова, Ф.А. Васильева. Все они подписали принесенную Н.И. Терещенко «Клятву партизана». Спустя некоторое время также появились напечатанные на машинке устав и программа организации [1, л. 24–25]; [5, с. 303].

Подпольщики сумели наладить в лагере распространение газет и листовок, растиражированных нелегально в городе, в которых содержалась информация о ходе событий на фронтах и победах Красной армии. Кроме этого, группа пыталась решать и другие задачи: сбор сведений о противнике, съёмка местности военных объектов, организация саботажа и срыв мероприятий немецкой оккупационной

администрации, подготовка к диверсиям. В частности, для проведения террористических актов в лагерь были доставлены гранаты и запалы к ним.

В октябре 1943 г. В.И. Осокин совершил побег из лагеря и первоначально скрывался в доме В.Д. Ревякина по адресу Лабораторное шоссе, 46, а затем на квартире А. Бордоевой. Находясь на нелегальном положении, он продолжал поддерживать связь с военнопленными в лагере, руководил своей подпольной группой, принимал активное участие в агитационной работе среди населения, распространяя достоверную информацию о положении на фронтах. В частности, написал ряд статей в подпольную севастопольскую газету «За Родину!» под названиями: «Не верьте лживой фашистской пропаганде», «Зверства немецких извергов над русским народом», «Об использовании немецкими властями наших детей на непосильных военных работах» и т.д. [1, л. 39].

Зимой 1944 г. на фоне отступления немцев руководство севастопольского подполья посчитало необходимым обеспечить связь с крымскими партизанскими отрядами с целью координации действий в условиях приближения операций Красной армии по освобождению Крыма. В конце января в доме у В.Д. Ревякина состоялось совещание, на котором был поставлен вопрос об отправке нескольких человек в районы, где могли действовать партизаны [1, л. 46].

Группе подпольщиков, в состав которой входил и В.И. Осокин, удалось в феврале реализовать указанный план, достигнув расположения партизанских отрядов в горнолесной местности. Уже в начале марта они вернулись в Севастополь для выполнения задачи, поставленной командиром 7-й партизанской бригады старшим лейтенантом Л.А. Винкманом и командиром разведгруппы штаба Черноморского флота «Сокол» капитан-лейтенантом А.А. Глуховым для сбора в городе необходимой развединформации. В обобщении соответствующих данных в течение нескольких суток принимал непосредственное участие и В.Д. Ревякиным. В своих мемуарах В.И. Осокин отметил, что руководитель подполья к этому времени выглядел сильно уставшим, а его лицо стало бледным и болезненным от бессонных ночей и трудной работы. Вечером 10 марта, провожая группу в обратный путь, он, обращаясь к В.И. Осокину, сказал: «Прощай дорогой Вася, может быть и в последний раз я обнял тебя и провожаю вас в дорогу» [1, л. 49].

Вернуться в город В.И. Осокин смог только после его освобождения в мае 1944 г. в составе разведгруппы «Сокол». К этому времени в феврале-марте немецкие спецслужбы арестовали несколько десятков членов подпольной организации, а ее руководство, в том числе В.Д. Ревякина и Н.И. Терещенко, расстреляли 14 апреля. Переживания и чувства по этому поводу были красноречиво описаны в мемуарах: «В мае 1944 г. я в составе своего отряда прибыл в Севастополь, где я узнал от оставшихся живых членов подпольной организации о судьбе, постигшей нашу подпольную организацию. Известие о гибели моих товарищей по совместной тяжелой борьбе в тяжелых условиях черной фашистской реакции вызвало в моей душе великую, жгучую ненависть к врагу, который мучил и терзал моих товарищей. Они, славные сыны и дочери русского народа, до последнего дыхания выполняли свой долг перед Родиной.

<...> Враги, подлые, жестокие убийцы, совершили новое тяжелое злодеяние. После невыносимых пыток и жестоких побоев, расстреляли наших славных русских патриотов, которые горячо любили жизнь и до последней минуты своей жизни вели борьбу с врагом; они славные герои нашего народа, воспитанные большевистской партией, до последнего дыхания были переданы своему народу и любимой Родине.

Я видел все это своими глазами. Жестокая боль сжимала мое сердце, я набрался мужества, чтобы сдерживать слезы, во мне кипела великая злоба и ненависть к врагу. Я готов был ринуться в гущу боя, чтобы мстить за погибших товарищей, за все причиненные нашему народу бедствия и страдания.

Ушли из жизни навсегда наши боевые друзья и товарищи, герои Севастопольского подполья. Честно и до конца выполняли свой долг перед Родиной:

1. Ревякин В.Д.
2. Его жена Лида Ревякина
3. Терещенко Н.И.
4. Пименов И.Д.
5. Иваненко Яков
6. Мякота Александр
7. Луферчик Василий
8. Прокопенко Г.В.
9. Захарова Женя
10. Мисюта Люба
11. Гузов Георгий Петрович и другие.

Память о них славных сынах и дочерях русского народа будет жить вечно в наших сердцах!» [1, л. 52].

Достоверность изложенных в мемуарах фактов требует проверки через сопоставление и сравнительный анализ с другими источниками. Так, уточняющие и отчасти аналогичные сведения об оккупационном порядке нацистов в Севастополе приведены в протоколе допроса В.И. Осокина, датированном 11 октября 1947 г., который был составлен в рамках сбора свидетельских показаний советскими правоохранительными органами о преступлениях фашистов в городе [4].

В публикации В.А. Иванова «Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах» [6] приводятся обширные цитаты из воспоминаний одного из узников концлагеря в Лазаревских казармах, бывшего красноармейца-топографиста А.Я. Пуцягина, который подтвердил существование подполья среди военнопленных и особую роль как организаторов и агитаторов в его работе Н.И. Терещенко и В.И. Осокина.

Деятельность подпольной группы в лагере позволяла сохранить высокую морально-психологическую стойкость заключенным перед лицом давления со стороны оккупантов и попыток проведения вербовочной работы для пополнения рядов коллаборационистов. Об этом свидетельствует следующий фрагмент из мемуаров А.Я. Пуцягина: «Осокин поручал мне давать читать листовки, которые он мне приносил не сразу, а сперва я должен был хорошо узнать настроение и думы товарищей. Листовки должны были уничтожаться. Иногда листовку я вывешивал в уборной, в моем подопечном заведении. О настроениях пленных в лагере можно было судить по такому факту: немцы решили провести в нашем лагере вербовку во власовскую армию. С этой целью из Симферополя приезжали власовские офицеры. Один из них долго доказывал нам перед строем необходимость бороться вместе с фашистами против коммунистов и советской власти. Однако во всем лагере не нашлось ни одной души, которая согласилась бы продаться за немецкий паек. Бредовая идея вербовки советских военнопленных в антисоветскую армию провалилась» [2, с. 411–412].

В статье Е.Б. Мельничука, который обобщил и проанализировал обширный архивный материал документов Крымского штаба партизанского движения и отдела штаба Черноморского флота по истории антифашистского сопротивления на полуострове в период оккупации, приводятся подтвержденные документально факты о сотрудничестве В.И. Осокина с разведотрядом Черноморского флота «Сокол» после установления КПОВТН связи с ним в феврале 1944 г. В частности, в указанной публикации цитируется одна из радиোগрамм разведчиков-черноморцев в центр, в которой были следующие данные: «Осокин – участник обороны Севастополя, прошедший плен. Под руководством Ревякина участвовал в создании подпольной

группы моряков в Севастополе и там работал до последнего ухода к нам. Кроме этих двух еще в пятый отряд прибыло пять моряков из этой же организации...» [3].

Таким образом, изложенная В.И. Осокиным в мемуарах информация расширяет круг знаний о КПОВТН, которая стремилась вести активную работу среди советских военнопленных, создавала среди них группы сопротивления, организовывала возможности для проведения побегов и включения в борьбу против нацистов на нелегальном положении, оказывала морально-психологическую поддержку, распространяла через листовки и газеты правдивую информацию о ходе военных действий.

Данный источник аутентичен, что подтверждается личной подписью его автора, а также фактами его автобиографии, представленной в архивном деле, где хранятся соответствующие воспоминания. Для их текста характерна довольно высокая точность воспроизведения фактов, о чем позволяет говорить его сопоставление с другими информационными ресурсами. Короткий промежуток времени, отделявший события от их описания, позволил участнику подполья удерживать в памяти и воспроизвести большой массив материала с актуализацией разнообразных аспектов и деталей излагаемых событий.

Как и любой источник личного происхождения мемуары В.И. Осокина требуют критического анализа в плане освобождения от искажений субъективного характера, выявления и уточнения достоверных данных. Однако они являются исключительно важным по содержанию свидетельством? передающим дух трагической военной эпохи, несут отпечаток личности их автора, передают не сохранившиеся в официальных документах факты об особенностях повседневной жизни и быта в условиях оккупации, психологических состояниях, межличностных отношениях, особенностях организации и проведения различных разведывательных и других нелегальных мероприятий, позволяют уточнить персональный состав участников подполья.

Перед современными исследователями стоит актуальная задача по выявлению, изучению и публикации источников мемуарного характера, подготовленных подпольщиками и партизанами, что является одним из главных условий по воссозданию подлинно научной и полной картины истории движения сопротивления в годы войны как в Севастополе, так и в Крыму в целом.

Источники и литература

1. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (далее – ГКУ АГС). Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 48.
2. Иванов В.А. Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: Изд-во «Параллель». С. 407-415.
3. Мельничук Е.Б. Боевые действия разведчиков Черноморского флота на территории оккупированного Крыма в 1943–1944 гг. Режим доступа: <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/melnichuk3.html> (проверено: 15.09.2023).
4. Протокол допроса Осокина Василия Ивановича // Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / Арх. ГУ СБУ в Автоном. Респ. Крым; Сост. А.В. Валякин. Симферополь: Изд-во «Доля», 2010. С. 158–161.
5. Севастополь. 1941-1945: Сборник архивных документов / Сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. Симферополь: ООО фирма «Санта» ЛТД, 2020. 448 с.
6. Списки участников партизанского движения и подпольных организаций в период Великой Отечественной войны, проживающих в гор. Севастополе. Май 1972 г. // ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 65.
7. Ткаченко С.Н. Неизданные воспоминания как источник по изучению взаимодействия советской авиации и крымских партизан (1942-1944 гг.) // Таврійські студії. Історія. No 2. 2012. – Режим доступа: <https://kukiit.ru/docs/ts/no2/18.pdf> (проверено 15.09.2023).

Лялин Р.Н.

ТЕАТР ИМ. ЛУНАЧАРСКОГО В ПОСЛЕВОЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ (1944-1957 ГГ.)

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается деятельность театра им. Луначарского в Севастополе после войны. Тяжелые условия разрушенного города и нехватка денег вынуждало сотрудников театра и руководство балансировать между требованиями центра соответствовать высокому предназначению советского театра и действительностью, которая накладывала отпечаток на выбор репертуара для постановок. Театры в Севастополе и Крыму конкурировали и конфликтовали друг с другом из-за ограниченного количества ресурсов и возможностей заработать денег на существование. Кроме того, важной проблемой для театра было отсутствие собственного здания. Руководство и коллектив стремились повлиять на появление нового здания театра, на его расположение и скорость строительства.

Ключевые слова: СССР, Севастополь, театр, советский театр, театр им. Луначарского, послевоенное восстановление.

Abstract. The article examines the activities of the Lunacharsky Theater in Sevastopol after the war. The harsh conditions of the destroyed city and the lack of money forced the theater staff and management to balance the demands of the center to meet the high purpose of the Soviet theater and the reality that imposed on the choice of repertoire for productions. The theaters in Sevastopol and Crimea competed and conflicted with each other over limited resources and opportunities to earn money for existence. In addition, an important problem for the theater was the lack of its own building. The management and staff sought to influence the appearance of a new theater building, its location, and the speed of its construction.

Key words: USSR, Sevastopol, theater, Soviet theater, Lunacharsky Theater, post-war reconstruction.

Севастополь с первых дней после освобождения начал возвращаться к прежней, довоенной жизни. Одним из важных событий стало начало работы городского театра им. Луначарского. Однако руководство и сотрудники театра столкнулись с проблемами, которые было тяжело разрешить в условиях послевоенной разрухи и нехватки ресурсов для нормальной деятельности. Как театр справлялся с работой в новых условиях? Какие отношения выстраивались между театрами в Севастополе, Крыму и СССР? Как руководство и сотрудники старались повлиять на собственную судьбу и строительство нового здания театра? В этой статье будет освещен один из самых сложных периодов истории театра им. Луначарского, демонстрирующий общее положение и проблемы учреждений культуры на освобожденных территориях.

Театр им. Луначарского в годы войны был эвакуирован в г. Фрунзе после того, как нацисты уничтожили здание, в котором он размещался. В 1944 г., после освобождения Севастополя, в город вместе с воинскими частями вернулась и группа артистов, которая начала выступать перед жителями и солдатами на открытых площадках. Во дворе одного полуразрушенного здания была построена сцена, установлены скамьи. В 1945 г. театр разместили на четвертом этаже Главпочтамта, мало пострадавшего во время войны. В октябре 1946 г. театр переехал в здание бывшего петропавловского храма, который был переоборудован в клуб Севастополь-

строю на 400 человек [4]. Однако помещение храма было абсолютно не приспособлено к работе театра. С каждым годом количество имущества увеличивалось, но хранить его было негде. Сотрудникам не хватало места: декоративный цех работал в коридоре и вестибюле, декорации создавались на улице, а хранились в проходах, на лестничных клетках и балконах для зрителей [6].

В это же время новое здание театра им. Луначарского по проекту академика Жолтовского в 1945 г. запланировали возвести в новом месте, сделав его доминантой городского центра, в качестве памятника героизму, выходящего «из рамок типового строительства театров». Только для расчистки площадки для строительства здания было необходимо больше двух миллионов рублей. Три года работы не производились, в городе разгорелись споры. В результате, местное руководство приходит к выводу, что реализовать такой проект не получится за 10–12 лет [19].

Проект нового театра укладывался в общую концепцию послевоенного Севастополя по первому генеральному плану, который подвергся критике местными архитекторами и элитой за академизм, оторванность от реальных нужд города [5]. Сотрудники театра также стремились участвовать в выборе места строительства театра. Директор театра Горский и художественный руководитель Бертгельс выступили против возведения театра на новом месте [3]. Их поддержали и «старые севастопольские жители» [22]. Работники не согласились с решением исполкома о размещении здания на горе из-за больших расходов и неудобства для посещения. Они предложили возвести театр на прежнем месте или на углу Б. Морской и Нахимова, на месте ДК завода [15]. Сотрудники севастопольского театра хотели скорейшего строительства нового здания (12–15 месяцев, а не 8–10 лет), так как «работать в существующих условиях коллектив театра не может» [12]. Тем не менее, новый театр был построен только лишь в 1957 г. [2].

Ситуация осложнялась тем фактом, что театр работал в убыток. С января 1949 г. его вычеркнули из списка театров, получавших дотации из бюджета [6]. В результате, руководство начало задерживать зарплаты сотрудникам [21]. Горком ВКП(б) и Горисполком поддержали театр, обратившись с ходатайством к заместителю председателя СМ СССР К.Е. Ворошилову и председателю СМ СССР Б.Н. Чернусову о выделении единовременно 175 тыс. рублей для подготовки к новому сезону, выплаты зарплат и погашения долгов [20]. Также Севастопольстрой пытался выдвинуть новые арендные условия и увеличить ежегодную плату с 25 до 100 тыс. рублей [16]. Отсутствие своего оборудованного помещения не оставляло у театра им. Луначарского возможности в период летних гастролей обмениваться и получать выгодные площадки. Так, например, театр Симферополя выступал в Харькове и Запорожье, а севастопольский в Бердянске и Мелитополе [20].

Театр подстраивался под условия разрушенного Севастополя. Население было разбросано по всей территории города, многие проживали на его окраинах, не имея возможности посещать театр из-за отсутствия ночного транспорта. Актеры театра выступали с выездными спектаклями на Корабельной и Северной сторонах города [18]. Во многом, это было обусловлено еще и тем, что театр арендовал помещение клуба только на четыре дня, а остаток недели труппа была вынуждена выступать где-то еще [9].

В театре им. Луначарского была постоянная нехватка реквизита. Даже парики брали напрокат у парикмахеров, работавших в театре [7]. Руководство театра было вынуждено искать необходимые для постановок вещи и за пределами Севастополя. Например, московский государственный академический Малый театр оказал помощь севастопольскому театру, передав ненужные им костюмы [11].

Стесненное положение театра, недостаток денег, реквизита и декораций вынуждал ставить пьесы, не требующие сложного оформления и больших затрат [8]. Иногда упрощенное оформление спектаклей встречало недовольство со стороны

общественности [16]. Севастопольский театр также критиковали из Центра за подбор спектаклей, требуя более «ответственного» отношения к репертуару и его качеству [14]. В результате, театр был вынужден балансировать между постановками простых пьес, учитывая скромность собственных возможностей, и выполнением задач Москвы, которая обязывала соответствовать статусу театра города-героя.

Так, например, в «Советском искусстве» была опубликована критическая статья, осуждавшая пьесу А. Успенского «Жили три друга», с которой выступали передвижные, гастрوليрующие коллективы, за «крайнюю бедность содержания», легковесность и примитивность. Севастополь также «разъезжал» с постановкой этого спектакля по Крыму [25]. Оскорбленный директор театра от лица всего коллектива написал письмо в редакцию, в котором стремился защитить и реабилитировать театр: «Неуместное упоминание о Севастопольском театре в вашей статье вызывает недоумение у всех работников коллектива <...>, который, несмотря на тяжелые производственные условия, с большим энтузиазмом продолжает работать в театре героического города Севастополя» [13].

Примечательно, что и в данном случае руководство театра было вынуждено вести «двойную игру». С одной стороны, в ответ на критику комитета по делам искусств при Совете Министров СССР директор писал, что у руководства театра не было желания защищать слабую, невысокого качества, пьесу Успенского: «пьеса плохая, она не стоит того, что бы о ней даже так много писали» [8]. С другой стороны, в переписке с самим Успенским Горский хвалил его произведение «Жили три друга» утверждал, что не согласен со статьей «Советского искусства», которая пыталась его «охаять». Более того, он просит у автора еще 2–3 «простенькие пьесы» [24].

Главным конкурентом театра им. Луначарского в Севастополе был театр Черноморского флота. Руководство севастопольского театра считало, что «пребывание двух драматических театров в одном небольшом полуразрушенном городе», которые часто ставят одинаковые пьесы, «безусловно нецелесообразно в настоящих условиях». Поэтому директор театра им. Луначарского обратился в Комитет по делам искусств при СМ СССР, чтобы тот ограничил деятельность театра ЧФ только выступлениями перед военнослужащими, запретив проводить открытые спектакли в городе без разрешения Крымского областного отдела по делам искусств и предварительного просмотра спектаклей, как для других театров [9].

Между севастопольским городским театром и театром Черноморского флота возникали конфликтные ситуации. Два учреждения боролись за костюмы, которые были в дефиците в разрушенном Севастополе. На протяжении четырех лет театр им. Луначарского просил их вернуть. Сотрудники театра Черноморского флота каждый год передавали костюмы по частям. Однако в 1948 г. отказались возвращать оставшиеся костюмы, объясняя это тем, что за них кому-то были заплачены деньги. Директор театра имени Луначарского был вынужден обратиться к начальнику политуправления Черноморского флота [17].

Конфликты и споры происходили и во время гастролей. В Евпатории, несмотря на просьбу директору Роговому о недопущении параллельных выступлений, Крымская филармония устраивала выступления одновременно с театром им. Луначарского. Кроме того, севастопольские афиши заменили на новые за два дня до окончания гастролей [23]. Также впоследствии, для получения задолженности от Крымской филармонии за выступления в Феодосии, севастопольский театр был вынужден обратиться в комитет по делам искусств при СМ РСФСР, так как неоднократные просьбы не были выполнены [1].

Севастополь также ограничивали во время гастролей. В Симферополе театру им. Луначарского запретили выступать с постановкой «Дочь прокурора», так как эта пьеса была в репертуаре и Крымского областного драматического театра им. Горького. Севастопольский театр выполнил эту просьбу. Начальник отдела культуры города

В. Колодкин также потребовал от крымского театра «не нарушать нормы этики» и отказаться от показа этой пьесы в Севастополе, а также согласовать спектакли «Порт-Артур» и «Песнь о черноморцах» с Политуправлением ЧФ [10].

Театр им. Луначарского, вернувшийся после освобождения в Севастополь, был вынужден выживать в суровых условиях послевоенного восстановления. Однако денежные дотации, протекция руководства города и помощь других театров РСФСР помогали справляться с трудностями. Главной проблемой достижения финансовой самостоятельности было отсутствие собственного здания, позволявшего вместить большое количество зрителей и меняться с другими театрами на время гастролей. Именно поэтому руководство театра и его сотрудники всеми силами стремились повлиять на место строительства и внешний вид здания нового театра, чтобы его возведение произошло как можно скорее. Помехой не стал и проект академика Жолтовского, навязанный Центром. Тем не менее, новое здание театра было возведено лишь в 1957 г.

Директор театра, стесненный нехваткой денег и собственного оборудованного помещения, лавировал между требованиями Москвы соответствовать высокому статусу города и роли театра в советском обществе и действительностью, не позволявшей делать сложные и затратные постановки. Кроме того, театры и культурные учреждения города и Крыма конкурировали друг с другом за зрителей, деньги и ресурсы. Возникавшие конфликтные ситуации зачастую разрешала третья сторона в лице местного или московского руководства. Руководство театра отстаивало свои права и участвовало в этой борьбе, чтобы выстоять в сложившейся высоко конкурентной среде послевоенного Севастополя и Крыма.

Источники и литература

1. Арбитраж при Комитете по делам искусств при Совете Министров РСФСР по делу о взыскании с Крымской областной филармонии 4000 рублей в пользу севастопольского драматического театра им. Луначарского // Архив города Севастополя (АГС). Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 189.
2. Васильева Л.И. Театр легендарного города. К.: Мистецтво, 1988. С. 37.
3. Горский Б., Бертгельс Б. Строить театр на удобном месте // Слава Севастополя. №233 (7623). С. 1.
4. Горский В.А. Театр города-героя Севастополя // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 97-98.
5. Лялин Р.С. Послевоенная реконструкция Севастополя как места памяти: встраивание памятников и символов Великой Отечественной войны в облик и культурно-исторический ландшафт города // Причерноморье. История, политика, культура. 2021. С. 56-57.
6. Объяснительная записка к отчету севастопольского драматического театра имени Луначарского /по форме №2/ за девять мес. работы 1949 г. // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 108.
7. Письмо в городской финансовый отдел от Горского, директора севастопольского драматического театра им. Луначарского // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 163.
8. Письмо в комитет по делам искусств при СМ СССР от Горского // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 143.
9. Письмо в комитет по делам искусств при СМ СССР от Горского, директора севастопольского драматического театра им. Луначарского. 1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 119.
10. Письмо в крымское областное управление культуры, начальнику управления Шанину от Колодкина В., начальника отдела культуры. 1954 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 147.
11. Письмо в московский государственный академический ордена Ленина Малый театр от Горского, директора севастопольского городского драмтеатра. 1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 234.
12. Письмо в редакцию газеты «Слава Севастополя» от работников севастопольского театра // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 338.
13. Письмо в редакцию газеты «Советское искусство» от Горского, директора театра им. Луначарского // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 117.

14. Письмо директору севастопольского городского драматического театра им. Луначарского Горскому от заместителя начальника главного управления драматических театров. 17.09.1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 145.
15. Письмо Исполнительному комитету севастопольского городского Совета депутатов трудящихся от работников театра города Севастополя. 1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 281.
16. Письмо начальнику крымского областного отдела по делам искусств Дегтяреву П.А. // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 175.
17. Письмо начальнику Политуправления Черноморского флота от Горского, директора севастопольского городского драматического театра им. Луначарского. 20.10.1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 216.
18. Письмо председателю Исполнительного комитета крымского областного Совета депутатов трудящихся Кривошеину Д.А. от Горского, директора севастопольского городского драматического театра имени Луначарского. 23.06.1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 252.
19. Письмо председателю комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР от Горского, директора севастопольского городского драматического театра им. Луначарского. 23.08.1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 322.
20. Письмо председателю Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР Силантьеву от Котова, начальника севастопольского городского отдела по делам искусств. 23.06.1949 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.
21. Письмо прокурору города Севастополя от Горского, директора севастопольского городского драматического театра им. Луначарского // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 151.
22. Письмо редактору газеты «Слава Севастополя» Болтину от старых севастопольских жителей. 29.11.1948 // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 235.
23. Письмо секретарю крымского обкома ВКП(б) Чурсину П.А. от заместителя председателя исполкома горсовета Киселева Р. и начальника севастопольского городского отдела по делам искусств Котова А. // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 18. Л. 174.
24. Письмо Успенскому А.В. // АГС. Р-25. Оп. 1. Д. 10. Л. 118.
25. Районным театрам – внимание советской общественности // Советское искусство. 7 августа 1948 г. №32(1120). С. 1.

Шахин Ю.В.

**ОТНОШЕНИЕ СЛОВЕНСКОГО ПОЛИТБЮРО К РЕСПУБЛИКАНИЗМУ
(1950–1953 ГГ.)**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье исследована позиция партийного руководства Словении, которую оно занимало в отношении конфликта между интересами республики и федерации в 1950-1953 гг., когда в Югославии происходило становление самоуправленческого социализма. В целом отношение словенского Политбюро к республиканизму и национализму смягчилось. По своей инициативе оно не разворачивало кампаний по противодействию, в некоторых случаях прямо выступало против союзной политики по экономическим вопросам, ослабла субординация в отношениях с Политбюро ЦК КПЮ. Союзное партийное руководство требовало усилить партийную дисциплину и пыталось найти объяснение наблюдаемым явлениям, однако единого мнения о причинах их возникновения так и не сформулировало.

Ключевые слова: Югославия, Словения, коммунистическая партия, федерация, национализм, центробежные процессы.

Abstract. The article examines the position of the party leadership of Slovenia, which it took in relation to the conflict between the interests of the republic and the federation in the years of 1950-1953, when self-management socialism was initially formed. In general, the attitude of the Slovenian Politburo towards republicanism and nationalism softened. It never launched counteraction campaigns on its own initiative, in some cases directly opposed the federal policy on economic issues, its subordination in relations with the Politburo of the Central Committee of the CPY weakened. The federal party leadership demanded to strengthen party discipline and tried to find an explanation for the observed phenomena, but they did not formulate a consensus on the reasons for their occurrence.

Key words: Yugoslavia, Slovenia, communist party, federal state, nationalism, centrifugal processes.

В 1950–1953 гг. в Югославии развернулись масштабные реформы, которые преследовали цель преодоления социально-экономического кризиса путем построения самоуправленческого социализма. Они предполагали развитие рыночных механизмов, децентрализацию в экономике и политике, ослабление бюрократического контроля и общую демократизацию общественной жизни. В ходе этих реформ появились признаки оживления националистических настроений и республиканизма, под которым понимается поведение республиканских органов, ставящее интересы республики в какой-либо сфере выше интересов югославской федерации. Цель статьи – выяснить, как эти изменения сказались на позиции Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении, а потом как сами партийные деятели Югославии оценивали причины наблюдаемых явлений. Руководящий партийный орган Словении избран в качестве объекта рассмотрения, потому что Словения в югославской федерации, по крайней мере до конца 1960-х гг., традиционно была самой неблаго-

получной с точки зрения республиканизма и национализма, и все новые явления в этой сфере не только проявлялись там более ярко, но и оказывали наиболее значительное воздействие на высшее партийное руководство.

Прежде всего, отметим, что Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении в рассматриваемый период неоднократно уделяло внимание активизации националистических настроений, но нам не удалось обнаружить случая, когда оно это делало по своей инициативе. Всякий раз импульс исходил от кого-нибудь из представителей ЦК КПЮ. Чаще всего проблему поднимали два словенца, входивших в состав Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии – Э. Кардель и Б.Кидрич. Правда, в феврале 1952 г. словенское Политбюро вскользя озаботилось «шовинистическими лозунгами» в Любляне в отсутствие вышестоящих товарищей [7, s. 299]. Однако этот случай не показателен, поскольку явился результатом масштабной кампании, инициированной за месяц до того Кидричем. 11 июня 1953 г. Политбюро тоже разоблачало местничество и шовинизм в хозяйственных органах Любляны без столичных эмиссаров, однако это произошло за пять дней до II пленума ЦК СКЮ, и потому это событие может рассматриваться как начальный акт кампании, инициированной в Белграде.

В то же время Политбюро стало предпринимать действия, откровенно идущие в разрез с указаниями центра. В августе 1950 г. оно поддержало предложение В.Авбея направленное на приоритетное обеспечение республиканских потребителей в условиях экономического кризиса, в то время как центральные хозяйственные органы расставили приоритеты иначе. Словенское Политбюро решило ограничить вывоз товаров местной промышленности из республики и выступило против поставок промтоваров в Воеводину по схеме утвержденной в Белграде, поскольку она была экономически невыгодна республике. Правда, Политбюро себя подстраховало тутже постановив «усилить бдительность в отношении партикуляристских явлений и тенденций, которые усилились в связи с трудностями в снабжении» [7, s. 223]. Когда в ноябре 1950 г. Авбель опять внес экономические предложения в духе республиканского эгоизма, Политбюро вообще не зафиксировало по ним никаких решений. Докладчик призвал отдать приоритет поставкам промтоваров словенским потребителям перед поставками в другие республики. В ходе дискуссии по экономическим вопросам предложения Авбея не подверглись осуждению [7, s. 237], так что похоже оно их приняло, но просто побоялось выразить на бумаге.

Однако в то же самое время Политбюро прилежно выполняло политические указания ЦК КПЮ. 14 ноября 1950 г. Кидрич потребовал развернуть кампанию против религиозных кругов, а уже 20 ноября из ЦК КПЮ пришло указание вопрос не обострять, и словенское партийное руководство не стало разворачивать кампанию, пока в 1951 г. указания опять не поменялись [2, s. 626]; [7, s. 227].

Надлежит также учитывать, что далеко не всегда требования дополнительных ресурсов со стороны словенского руководства были результатом сознательного эгоизма. Иногда это было следствием бюрократического хаоса, и Политбюро ЦК КПСл находило в себе силы признавать неправоту. По крайней мере, один такой случай датируется июлем 1950 г. [5, s. 214]. В июне–июле 1950 г. из-за ошибки словенского министерства торговли и государственных закупок, которое не смогло правильно оценить дефицит муки в республиканской торговле, возник конфликт с союзным правительством, которое не хотело идти на пересмотр уже утвержденных планов распределения. Словенскому Политбюро пришлось вмешаться, чтобы надавить на союзное руководство, но при этом оно выступило с самокритикой. Как отметили члены Политбюро ЦК КП Словении, конфликт возник в данном случае не из-за того, что Словения себе чего-то эгоистично добивалась, а из-за безответственного отношения республиканских органов к учетным данным. Впрочем, Политбюро

вынуждено было признать ошибку министерства из-за того, что заявка на муку была занижена, и неизвестно, как бы оно повело себя в случае завышенной заявки.

С начала 1951 г. в отношениях словенского и югославского Политбюро начала ослабевать прежняя жесткая субординация. К первым месяцам 1951 г. относится показательный случай, о котором сохранились сведения в протоколах заседания Политбюро ЦК КП Хорватии. 22 марта 1951 г. там рассматривался вопрос о направлении врачей в отсталые республики, и один из членов Политбюро сообщил: «Словенцы никого не дали даже при давлении со стороны товарища Карделя» [6, s. 695]. Это, конечно, был беспрецедентный случай – отказать члену Политбюро ЦК КПЮ! Никогда прежде руководство Словении такого себе не позволяло.

В январе 1951 г. в Политбюро ЦК КПСл обсуждали отчет группы ЦК КПЮ, изучавшей положение в республике. На заседании докладывал член ЦК КПЮ Мома Маркович. Он отметил в парторганизациях национально-шовинистические лозунги о том, что в других республиках лучше живут и т.п. Реакция некоторых словенских деятелей на замечания сверху оказалась на удивление пренебрежительной. Иван Мачек в ходе дискуссии сказал: «В реферате ничего нового. Все эти проблемы мы решаем, а они не могут быть решены сразу же, поскольку кадры в срезных парткомитетах не овладели ситуацией» [7, s. 257]. Сестра Мачека была женой Карделя, но этим нельзя объяснить его слова, ведь прежде подобного не случалось. Похоже, здесь речь шла об ослаблении партийной субординации. Но члены высшего партийного руководства тут же перешли в наступление. Кидрич связал развитие националистических явлений в экономике с неправильной линией ЦК, который сам впал в партикуляризм, а его коллега М.Джилас подсыпал перца: «Отклонения от линии партии велики. Самые глубокие в Словении» [7, s. 258, 260].

Второй раз такой же удар словенское руководство получило в апреле 1951 г. Кардель обвинил ЦК в утрате целостной картины и излишнем увлечении частными вопросами, отметил, что партикуляризм развился в хозяйственном аппарате. Среди возникших проблем Кардель указал шовинизм и национализм, а Кидрич отметил центробежные тенденции на уровне руководства: «Прекращена взаимная защита партийной линии. Делегации, которые едут [из Словении] в Белград, высказываются об этом, что они ничего не могут сделать. Вы не солидаризируетесь с линией ЦК КПЮ» [7, s. 266, 267, 268].

Через год словенское Политбюро подверглось похожей критике на заседании Политбюро ЦК КПЮ. 15 января 1952 г. Кардель отметил, что националистические уклоны могут получать поддержку даже в словенском Политбюро, и добавил: «В руководстве есть националистические слабости... Вы иногда так относитесь к отдельным вопросам, что реакция может за это ухватиться. Нет достаточных связей между ЦК Сл[овении] и Политбюро ЦК КПЮ». Его поддержал Кидрич. Как гласит протокол, «он считает, как и Кардель, что нужно изменить отношение к Белграду и устанавливать дисциплину» [1, л. 18, 19]. Нужно отметить, что документ, который здесь процитирован, в архиве ошибочно датирован 1949 годом, поэтому ссылка может вызвать недоумение у непосвященного читателя.

Итак, Политбюро ЦК КПСл все больше концентрировалось на республиканской проблематике и в результате отклонялось от линии ЦК КПЮ. С национализмом оно вело борьбу лишь по указанию сверху, а в некоторых случаях уже могло перечить вышестоящему руководству.

Децентрализация системы управления, проводившаяся в Югославии с 1950 г., вела к усилению полномочий республик в сравнении с союзным центром и в особенности к расширению самостоятельности республиканских правительств, которые становились более автономны не только по отношению к союзному руководству, но и по отношению к партии, поскольку та взяла курс на разделение государственного и партийного аппарата. В этой связи любопытно было бы посмотреть, как словенское

Политбюро реагировало на децентрализацию: выдвигало ли оно какие-то требования союзным властям? Прямыми фактами подобного рода мы не располагаем. Децентрализация всецело определялась указаниями из Белграда, а словенское Политбюро, когда оно рассматривало союзные новшества, чаще всего принимало их к сведению и исполнению, изредка внося новации во второстепенных мелочах. Такие сведения в основном относятся к 1950 г., а дальше оно и вовсе перестало уделять внимание подобным вопросам [7, s. 202, 210–211, 213, 217]. Если чего и требовали от союзных властей члены словенского Политбюро, то эти требования сводились к получению каких-то экономических преимуществ в рамках уже установленных правил.

Как и прежде с партикуляристскими требованиями в Политбюро выступали в первую очередь лица, ответственные за экономические вопросы. Поименно мы смогли установить Сергея Крайгера, Виктора Авбея и Франца Лескошека. Однако новым было то, что теперь в грех республиканизма стало впадать Политбюро в целом. Его эгоистические решения августа-ноября 1950 г. вполне можно объяснить тяжестью экономических проблем, однако вышестоящие товарищи констатировали отклонения от союзной линии в январе и апреле 1951 г. и в январе 1952 г., когда ситуация стала лучше. А в 1953 г., как следует из критики Карделя, выяснилось, что Политбюро перестало активно бороться против партикуляристских импульсов снизу из хозяйственного аппарата. Оно просто указывало, что таковы правила игры («надо дать») и не убеждало в их справедливости. По-видимому, там уже начали гнездиться сомнения в данном вопросе. Можно предположить, что Политбюро стало осознавать республиканские интересы и чувствовать себя не местной парторганизацией, а руководством республики, потому и стала меняться его позиция. Это закладывало почву для усиления республиканизма.

В то же время менялась и позиция Белграда. Помимо традиционного давления с 1952 г. предпринимаются серьезные шаги, чтобы устранить недовольство в республике по ряду вопросов. Особенно примечательна не реализованная затея по замене дотаций для отсталых регионов на кредиты, чтобы словенская общественность перестала считать свою республику дойной коровой. Похоже, в те годы существовал некий механизм учета и реализации словенских желаний в обход прямо выраженных требований республиканского ЦК. Центр этого механизма располагался в Белграде и не может быть вскрыт на уровне простого изучения республиканизма. К данному гипотетическому механизму вполне мог иметь отношение Кардель. Изучение его архивного наследия могло бы сыграть в понимании проблемы исключительно важную роль.

Развитие республиканизма и националистических тенденций не укрылось от внимания современников. Партийные руководители Югославии сразу же задумались над происходящими изменениями и постарались дать им объяснение. Они выдвинули множество версий, часть из которых была недалеко от истины.

Применительно к Словении усиление республиканизма и национализма стало объектом теоретического внимания уже в ноябре 1950 г. после резолюции правления Союза писателей Словении о причинах дефицита бумаги. Кидрич предположил, что еще не уничтоженные реакционные силы восприняли демократизацию как признак слабости режима, и если их вовремя подавлять, все будет нормально [3, s. 427]. Но, с другой стороны, он же заявил, что оживлению этих сил способствует недоразвитость социалистической демократии, экономические проблемы и незавершенность децентрализации. В частности, децентрализация пока шла только по государственной линии, это обстоятельство укрепляло государственный капиталистический менталитет, а он провоцировал усиление националистических тенденций [3, s. 432, 434].

С. Крайгер возразил, что националистические явления не связаны с издержками децентрализации, а просто унаследованы от прошлого. Это побудило Кидрича развернуть свои тезисы. Среди уже отмеченных причин он вновь указал на эконо-

мические трудности, добавил к ним большие расходы на оборону и развитие «бюрократической касты» в республиках. В результате «бюрократические явления в отдельных республиках занимают националистически-партикуляристскую позицию в отношении югославского целого». Но Кидрич не забыл и наследие прошлого – менталитет словенской интеллигенции. Она традиционно боролась за культуру и язык, и сейчас, когда из-за экономических проблем нет возможности удовлетворить культурные потребности, этот менталитет толкает ее к мысли об ущемлении словенской культуры и к обвинению Белграда [3, s. 436, 437–438].

Секретарь ЦК КП Словении М.Маринко усматривал тогда причины национализма в неправильной трактовке ослабления государства, внешней политике и экономических санкциях против Югославии [3, s. 439]. Затем некоторые вышестоящие товарищи винили во всем ЦК КПСл, который утратил целостное видение проблематики, а потому дескать и развились негативные явления. В январе 1951 г. так заявлял Кидрич, а в апреле того же года Кардель [7, s. 258, 266]. Но по сравнению с ноябрем 1950 г. эти оценки выглядели несерьезно.

Затем в ноябре 1952 г. на VI съезде КПЮ, когда партия сменила свое имя на Союз коммунистов Югославии, Кидрич высказал гораздо более глубокую мысль, почему любое местническое поведение может принять шовинистические черты. Материальная база местничества — это бюрократическое управление «избытком труда» со стороны госаппарата. «На базе такого управления как раз и возникают раздоры из-за избытка труда между республиканскими и союзными государственно-капиталистическими тенденциями» [4, s. 275]. Эта оценка позволяла объяснить развитие республиканизма, увязывала его с возрождением националистических настроений, однако она не могла объяснить аналогичные явления на уровне предприятий, хотя Кидрич уже имел возможность их наблюдать.

16 июня 1953 г. собрался II пленум ЦК СКЮ, призванный подвести промежуточные итоги реформ. Одним из важнейших вопросов пленума стало усиление республиканского местничества. Обсуждение проходило без Кидрича, который к тому времени уже умер. Большинство участников склонялось к мысли, что связи между усилением республиканского местничества и национализмом нет. Однако причины борьбы республик за перераспределение ресурсов члены пленума выдвигали очень разнообразные. С.Вукманович-Темпо считал, что источник проблемы в непоследовательности распределения инвестиций. Важные оценки дали Джилас и Хумо. Они имели то преимущество, что позволяли объяснить, как поведение республик, так и поведение предприятий. Авдо Хумо из Боснии возложил вину на присутствующее во всех сферах стремление ко все большей прибыли, и это на наш взгляд близко к истине. Джилас усматривал истоки республиканского местничества в экономических процессах, которые привели к развитию «торгашеской морали» и защите индивидуальных интересов. Национальную основу этих явлений Джилас отрицал, полагая, что это всего лишь внешняя видимость, созданная совпадением республиканских территорий с национальными. А Тито в противоположность ему прямо связал «шовинизм» с «национально увлеченными элементами» [5, s. 366, 367].

Несложно заметить, что все приведенные выше оценки партийных лидеров вращаются вокруг двух проблем – имеем ли мы здесь дело с новым явлением, возникшим на самостоятельной основе, или же с рецидивом старого, и носит ли это явление временный преходящий характер, или же оно внутренне присуще новой системе? Оценки 1950–1952 гг. колеблются между позициями, что явление старое, а если даже и новое, то временное. В самом деле, экономический кризис не вечен и будет преодолен, республиканский ЦК всегда может исправить линию по указанию союзного руководства, а реформы всецело направлены на изживание бюрократического управления «избытком труда» как на союзном, так и на республиканском уровне. Однако в 1953 г. мы видим сдвиг. Если мнение Вукмановича предполагает,

что явление новое и временное, ведь инвестиции можно в конце концов распределить правильно, то торгашеская мораль и борьба за прибыль указывают на внутренние свойства новой системы – ни о временном характере, ни о рецидиве наследства прошлого здесь уже речь не идет. Впрочем, позиция Тито предполагает решающее влияние старого наследия, но он с ней в одиночестве.

Итак, на рассмотренном материале по истории Словении мы видим, что реформы 1950–1953 гг. принесли неожиданные побочные эффекты в виде активизации республиканизма и национализма. Политбюро Словении ослабило свою борьбу против них и стало более податливо относиться к данным тенденциям, хотя по-прежнему сохраняло партийную дисциплину, если сверху поступала команда усилить борьбу. Партийные лидеры Югославии начали осознавать, что похоже им с этим жить, хотя их не оставляла надежда, что проблемы могут быть решены в ходе того, что они называли строительством социализма.

Источники и литература

1. Архив Југославије. Фонд 507: ЦК СКЈ. III/39: Zapisnik sa sednice Politbiroa СК КРЈ 15 januar 1949. godine. Л.13–25.
2. Gabrič A. Slovenska agitpropovska kulturna politika, 1945-1952 // Borec. Revija za zgodovino, literaturo in antropologijo. 1991. № 7–8–9. S.470–655.
3. Kidrič B. Sabrana dela. Beograd: Komunist, 1985. Knj.6. 609 s.
4. Kidrič B. Sabrana dela. Beograd: Komunist, 1985. Knj.7. 663 s.
5. Milosavljević O. “Centralizam” i “republikanizam” (Nacionalizam u Jugoslaviji 1945-1955) // Socijologija. 1992. № 3. S. 359–370.
6. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb: Hrvatski državni arhiv, 2006. Sv. 2. 1088 s.
7. Zapisniki Politbiroja СК КРС/ЗКС, 1945–1954. Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, 2000. 386 s.

Иванов К.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1990-Х ГОДОВ В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье анализируются послания Президента Российской Федерации в качестве декларации властью основных задач и векторов социальной политики.

Ключевые слова: государственная социальная политика, послания Президента, социальная сфера, 1990-е годы.

Abstract. The article analyzes the Presidential addresses as a declaration of the main tasks and vectors of social policy.

Key words: state social policy, Presidential addresses, social sphere, 1990s.

События октября 1993 г. стали рубежными во многих социально-экономических и политических процессах, происходивших в стране.

Факты свидетельствуют, что в 1991–1993 гг. у государства не было определенной социальной политики. После 1993 г. появились, во всяком случае, намерения проводить такую политику, вызванные необходимостью.

12 декабря 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации, в которой было декретировано положение о том, что Россия является социальным государством. Согласно ст. 7. п. 1 Конституции «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В Конституции были определены важнейшие социальные права граждан, которые гарантировались государством. К ним относятся: право на свободный труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены и без какой-либо дискриминации; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного здоровью граждан экологическим нарушением; право на образование. Государство гарантирует охрану материнства и детства, а также социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, воспитания детей.

Социальные права, зафиксированные в Конституции страны, в то время, конечно, не были жизненной реальностью. Однако важным было уже то, что государство поставило перед собой определенные социальные ориентиры и заявило об этом своим гражданам. Прежние социальные гарантии, советского времени ушли в прошлое вместе с советской властью. Теперь государство заявило о своих новых приоритетах, и должно было демонстрировать готовность обеспечивать своим гражданам эти права.

Одним из серьезных новшеств политической жизни государства стало то, что с этого времени по ряду важнейших проблем внешней, а также внутренней политики, (включая социальную). регулярно стал высказываться Президент Российской Федерации в ежегодных Посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации.

Послания Президента содержат заявки практически по всем аспектам политики власти, в том числе и по социальной составляющей. Некоторая сложность заключается в разрозненности информации. В отличие от других проблем, которые затрагивает Президент (военная реформа, инвестиции и другие) по социальной проблематике Послания не содержат сконцентрированной информации, за редким исключением. Однако социальная составляющая содержится практически во всех разделах Посланий, что делает их весьма важным источником при изучении социальной политики.

Начиная с первого Послания (1994 г.) все большее и большее внимание Президента уделяется социальным последствиям экономической реформы. Однако удельный вес социальной составляющей увеличивается от Послания к Посланию. Наконец в 1997 г. Президент переходит от критики пережитков прошлой системы, точнее их отражения в социальной сфере, к постановке задач по их преодолению, ставя задачей «...уже в текущем году начать коренную реформу в социальной сфере» [1].

Можно выделить несколько крупных разделов в социальных проблемах, привлекающих внимание Президента и отраженных в Посланиях.

Проблема государственной поддержки малоимущих слоев населения. Резкая дифференциация доходов и массовое распространение бедности – именно эта сторона чаще всего упоминается Президентом. С особой остротой эта проблема встала в 1997 г., когда Президент поставил перед парламентом и правительством задачу реализации пенсионной реформы, которая разрабатывалась с 1994 г. Эта тема, выходит вперед и в законодательстве. В 1992 г. социальные министерства Российской Федерации на основе существовавшего законодательства разработали «Основные принципы и направления социальной политики Российской Федерации в 1992–1993 гг.». В 1993 Правительство РФ подготовило программу «Развитие реформ и стабилизация российской экономики» на 1993–1995 гг. Все эти программы можно свести к принятым в 1995 г. основным приоритетам социальных программ Правительства РФ в 1996–1997 гг., которые во многом повторяли предшествующие программы. Из всех видов пенсий наиболее массовыми оставались пенсии по старости. Инфляционный взрыв, пришедшийся на начало экономических реформ, поглотил более половины пенсионных выплат. В связи с этим на протяжении всех 1990-х годов делались постоянные попытки хоть как-то компенсировать нанесенный пожилым людям ущерб. Власть то продолжала исходить из уравнительного для всех пенсионеров принципа, то пыталась как-то учесть различия в прошлых заработках. Но, как и в случае с пособиями по безработице, нехватка денежных средств фактически привела к нивелированию различий между трудовыми пенсиями.

Жилищно-коммунальная сфера. Программа разработана в 1997 г., а Президент поставил задачу завершить ее реализацию к 2000 г. Главной проблемой, и это упоминалось при разработке пенсионной реформы, являлось несовершенство налоговой системы, особенно прямых налогов. «Чтобы выплачивать даже их, [имелись в виду «очень низкие по размеру пенсии» – авт.] приходится взимать с предприятий пенсионные взносы, равные 28% фонда оплаты труда» [2]. Это стало одной из причин начала разработки реформы ЖКХ, которая (реформа) вскоре станет очень непопулярной среди населения. Суть ее заключалась в переходе к так называемой «полной» оплате населением расходов на содержание жилья. За счет реформы Президент надеялся перейти к предоставлению адресных субсидий на жилищно-коммунальные услуги, при переходе к «полной их оплате», по терминологии чиновничества. Участие американских специалистов в реформировании ЖКХ в России не являлось секретом. Так в 1992–1996 гг. было проведено исследование жилищно-коммунального хозяйства г. Новосибирска [3]. Целью этой работы было изучение того, каким образом и в каком направлении осуществляются рыночные преобразования в одной из важнейших отраслей экономики – жилищном хозяйстве. В Новоси-

бирске по инициативе городского руководства и при активной поддержке американских специалистов осуществлялось внедрение в практику отрасли новых форм жилищной собственности, а также замена традиционных обслуживающих организаций частными компаниями с соответствующими правилами найма работников, ориентацией на прибыль, конкуренцию.

Занятость. В основном проблема занятости редко выделяется в отдельный блок, однако ей уделялось очень большое внимание Президентом. Такая ситуация вполне объяснима, так как с упразднением практики государственных заказов развалилось огромное количество предприятий, а значит на улице оказалась масса квалифицированных работников, которые, в большей массе, не смогли переквалифицироваться или адаптироваться к изменившимся условиям. Очевидно, что простая занятость населения ничего не решает с позиции сохранения социально-культурного потенциала населения. Тем более, что в каждом конкретном случае надо учитывать фактор демографический. Какое поколение попало под реформы, какой потенциал был уничтожен, какие шансы были у людей адаптироваться к изменившимся правилам игры, в каком состоянии оказались люди, принадлежавшие к духовно-нравственному оплоту нации? Эти и многие другие вопросы ждали своего ответа при оценке рассматриваемого временного рубежа. Внутри страны сложилось новое «Русское зарубежье».

Налоговая система. Как важная составляющая экономической политики реформа налоговой системы, начиная с 1994 г. всегда выделяется Президентом. Здесь Президент делает акцент на сокращение льгот и привилегий, что приводит к «неравномерному распределению налогового бремени» на разные слои населения. Это также способствовало уклонению от налогов, что усугубляло дефицит государственного бюджета. Как известно, неучтённые капиталы одиночек всегда тонут в копейках большинства. Нужно было обеспечить приток копеек большинства в условиях формирования семейных капиталов «избранных» административным ресурсом. Наследственность положения становится не только политической, но и экономической силой.

Проблема федерализма. Вопросы федерализма являлись одной из наиболее волнительных для Президента тем. В этом разделе Президент много внимания уделяет бюджетному федерализму. Другой важной составляющей является проблема местного самоуправления, которое, по его мнению, является «полноценным и серьезным партнером в экономическом и социальном реформировании страны» [4].

Наконец, последним по важности из поднимаемых вопросов является проблема гражданских прав и свобод. Президент выступает здесь с крайне либеральных позиций. Как и во многих других вопросах, затрагиваемых Президентом, здесь его волнует главным образом экономическая составляющая [5].

Тот факт, что в соответствии с Конституцией Российская Федерация является социальным государством упоминается Президентом только в связи с проблемой гражданских прав и свобод, гражданского общества и правового государства, что всегда составляет единый блок в посланиях.

В Послании Федеральному Собранию в 1996 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин указывал на необходимость углубления реформ, и, в частности, на усиление их социальной направленности. Однако в последующие годы эта задача не была выполнена: продолжалось снижение объемов производства, ухудшались условия жизни населения. Осознание властью необходимости масштабных социальных преобразований появилось лишь в 1997 году, когда Б.Н. Ельцин сформулировал задачи и направления деятельности государства в социальной сфере, однако в течении 1990-х годов никаких реальных шагов по исправлению ситуации предпринято не было.

Более того, с 1997 г. наступает дальнейшая либерализация экономики. Именно в 1997 году в состав правительства в качестве вице-премьеров были введены А.Б.

Чубайс и Б.Е. Немцов – известные сторонники либерального курса. Деятельность правительства ограничивалась регулированием финансовых и торговых потоков внутри страны. Далее был проведен секвестр бюджета по социальным программам, был намечен новый этап приватизации. В результате сокращения социальных программ удалось достичь прироста ВВП на 1% за первое полугодие 1997 г. Можно констатировать, что Правительство продолжало, несмотря на явные проблемы в социальной сфере, двигаться по проторенной дорожке либерализации.

Итак, рассмотрение Посланий Президента 1990-х годов позволяют проследить процесс постановки после 1993 г. вопросов социальной политики в Российской Федерации как вопросов, которые должны стать объектом государственного регулирования. Правда, подчеркнем: речь идет лишь о намерениях в социальной сфере, правда, о намерениях, публично озвученных главой исполнительной власти. Вопрос их реализации – это уже другой вопрос. Но необходимо озвучить такого рода намерения, подобно декларации очевидного: наличие острейших социальных проблем, не решаемых автоматически в рамках рынка в условиях России.

Источники и литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С. 25.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С. 31.
3. Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О'Салливэн Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. 1996.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1998. С. 44.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1995. С. 59–62.

Сердалиева Д.А.

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье анализируются понятия «историческая память», «историческая ценность и знаковость», «memory studies», «место памяти», рассматриваются способы и формы трансляции культурного наследия, процессы музейной коммуникации, приводятся примеры использования музейных практик.

Ключевые слова: историческая память, музейное пространство, историко-культурное наследие, музейная коммуникация, место памяти, волонтеры наследия.

Abstract. The article analyses the concepts of "historical memory", "historical value and iconicity", "memory studies", "place of memory", considers ways and forms of cultural heritage transmission, processes of museum communication, and gives examples of museum practices.

Key words: historical memory, museum space, historical and cultural heritage, museum communication, place of memory, heritage volunteers.

Современные российские исследования гуманитарного характера особое внимание уделяют вопросу недолговечности многих социальных процессов. Трансформация прежних устремлений и ценностей, проникновение симулякров во все сферы человеческой деятельности, пересмотр значения событий исторического прошлого и его оценка, имеют несомненное влияние на ценностные ориентации и общественные установки в обществе. В связи с этим, важным становится идея поиска подлинности заведомо ложных утверждений, установление исторической правды и сплочение граждан страны на основе общей государственной идеи, которая должна быть принята в контексте культурных ценностей и знания истории своей страны. Бережное отношение к страницам отечественной истории, уважение к памяти предков, составляют одну из важных составляющих поступательного развития и сохранения уникальности российского общества. Формирование исторической памяти как образа прошлого, объективная оценка событий истории, преобразование этих образов и смыслов в ценностные ориентиры, подразумевает участие всех общественных структур в сложном процессе становления и развития государства.

Музей как социальный институт тесно связан с феноменом исторической памяти и обладает огромным культуросозидающим инструментарием вовлечения человека в пространство истории, способен вызывать чувство гордости и сопричастности значимым событиям нашей страны. Так, по мнению исследователя М.Г. Дмитриевой [2, с. 3]. Историческая память в основе своего содержания заключает, прежде всего, понятие ценности. В общем виде категория ценности транслирует важность явлений и процессов в повседневной жизни людей. А именно «определение культурной значимости объекта, его ценности требует изучения совокупности разнообразных историко-культурных явлений или объективно признанных творче-

ских результатов деятельности различных представителей культуры в конкретной исторической ситуации» [10, с. 19].

В рамках этого направления музей осуществляет отбор музейных предметов, которые входят в его профильные интересы и являются культурно-историческими ценностями. Так, одними из немногих, сохранивших наследия событий гражданской войны – одному из противоречивых и сложных периодов в нашей истории – уделяет внимание Военно-исторический музей Черноморского флота (г. Севастополь), экспозиция, посвященная памяти этих событий, дает рассмотреть подвиги революционного Черноморского флота, борьбы сторонников советской власти, рассматривают сторону белогвардейцев и их судьбы средствами документальных источников: переписки участников событий, дневники, личные вещи. ФГБУК «Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя» представил экспозицию «Севастополь в бурях революции 1905-х, 1917 годов», где были представлены фотографии событий и участников, открытки, агитационные плакаты, журналы тех лет, документы военного характера, награды, газеты, модель крейсера «Аврора», предметы с крейсера, немой фильм С. Эйзенштейна «Октябрь» 1927 года, телеграфный аппарат Морзе, пишущая машина «Эрика», листовка «Декрет о земле» 26 октября 1917 года, «Декрет о мире», плакаты агитационно-пропагандистского характера, обмундирование бойца 1-го черноморского отряда, фотографии участников 1-го Черноморского отряда, председателей Севастопольского совета, телеграмма о затоплении кораблей ЧФ в Новороссийске 1918 года, предметы с затопленных кораблей, этюды М.М. Соловьева к панораме «Штурм Перекопа», фотографии памятных демонстраций в честь 40, 50, 60, 70-летия ВОСР, памятные медали и брошюры путеводители по музею революции 1928 года [6]. Научный интерес музейщиков к событиям прошлых лет в истории страны, обусловлен необходимостью осознания недопустимости в обществе состояния гражданского противостояния, разделение российской нации и искажения ценностей российской цивилизации. Таким образом, музей по отношению к исторической памяти играет роль посредника: сохраняет и передает документальное наследие последующим поколениям, а с другой, принимает активное участие в его формировании и развитии. В данном случае, музейные предметы исследуются не только для раскрытия исторической, просветительской информации, но и научного определения, классификации имеющихся первоисточников и музейных средств, ведут работу по реставрации, хранению. Предмет, который попадает в музей, мобилизует историко-культурную память в конкретной экспозиции, отражает общественно-исторический смысл, включаясь в общую систему ценностей, и выражает отношение общества к той или иной составляющей своего культурного наследия.

Другой важной составляющей основы любого музея являются знания о событии, явлении, документе. Функция сбора и хранения исторической памяти в музее раскрывается через призму культурной, политической, социальной, экономической ситуации, в которой было создано знание. Модель реального мира, пусть и ушедшего в историю, которую музеи создают, делает его не только социокультурным феноменом, но и активным социальным агентом, который способствует социализации отдельной личности и аккультурации всего общества в целом. Не случайно в 1870-е – 1890-е гг. и в последующие десятилетия музей оценивался как одно из эффективных средств преодоления кризиса образования. Именно музей предложил альтернативу книжному обучению – изучать исторические, природные процессы на основе реальных научных и исторических источников, подлинных памятников культуры и искусства – принципам наглядности, которые применяются в системе образования и сейчас. Возникновение подобной модели музея в дальнейшем определялась как просветительская, а музеи дали эффективные возможности для ознакомления и с региональной историей.

В исторической памяти фигуры и события прошлого становятся знаковыми символами в музейной интерпретации. Музеи как хранители исторической памяти собирают разрозненные исторические факты, интерпретируют поступки людей, придают особое значение их действиям в прошлом, выстраивая соотношения категорий «индивидуальное» и «коллективное» – взаимосвязанных характеристик социальности, функционирования и развития общества, которые определяют социальность в аспекте индивидного бытия людей и их контактов между собой [8, с. 12]. Немецкий философ и социолог Г. Зиммель (1858–1918) писал, что «общественное единство реализуется только своими собственными элементами», каковыми являются «индивидуальные души», при осознании «соучастия с другими в образовании единства», «через категории и с учетом познавательных потребностей субъекта» [3, с. 509–527].

Примером подобной интерпретации музейными средствами может послужить выставка из фондов Центрального музея Тавриды «...До пуговицы русского солдата», приуроченная к 8-й годовщине воссоединения Крыма и Севастополя с Россией (18 марта 2022 года). На выставке были представлены предметы военной археологии, относящиеся ко второй половине XVIII века: детали вооружения и амуниции русской армии, личные вещи солдат и офицеров, найденные при археологических раскопках близ Перекопской крепости. Экспозиция включала пять текстовых интерактивных планшетов, рассказывающих об основных событиях русско-турецкой войны 1768–1774 годов, походе 2-й армии под командованием В.М. Долгорукова на Крымский полуостров в 1771 году, а также макет диорамы «Бой отряда В.П. Мусина-Пушкина при Алуште 24 июля 1774 г.» (художник Игорь Дзысь). Это небольшое сражение оставило глубокий след в русской военной истории, в ходе этой битвы получил свою знаменитую рану будущий фельдмаршал, прославленный полководец М.И. Кутузов. Роль индивидуального героизма и коллективного подвига отражаются в полной мере в событиях тех лет, ставя во главу, прежде всего, осознание живой связи между событиями прошлого и настоящего, интерпретируя исторический опыт, историко-культурную память.

Проблемы изучения исторической памяти представляются актуальными для всех направлений социально-гуманитарного знания. Прежде всего, в рамках междисциплинарных исследований - *memory studies*, в центре внимания которого – историческое сознание, коллективная память отдельных социальных групп и человечества в целом. В фокусе *memory studies* изучаются процессы накопления и передачи представлений о прошлом, взгляды современного общества и различных эпох на одни те же исторические события. Наряду с исторической памятью используется также понятия: место памяти, образ чужого, проблемы региональной, национальной идентичности, национальная память. В этой связи важным является понятие объекта исторической памяти, которое позволяет рассмотреть представления о прошлом через призму конкретных источников формирования исторической памяти [9, с. 12-23]. Так, примером места памяти является современный мемориальный комплекс «Сапун-гора», который представляет собой центр популяризации памяти истории не только в Севастополе, но и в формате всего государства. В своей статье «Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные тенденции мемориализации» исследователь А.Д. Попов систематизировал основные этапы мемориализации Сапун-горы, как свидетеля подвига великого советского народа и места памяти тех трагических событий, через которые прошли советские воины. Автору удалось описать процессы по становлению многофункционального мемориала на Сапун-горе, в том числе включение экспозиции, в которой расположена боевая техника, диорама «Штурм Сапун-горы», воспроизведенные сооружения военных лет. В течении второй половины XX – начала XXI вв. мемориальный комплекс не только развивался, но и создавал уникальный материал (стихотворения, песни, книги, произведения изобразительного

искусства, пьесы, кинофильмы), посвященный этому месту, что также играло важную роль в формировании национального восприятия места исторической памяти [5, с. 108–112]. Сформированный и увековеченный образ героической Сапун-горы можно отнести к числу классических «мест памяти» в трактовке французского классика *memory studies* Пьера Нора, который использовал этот термин для обозначения территориально локализованных или абстрактно-символических пространств, в которых «память кристаллизуется и находит свое убежище» [4, с. 17–50].

Близость музея и исторической памяти может также раскрываться через универсальные символы и коммуникационные модели. Музей в любом обществе, прежде всего, выполняет важные функции накопления, хранения, передачи информации, что является составляющей исторической памяти любого этноса, общности и больших социальных систем. Музейная коммуникация как одна из форм трансляции исторической памяти обладает особым языком. Рассмотрение данного аспекта предполагает активное участие музея в практиках коммеморации. Под коммеморацией обычно понимают ряд практик или сингулярных событий, направленных на актуализацию «контента памяти», а также на его обновление или усвоение [7, с. 17–24]. К числу коммеморативных практик в музеях можно отнести участие в тех или иных специальных мероприятиях, которые организует сам музей. Подобные практики, например, формируют определенное содержание, контент исторической памяти и роль музея в формировании этого контента. По мнению А. Асман, «коммеморация представляет один из способов формирования идентичности, в том числе и национально-государственной» [1, с. 12–13]. Так, к историческим, культурным артефактам, которые сохранены и интерпретированы музеем, могут обращаться социальные институты, для которых важно актуализировать представления о историко-культурном наследии как транслируемой системе ценностей, отражающих историческую память, накопленном общественном опыте. Актуализированные знания и представления помогают решать современные задачи, направленные на то, чтобы историческая (а также культурная, социальная) память стала центральным понятием для процесса культурной идентификации человека, осознания и восприятия исторического опыта. Коммеморация запускает механизмы изменения отношения общества к своему культурному наследию (не всегда реактивные, главное, последовательно поддерживаемые обществом). Так, волонтерские проекты имеют все коммеморативные признаки в сфере охраны историко-культурного или природного наследия так, как призваны объединить всех лиц, отдающих безвозмездно свое время и силы для поддержания явлений исторической памяти и ее институтов, деятельности по сохранению и актуализации наследия. Целевая установка в работе по сохранению материального и нематериального наследия – формирование у каждого гражданина, независимо от возраста, сопричастности к судьбе малой родины, отчизны и отечества, уважения к этнокультурной самобытности как самого человека, так и его Родины. Подобные технологии применяются при реализации уникального проекта, направленного на развитие и поддержку добровольческих движений в сфере сохранения объектов культурного наследия и популяризации истории. Территория музея-заповедника «Херсонес Таврический» при участии фонда «Моя история» который год объединяет добровольцев со всей страны под эгидой движения «Волонтеры наследия. Херсонес» в рамках национального проекта «Культура» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Патриаршего совета по культуре, Российского фонда культуры, Фонда поддержки гуманитарных проектов «Моя история». Волонтеры ведут работы по благоустройству древнего города и его хоры. Особенно, это важно для Херсонеса, значение которого для российской истории уникально. Здесь в «Корсунской купели» разрозненные племена Древней Руси обрели духовный и ценностный стержень, который превратил их в единый народ, дал основу для успешного национального и государственного разви-

тия. Музейное пространство древнего города не только формирует историческую память о реалиях знаковых эпох, но и национальную и региональную идентичность граждан огромной страны. Наряду с этим, происходит последовательное изучение музейных артефактов с целью выявления всего комплекса семантических и других свойств, представляющих интерес для различных областей знания.

Таким образом, музей выступает традиционным (хотя и не основным) средством сохранения, отражения и формирования исторической памяти. Осуществляя преемственную связь между прошлым и будущим, музей не только воссоздает историческую память общества, но и становится хранителем его истории и культуры. В музейном пространстве каждый предмет, наделенный коммуникативным содержанием, в котором прослеживается исторический код народа, его ценности и традиции, язык, верования и культура, играет важнейшую роль в сохранении, актуализации культурного наследия из поколения в поколение.

Источники и литература

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
2. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М.: РГБ, 2006. 198 с.
3. Зиммель Г. Как возможно общество // Избранное: в 2 томах. Москва: Юристъ, 1996. Т. 2. 1283 с.
4. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж де. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
5. Попов А.Д. Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные тенденции мемориализации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3. С. 108–112.
6. Стогний Ю.В., Никитина И.В., Завгородняя О.А. «Севастополь в бурях революций 1905-х, 1917 годов. 2017 г. // Научный архив ФГБУК «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя» // И. 2-10. Ф.2. Оп.2. Дело № 2117.
7. Смирнов А.В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3(24). С. 17–24.
8. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. М.: Одиссей, 1996. 608 с.
9. Сосницкий Д.Л. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис.... канд. ист. наук. СПб.. 2015. 344 с.
10. Шулупова Э.А. Историческая память в контексте культурного наследия // Культура памяти: сб. науч. ст. М.: Древлехранилище, 2003. С. 19.

Сабельников М.А.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СФЕРЫ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1944–1954 ГОДАХ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье описаны и классифицированы источники о развитии розничной торговли в период восстановления Севастополя после Великой Отечественной войны. Выделены две большие группы источников – общесоюзные и локальные. В этих группах выделены отдельные виды источников – акты, статистические, периодическая печать, источники личного происхождения, брошюры. Проанализирован их потенциал для изучения развития розничной торговли в Севастополе.

Ключевые слова: источник, сборник документов, Севастополь, розничная торговля, послевоенное восстановление.

Abstract. The article describes and classifies sources on the development of retail trade during the restoration of Sevastopol after the Great Patriotic War. Two large groups of sources are identified – all-Union and local. In these groups, separate types of sources are identified – assembly, statistical, periodical press, sources of personal origin, brochures. Their potential for studying the development of retail trade in Sevastopol is analyzed.

Key words: source, collection of documents, Sevastopol, retail trade, post-war reconstruction.

Анализ источников для любого историка является базисом, на котором выстраивается дальнейшее исследование. Настоящая работа посвящена разбору основных видов источников, позволяющих углубиться в тему развития розничной торговли в Севастополе в послевоенное десятилетие. Автору видится наиболее правильным разделить источники в первую очередь на две большие группы: общесоюзные и локальные.

К общесоюзным источникам относятся основные нормативно-правовые акты СССР, регламентирующие торгово-экономические отношения в стране. Так, основные союзные законы, а также постановления правительства в различных сферах государственного управления содержатся в сборнике документов «Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 год – июль 1956 года)» [19]. Этот сборник хронологически охватывает весь период восстановления Севастополя. К нормативным актам также можно отнести решения, принимаемые на съездах партии. Наиболее определяющие обнаруживаются в сборнике документов «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» в пятнадцати томах. К периоду восстановления относятся седьмой (1938–1945 годы) [7] и восьмой (1946–1955 годы) [8] тома. Документы, содержащиеся в вышеназванных сборниках, охватывают широкий спектр вопросов, что позволяет извлекать из них лишь фрагментарную информацию, касающуюся темы торговли. Говоря о сборниках общесоюзных актов, но с более узкой с тематической точки зрения, стоит упомянуть сборник документов «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», который насчитывает 16 томов. В рамках хронологии предстоящего исследования наибольший интерес представляют третий (1941–1952 годы) [16] и четвертый

(1953–1961 годы) [17] тома. Значительная часть документов отражает вектор развития народного хозяйства страны, в частности промышленности и сельского хозяйства. Стоит также отметить современные тематические сборники документов, которые освещают какой-либо конкретный вопрос. В контексте исследования, связанного с развитием торговли, необходимо отметить сборник «Денежная реформа 1947 года в документах: подготовка, проведение и оценка результатов» [5], выпущенный в 2007 году. В нем собраны документы, освещающие денежную реформу 1947 года, которая привела к значительным изменениям торговых отношений в СССР. А так как реформа носила всесоюзный характер, изучение этого вопроса позволит лучше понимать, что происходило в Севастополе. Таким образом, информация, содержащаяся в этих сборниках, позволит сделать общий вывод по развитию экономики страны и применить эти данные для анализа тенденций развития народного хозяйства. Однако для сравнения с особенностями Севастополя необходимо применять региональные источники, о которых речь пойдет ниже.

Следующий тип источников всесоюзного характера, позволяющий оценить масштабы развития народного хозяйства и розничной торговли в СССР в целом, а также выявить основные тенденции по отраслям, – статистическая информация. Необходимые сведения содержат в себе статистические сборники, которые с достаточной периодичностью выходили в СССР. Крайне интересным в этом контексте является статистический сборник «Народное хозяйство СССР за 1913–1955 годы (Краткий статистический сборник)» [12]. Его особенностью является то, что он был подготовлен для служебных целей и значительный промежуток времени был засекречен. Это позволяет сделать вывод о том, что информация, которая в нем содержится, является достаточно объективной и взвешенной, поскольку готовилась не в целях пропаганды достижений, а в целях анализа экономического положения страны. Важным является также то, что данные позволяют рассмотреть достаточно широкий спектр экономических вопросов, в том числе и вопросы развития розничной торговли. Однако необходимо учесть, что данные по послевоенному периоду представлены с интервалами, что представляет сложность при анализе ситуации в конкретный год. Например, статистические сведения по товарообороту представлены за 1940 год, а потом сразу за 1950 год, и уже после за каждый год. Автор связывает это со сложностью оценки реального положения дел из-за ведения войны и полной мобилизации экономики на военные нужды, а после окончания боевых действий с началом периода восстановления, анализ которого также затруднителен. В данном ключе необходимо отметить два крупных юбилейных статистических сборника. Говоря о статистических сборниках, стоит упомянуть юбилейные статистические сборники: «Народное хозяйство СССР: 1922 по 1982 год» [14] и «Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник» [13]. В СССР также издавались сборники, освещавшие развитие торговли в СССР, что в контексте изучения развития торговли является более полезным источником. Например, сборник «Советская торговля (Статистический сборник)» 1964 года издания [23], в котором отражены основные достижения развития советской торговли с учетом данных за более ранние годы, что затрагивает хронологические рамки исследования.

Отдельным, специфическим источником всесоюзного характера автор выделяет брошюры, издаваемые в помощь работникам советской торговли. В них отражены вопросы, связанные с особенностями советской торговли, с вопросами формирования штата и организации работы магазина. Например, брошюра В.Т. Корниенко «Розничные цены в СССР» [9], в которой освещаются вопросы ценообразования и советской политики цен. Кроме этого, подробно рассматривается структура розничных цен, их виды, порядок планирования и утверждения. Значительное место отведено принципам построения прейскурантов и ведению прейскурантного хозяйства.

Таким образом, можно заключить, что источники всесоюзного характера представлены несколькими видами. Их анализ необходим, поскольку для изучения региональных особенностей развития розничной торговли исследователь должен понимать тенденции развития советской торговли, промышленности и сельского хозяйства, политики ценообразования и прочие вопросы. Однако для написания полноценного исследования по развитию торговли в Севастополе стоит использовать локальные источники, которые также подразделяются на несколько видов, однако их палитра более широка и многогранна.

В первую очередь необходимо сказать о документальных источниках по истории Севастополя. Их можно разделить на опубликованные и неопубликованные. Опубликованные источники по теме исследования представлены в сборниках. Ключевым в этом контексте является сборник «Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов» [22], изданный под редакцией Г.И. Ванеева. В нем опубликованы основные нормативные акты, решения городских властей, протоколы заседаний, а также значимые для истории города документы, расположенные в хронологическом порядке. Стоит также отметить сборник «Севастополь. 1941–1945 гг.: сборник архивных документов» [21], который лишь отчасти затрагивает период восстановления Севастополя. Безусловно, акцент в нем сделан на источниках, раскрывающих вопросы, касающиеся войны и боевых действий на территории города, однако некоторые документы позволяют оценить уровень разрушений, к которым привели боевые действия, а также определить решения начального этапа восстановления города.

Неопубликованные источники в изобилии представлены в фондах ГКУ «Архив города Севастополя». Ключевым архивным фондом в контексте изучения развития розничной торговли в период восстановления Севастополя является фонд Р-257 «Объединенный фонд Управление торговли комитета по торговле, сфере услуг и туризму Севастопольской городской государственной администрации». Временные рамки, охватываемые фондом, – 1944–1994 годы. В частности, вторая опись данного фонда включает в себя документы за период с 1944 года по 1968 год, что делает её основной для исследователя. Говоря об истории фонда, нужно отметить, что собран он из документов более мелких фондов отдельных торговых организаций города [1].

Дела, формирующие фонд Р-257, можно разделить на несколько категорий:

1. Руководство и контроль. Сюда входят приказы Народных комиссариатов торговли СССР, РСФСР и Крымской АССР, Министерств торговли СССР, РСФСР, заведующего городским отделом торговли, а также переписки между местными организациями и с вышестоящими инстанциями.

2. Организационные вопросы. Сюда входят штатное расписание торговой сети и её дислокация.

3. Планирование. Сюда входят планы по товарообороту, финансово-торговые планы различных торговых организаций города.

4. Учет и контроль. Сюда входят годовые финансовые отчеты и отчеты по деятельности торговых организаций.

5. Кадровые вопросы. Сюда входят отчеты по труду, дела, связанные с формированием кадрового состава [3].

В фонд также включены дела Балаклавского городского отдела торговли, Балаклавского отделения Крымкурортторга и Военторга, начиная с 1944 года [2], поскольку данные организации были подчинены Севастопольскому Городскому Совету и торговым организациям Севастополя. Однако непосредственно в состав Севастополя Балаклава вошла лишь в 1957 году, поэтому использование этих документов применительно к истории развития розничной торговли остается на усмотрение исследователя.

Следующим типом источников локального происхождения является периодическая печать, в частности, газета «Слава Севастополя», которая начала свою деятельность 10 мая 1944 года (газета действовала и до войны под названием «Маяк Комму-

ны»). В изучаемый период газета фактически являлась ведущим городским периодическим изданием. На эту тему имеется публикация [18], поэтому в настоящей статье подробное описание этого источника представлено не будет.

Крайне важным источником информации является статистика, которая представляет собой ещё один вид локальных источников. Подобного рода информация представлена в достаточно необычном источнике – брошюрах для пропагандистов. В частности, «Севастополь за 40 лет советской власти» [20]. В приложении к этой брошюре представлена статистическая информация о развитии всех отраслей народного хозяйства в городе, о составе и численности населения. Наиболее интересны сведения об уровне товарооборота Севастопольской торговой сети. Такие брошюры выходили и позже, однако информация о периоде восстановления Севастополя значительных изменений не претерпевала. К современному периоду относится изданный Крымстатом в 2020 году сборник «Крым довоенного и послевоенного периода» [10], посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В нем собраны данные о развитии полуострова до войны и в период восстановления. Несмотря на то, что сборник не содержит сведений отдельно по Севастополю, представленная здесь информация более узкая в территориальном плане, нежели во всесоюзных сборниках. Один из разделов посвящен непосредственно развитию торговой отрасли и товарообороту Крыма.

Следующим видом источников являются источники личного происхождения. К ним в первую очередь относятся мемуары и воспоминания. В данном контексте стоит упомянуть сборник воспоминаний «Возрождение Севастополя» [4], в который вошли воспоминания видных деятелей, архитекторов, инженеров, которые участвовали в восстановлении города после Великой Отечественной войны. Их воспоминания позволяют понять, с какими трудностями сталкивались люди, совершившие третий подвиг Севастополя. Сборник важен, поскольку собранные и опубликованные в нем воспоминания совпадают с хронологическими рамками исследования. Продолжая тему сборников воспоминаний, стоит отметить книгу «Мы-севастопольстроевцы» [11], в которой собраны воспоминания строителей города, в частности, затронут и период восстановления. Очень важным является то, что строители рассказывают не только о рабочих моментах, но и о бытовых трудностях, связанных в том числе с торговлей, что немало важно для предстоящего исследования.

В качестве мемуарных источников необходимо упомянуть «Мемуары старого мальчика» Г.К. Задорожникова [6] – коренного севастопольца, родившегося в городе до Великой Отечественной войны. Он встретил военные действия в городе и не был эвакуирован. Пережил вторую оборону, штурмы, оккупацию и освобождение Севастополя. Все эти события отражены в его мемуарах, как и период восстановления города. Автор вспоминает о том, как функционировали рынки в 1945 году, и эти воспоминания позволяют оценить работу торговой сети от лица простого горожанина. Наконец, в этом ключе стоит упомянуть воспоминания Л.А. Пшениной «Встающий из руин. Послевоенный Севастополь» [15], в которых она вспоминает о том, как восстанавливался Севастополь. Интерес также представляют фотографии, опубликованные в книге, поскольку они находились в семейном архиве, что придает им некоторую уникальность. Привлечение подобного рода источников позволяет дать оценку тому, как процесс восстановления города в целом и торговой сети в частности виделись как видным деятелям Севастополя, так и простым горожанам.

Подводя итоги, можно сказать, что источниковая база по теме развития розничной торговли в Севастополе в период восстановления представлена широким кругом источников, которые позволяют в достаточной мере изучить проблему. Так, их можно разделить на общесоюзные и локальные. В свою очередь две эти группы делятся на более узкие. К общесоюзным источникам относятся, во-первых, опубликованные нормативно-правовые акты, в числе которых указы, постановления правительственных органов СССР, а также решения съездов партии, собранные в тематические сборники.

Эти документы позволяют определить курс развития народного хозяйства СССР и конкретно торговой отрасли. Изданы также сборники, освещающие какую-то конкретную проблему торговли, например, денежную реформу 1947 года. Во-вторых, статистическая информация по развитию отраслей народного хозяйства, в том числе и торговли, опубликованная в соответствующих сборниках. Она позволяет определить уровень развития товарооборота в исследуемый период в стране. В-третьих, к общесоюзным источникам относятся брошюры, которые публиковались в помощь работникам торговых организаций, где отражалась структура торговли, ассортимент и цены.

К локальным источникам относятся, во-первых, нормативно-правовые акты и прочие документы, как опубликованные, которые собраны в соответствующие сборники, так и неопубликованные, хранящиеся в фондах ГКУ «Архив города Севастополя», в частности, фонд Р-257 «Управление торговли». Эта группа источников является наиболее значимой и информативной в контексте изучаемой проблемы. Во-вторых, периодическая печать, в частности, газета «Слава Севастополя», которая была главным периодическим изданием города в период восстановления. В ней отражены многие аспекты развития торговли в Севастополе, что делает газету комплексным источником. В-третьих, источниками локального уровня являются мемуары и воспоминания севастопольцев, которые позволяют оценить особенности восстановления города глазами его участников, а также состояние торговли в городе глазами современников. В-четвертых, к источникам можно отнести статистическую информацию, которая издавалась и издается на современном этапе в виде сборников статистических документов, а также в виде брошюр, которые издавались в помощь пропагандистам. В них, помимо статистической информации, отражены особенности развития города, содержатся сведения об основных достижениях городского хозяйства.

Источники и литература

1. АГС (Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»). Ф. Р-257. Оп. 2. Л. 2-5.
2. АГС. Ф. Р-257. Оп. 2. Л. 7.
3. АГС. Ф. Р-257. Оп. 2. Л. 7-9.
4. Возрождение Севастополя: сборник / составитель В. Г. Кузьмина; фото А. В. Баженова. Симферополь: Таврия, 1982. 144 с.
5. Денежная реформа 1947 года в документах: подготовка, проведение и оценка результатов (По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 3). М., 2007. 119 с.
6. Задорожников Г.К. Мемуары старого мальчика. Севастополь: Телескоп, 2018. Издание второе, исправленное, 192 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983-1990. Т. 7: 1938-1945. 1985. 574 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983-1990. Т. 8: 1946-1955. 1985. 542 с.
9. Корниенко В.Т. Розничные цены в СССР. Москва: Экономика, 1973. 63 с.
10. Крым довоенного и послевоенного периода. Статистический сборник / О.И. Балдина, Н.Н. Григорь, А.А. Мысков, Л.Н. Петруненко. Симферополь: Крымстат, 2020. 145 с.
11. Мы – севастопольстроевцы: страницы трудовой летописи: к 60-летию АО «Севастопольстрой» / И.И. Берновек и др.; главный редактор П.Я. Веселов; предисловие Ю.К. Пельха; литературная обработка О.А. Руденко, В.И. Шаламаева. 2-е изд. Севастополь: Мир, 2006. 223 с.
12. Народное хозяйство СССР за 1913-1955 гг. (Краткий статистический сборник). М.: ЦСУ СССР, 1955. Российский Государственный Архив Экономики. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. Л. 1-250.
13. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

14. Народное хозяйство СССР, 1922-1982: Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. 623 с.
15. Пшенина Л.А. Встающий из руин. Послевоенный Севастополь: Воспоминания / Л.А. Пшенина. Севастополь: Арт-Принт, 2007. 90 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1967–1988. Т. 4: 1953–1961 годы. Т. 4. 1968. 783 с.
18. Сабельников М.А. Газета «Слава Севастополя» как исторический источник о развитии розничной торговли Севастополя в послевоенный период (1944–1954 гг.) // Потемкинские чтения: сборник статей по материалам VI Всероссийской с международным участием научной конференции, Севастополь, 17–19 ноября 2022 года. Том 2. – Севастополь: СевГУ, 2022. С. 67–69.
19. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938–июль 1956 гг.) / Сост.: М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.
20. Севастополь за 40 лет советской власти. Материалы в помощь докладчикам и пропагандистам. Севастополь: Отдел пропаганды и агитации Севастопольского ГК КП Украины, 1957. 43 с.
21. Севастополь. 1941–1945 гг.: сборник архивных документов / сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. 448 с.
22. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов. Киев: Наукова думка, 1983. 451 с.
23. Советская торговля (Статистический сборник) / ЦСУ СССР. М.: Статистика, 1964. 503 с.

Бражников В.М.

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВАСТОПОЛЕ В 1950–1960-Е ГОДЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции в развитии жилищного строительства в Севастополе в 1950-1960-е годы. Обозначены предпосылки перехода к массовому жилищному строительству в Севастополе, а также меры, принимаемые для решения жилищного вопроса, в частности, индустриализация строительства, реализация в городе крупноблочного домостроения и обновление генерального плана.

Ключевые слова: жилищный вопрос, массовое жилищное строительство, крупноблочное строительство, Севастополь.

Abstract. The article discusses the main trends in the development of housing construction in Sevastopol in the 1950s and 1960s. The prerequisites for the transition to mass housing construction in Sevastopol are outlined, as well as measures taken to address the housing issue, in particular, the industrialization of construction, the implementation of large-block housing construction in the city and the updating of the master plan.

Key words: housing issue, mass housing construction, large-block construction, Sevastopol.

Тема жилищного строительства в СССР в отечественной историографии раскрыта не в полной мере. Особенно ярко это прослеживается в контексте региональной истории, в частности, истории Севастополя. Разработка этой темы в перспективе позволит сделать глубокие выводы о том, успешно ли решался вопрос жилищного строительства в СССР. Ведь в это понятие входит не только количество квадратных метров на человека, но и качество материалов, из которых возводились дома, удобство расположения жилых массивов, доступность инфраструктуры и прочие факторы. В настоящей статье предпринята попытка анализа основных тенденций развития жилищного строительства в Севастополе в 1950-е годы.

1954 год ознаменован завершением восстановления Севастополя после Великой Отечественной войны. Практически по всем показателям был превзойден уровень довоенного хозяйства. Были восстановлены разрушенные и возведены новые жилые дома на ул. Ленина, Большой Морской, Пирогова, Советской, Балаклавской, на проспекте Нахимова. Официальным документом, подтверждающим завершение восстановления города, является письмо, направленное Городским комитетом партии в ЦК Компартии УССР 19 февраля 1954 года [20, с. 145]. В первую очередь это касалось именно жилищного строительства. Такие успехи стали возможными благодаря процессу индустриализации строительства, который начался в конце 1940-х и продолжался до конца 1950-х годов.

Середина 1950-х годов ознаменовалась началом применения технологии крупноблочной кладки. Использование новой строительной техники привело к увеличению скорости строительства, повышению эффективности труда и снижению затрат [1]. Инженеры и строители города стали применять типовые проекты, перешли к комплексной застройке пустырей. На скорость и удешевление строительства также повлиял факт использования местного строительного материала – известняка Инкерманского и Альминского месторождений – для крупноблочного строительства. Благодаря этому произошло значительное снижение затрат на транспортировку.

Стоит отметить, что практика ускоренных темпов строительства не являлась абсолютной новизной для севастопольцев, поскольку первые попытки индустриализации жилищного строительства были предприняты на стройке по лице 4-й бастионной. О предпосылках и первых итогах применения этой технологии подробно написано в одной из более ранних публикаций [9]. Однако, несмотря на высокие темпы жилищного строительства, не всегда удовлетворительным было качество новых квартир.

Переход жилищного строительства на новый этап основывался на достойной производственной базе. Необходимость ее создания привела к принятию Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1954 года «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства», которое установило, что в жилищно-гражданском строительстве необходимо обязательно применять железобетонные конструкции [17]. Нововведения привели к тому, что в городе начала ускоренно развиваться собственная промышленная база. Впервые железобетонные части домов локального производства были собраны на полигоне на улице Гоголя [9]. Однако флагманским предприятием, специализирующимся на изготовлении железобетонных конструкций, являлся Севастопольский завод железобетонных изделий. Производство было организовано в 1957 году, посредством слияния полигона железобетонных изделий треста №38 в Инкермане и двух деревообделочных заводов в Севастополе. Предприятия, вошедшие в состав завода, стали именоваться цехами № 1, № 4, № 5. В частности, цех № 5, образованный на базе деревообделочного завода, занимался производством столярных изделий и пиломатериалов.

В 1957 году благодаря опыту поточного строительства на 4-й Бастионной и первым удачным результатам крупноблочного строительства в микрорайоне Горпищенко начали возводить шестидесяти- и восьмидесяти-квартирные дома со встроенными объектами социально-культурного назначения. Применение поточно-скоростного метода строительства позволило за короткий срок построить более 80 тысяч квадратных метров жилья. Проект учитывал проведение всех видов коммуникаций, благоустройство и озеленение района, прокладывание троллейбусной трассы и строительство нового троллейбусного депо.

Успешное внедрение новых методов строительства привело к тому, что в 1956 году объём возведенной жилплощади составил 38 тысяч квадратных метров, в 1957 году – 70,5 тысяч квадратных метров, а в 1958 году удалось достичь действительно значительного результата – 80 тысяч квадратных метров [4]. Такие темпы строительства стали возможными благодаря внедрению практики крупноблочного строительства и применению более экономичных типовых проектов жилых домов [12]. Помимо этого, происходило снижение денежных затрат, связанное с пересмотром городскими проектными организациями проектно-технической документации в 1958 году. Результатом этой работы стало снижение стоимости строительства одного квадратного метра жилья на 500 рублей по сравнению с 1955 годом [3]. Итоговая стоимость всех строительных работ в жилищно-гражданском секторе по сравнению с 1955 годом снизилась более чем на 20%, что позволило государству сэкономить более 20 млн. рублей [2].

Но, несмотря на растущие показатели, к решению проблемы жилищного дефицита к концу десятилетия власти города смогли лишь приблизиться. К 1960 году жилой фонд Севастополя составлял 1162,2 тысячи квадратных метров, и обеспеченность жильём в среднем на одного проживающего составляла 7,5 квадратных метров [18, с. 37]. Более того, к 1959 году население Севастополя начало стремительно расти после того, как город лишился статуса закрытого. С 1959 по 1961 год население города увеличилось на 18,5 тысяч человек, что привело к еще большему давлению на без того ограниченный жилой фонд. Такой стремительный рост численности населения привел к необходимости корректировки генерального плана, принятого ещё в 1949 году. Ведь он предусматривал 200 тысяч населения к 1970 году. Помимо этого, началось форсированное строительство нового жилья, которое было бы доступно для местных жителей и для новых переселенцев [14, с. 574].

Уже с 1959 года стала применяться тактика по застройке новых территорий. Во-первых, жилищное строительство велось на территориях, где были снесены более ранние строения. Плюсом стало то, что они уже были обеспечены инженерными коммуникациями, что облегчало задачу строителей. Во-вторых, открытие города в 1959 году также способствовало «расширению» территории для строительства новых жилых домов за счет освоения земель, ранее относившихся строго к военному ведомству [8]: Камышовая бухта, Стрелецкое шоссе и Куликово поле. Планировалось, что за счет такого расширения на каждого человека в среднем будет приходиться сначала 9 квадратных метров, а затем – 15 [5]. Наиболее экономически выгодным будет признана застройка этих территорий, а также всего города жилыми массивами четырех- и пятиэтажными зданиями.

Новую застройку предполагалось производить с учетом максимальной экономичности строительства. Достичь этого планировалось путем внедрения современных технологических процессов. Новые районы должны были строиться крупными комплексами жилых домов со встроенными объектами соцкультбыта и составлять часть отдельных микрорайонов площадью от 30 до 35 гектаров [6].

Значительная часть жилых и не только зданий в Севастополе была возведена военными строителями. Главный инженер «Севастопольвоенморстроя» С.И. Кангун писал: «От восстановления и строительства небольших кварталов и отдельных зданий мы перешли к застройке свободных территорий отдельными микрорайонами» [15, с. 54]. Так, военные строители при возведении комплекса жилых домов второго микрорайона на Куликовом поле применяли способ поточно-совмещенного строительства. Процесс строительства был разделен на три стадии: I – сооружение подземной части, II – надземной части, III – отделочные работы. «Шаг потока» был определен в 12 рабочих дней. Результатом стало сокращение срока строительства 80-квартирного жилого дома на 4 месяца и снижение итоговой стоимости строительства [13, с. 106].

Особенности технологий строительства 1950-х годов, а именно схематичность и однородность внешнего вида зданий, механическое повторение стандартных элементов и деталей, характерных для индустриального домостроения, должны были приводить к монотонности архитектуры как отдельных зданий, так и целых жилых массивов, однако севастопольские архитекторы стремились этого избежать. Главный архитектор Севастополя А.И. Баглей отмечал: «Севастопольскими архитекторами-градостроителями были созданы прекрасные, разнообразные городские ансамбли новых жилых районов и микрорайонов с различной планировочной структурой, зданиями разной протяженности и конфигурации, интересными архитектурными вставками между домами, индивидуальными пристройками для предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания, умелое размещение детских дошкольных учреждений и школ, одновременное со строительством озеленение и благоустройство – все это придавало новым застройкам города свою индивидуальность, разнообразие и привлекательность» [11, с. 148].

В этот период функциональные и экономические основы проектирования и строительства массового жилья были пересмотрены как в практическом, так и в теоретическом аспекте. В 1959-1965 годах намечалась тенденция к уменьшению минимального размера жилой площади квартиры, а следовательно, и к соответствующим сокращением площадей комнат. Минимальная площадь кухонь уменьшилась с 7 до 4,5 квадратных метров. Обустраивались совмещенные санузлы в однокомнатных квартирах, реализовывалась возможность прохода из общей комнаты в кухню и из спальни в ванную комнату и т. д. В частности, был снижен потолок в жилом помещении до 2,5 метров от пола и потолка, а также была предусмотрена совмещенная кровля [11, с. 146].

Однако к середине 1960-х годов архитекторы стали заниматься созданием новых типовых проектов, которые должны были, во-первых, повысить комфортность жилья, а во-вторых, создать более выразительные архитектурные образы массовой застройки. Задачей архитекторов было создание таких проектов, которые бы

учитывали характерные особенности южного климата, тем самым формируя интересные архитектурные образы [7].

Новые проекты включали в себя улучшенную планировку жилых помещений и введение дополнительных элементов: просторные лоджии, ликвидация проходных комнат и совмещенных санузлов в 2-х комнатных квартирах. «Севастопольская архитектура учитывала специфику юга, теплый климат, морской колорит. Почти все здания в период восстановления дополнялись лоджиями, балконами, украшались башнями, балюстрадами или ротондами на крышах» [10, с. 34–35].

Разработка нового генерального плана началась в 1961 году и завершилась в 1963 году его утверждением Советом Министров УССР. Новый генплан был рассчитан до 1980 года и предусматривал рост численности населения до 250 тысяч человек. Авторским коллективом под руководством архитектора К.В. Бутовой в 1963-1965 году была проведена корректировка генплана, который был принят 23 февраля 1965 года. Стали развиваться новые районы (табл.1)

Таблица 1.

Размещение жилищного строительства по районам города [16, с. 151]:

Стрелецкая бухта	138 тыс. кв. м.
Куликово поле	74 тыс. кв. м.
Корабельная сторона	10 тыс. кв. м.
Инкерман	11 тыс. кв. м.

Стоит отметить, что районы Стрелецкой и Камышовой бухт, которые располагаются в наилучших природных условиях вдоль моря, застраивались типовыми крупноблочными домами, а ограничения к их этажности привели к определенному однообразию и блеклости. Однако в последующих проектах архитекторы начали более внимательно относиться к местным естественным условиям. Главный архитектор проектов «КрымНИИпроект» В.П. Щербинина вспоминала: «В Камышовой бухте меня, шутя, называли «придворным архитектором». И, действительно, сколько труда вложено в проектирование микрорайонов, поднявшихся в этой выжженной солнцем степи. Приходилось по несколько раз вырисовывать каждый дом, каждую улицу, проектировать здания более сложной конфигурации» [9, с. 156]. Жилой фонд рос стремительными темпами (табл. 2).

Таблица 2

Рост жилого фонда Севастополя с 1960 по 1977 год [16, с. 158]

Жилой фонд				
Всего по городу:	1960	1965	1970	1977
- общей жилой площади	1763,6	2207,2	2842,0	3761,6
- жилой площади	1162,2	1457,4	1863,4	2429,6
В том числе:				
А) Обобщественного фонда:	1244,8	1646,4	2265,4	2947,6
- общей площади				
- жилой площади	823,4	1089,9	1485,3	2031,8
Б) Фонда, находящегося в личной собств. граждан:	518,8	560,8	576,6	614,0
- общей площади				
- жилой площади	338,8	367,5	378,1	397,8
Обеспеченность жильем в среднем на одного проживающего (кв. метр):	11,3	11,0	11,1	11,9
- общей площади				
- жилой площади	7,5	7,3	7,3	7,7

Из таблицы следует, что даже после завершения восстановительных работ в городе, строительные организации не прекращали строительство новых жилых массивов. Количество построенных жилых домов в городе росло с каждым годом, отражая возрастающую потребность населения в новом жилье.

Стоит также обозначить, что внедренные в этот период передовые методы труда поспособствовали существенному сокращению сроков монтажа жилых домов в дальнейшем. В период с 1966 по 1970 год в Севастополе было построено 242 многосекционных пятиэтажных жилых домов с общей площадью 447,3 тыс. кв. м. 15 тысяч севастопольских семей получили новые благоустроенные квартиры, почти столько же семей смогли улучшить свои жилищные условия за счет освободившегося жилья [19, с. 31].

Подводя итоги, можно заключить, что во второй половине 1950-х годов начался новый этап жилищного строительства в Севастополе: на стройках стали применять крупноблочное строительство. Одним из наиболее крупных и достаточно успешных проектов стало строительство новых жилых массивов на ул. Горпищенко. Однако, несмотря на очевидные плюсы новых технологий строительства, а именно экономичность, долговечность и возможность быстрого внедрения индустриальных методов, первый опыт массового крупноблочного жилищного строительства в Севастополе не обошелся без проблем и сложностей. Тем не менее, он стал важным этапом в развитии жилищного строительства в городе, позволив в некоторой степени снизить остроту проблемы жилищного дефицита. Были достигнуты впечатляющие успехи в строительстве, выразившиеся в постоянно растущем количестве жилой площади, возводимом в рекордно короткие сроки. Одной из главных предпосылок этого процесса стал рост населения города и нехватка жилья. В 1956 году население Севастополя превысило 200 тысяч человек, а жилищный фонд города был на 40% ниже необходимых норм. Это привело к необходимости нового подхода к строительству жилья для решения проблемы жилищного дефицита. В начале 1960-х годов также началось переосмысление генерального плана развития Севастополя 1949 года. Все это хоть и не позволило решить проблему нехватки квартир, однако появилась тенденция постепенного снижения остроты проблемы.

Источники и литература

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 307. Л. 23.
2. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 307. Л. 25.
3. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 307. Л. 27.
4. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 307. Л. 30.
5. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 311. Л. 105.
6. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 311. Л. 110.
7. АГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 311. Л. 112.
8. АГС. Ф. Р-308. Оп. 3. Д. 538. Л. 9.
9. Бражников В.М. Предпосылки и первый опыт массового крупноблочного жилищного строительства в Севастополе в конце 1950-х годов // Потемкинские чтения: сборник статей по материалам VI Всероссийской с международным участием научной конференции, Севастополь, 17–19 ноября 2022 года. Том 2. – Севастополь: СевГУ, 2022. С. 59–60.
10. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь: Таврия, 1983. 206 с.
11. Думи мої, думи мої, лихо мені з вами! воспоминания и размышления старого архитектора / Алексей Баглай. б. м.: [б. и.], 2008. 548 с.
12. За индустриальные, поточно-скоростные методы строительства домов // Слава Севастополя. 1957. 15 октября.
13. Инженерно-строительный комплекс Черноморского флота: Историческая хроника: В 2 т. Т. 1. Защитники и созидатели. Севастополь: Фрэнком, 2007. 289 с.
14. История Севастополя в трех томах. Том III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. 2-е изд. Севастополь: Альбатрос, 2021. 996 с.
15. Кангун С.И. Труд военных строителей. // Возрождение Севастополя: сборник / [составитель В. Г. Кузьмина; фото А. В. Баженова]. Симферополь: Таврия, 1982. С. 22–40.
16. Мы – севастопольстроевцы: страницы трудовой летописи: к 60-летию АО «Севастопольстрой» / главный редактор П. Я. Веселов. 2-е изд. Севастополь: Мир, 2006. 223 с.

17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1954 года «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов... С. 268–279.

18. Севастополь за 60 лет Советской власти. Сборник. / Гор. план. комис. Исполкома гор. Совета нар. депутатов. Гор. информ.-вычислит. центр госстатистики. Музей героич. обороны и освобождения Севастополя. Севастополь: [б. и.], 1977. 55 с.

19. Севастополь от съезда к съезду. Под ред. В.И. Пашкова. Севастополь: Типография Краснознамённой газеты «Флаг Родины», 1971. С. 31.

20. Севастополю 200 лет, 1783-1983: Сб. документов и материалов / Гл. арх. упр. при Совете Министров УССР и др. Киев: Наук. думка, 1983. 410 с.

СЕКЦИЯ «Военная история в Большом Средиземноморье»

УДК 94(477.75)“1829”

DOI 10.5281/zenodo.10001664

Абаев Е.А.*, Воробьев В.Е.**

БОЙ БРИГА «МЕРКУРИЙ» С ДВУМЯ ТУРЕЦКИМИ ЛИНЕЙНЫМИ КОРАБЛЯМИ 14(26) МАЯ 1829 ГОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖИВОПИСИ: АНАЛИЗ НЕТОЧНОСТЕЙ¹

*Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

**Севастопольское городское отделение Русского географического общества,
г. Севастополь

Аннотация. В статье, на основе документов из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота, изучен ход боя брига «Меркурий» с двумя турецкими линейными кораблями – «Селимие» и «Реал-бей». Проанализированы произведения живописи, посвященные этому событию. Установлено, что полностью достоверного изображения боя брига «Меркурий» на данный момент не существует. Каждый из художников, допускал как минимум одну историческую неточность. Выявлен собственноручно начерченный А.И. Казарским план сражения и его пояснения, данные художнику С.П. Шифляру для визуальной достоверной картины боя. Сделан вывод, что поминутное воссоздание картины сражения 14(26) мая 1829 года возможно, как в серии изображений, так и в движущейся 3D графике.

Ключевые слова: А.И. Казарский, бриг «Меркурий», Георгиевский флаг, «Селимие», «Реал-бей», подвиг, Николай I, А.С. Грейг, фрегат «Рафаил», С.М. Стройников.

Abstract. The article, based on documents from the funds of the Russian State Archive of the Navy, studies the course of the battle of the brig "Mercury" with two Turkish battleships - "Selimiye" and "Real Bay". Paintings dedicated to this event are analyzed. It has been established that a completely reliable image of the battle of the brig "Mercury" does not currently exist. Each of the artists made at least one historical inaccuracy. A hand-drawn drawing by A.I. was revealed. Kazarsky plan of the battle and its explanations given to the artist S.P. Shiflyar for a visually accurate picture of the battle. It is concluded that minute-by-minute reconstruction of the battle of May 14 (26), 1829 is possible both in a series of images and in moving 3D graphics.

Key words: A.I. Kazarsky, brig "Mercury", St. George's flag, "Selimie", "Real Bay", feat, Nicholas I, A.S. Greig, frigate "Raphael", S.M. Stroynikov.

История российского военно-морского флота парусной эпохи насчитывает множество побед: Гангутское, Чесменское, Наваринское, Синопское сражения. И далеко не за все из них экипажи военных кораблей удостоивались высшей награды российского военно-морского флота – Георгиевского ордена. Первым в истории эту награду заслужил экипаж 74-пушечного корабля «Азов» в Наваринском сражении [3, л. 1]. Второй и последний – 18(20)-пушечный² бриг «Меркурий» [6, л. 8]. 14(26) мая 1829 года командир брига Александр Иванович Казарский и его экипаж были вынуждены

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Русского географического общества «Потомству в пример» (договор № 04/2023И от 05.06.2023 г.).

² Бриг «Меркурий» был вооружен восемнадцатью стационарными 24-фунтовыми карронадами, расположенными на верхней палубе, и двумя переносными 3-фунтовыми пушками. Они устанавливались на корме в качестве ретирадных, но при необходимости могли быть перенесены и в носовую часть корабля.

вступить в бой с двумя турецкими линейными кораблями – 110-пушечным «Селимие» и 74-пушечным «Реал-беем». Грамотно оценивая свои силы, командир брига поставил все паруса на наилучший ход и взял курс фордевинд¹ помогая парусам веслами [1, л. 1об.]. Когда неприятельские корабли перебили ядрами весла с левой стороны, их пришлось убрать и добавить лисели² с правого борта для компенсации хода [1, л. 1об.].

Офицерский состав брига единогласно решил не сдавать корабль врагу, а в случае невозможности продолжать бой подорвать крюйт-камеру³, сцепившись с одним из кораблей неприятеля [4, л. 4]. Это решение, и самое главное приведение этого решения в действие, особенно впечатляет, поскольку за 3 дня до боя бригада «Меркурий» в похожей ситуации сдался экипаж 36-пушечного фрегата «Рафаил» под командованием Семена Михайловича Стройникова [2, л. 1об.]. Штурман оттоманского флота, находившийся на корабле «Реал-бей» записал в своем дневнике, что Стройников наблюдал за боем с верхней палубы и говорил туркам: «... капитан сего брига никогда не сдастся и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет свой бриг на воздух» [2, л. 2]. Согласно свидетельству этого же штурмана (чья запись была переведена на русский язык, в переводе доложена императору, а впоследствии опубликована) турецкие корабли имели в общей сложности 220 пушек [2, л. 2].

Экипаж «Меркурия», руководимый А.И. Казарским, умело маневрировал перед превосходящим в силе противником, вследствие чего успешно вывел из боя сначала трехдечный «Селимие» [4, л. 4об.], а затем и двухдечный «Реал-бей» [4, л. 5]. За этот подвиг командир брига получил орден Святого Георгия IV класса, был произведен в капитаны 2-го ранга и назначен флигель-адъютантом императора [6, л. 8]. Брига «Меркурий» была пожалована кормовой Георгиевский флаг и вымпел, а всем нижним чинам экипажа – знаки отличия Военного ордена Святого Георгия [6, л. 10].

После скоропостижной и для многих загадочной смерти А.И. Казарского тема его подвига была выведена на полтора десятилетия из публичного поля. Среди документов, хранящихся в РГАВМФ, авторам удалось найти дело, датируемое сентябрем 1834 г. «О рассмотрении в Главном Морском Штабе рукописи под заглавием: Отрывок из журнала, командовавшего бригам «Меркурий» в день сражения 14 мая 1829 г.» [5]. В деле рассматривается не опубликованный на сегодняшний день текст, который изначально был приписан А.И. Казарскому. Комиссия опровергла авторство Казарского (в первую очередь ввиду того, что он многократно упомянут автором в третьем лице). Незадолго до этого рассмотрения Николай I (через военного министра) повелел: «... чтоб о современных военных событиях помещаемы были в газетах лишь официальные реляции и чтоб военные начальства не делали гласными в публичных листах собственные свои письменные повествования и выражения на оные, просил о предписании цензуре все статьи о современных событиях позволять к печатанию не иначе, как по предварительном представлении к г. военному министру на рассмотрение» [5, л. 1–1об.]. Ввиду этого императорского повеления общественность, и художники в том числе, были лишены достаточного объема сведений о том, как проходил бой и как его доподлинно отобразить.

Картины, изображающие бой брига «Меркурий», особенно написанные при жизни его участников, являются визуальным источником. Поэтому крайне важно определить достоверность запечатленных на них событий.

Например, на картине Н.И. Красовского «Бой брига «Меркурий» с двумя турецкими линейными кораблями» 1867 года (рис. 1), бриг изображен в положении, которое в ходе сражения он никогда не занимал. «Меркурий» на обозначенной картине располагается непосредственно между турецкими линейными кораблями «Селимие» и «Реал-бей». Такое положение в реальном бою означало бы неминуемое поражение. Согласно свидетельству самого Казарского, турецкие корабли сами не стремились настолько сблизиться с бригам: «Селимие» и «Реал-бей» для действия по «Меркурию» всем бортом должны были уклоняться от курса и потому не находились постоянно в одинаковом положении, а чтобы удержать свои места, прибавляли или

¹ Курс, при котором ветер направлен в корму корабля.

² Дополнительные паруса, не составляющие постоянной парусности судов, которые ставят в помощь прямым парусам для увеличения их площади при попутных ветрах.

³ Пороховой склад на военном корабле.

убавляли нижние паруса, смотря по надобности и всегда соблюдали расстояние от «Меркурия» не ближе пистолетного и не дальше картечного выстрела» [1, л. 1об.-2]. Помимо этого, турецкий корабль, который находится по левому борту от «Меркурия», расположен к бригу кормой, что тоже является фактической ошибкой. Рапорт Казарского адмиралу А.С. Грейгу свидетельствует, что все три корабля держали курс фордевинд [7, л. 2]. Соответственно, турецкий корабль не мог находиться в положении левентик¹. Еще одна неточность, изображенная на картине Н.И. Красовского, связана с тем, что художник недостоверно отобразил местонахождение «Селимие» и «Реал-бея» относительно «Меркурия», поменяв их местами. Трехдечный 110-пушечный «Селимие» должен находиться по правому борту от «Меркурия», а двухдечный 74-пушечный «Реал-бей» – по левому [1, л. 4]. Согласно объяснению Казарского, «Меркурий» в самом начале боя поставил «все лисели с левой стороны» [1, л. 1об.], а после того, как корабли неприятеля повредили несколько весел по левому борту, и командир был вынужден отдать приказ убрать весла в ростры, то «прибавили лисели с правой стороны» [1, л. 1об.]. На картине не изображено ни наличие весел, ни поднятых лиселей по обоим бортам. Согласно сведениям, предоставленным А.И. Казарским, на турецких линейных кораблях были также подняты лисели по левому борту [1, л. 1-1об.]. Сведений о поднятии лиселей по правому борту неприятельских кораблей командир брига не приводит, поэтому остается полагать, что турки не их задействовали.

Практически идентичное изображение можно увидеть на картине М.С. Ткаченко «Бой брига «Меркурий» с турецкими кораблями 14 мая 1829 года» 1907 года (рис. 2). На картине мы видим 110-пушечный «Селимие», обращенный левентик, и зеркальное, относительно действительности, расположение турецких кораблей по отношению к «Меркурию» [1, л. 4]. Лисели и весла на «Меркурии» и на обоих турецких кораблях, как и на предыдущей картине, отсутствуют. Ткаченко изобразил «Меркурий» прямо перед носом одного из турецких кораблей, что, согласно Казарскому, действительно могло быть [1, л. 2].

Всемирно известный российский художник-маринист Иван Константинович Айвазовский написал две картины, связанные с боем брига «Меркурий». Первую из них – «Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими кораблями встречается с русской эскадрой» (рис. 3), вышедшую из-под его кисти в 1848 году, Айвазовский пожертвовал 1-му штурманскому полуэкипажу в 1851 году [8, л. 1]. Поскольку на ней бриг изображен после боя, один в открытом море, с угадывающейся на горизонте русской эскадрой, то мы не можем говорить о недостоверности этой картины.

В 1892 году И.К. Айвазовский написал вторую картину – «Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями» (рис. 4). Она имеет одну весомую историческую неточность схожую с той, которая была у Н.И. Красовского – это расположение брига между турецкими кораблями. Однако, в отличие от Красовского, И.К. Айвазовский верно отобразил положение «Селимие» и «Реал-бея» относительно «Меркурия» [1, л. 4]. Ввиду расположения брига на картине правым бортом, невозможно достоверно определить, подняты ли у «Меркурия» лисели по левому борту. Однако, учитывая отсутствие весел и лиселей по правому борту, мы можем назвать этот факт исторической неточностью. Что касается турецких кораблей, то увидеть отсутствие лиселей по левому борту невозможно, как у «Реал-бея», так и у «Селимие» [1, л. 1-1об.].

Следующая картина написана В.В. Косовым в 2017–2021 годах. Она называется «Бриг «Меркурий». Бой» (рис. 5). Изображенный момент, судя по выкинутым веслам [1, л. 1об.] и угадывающимся лиселям по левому борту «Меркурия», относится к началу боя брига с турецкими кораблями. Эта картина тоже не лишена неточностей. Мы не видим развернутых лиселей по левому борту турецких кораблей [1, л. 1об.]. Положение «Селимие» и «Реал-бея» относительно «Меркурия» неточно [1, л. 4]. Свидетельств о возникновении пожара на турецких кораблях исторические источники не содержат, в отличие от возгораний на «Меркурии», о которых докладывал Николаю I адмирал А.С. Грейг [4, л. 4об.].

¹ Положение, когда ветер направлен прямо в нос корабля. Парусное судно идти против лобового ветра не может.

Картина А.В. Горбунова «Бриг «Меркурий»» (рис. 6), написанная в 2008 году, запечатлела момент, когда экипажу брига удалось вывести из боя 110-пушечный «Селимие». Однако положение этого корабля изображено недостоверно. Согласно рапорту А.И. Казарского, после выхода из боя «Селимие» взял левый галс и, после залпа по «Меркурию», лег в дрейф [1, л. 3]. Исходя из этого, трехдечный корабль должен быть обращен к нам правым бортом, а не носом. Помимо этого, у поврежденного в бою «Меркурия» убраны лисели по обоим бортам. Лисели также убраны на обоих турецких кораблях.

Следующее изображение – карандашный рисунок К.Ю. Ретунского 2013 года «Казарский» (рис. 7). Ракурс, с которого зрителю раскрывается сражение, не позволяет судить о положении парусов и весел на «Меркурии». Но мы можем наблюдать отсутствие на обоих турецких кораблях развернутых по левому борту лиселей. Еще одной исторической неточностью этого рисунка является расположение кораблей относительно брига, они располагались, наоборот.

Одной из наиболее достоверных картин, посвященных бою брига «Меркурий», можно назвать работу севастопольского журналиста, военного историка и художника-мариниста А.Н. Лубянова «Бой брига «Меркурий» с турецкими линейными кораблями «Селимие» и «Реал-бей» 1996 года (рис. 8). На картине корабли достоверно расположены относительно друг друга, подняты лисели на всех трех кораблях, в соответствии со свидетельством Казарского [1, л. 1–1об.]. Поскольку А.И. Казарский дает сведения о поднятых лиселях у неприятеля только на начало боя, нельзя с уверенностью сказать, что турки их не использовали по ходу сражения [1, л. 1–1об.]. Единственная неточность картины заключается в том, что у «Меркурия» выкинуты весла и подняты лисели по обоим бортам. Хотя, по словам Казарского, лисели по правому борту «Меркурия» подняли только тогда, когда убрали весла в ростры [1, л. 1об.].

Тенденция к большей достоверности визуализации боя в картинах XX – начала XXI века, по сравнению с работами второй половины XIX века, наблюдается. Но ни один из упомянутых выше художников не имел возможности лично расспросить А.И. Казарского о ходе боя. И может возникнуть ощущение, что при жизни командира «Меркурия» не было написано ни одной картины на этот сюжет. Однако это не так. В период, когда А.И. Казарский, уже в качестве флигель-адъютанта императора, в 1832 – первой половине 1833 года выполнял инспекторские поручения в портах Черного моря, на Черноморский флот прибыл для участия в его Босфорской экспедиции 1832–1833 гг. известный в то время художник-иллюстратор, специализировавшийся на военной тематике – Самуил Петрович Шифляр (1786–1840). Видимо, там он создал (или привез с собой из Петербурга) картину (первую из написанных на этот сюжет) – «Бой брига «Меркурий»» (рис. 9).

А.И. Казарский видел ее и дал автору в письменном виде подробные комментарии к изображенному на картине. Встречались ли они лично, неизвестно. Архивное дело с этими комментариями и собственноручным рисунком Казарского хранится в Российской государственной библиотеке [1]. В частности, Казарский писал: «На картине Г. Шифлера¹ за кормою брига подвешен ялик; но во время действия его уже не было, ибо он отрублен и брошен пред сражением, для удобства отстреливаться ретирадными пушками» [1, л. 7об.]. Ялик, прикрепленный к корме «Меркурия», был прорублен, и с секретными бумагами и сигнальными книгами брошен за борт [9, с. 3–4]. Помимо замечаний, отмеченных А.И. Казарским, можно добавить то, что на трехдечном «Селимие» не изображены поднятые лисели по левому борту.

Сопоставление произведений живописи с описанием боя, данным А.И. Казарским в рапорте, его же собственноручным рисунком, на котором схематически показаны все стадии битвы, а также пояснениями и замечаниями, которые он дал С.П. Шифляру, позволяет заключить следующее.

1. А.И. Казарский собственноручно написал «Объяснение плана сражения, происходившего 1829-го года мая 14-го дня между бригам «Меркурий», бывшим под командою капитан-лейтенанта Казарского, и двумя турецкими кораблями, с присокупленными сведениями для картины» [1, л. 1].

¹ Так в тексте источника.

2. В этом документе бывший командир «Меркурия» в десяти эпизодах описал ход трехчасового сражения (рис. 10).

3. В полной мере достоверного визуального изображения боя брига «Меркурий» с двумя турецкими кораблями на данный момент не существует. Основываясь на этих сведениях, представляется возможным воссоздать подробный ход сражения и даже сгенерировать 3D модель боя.

Источники и литература

1. Объяснение плана сражения, происходившего 1829-го года мая 14-го дня между Бригом Меркурием, бывшим под командою капитан лейтенанта Казарского и двумя турецкими кораблями с присовокуплением сведений, требуемых для картины - записка Александра Ивановича Казарского писарская заверенная копия (рукопись). // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008093773/.

2. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 8, Оп. 3, Ед. Хр.358.

3. РГАВМФ. Ф. 19, Оп. 1-1, Ед. Хр.102.

4. РГАВМФ. Ф. 158, Оп. 2, Ед. Хр.223.

5. РГАВМФ. Ф. 205, Оп. 1, Ед. Хр. 1748

6. РГАВМФ. Ф. 205, Оп. 1, Ед. Хр.96.

7. РГАВМФ. Ф. 243, Оп. 1-1, Ед. Хр.2137.

8. РГАВМФ. Ф. 402, Оп. 1, Ед. Хр.1532.

9. Спиридонов Ф. Воспоминание о подвиге брига «Меркурий» 14 мая 1829 года. (общий очерк от памяти). Николаев: тип. М.В. Ромина, 1879. 9 с.

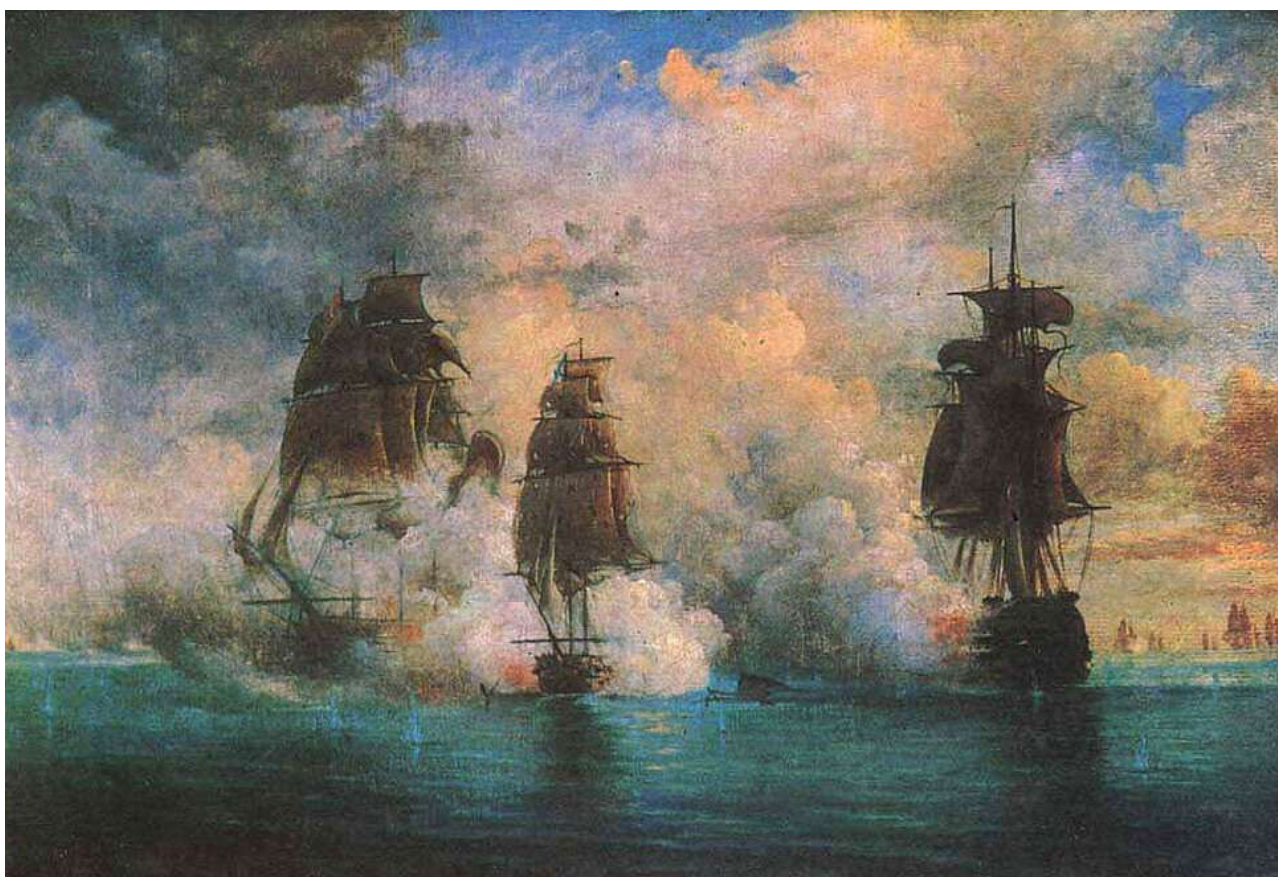

Рис. 1. «Бой брига «Меркурий» с двумя турецкими линейными кораблями». Н.И.Красовский. 1867 г.

Рис. 2. «Бой брига «Меркурий» с турецкими кораблями 14 мая 1829 года». М.С. Ткаченко. 1907 г.

Рис. 3. «Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими кораблями встречается с русской эскадрой». И.К. Айвазовский. 1848 г.

Рис. 4. «Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями». И.К. Айвазовский. 1892 г.

Рис. 5. «Бриг «Меркурий». Бой». В.В. Косов. 2017–2021 гг.

Рис. 6. «Бриг “Меркурий”». А.В. Горбунов. 2008 г.

Рис. 7. «Казарский». К.Ю. Ретунский. 2008 г.

Рис. 8. «Бой брига «Меркурий» с турецкими линейными кораблями «Селимие» и «Реал-бей» А.Н. Лубянов. 1996 г.

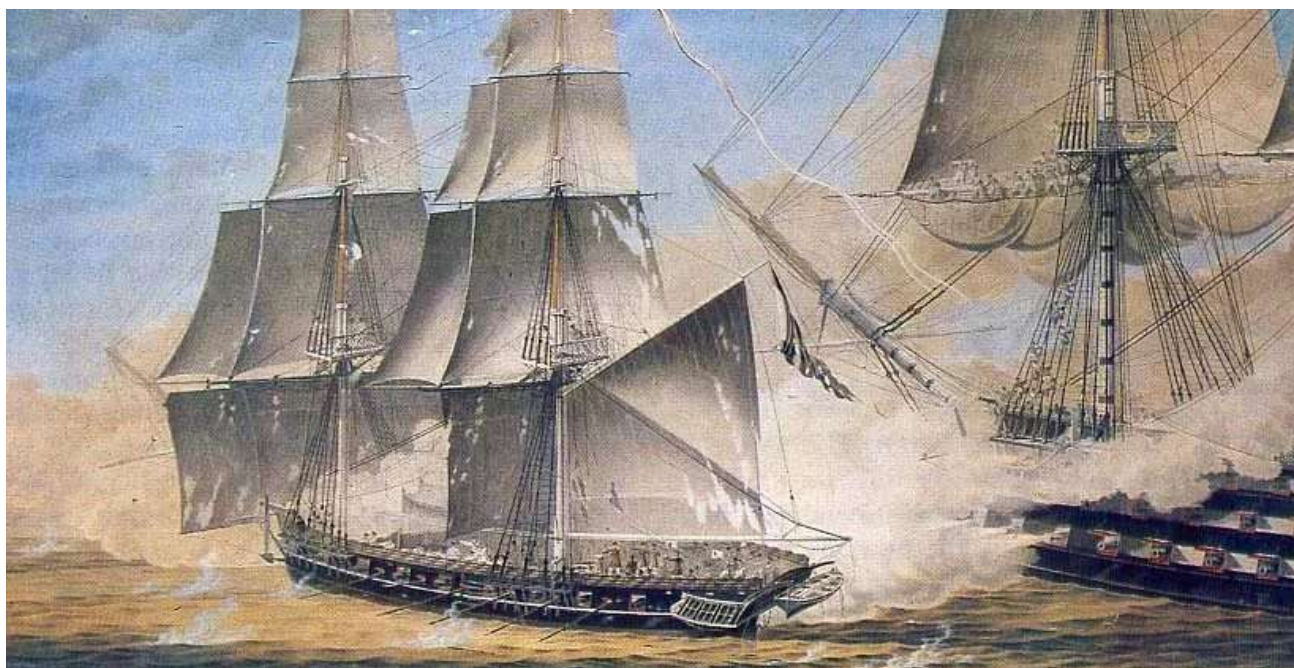

Рис. 9. «Бой брига «Меркурий»». С.П. Шифляр. 1832 – начало 1833 г.

Рис. 10. Схема боя брига «Меркурий» с двумя турецкими кораблями.
Автограф А.И. Казарского. 1833 г. [1, л. 4].

Вакулова Т.В.

ИТОГИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучена необходимость анализа итогов Крымской войны 1854–1855 годов для России. Анализируются итоги противостояния европейской и православно-славянской цивилизаций. Обосновывается возможность оценивать результаты войн исходя из позиций цивилизационного подхода в истории.

Ключевые слова: война, цивилизационный подход, цивилизация.

Abstract. The necessity of analyzing the results of the Crimean War of 1854–1855 for Russia is considered in the article. The results of the confrontation between the European and Orthodox-Slavic civilizations are analyzed. The possibility of evaluating the results of wars based on the positions of the civilizational approach in history is substantiated.

Key words: war, civilizational approach, civilization.

Рассматривая итоги Крымской войны, необходимо назвать и причины войны, их часто связывают с «восточным вопросом». Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Главным тут был вопрос о гегемонии в Европе, а не об османских владениях, которые естественно представляли огромный интерес для европейских государств. Нарушение государственных и международных договоров, было для европейских политиков нормой. Так государственный переворот во Франции в декабре 1851 года, привел к власти племянника Наполеона – Луи-Наполеона, который провозгласил себя императором Наполеоном III. На глазах у всей Европы были нарушены не только законы Франции, но и международный договор, по которому запрещалось занимать французский престол представителям семьи Наполеона [1, с. 342]. В отличие от всех европейских правителей, которые закрывали глаза на нарушение международного договора, только император России Николай I, соблюдая соглашение, не признавал самозванца императором.

Пруссия так же, ещё в 1850 году предприняла попытку утвердить свою гегемонию. Агрессивные действия Пруссии, шли вразрез с решениями Венского конгресса 1814–1815 годов, который стал итогом войн коалиций европейских государств с наполеоновской Францией. А ведь в этом конгрессе принимали участие 216 представителей европейской элиты. Гегемония в Европе, как цель Пруссии привела к острому сопротивлению Австрии, которая, естественно, не хотела уступать свое лидерство в германских делах.

Ольмюцкое решение не вызвало противодействия со стороны Запада, оно было поддержано европейскими политиками. Согласно Ольмюцкому соглашению подписанному при содействии России, Пруссия должна отказаться от действий по созданию союза немецких государств, и ликвидации территориально-политической раздробленности Германии, закрепленной Венским конгрессом.

Отметим так же, что до 1853 г. во взаимодействие между европейскими государствами и Россией, российская дипломатия лидировала. Об этом, в парламентском выступлении, говорил английский министр Кларендон. Он считал, что в то время Россия обладала не только «подавляющей военной силой», но и дипломатией,

отличающейся «несравненной ловкостью». После венгерской кампании и после Ольмюца могущество России во главе с Николаем I было очевидным для стремящихся к гегемонии европейских государств. В 1851 г. барон Штокмар, друг принца Альберта и английской королевы Виктории в связи с этим писал: «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона занял русский император, и что, по крайней мере в течение нескольких лет, он, с иными намерениями и иными средствами, будет диктовать законы континенту».

С таким положением дел Европа не хотела мириться, поэтому развязала новую войну. Лорд Г.Д. Пальмерстон приветствовал государственный переворот Наполеона III, наверняка его расчет заключался в том, что он увидел в Наполеоне III орудие антирусской политики Англии [5, с. 127–128]. Поэтому стремление западной цивилизации контролировать и противостоять России стало причиной Крымской войны. Наполеон III понимал, что его власть не является легитимной, и поэтому в 1852 году в Европе формируется антироссийская коалиция. Для того чтобы европейцы не обсуждали государственный переворот во Франции, использовали религиозную ситуацию. В то время на территории Османской империи православные и католики совершали паломничество к Святым местам. Россия покровительствовала православным паломникам, а Франция, католикам. Нелегитимный Наполеон III заявляет о преимуществах католиков по сравнению с православными. Его цель была под религиозным предлогом пойти на конфликт с Россией и начать войну. События этой войны происходили в Крыму.

Об итогах этой войны идут споры до сих пор. Часть исследователей считают, что Россия проиграла Крымскую войну, потому что была одна против объединенной Европы. Англия и Франция объединились против России, так как боялись после поражения в 1812–1814 годах французской армии Наполеона, повторить свою ошибку. Второй причиной называют сохранение крепостного права, которое якобы ограничивало развитие промышленности. Третьей причиной считают якобы слабую армию России, которая не имела новейшего вооружения и уступала западным странам. Считают, что русские войска были более уязвимы, сомкнутый строй русской армии был рассчитан на штыковую атаку, а у французов действовал принцип «нарезные штуцера», когда строй егерей «врассыпную» атаковал русские войска. Важно отметить, что в России уже знали нарезное оружие (штуцеры), но по количеству оно действительно сильно уступало европейцам. Но также важно, что в этих условиях Россия воевала одна против пяти государств на трех фронтах, в Крыму, на Дунае, на Кавказе. Кавказскую кампанию Россия выиграла, турки потерпели поражение. Одной из причин поражения считаются политические просчеты России. Царь Николай I надеялся, что Англия будет его союзником, так же верил в поддержку Пруссии, где правителем был брат его жены, однако Фридрих Вильгельм король Пруссии предательски сохранил враждебный нейтралитет. При этом, важно отметить, что инициатором мирных переговоров выступила именно Франция, но не Россия.

Применение цивилизационного подхода для анализа итогов войны служит основой для переосмысления существующих взглядов на итоги войны. Уже с началом Крымской войны мессианские настроения приобретают более сильное значение, усилились патриотические настроения. Крымскую войну рассматривали как надежду на реализацию «русской идеи» - сохранение и распространение православия, война рассматривалась как средство выполнения «вековой задачи русской истории», которая признавалась оправданной и законной [3, с. 52].

Сегодня опровергается миф о поражении России, потому что она была отсталым государством. Россия всегда сохраняла свою мощь, начиная с Петра I и до Николая II Россия вела десять войн с турками, а Крымская война была уже восьмой

по счёту. Отсталое государство вести столько войн не может! Во-вторых, союзниками Османской империи выступали Британская империя и Франция. Кроме этих врагов, России противостояли империя Габсбургов и королевство Пруссия. Это вынуждал русское командование держать очень крупные войска на западных границах вместо того, чтобы перебросить их под Севастополь. Очевидной является идея, высказанная исследователем С.Г. Киселёвым о том, что западная цивилизация в Крымской войне сталкивает Россию и исламскую цивилизацию [2, с. 222].

Говорить о поражении мы не можем, так как цель, которую преследовала православная Россия, сохранение статуса Святых мест – была ею достигнута. Исследователь М. Якушев пишет: «статус-кво Святых мест был сохранен кровью русских солдат - в результате бескомпромиссной позиции России в деле защиты преимущественных прав Иерусалимской Православной Церкви в Палестине в соответствии с положением дел, существующим со времен Византийской империи» [6]. Кроме этого, Парижский мирный договор от 30 марта 1856 года подтвердил факт того, что этот договор, явил победу русской дипломатии. Кавказскую кампанию Россия выиграла, что позволило сохранить крепость Севастополь, в обмен на крепость Карс. Лишившаяся Черноморского флота Россия все же добилась запрета на пребывание в Черном море всех других военных кораблей не только Турции, но и других стран. Российская империя сохранила свою целостность и суверенитет.

14 июля царь Александр II учреждает в Таврической губернии, как свидетельство победы духа над материальным злом, Космо-Дамиановский монастырь на чудотворном источнике. Учреждение монастыря – форма ознаменования финала для войны, которую современники называли «битвой за ясли Господни». Севастополь стал оплотом православной цивилизации в Крымской войне, именно Севастополь дал миру пример героической жизни и смерти. Севастополь современники называли «новой Троей».

Западная коалиция государств, превосходящая по силе Россию, не смогла изменить геополитическое пространство Евразии. Благодаря цивилизационной теории видно, что в Крымской войне огромную роль играла именно религиозная, духовная составляющая, связанная со статусом Святых мест в Палестине, которую России удалось отстоять. Россия, с позиций цивилизационной теории, не проиграла Крымскую войну, потому что её цель по сохранению своих прав к Святым местам в Палестине была выполнена. Статус-кво преимущественных прав Иерусалимской Православной Церкви, был сохранен и закреплен международным многосторонним договором. Россия выполнила свои задачи и выстояла в противостоянии с Европой, не допустила своего расчленения, в целом сохранила свои территориальные пределы, и геополитическую ситуацию в мире.

Источники и литература

1. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный Союз от Венского до Берлинского конгресса. 1814–1878. Том 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 508 с.
2. Вакулова Т.В. Конфликт цивилизаций как проблема русской философии XIX–XX веков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). №3, 2008. С. 249–260.
3. Елавич Б. Россия и осложнения на Балканах. 1806–1914. Кембридж, 1991.
4. Киселёв С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Издательство «Известия», 2002. 368 с.
5. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху севастопольской войны. СПб., 1887.
6. Крымскую войну начал Ватикан // URL.: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20059/104> (дата обращения: 30.08.2023).

Река А.А.

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ГЕРМАНИИ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. В статье изучено военное взаимодействие СССР и Германии периода Веймарской республики. В работах, ранее освещавших данную проблему, не уделялось внимания сложностям, возникавшим при организации военных контактов. Выявлены основные проблемы, оказавшие наиболее существенное влияние на характер взаимодействия двух государств в военной сфере.

Ключевые слова: Германия, СССР, военное сотрудничество, межвоенный период, секретные немецкие школы.

Abstract. The article examines the military interaction between the USSR and Germany during the Weimar Republic. The works that previously covered this problem did not pay attention to the difficulties that arose in organizing military contacts. The main problems that had the most significant impact on the nature of interaction between the two states in the military sphere have been identified.

Key words: Germany, USSR, military cooperation, interwar period, secret German schools.

История советско-германских отношений в 1920-е – начале 1930-х гг. является наиболее сложным и интенсивным периодом контактов обеих стран. Последствия мировой войны сказались на Веймарской республике и Советской России наиболее значительно. Руководство обоих государств столкнулось с внешнеполитической изоляцией, выходом из которой стало активное сотрудничество в различных сферах, в том числе и военной. В современный период Германия до самого последнего времени была одним из основных экономических партнеров нашей страны. Значительны также культурные и политические связи, в 2020–2021 гг. реализовывался двухсторонний проект «Год Германии» в РФ, в 2020–2022 гг. германо-российский «Год экономики и устойчивого развития». В связи с этим изучение опыта советско-германских контактов 1920-х – 1930-х гг. представляется полезным с точки зрения разрешения кризисных и конфликтных ситуаций в настоящее время, которое отмечено ростом напряженности в отношениях между РФ и странами Запада.

Секретное военное сотрудничество СССР и Германии привлекло внимание российских историков после начала рассекречивания советских архивов в 1990-е годы. В эти годы появились первые работы по военному сотрудничеству. Наиболее известен сборник Ю.Л. Дьякова и Т.Ф. Бушуевой с резонансным названием «Фашистский меч ковался в СССР». Позже стали выходить монографические работы с опорой на архивные источники, наиболее значительной является вышедшая в 2001 г. работа С.А. Горлова «Москва–Берлин: совершенно секретно. 1920–1933», которая должна была решить проблему военного сотрудничества СССР и Веймарской республики, но поставленные цели не были полностью решены. В работе А.Б. Шикорада много внимания уделяется изучению отдельных вопросов. Среди зарубежных авторов одна из наиболее значительных работ принадлежит немецкому историку М. Цайдлеру и английскому Д. Ерриксону, хотя в работе последнего больше внимания уделяется собственно становлению и развитию Красной Армии. Кратко затрагивается тема военного сотрудничест-

ва у немецкого историка Г.А. Винклера и российского историка С.С. Хромова. Некоторые особенности характера отношений раскрываются в мемуарах посла Г. фон Дирксена и работника немецкого посольства в Москве Г. Хильгера. Наиболее значительной работой стало многотомное издание архивных документов «Москва-Берлин... Т. 1: 1920–1926» и «Москва-Берлин... Т. 2: 1927–1932». Интерес представляет публикация архивной дипломатической переписки немецкого *Amts* и советского МИДа, но в них лишь незначительно представлена интересующая тема. Общими усилиями зарубежных и отечественных ученых военное взаимодействие СССР и Германии 1920-х – начала 1930-х годов хорошо изучено. Однако применение к опубликованным архивным материалам, мемуарам и научным работам проблемно-хронологического метода дает возможность посмотреть на эту тему под новым углом зрения и раскрыть существенные причины исследуемых явлений.

Планы сотрудничества в военной сфере после подписания Рапалльского договора 1922 года были достаточно амбициозны, и участвовавшие стороны не до конца осознавали реальные возможности своего партнера. Немецкое военное командование решило использовать предполагаемый военно-промышленный потенциал СССР против Польши. Уже в конце 1922 г. командующий сухопутными войсками рейхсвера генерал фон Сект в своем меморандуме заявил агрессивные положения против Польши и Франции, а также стремление восстановить германо-российскую границу в рамках 1914 года, что отвечало, по его мнению, стремлениям двух стран [1, р. 203]. Генерал фон Сект решительно приступил к исполнению своих планов. Вскоре советское посольство запросило из Москвы прислать в Берлин военного представителя уровня Фрунзе, Тухачевского или Лебедева [9, р. 225]. Для более подробных переговоров на высшем военном уровне и конкретизации форм военного сотрудничества.

К началу февраля 1923 г., во время оккупации франко-бельгийскими войсками Рурской области Германии, в Берлине состоялось заседание специальной советско-германской военной комиссии. Советская сторона предложила развернуть армию в 4 млн. человек, но для этого нам нужно было дополнительное снабжение, а также подготовить нашу промышленность к будущей мобилизации [5, р. 110]. Значительную часть снабжения Красной армии и военной промышленности предполагалось переложить на Германию, инициатора совместной военной кампании. Но немецкие военные круги такими возможностями не обладали, а Советская Россия оказалась не готовой вести масштабные военные действия. Поэтому, осознав масштаб практических трудностей уже в процессе планирования агрессии, немецкое командование вынуждено было отказаться от военного решения. Кризис с оккупацией Рурской области был разрешен политическими и дипломатическими методами.

Попытки организации немцами совместной военной промышленности в СССР натолкнулись на различные управленческие и технические сложности. Созданная в 1922 г. совместная компания по производству самолетов Юнкерс в подмосковных Филях, столкнулась с организационными трудностями. В ее деятельность активно вмешивались военные, в начале 1924 года Юнкерсу было приказано сотрудничать с BMW в производстве авиадвигателей в Филях [12, р. 162]. Из-за этого у компании начался производственный кризис. Компания лишилась советских заказов, а после прекращения ее финансирования рейхсвером, закрылась в 1925 г. Неудача с организацией производства самолетов Юнкерс немецкими специалистами вызвала критику советских военных и политических руководителей на самом высоком уровне.

Большие организационные проблемы возникли и у другого военно-промышленного предприятия. Совместная советско-германская компания по производству отравляющих газов «Bersol» действительно приступила к работам, но из-за сбоев технических процессов проект, в конечном итоге, был заброшен [12, р. 158]. Завод «Берсоль» проинспектировала комиссия ВСНХ, возложив ответственность на немецкую сторону. В ее отчете указывалось, что немцы, строящие завод, задались целью вести

работу, чтобы ничего законченного не дать [6, р. 51]. В докладе К.Е. Ворошилову начальник IV управления штаба РККА Я.К. Берзин отметил, что договор о совместной постройке ипритного завода пришлось в 1927 г. расторгнуть, потому что фирма «Штольценберг», которой рейхсвер перепоручил техническое исполнение, фактически обманула и рейхсвер, и нас [10, р. 43]. Как и в случае с заводом Юнкерс, советская сторона целиком обвиняла в провале предприятия германских представителей. Но видимо здесь сказались сложности с организацией в расстроенном хозяйстве послереволюционной Советской России. СССР не мог предоставить достаточные и качественные материальные ресурсы и не обладал компетентными специалистами. Сказывалось вмешательство в управление со стороны военных. Немецкие промышленники вследствие этого не могли создать самодостаточные предприятия. Таким образом, совместные военные производства были вскоре окончательно ликвидированы.

Самый успешный проект совместных военных школ по перспективным направлениям, секретно размещавшихся на территории СССР, страдал от проблем с доверием у партнеров. В ходе официального визита в СССР 5 сентября 1929 г. начальника штаба рейхсвера генерала фон Хаммерштайна-Экворда К.Е. Ворошилов жаловался, что авиасредства школы устарели и неинтересны для нас. Германские фирмы имеют более современные самолеты [2, р. 215]. Хаммерштайн обещал расширить исследовательскую работу и увеличить в Липецкой авиашколе количество техники. Но реальных подвижек в этом направлении не наблюдалось. В ходе визита в СССР нового начальника штаба рейхсвера генерала В. Адама в ноябре 1931 г. Ворошилов вновь жаловался на отсутствие в Липецке более современной техники. Адам же, сославшись на ограниченность финансовых средств, признал справедливость упреков. На ту же тему разговаривал с Адамом 10 ноября 1931 г. и М.Н. Тухачевский [2, р. 217]. Аналогичное положение с отсутствием поставок новой техники сложилось и в немецкой танковой школе под Казанью. Немецкое руководство фактически перестало развивать учебные проекты в СССР, не собиралось передавать и знакомить партнера со своими новейшими разработками.

Кризис доверия базировался на одной из важнейших проблем, тормозящих развитие взаимодействия во многих сферах сотрудничества двух стран, а именно политической составляющей. Сотрудничество рейхсвера и РККА не могло остаться в тайне от других государств. К тому же германское руководство активно использовало предполагаемое сотрудничество в дипломатии для давления на страны Антанты. 3 и 6 декабря 1926 года «Манчестер Гардиан» подробно остановился на фактах доставления кораблями боеприпасов, упомянул фабрику Юнкерса и химический завод по производству отравляющих газов [12, р. 250]. Вскоре материалы «Гардиан» были перепечатаны ведущими газетами других стран. В Германии статью опубликовала главная газета правящей партии СДПГ «Форвартс». Публикацией этой статьи СДПГ преследовала две цели. Во-первых, социал-демократы хотели указать рейхсверу его место и не давать союзным державам повода для недоверия в отношении Германии. Во-вторых, она была направлена против коммунистов [1, р. 387]. Советская разведка расценила публикацию разоблачений в немецкой прессе как намеренное действие германского правительства против СССР. ОГПУ поддержал в своей записке в Политбюро заместитель председателя Реввоенсовета И.С. Уншлихт. Указав, что шумиха поднята не без ведома германского МИД, и последний будет стараться перенести вопрос на нас, подчеркивая нашу подготовку к войне [5, р. 9]. Советское руководство не стало немедленно прерывать военные отношения, но подозрительность усилилась.

После публикаций военные круги Германии были поставлены под плотный контроль правительства и парламента. На секретном заседании комиссии рейхстага военный министр О. Гесслер рассказал всю историю поставки из СССР амуниции для частей рейхсвера [6, р. 15]. Советская сторона информировалась о возникших осложнениях. Полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому было представлено немецкое

видение проблемы: Гесслер обязан говорить комиссии парламента правду. Никакого поворота политики нет, а есть лишь ликвидация конспиративных отношений, как следствие вступления в Лигу наций [6, р. 25]. Также немецкая сторона передала информацию о содержании выступления Гесслера в рейхстаге.

Дальнейшие расследования в рейхстаге вызвали в советском руководстве активную реакцию. И.С. Уншлихт представил И.В. Сталину записку с проектом последующих изменений в сотрудничестве с рейхсвером. Предлагалось признать опыт совместной работы с рейхсвером по организации военной промышленности неудачным. Дальнейшая совместная работа должна идти по линии использования тактического и оперативного опыта немцев и важнейших технических новшеств. Отказаться как от организации совместных с рейхсвером военно-промышленных предприятий, так и от военных школ [6, р. 9]. Политбюро частично пошло на удовлетворение этих планов. Уншлихт уведомил Сталина в письме об ограничении военного сотрудничества с немцами только легальными формами.

На основании этого проводится ряд мероприятий по ликвидации всех секретных совместных предприятий с рейхсвером [6, р. 36]. Советские власти приступили к инспекции и ликвидации совместных военно-промышленных предприятий путем их национализации. Однако созданные учебные заведения не были ликвидированы. К.Е. Ворошилов признался В. Бломбергу, что по вопросу о строительстве немецких школ в Липецке и Казани в советском правительстве мнения разделились [12, р. 258]. После относительного урегулирования этих внешнеполитических проблем, совместные школы получили новый импульс к развитию. Взаимодействие в области организации военных производств стало вестись по-новому, с каждой отдельной немецкой фирмой. Однако правительственные ведомства Германии контролировали, чтобы СССР не получил новейшие технологии, которые разрабатывались для рейхсвера. Советские представители обратились к фирме Круппа по поводу соглашения, о производстве высококачественных сталей для вооружения. Весной 1929 года такое соглашение было в значительной степени разработано [12, р. 269]. Однако более широкомасштабному сотрудничеству фирмы Круппа с СССР воспрепятствовало немецкое политическое руководство. На совещании представителей рейхсвера и правительства по поводу сотрудничества с СССР было установлено, что оружие и другие военные машины, если они были заказаны немецким правительством для рейхсвера, а также вывоз чертежей таких конструкции запрещен [11, р. 237]. Таким образом, правительство Германии препятствовало прямой передаче уже имевшихся наработок в военно-технической сфере. Но позволило проводить новые исследования посредством организации конструкторских бюро в СССР, результаты которых проявились бы не скоро.

В заключительный период военного сотрудничества на его ухудшение стала значительно влиять идеологическая составляющая. Так посол Н.Н. Крестинский описал наркому НКВД Г.В. Чичерину предостережения немецких военных. Рейхсвер опасается, как бы в связи с приездом бывшего солдата рейхсвера коминтерновца М. Гельца в СССР ему не была устроена официальная встреча с участием Красной армии. Такая встреча вызвала неприятные настроения в германских военных и политических кругах в связи с пожалованием Гельцу нашего государственного ордена [6, р. 210]. Рейхсканцлер Г. Штресеман на очередной встрече с Чичериным указал на сложности с советской идеологией и указал, что делом интересуется главным образом президент П. Гинденбург [4, р. 531]. Однако советская сторона проигнорировала предупреждения, и в конце 1927 г. Гельцу было устроено официальный прием, с награждением орденом Красного Знамени. Что произвело на немецкое военное и политическое руководство негативное впечатление [3, р. 98].

Примечательно, что до награждения Гельца, немецкие военные не озвучивали идеологических проблем советской стороне. Несмотря на явное участие советских деятелей во внутренней политике Германии, от поддержки коммунистической партии

Германии до попытки проведения революционного переворота в 1923 г. В результате такой политики руководства Политбюро ЦК ВКП(б) немецкие руководящие круги пришли к решению ориентироваться на сближение со странами Антанты [7, р. 374]. Впрочем, полноценного сближения не получилось. В ходе поездки в 1929 г. по территории СССР В. фон Бломберг обозначил в официальных заявлениях трудности, с которыми сталкивается немецкое правительство в результате деятельности Коминтерна [12, р. 266]. Подобные инциденты ширились, и НКВД всеми силами старался их предупредить или разрешить. Нарастание проблем на идеологической почве начало усиливаться с ростом влияния нацистских организаций в Германии в начале 30-х.

После установления в Германии национал-социалистического режима, идеологические разногласия стали основной проблемой. В первой половине мая 1933 г. в Москву прибыла группа германских офицеров во главе с генералом А. фон Бокельбергом на совещание с руководством штаба Красной армии. Фон Бокельберг покинул страну, но не успел доехать до Берлина, как Красная армия вдруг потребовала, чтобы рейхсвер ликвидировал все свои предприятия в России. Вскоре после этого находившиеся в Германии командиры Красной армии бесцеремонно прекратили посещать все дальнейшие занятия в Германской военной академии [8, р. 189]. На этом военное сотрудничество Веймарской республики и СССР было прекращено, равно, как прекратил свое существование республиканский режим в Германии.

Советско-германские военные отношения после заключения Рапальского договора развивались по различным направлениям. От попыток комплексного широкомасштабного взаимодействия в военно-промышленной сфере и стратегических военных целей до создания военных школ и конструкторских бюро. На изменение основных направлений взаимодействий оказывали влияние в разное время самые разнообразные трудности. Так, на первоначальном этапе 1922–1925 гг., это были у обеих сторон по большей части организационные сложности. После чего было решено отказаться от создания совместных предприятий в СССР. В 1926–1927 гг. основным препятствием стали политические затруднения. Преодолев их, по большей части отказались от секретного сотрудничества и сосредоточились на военных школах. В заключительном периоде 1927–1933 гг., преобладающим фактором осложнений стала идеологическая составляющая. В итоге идеологические проблемы привели к разрыву всего комплекса контактов в военной сфере.

Источники и литература

1. Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е. Земсковой, А. Савина. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
2. Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР–Германия). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 349 с.
3. Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Дирксен фон Г.; пер. с англ. Н.Ю. Лихачевой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 445 с.
4. Документы внешней политики СССР / Министерство иностранных дел СССР; д-р экономических наук А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, Т. 10: 1 января – 31 декабря 1927 г. 1965. 687 с.
5. Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сборник документов в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. Т. 1: 1920–1926. 1030 с.
6. Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сборник документов в 3 т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. Т. 2: 1927–1932. 754 с.
7. Река А.А. Влияние «германского октября» на внутрипартийное положение в РКП(б) и советско-германские отношения // «Мой выбор – наука!»: сб. материалов VI региональной молодежной конференции, XLVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 370–375.
8. Хильгер Г. Россия и Германия. Союзники или враги / Г. Хильгер, А. Мейер; пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 416 с.
9. Хромов С.С. По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 384 с.

10. Широкоград А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества. М.: Вече, 2007. 394 с.
11. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945; aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Serie B: 1925–1933. Bd.: Band XIII. 3. September bis 31. Dezember 1929. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979. 540 s.
12. Erickson J. The Soviet High Command: A Military-Political History 1918–1941. 3. ed. London: Frank Cass, 2006. 928 p.

Николаева В.Е.

**ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ № 25923 КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОДВИГА ТРЕХ
УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 ГГ.**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Статья посвящена изучению истории ордена Красной Звезды № 25923, который хранится в фондах Музея Черноморского флота. Выявлено, что в разное время награда находилась у трех активных участников обороны Севастополя 1941–1942 гг.

Ключевые слова: орден Красной Звезды, оборона Севастополя 1941–1942 гг., музейные фонды, воспоминания, наградные документы, Музей Черноморского флота, Музей «35-я береговая батарея».

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the Order of the Red Star No. 25923, which is kept in the funds of the Museum of the Black Sea Fleet. It was revealed that at different times the award was in the possession of three active participants in the defense of Sevastopol in 1941–1942.

Key words: Order of the Red Star, defense of Sevastopol 1941–1942, museum funds, memories, award documents, Museum of the Black Sea Fleet, Museum "35th Coastal Battery".

Государственные награды и наградные документы позволяют существенно расширить наши знания об исторических событиях, являясь важным историческим источником. Особое значение они имеют при изучении событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Миллионы воинов Красной Армии за свои подвиги были отмечены орденами и медалями, на каждого составлялся наградной лист, имя награжденного вносилось в приказы о награждении. Изучение наград и документов позволяет не только выяснить обстоятельства совершения подвига, но и проследить боевой путь награжденного; в наградных листах, как правило, приводится достаточно подробная биографическая справка, которая существенно помогает в воссоздании жизненного пути воинов.

В полной мере это относится к событиям обороны Севастополя 1941–1942 гг. Как известно, сотни воинов Севастопольского оборонительного района и жителей осажденного города были отмечены государственными наградами. Часть из них была награждена за участие в обороне Одессы, но большинство – за бои по отражению первого и второго штурма города. Как следует из анализа приказов о награждении. Значительная масса награждений приходится на январь–апрель 1942 г., время относительного затишья на севастопольском участке советско-германского фронта.

Во время третьего штурма Севастополя июня–июля 1942 г., после которого город был оставлен, большое число награжденных воинов СОРа погибли или попали в плен. Каждый орден или медали, сохранившиеся до настоящего времени, имеют огромную историческую ценность, являясь не только символом воинского подвига, но и немым свидетелем трагических событий июня–июля 1942 г.

Одна из таких наград – орден Красной Звезды № 25923 – хранится в фондах Музея Черноморского флота – филиале ФГБУ «Центральный военно-морской музей» МО РФ в г. Севастополе. Внешне орден представляет пятиконечную звезду, покрытую

рубиново-красной эмалью. При этом, эмаль на нижнем луче имеет характерный скол. В середине ордена – щит с изображением фигуры красноармейца, по ободу щита надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «СССР». В нижней части знака – серп и молот.

Известно, что данный орден был передан в музей участником обороны Севастополя 1941-1942 гг. Владимиром Ивановичем Потаповым (1920-1996). В.И. Потапов уроженец с. Ново-Марьевка, Ставропольского края, Ворошиловградского р-на. Призван в ряды КА Краснодарским РВК. Краснофлотец, номерной, комендор на 10 ББ; 30 ББ; 35 ББ. Числился пропавшим без вести с 03.07.1942 г., остался жив. Был на оккупированной территории с 03.07.1942 г. по 31.10.1943 г. в Зуйском р-не (Крым). С 31.10.1943 г. по 04.1944 г. участвовал в партизанском движении Крыма. Проходил службу в 387 СД ПА. Награждён медалью «За отвагу» (1942).

Во время работы с фондами Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя "35-я Береговая Батарея", были изучены воспоминания В. И. Потапова, записанные им собственноручно уже после войны. Рукопись была передана музею "35-я Береговая Батарея" его сыном. Являясь непосредственным участником последних боев в районе батареи, Владимир Иванович Потапов описывает события 9 июня 1942 г., в которых фигурирует и орден Красной Звезды: «9-го июля 1942 г. на 35-й береговой батарее бойцы, оставленные по заданию командования с целью подрыва батареи, вели очередной бой с немецко-фашистскими оккупантами. Обозлённые немцы, потеряв надежду взять защитников батареи живыми, решили применить дымовые шашки и удушить находящихся в батарее бойцов. Шашки были зажжены в машинном отделении главного входа батареи. Дым стал распространяться в левый командный пост, где находились все защитники. На батарее была дана команда: «Газовая тревога». Ст. л-т Градун – нач. спецчасти 1-го Арт. Дивизиона главной базы ЧФ – дал мне приказ найти место, где просачивался дым и ликвидировать очаг опасности.

Бросившись в потерну и пройдя несколько метров, я столкнулся с людьми, бежавшими мне навстречу, и остановлен шофёром Наташей Величко. Она крикнула: «Там не пройдёшь, газы», – и отдала свой противогаз (единственный на всю батарею). В противогазе я забрался по трапу наверх к главному входу потерны и с трудом задраил люк, т.к. он был повреждён и никак не закрывался. Обессиленный, я тут же упал и лежал какое-то время. Придя в себя, я спустился опять в потерну и увидел такую картину: большинство находившихся там лежали без сознания, угорев от дыма. Найдя двух бойцов, которые были в состоянии двигаться (Бахметьев и Чёрный), мы стали порохомыми пеналами доставать из батарейного колодца остатки воды и приводить в сознание людей. Так, переходя от одного к другому, мы поднимали всех. Тогда ст. л-т Градун, выстроив личный состав, а также находившихся там гражданских лиц, объявил мне благодарность за спасение защитников батареи. А ст. л-т. армейской службы Буянов, сняв со своей груди орден «Красная звезда», прикрепил его мне и сказал: «Эта звезда спасла мне жизнь – видишь, один из её концов сплюснен пулей, – пусть же и тебе она сохранит жизнь за то, что ты сегодня спас жизнь своим товарищам».

Таким образом, выяснилось, что орден В.И. Потапову был передан старшим лейтенантом Михаилом Ивановичем Буяновым, командиром роты 782-го стрелкового полка 388-й стрелковой дивизии, в качестве импровизированной награды.

Биографические данные М.И. Буянова известны из интервью его сына, которое также хранится в фондах Музея «35-я ББ»: «Михаил Иванович родился 28 апреля 1921 года, до войны учился в Похвистневском интернате и окончил 10 классов в Мало-Толкайском педучилище. Началась война, и его направили в Читинское пехотное училище, где он окончил ускоренные курсы, а затем в военное училище в Тбилиси (сохранилось фото). Участвовал в обороне Севастополя. Воевал в полковой разведке».

В последние дни обороны Севастополя именно он после гибели начальника штаба 109-й стрелковой дивизии подполковника С. А. Комарницкого возглавил одну из

групп последних защитников Херсонеса. Дальнейшая судьба М.И. Буянова прослеживается по воспоминаниям начальника МПВО Корабельного района Севастополя Василия Аркадьевича Лубянова. Используя их, исследователь И.С. Маносин восстановил последние бои группы Буянова [1]: «Руководство группой принял на себя старший лейтенант Буянов. Ежедневно уходившие на разведку люди не возвращались. 8-го июля из посланной группы вернулся матрос Миша. Он сказал, что в районе Камышовой немцы и к мысу Фиолент их тоже много, особенно в бывшем Георгиевском монастыре. Можно пробраться в сторону городка 35-й батареи, так как нет сплошной охраны, они сидят по 5–6 человек группами.

9 июля около 7 часов утра снова появились немецкие катера. Оставив по 2 человека у каждого вентиляционного воздухозаборника, Буянов всем приказал укрыться в складе боеприпасов, а броневую дверь закрыть. Немцы опять поставили пожарные лестницы. Их снова забросали гранатами, и они отошли на катера, которые минут 30–40 вели огонь из пушек и пулеметов и потом ходили вблизи батареи целый день. 10 июля, когда было спокойно, члены партии решили, что укрываться бессмысленно. Надо пробиваться в горы. Было решено идти двумя группами. Одна в сторону маяка, вторая в сторону Фиолента. Днем 10 июля заготовили побольше вареного риса и оставили его тяжелораненым. ... Группа старшего лейтенанта Буянова шла в сторону Фиолента и наскочила на немецкую заставу. Попытались прорваться с боем, но потеряли трех человек, а сам он был ранен в руки. Нас поместили в лагерь в винограднике на Рудольфовой горе, где уже было около 5–6 тысяч наших пленных».

Таким образом, 10 июля 1942 года М.И. Буянов попал в плен, содержался в лагере для военнопленных офицеров Шталаг VII А Моосбург. После освобождения американцами, попал в лагерь на Дальний Восток, где занимался ремонтом техники. Освобожден в 1948 году. Впоследствии был реабилитирован и восстановлен в звании. Со слов внучки Михаила Буянова, Екатерины «после реабилитации остался служить в лагере помощником начальника лагеря, т.е. домой вернулся не сразу. Когда вернулся домой познакомился с Козаревой Валентиной Ивановной. В 1951 году они поженились. Работал Михаил Иванович главным инженером в Техснабе треста «Кинель-нефть». В семье родилось двое детей, сын 1953 года и дочь 1955 года. Умер после тяжелой продолжительной болезни 1978 году.».

Проверка наградных документов и номера ордена позволило определить, что орден Красной Звезды принадлежал еще одному участнику обороны Севастополя. Им был лейтенант Прокофий Александрович Васильченко, командир взвода 793-го батальона связи 345-й стрелковой дивизии (последняя должность – зам. командира роты 1163 СП – см. учетную карту [2]). О нем известно немного: родился в 1906 г. в Слободе Соколова, Курской обл. В ряды Красной Армии был призван в 1941 году. Участвовал в формировании 345-й стрелковой дивизии 1-го формирования в сентябре-октябре 1941 года в Северо-Осетинской и Дагестанской АССР (Северо-Кавказский ВО). 23-24.12.1941 года, находясь в списочном составе 345-й стрелковой дивизии, был переброшен из Туапсе в Севастополь и с этого момента участвовал в обороне города в районе Инкермана и Мекензиевых гор вплоть до лета 1942 года.

Свой подвиг, за который был награжден орденом Красной Звезды, П.А. Васильченко совершил в декабре 1941 г. В наградном листе он сформулирован следующим образом [3]: «Будучи начальником направления связи 1163 СП под артиллерийским и минометным огнем с 24 по 31.12.41 года обеспечивал бесперебойную связь полка с дивизией. Разрушенные линии связи восстанавливались в течении нескольких минут, что обеспечивало четкое оперативное управление боем и артогнем со стороны штаба дивизии. Личное оперативное руководство восстановлением под огнем разрушенных линий связи и проявленное мужество дает основание для представления товарища Васильченко к награде орденом «Красная Звезда».

По данным, содержащихся в ЦАМО, Прокофий Васильченко пропал без вести в июне 1942 года (точная дата и обстоятельства неизвестны).

Что связывало командира роты 782 СП 388 СД Приморской армии Михаила Буянова и комвзвода 1163 СП 345 СД старшего лейтенанта Прокофия Васильченко? Об этом можно только порассуждать, анализируя Журналы боевых действий войск СКФ за соответствующие периоды, по которым можно увидеть, что пути двух героев-защитников Севастополя достаточно часто пересекались. Возможно, они были знакомы. Однако, доподлинно выяснить при каких обстоятельствах орден «Красная звезда», принадлежащий Прокофию Васильченко, попал к Михаилу Буянову, скорее всего уже невозможно.

Одно можно сказать точно – история ордена «Красная Звезда» (№25923), незримой нитью объединила истории трех героев - защитников города Севастополя.

Источники и литература

1. Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя / И.С. Маношин. – М.: Вече, 2009. С. 208-209.

2. Сведения о личном составе. Васильченко Прокофий Александрович. Сведения о личном составе // Информационная система «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer7667395/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DВасильченко%26first_name%3DПрокофий%26middle_name%3DAлександрович%26date_birth_from%3D1906%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrad_doc%3Anagrad_uchet_kartoteka%3Anagrad_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения: 18.09.2023)

3. Документы о награждении. Васильченко Прокофий Александрович. Орден Красной Звезды // Информационная система «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie7930076/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DВасильченко%26first_name%3DПрокофий%26middle_name%3DAлександрович%26date_birth_from%3D1906%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrad_doc%3Anagrad_uchet_kartoteka%3Anagrad_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1& (дата обращения: 18.09.2023)

Рац А.Г.

**РАЗРУШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ, КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ И
КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В ПЕРИОД
ВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотреть злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками в отношении промышленных, культурных объектов и коммунального хозяйства различных районов города Севастополя. Для формирования источниковой базы публикации были привлечены материалы Государственного Архива Республики Крым, Государственного Архива Российской Федерации, находящиеся в открытом доступе, а также протоколы допросов очевидцев описываемых событий и информационно-справочные документы.

Ключевые слова: оккупация, немецко-фашистские захватчики, Севастополь, уничтоженные, разрушение, предприятия, культурные объекты.

Abstract. The purpose of this article is to consider the atrocities committed by the Nazi invaders against industrial, cultural facilities and public utilities in various districts of the city of Sevastopol. The materials of the State Archive of the Republic of Crimea, the State Archive of the Russian Federation, which are in the public domain, as well as protocols of interrogations of eyewitnesses of the described events and information and reference documents were used as the source base of the study.

Key words: occupation, Nazi invaders, Sevastopol, destroyed, destruction, enterprises, cultural objects.

Немецко-фашистские захватчики за время оккупации запомнились не только многочисленными кровавыми расправами и зверствами, которые учинялись над мирными жителями, но и разрушением города русской славы – Севастополя, который они превращали с каждым днём в безликие руины. Помимо выгодного военно-стратегического расположения, город привлекал захватчиков своей развитой дорожной сетью, инфраструктурой и системой коммунального хозяйства.

Анализ материалов Симферопольской и Севастопольской комиссий свидетельствует о том, что все культурные, общественные и исторические здания Севастополя были разрушены и разграблены. Такие рабочие районы, как Северная сторона, слободка Папанина, Корабельная сторона оказались среди наиболее пострадавших, так как на их территории были почти полностью уничтожены заводы, фабрики и предприятия, а их уцелевшее оборудование вывезено в Германию.

В Центральном районе города были разрушены 14 школ, в которых обучалось до 10 тыс. человек, поликлиника, больница, 2 детских дома, центральная аптека, историческое здание панорамы Первой обороны Севастополя, собор и церковь, железнодорожный клуб и клуб на Рудольфовой горе, городская библиотека и библиотека на Рудольфовой горе, 2 бани, все промышленные предприятия района: макаронная фабрика, мыловаренный завод, колбасная фабрика, 5 артелей, производивших предметы широкого потребления, хлебопекарня и хлебозавод, железнодорожный узел, холодильник, авторемонтные мастерские и городской гараж [4, с. 302].

Из протокола допроса Волкова Ивана Андреевича, заведующего производственным отделом Горуправы в период оккупации известно, что виновниками разрушения жилых домов в Севастополе были начальник ремстройконторы Менченков и главный инженер города Перефелетов. Немецкое командование объявляло в каком-либо районе запретную зону, с последующим выселением всех жителей из квартир. После чего Менченков и Перефелетов силами рабочих ремконторы снимали все деревянные конструкции, которые потом использовались для военных нужд, а зимой для отопления [7, с. 82].

Таким образом, Северная сторона за исключением нескольких зданий, практически полностью была превращена в руины и объявлена запретной зоной. Жилые дома, магазины, предприятия и различные учреждения уничтожены пожарами, воздушными налётами и взрывами. Улицы заросли травой и кустарниками, а последние оставшиеся в живых люди были изгнаны из собственного жилья [1, с. 298].

Кроме того, были разрушены сооружения Торгового и Военного порта, причалы, плавучие и паровые краны, склады, а служебные помещения портов превращены в развалины [2, л. 34]. Здания штаба флота, штаба Береговой обороны, подплава, особого отдела, Севастопольского военно-морского училища береговой обороны ВМФ имени АКСМУ, 2-го военно-морского училища – будущего Черноморского высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова и др. полностью уничтожены. Тем не менее, некоторые корпуса учебного отряда и флотского экипажа могли быть использованы после небольшого ремонта.

До некоторой степени сохранились следующие крупные здания: водная станция «Динамо», санаторий им. А.Е. Щербака, здание Горкома ВКП(б), типография газеты «Красный Черноморец», отдельные корпуса на улице Пирогова, жилой дом на улице им. Ленина № 83, сохранилась школа № 28 на Петровой слободке, в которой у немцев размещался лагерь военнопленных.

Из числа наиболее крупных уничтоженных и/или разграбленных предприятий можно выделить следующие: завод им. Серго Орджоникидзе, мастерские Связьмортреста, Электромортреста, трикотажная и швейная фабрики, несколько заводов по производству продуктов питания, зернохранилища, 11 промысловых артелей. Так, например, все производственные предприятия артели «Молот», за исключением частично сохранившегося, но нуждающегося в капитальном ремонте литейного цеха, были разрушены. Артель «Химик», занимающаяся в послевоенное время производством спирта, также сохранилась лишь частично. Сильно пострадало производственное помещение артели «Красный швейник», однако, работу предприятия удалось быстро восстановить, и в 1944 году в артели работали уже две пошивочные мастерские [5, с. 306–307]. Кроме того, были практически полностью разгромлены совхозы им. Софьи Перовской, № 10 и № 14.

Как итог, ущерб, нанесённый промышленности города, оценивался в 674 995 000 рублей [3, л. 35].

Систематически немецкие оккупанты уничтожали культурные объекты и ценности, исторические памятники Севастополя. Большое количество учебных заведений, существовавших до войны, также были варварски разрушены. Вместе с тем было сожжено множество культурно-бытовых объектов. Среди которых историческое здание Дома военно-морского флота (вместе с находившимися в нём художественными экспонатами), Морская библиотека, театр им. Луначарского, музей Севастопольской обороны 1854–1855 гг., Владимирский собор на Центральном холме, храм Святых Апостолов Петра и Павла и Греческая церковь Трёх Святителей на ул. Артиллерийской (современное положение – ул. Щербака, 12) [2, л. 28–28 об.].

Немцы также разрушили все исторические монументы: бронзовый памятник В.И. Ленину с одноименной центральной площади города демонтировали и увезли в Германию; памятник В.А. Корнилову был также демонтирован и увезен. Владимирский

собор на Центральном холме был разрушен немецкой авиацией в 1941–1942 гг. Историческое здание панорамы Первой севастопольской обороны также сильно пострадало (потолок и стены разбиты). Из протокола допроса П.А. Лунева (во время оккупации работал линейным рабочим на почте) известно, что в конце 1942 г. на железнодорожном вокзале, где немцы складывали металл для дальнейшей транспортировки в Германию, лежал и бронзовый памятник адмиралу В.А. Корнилову. До оккупации памятник находился на Малаховом кургане [8, с. 94].

Исторические кладбища – английское и французское – были совершенно разорены. Вандалы подрывали динамитными шашками памятники на местах захоронений офицеров и солдат. Башня Херсонесского маяка и Башня часов (Минная) также взорваны оккупантами [3, л. 37.].

На основании показаний свидетелей из числа граждан, переживших оккупацию, Симферопольская городская комиссия установила, что разрушениями и грабежом культурных объектов в Севастополе руководил ортскомендат полковник Ганш.

Отдельно следует сказать об ущербе, нанесенном музее Херсонес Таврический. Севастопольской комиссией было установлено, что «Комплекс археологических памятников, относящихся к древнегреческой, римской и византийской эпохам уничтожены и растащены...», подорван собор святого Владимира, находившийся на территории музея. Известно, что расхищениями и разрушениями музея руководили командир 123-й пехотной дивизии Вермахта фон-Вивкан, адъютант граф Ламсдорф, капитан Вейскопф, обер-лейтенант Фохт и полковник Кольб.

Тем не менее, музей продолжал работать. После эвакуации его фондов единственным сотрудником в период оккупации оставался главный музейный хранитель А.К. Тахтай, работавший «с немцами, но не для них, а для Херсонеса». Ему удалось спасти от отправки в Германию важнейшие экспонаты античного отдела. С разрешения оккупантов в центральной части Севастополя были вновь открыты Покровский собор и мечеть, действовала кладбищенская церковь Всех Святых.

Руководство разрушениями коммунального хозяйства было возложено на доктора Бергера. На основании его приказов немцы уничтожили трамвайное хозяйство, также ничего не осталось от благоустроенных улиц, площадей и набережной города [3, л. 38]. Фашисты также разрушали электростанции, высоковольтные сети, а часть электрооборудования вывезли в Германию [6, с. 277]. Так, немецкими захватчиками были фактически уничтожены Северная и Инкерманская (ГРЭС) электростанции. Разрушениями и грабежом энергохозяйственных предприятий города непосредственно руководили старший фельдфебель Линке-Хеле и Ф. Бушбаум [3, л. 35].

На заводе шампанских вин сохранились тоннели с междуэтажными перекрытиями и 300 тысяч бутылок вина [5, с. 306]. Сравнительно незначительно были разрушены телефонная и Килен-пристани, шпальти Сухарной балки и Инкерманских складов, взорванные немцами перед отступлением. Почти все портовые сооружения и берега Южной и Северной бухты были заминированы.

Сильно пострадала железнодорожная инфраструктура города: транспортный узел был полностью разрушен, взорван Камышловский мост, завалены четыре тоннеля, по линии железнодорожных путей сняты шпалы, водопровод и водоканал уничтожены.

С 1942 по 1943 гг. немцы ежедневно систематически вытаскивали подземные свинцовые телефонные кабели, рубили их на части, а затем во дворе дома по ул. 27 ноября переплавляли провода в свинцовую болванку, после чего автомашинами перевозили на железнодорожный вокзал, грузили в вагоны и отправляли в Германию. При помощи такого способа немцы изъяли почти всю наземную кабельную сеть. Бригады, которые этим занимались, состояли из военнопленных, а также гражданских лиц, направляемых с немецкой биржи труда. Такие же бригады снимали в городе медные трамвайные провода, свозили их к зданию почты, рубили на куски длинной

около метра, паковали в связки и машинами перевозили на железнодорожный вокзал, грузили в вагоны и тоже отправляли в Германию [8, с. 90–91].

Городской хлебозавод был восстановлен немцами. При штурме города Красной армией завод был занят в полной исправности, поэтому с первых дней стал работать для нужд советских солдат. Второй и третий этажи центрального почтамта пострадали в результате прямого попадания авиабомбы. Помещения предприятий Горкомбината были полностью разрушены [5, с. 306].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период оккупации Севастополя немцы систематически занимались грабежом материальных и культурно-исторических ценностей города, ликвидацией его коммунальной и промышленной инфраструктуры. Соответствующие мероприятия оккупационной администрации на территории города были ярким примером реализации нацистской политики по экономической эксплуатации и разграблению захваченных советских территорий.

Источники и литература

1. Акт о зверствах и разрушениях немецко-фашистских захватчиков в Северном районе города Севастополя // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь: Библекс, 2004. С. 296–298.
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 33. Л. 28–28 об. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/akt-komissii-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-v-severnom-rayone-g-sevastopolya-krymskoy>
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 45. Л. 21–40. Подлинник. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/akt-simferopolskoy-gorodskoy-komissii-chgk-o-zlodeyaniyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-i-ikh-0>
4. Из акта о зверствах и разрушениях, учиненных немецко-фашистскими оккупантами в Центральном районе г. Севастополя за период оккупации // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). – Севастополь: Библекс, 2004. С. 300–302.
5. Из докладной записки секретаря Севастопольского горкома ВКП(б) по промышленности в обком партии «О первых шагах восстановления разрушенного хозяйства города» // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь: Библекс, 2004. С. 304–307.
6. Командующему войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» 16 июля 1942 г. // Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь: Библекс, 2004. С. 258–260.
7. Протокол допроса Волкова Ивана Андреевича // Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / Арх. ГУ СБУ в Автоном. Респ. Крым; Сост. А.В. Валякин. Симферополь: Изд-во «Доля», 2010. С. 78–83.
8. Протокол допроса к делу Лунева Павла Андреевича // Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Крымский выпуск. Т. 2 / Арх. ГУ СБУ в Автоном. Респ. Крым; Сост. А.В. Валякин. Симферополь: Изд-во «Доля», 2010. С. 89–95.

Баранцев Д.М.

ЖИЗНЬ В ОККУПИРОВАННОМ НЕМЦАМИ СЕВАСТОПОЛЕ НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучены воспоминания очевидцев оккупации – жителей города-героя Севастополя. На их основе излагаются события, происходившие в городе. Показано отчаянное сопротивление советских граждан оккупационному режиму нацистов, а также преступления, совершённые немецкими и румынскими карателями.

Ключевые слова: воспоминания, оккупация, город-герой, очевидцы, Севастополь, исторический источник, преступления, каратели, оккупационный режим.

Abstract. The article examines the memories of eyewitnesses of the occupation - residents of the hero city of Sevastopol. Based on them, the events that took place in the city are described. The desperate resistance of Soviet citizens to the Nazi occupation regime is shown, as well as the crimes committed by German and Romanian punitive forces.

Key words: memories, occupation, hero-city, eyewitnesses, Sevastopol, historical source, crimes, punishers, occupation regime.

Период немецкой оккупации Севастополя является ярким доказательством кровавых преступлений нацистской Германии и её сателлита Румынии. Эти события твёрдо отпечатались в умах советских граждан, жителей Севастополя и Крыма. Память о них до сих пор жива, а в научном сообществе поднимается всё большее количество дискуссий и вопросов. По данному периоду существует множество источников – это периодическая печать, фотографии, документы, приказы, оперативные сводки, политические донесения, которые достаточно объективно отражают исторические события. Ещё один немаловажный исторический источник в исследовании подобной тематики – воспоминания, которые позволяют историку рассмотреть исторические события изнутри, разглядеть исторические процессы с другого ракурса, найти детали, которые не могут дать другие источники.

Жизнь в Севастополе в 1942–1944 гг. под немецким оккупационным режимом не останавливалась. Жители города каждый день боролись за себя и своих детей, а некоторые вступили в подпольное движение и уже там продолжали сопротивление. Поэтому для историка-исследователя, изучающего жизнь оккупированного города, наиболее важны воспоминания очевидцев. Этот вид источников позволяет, главным образом, сделать акцент на отражении событий в сознании участников, их взгляде на происходящее.

Стоит упомянуть, что используемые в работе воспоминания относятся к периоду 1958–2006 гг. Подобные исторические источники часто бывают субъективными, так как очевидец – участник событий может частично забыть, упустить некоторые детали. Но в рамках темы статьи они являются объективными источниками. Так же важным фактом становится время издания источника. Источники, изданные после распада СССР, создавались при меньшей подверженности цензуре и переработке.

В статье рассматриваются воспоминания жителей оккупированного Севастополя Карябиной Лидии Васильевны, опубликованные в 2006 г., Соловьёвой Людмилы Юрьевны (13 мая 2005 г.), Е. П. Бараненко (2004 г.).

Одна из самых ужасных черт войны – это преступления против детства. Участницей кровавых событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. оказалась маленькая девочка – жительница оккупированного Севастополя, Соловьева Людмила Юрьевна. Людмила родилась 23 июня 1936 г. в довоенном морском городе Севастополе. Война застала девочку и её семью ночью 22 июня 1941 г., когда немецкая авиация начала бомбардировку Севастополя, тогда же мать и вывела семью на улицу. Соловьева Люда слышала взрывы и крики людей, а о начале войны узнала позже из передачи по радио. Дом, где жила девочка с семьёй, был разрушен в результате бомбардировки. И им не осталось ничего, кроме как найти новое жильё. Новым домом для них стал адрес: улица Белостокская, дом 17. Людмила Соловьёва вспоминает, что жителям окрестности приходилось прятаться от бомб в подвалах и пещерах, где также располагались раненые солдаты Красной армии и матросы [1, с. 295–296].

После завершения боевых действий в 1942 г. и захвата немцами Севастополя, нацисты сразу преступили к организации карательных мероприятий. Таким образом, из воспоминаний Людмилы, можно пронаблюдать как оккупанты собрали в Киленбалке людей, живших на Корабельной стороне города и начали выявлять подозрительных элементов, которых после уводили в неизвестном направлении [1, с. 296].

К совсем непростительным преступлениям против детства относится и создание искусственного голода. Голодающие дети радовались даже картофельным очисткам и мамалыге¹. В один из дней Людмила Соловьёва и другие дети утащили муку и крупу из продовольственных грузовых машин: «Мы делали пальчиками в мешках дырочки и выковыривали драгоценную добычу в кастрюльки» [1, с. 296]. Когда девочка принесла муку домой, дед её отругал: «Тебя могли убить!» [1, с. 296].

Не всегда оккупационный контингент состоял из бесчеловечных, бесчувственных преступников, убийц. Так, например, чешские солдаты, которые жили в доме Людмилы, проявляли милосердие и кормили голодающих детей [1, С. 296].

Во время отступления немецких войск в 1944 году из Крыма советских граждан часто использовали как живой щит, чтобы прикрывать военные колонны. Маме Соловьёвой Людмилы повезло – бабушка сказала, что у неё туберкулёз, немецкие преступники побоялись связываться с больной. Но, к сожалению, старшая дочь бабушки и её муж были угнаны в Германию [1, с. 296].

Ещё одним очевидцем событий, происходивших в период оккупации Германией города-героя Севастополя, стала Карябина Лидия Васильевна, родившаяся в 1927 г. Изучая опубликованные в 2006 г. воспоминания 14-летней Лидии Карябиной, можно проследить преступную деятельность немецких-оккупантов, их антигуманное отношение и к пленным: «По утрам мимо нас гнали пленных, измученных жаждой, израненных душой и телом. Медленно шли они, поддерживая друг друга. Тех, кто не мог двигаться, расстреливали на месте» [2, с. 294]. Пленные могли надеяться только на помощь соотечественников: «Мы подносили пленным воду, а они, как могли, защищали нас от плеток конвоя» [2, с. 294].

Немецкие преступники ещё хуже могли относиться, только к раненым пленным, поскольку в местах содержания не хватало места, как и продовольствия, также не оказывалась медицинская помощь: «Раненых военнопленных немцы свозили в тюрьму, но она была переполнена, и пленные лежали вдоль дороги на асфальте до Б. Морской [улицы Большой Морской], под палящим солнцем, без еды и воды. Многие умирали. Мы носили им воду» [2, с. 294]. В источнике Лидия вспоминает фразу: «Сестричка – глоточек!» [2, с. 294]. До определённого момента помощь пленным оказывали девочки: «Когда все раненые поместились в тюрьме, нас с водой и туда пропускали, а мальчишек – нет. Потом установили вышки с пулеметами, и нас тоже перестали пускать» [2, с. 294].

Когда мирная жизнь сменяется на оккупационный гнёт, люди ищут надежду. Найти её можно разными способами. Один из таких способов – это обращение к истории, а особенно событиям первой обороны Севастополя и Крымской войны 1853-

¹ Мамалыга – национальное молдавское, блюдо каша из кукурузной муки, приготовленное особым способом в чугушке с помощью специальной палки мешалки (кулинарный словарь).

1856 гг. Данным способом и воспользовалась родительница Лидии: «Мама подбадривала нас рассказами о Даше Севастопольской» [2, с. 294].

Нельзя не акцентировать внимание на том, что немецкие оккупанты оставляли трупы плавать в воде, что приводило к антисанитарии и распространению инфекций [2, с. 294].

С самого начала оккупации Германия выстраивала управленческий аппарат, чтобы контролировать население Севастополя. Нацистам нужно было частично восстановить экономику захваченных территорий, поэтому севастопольская комендатура издавала указы и распоряжения. О подобных процессах можно судить из воспоминаний Корябиной Лидии: «С первых дней оккупации был издан приказ немецкого командования: все жители Севастополя должны пройти регистрацию и должны отработать «Трудовую повинность». За выход на улицу с наступлением темноты полагался расстрел. За любые действия против немецких войск – казнь на месте» [2, с. 294].

Для удержания контроля над населением Севастополя фашистские каратели использовали средневековые устройства казни, такие как виселица. На таких орудиях убийства и контроля казнили даже детей, совершая очередные преступления против детства. Аналогичным методом и был убит знакомый Корябиной Лидии: «Установили виселицу, на которой висели люди с табличками «Саботаж». Среди них был и друг моего брата, участник нашего довоенного детского оркестра, Анатолий Власов» [2, с. 294-295].

1 августа 1942 г. оккупированный Севастополь посетил Ион Антонеску¹. А за месяц до приезда румынского диктатора умер отец Лидии Васильевны. Чтобы расчистить дорогу, похоронную процессию прогнали. Семье умершего, пришлось ждать пока Антонеску проедет [2, с. 295].

Не меньшую роль в изучении жизни в оккупированном Севастополе играют воспоминания Бараненко Е. П., жительницы оккупированного города-героя Севастополя.

После долгой обороны морской крепости Севастополя в 1942 г. большая часть города была в руинах. Единственные сохранившиеся дома находились на окраинах. Новыми местами жительства для севастопольцев в период немецкой оккупации стали развалины домов и пещеры. Вследствие недавних боевых действий среди населения города возник дефицит продовольствия и информации о ситуации на фронтах [3, с. 291].

С целью установления «нового порядка»² в Севастополе оккупационным режимом фашистской Германии была предпринята попытка ликвидации памятника Владимиру Ильичу Ленину, для чего часть жителей города при помощи оружия собрали на площади Нахимова. Чтобы снести памятник немецкие оккупанты воспользовались тросом и танком. В ходе демонтажа на глазах севастопольцев трос не выдержал и лопнул. Бараненко Е. П. запомнилось данное событие как предзнаменование: «Конфуз! По площади прокатился шумок со смехом. Людей тотчас разогнали и памятник ломали уже ночью без свидетелей. Чем вам не предзнаменование?» [3, с. 292].

Устанавливая контроль над захваченными территориями Севастополя, фашистская Германия начала регистрацию населения города, чтобы можно было приступить к восстановлению экономики новых немецких земель. Советских граждан насильно заставляли работать на новый оккупационный режим, а именно в сильную летнюю жару убирать трупы с улиц и вытаскивать из воды, искать строительный инвентарь, чтобы после начать отстраивать наименее повреждённые сооружения, в которых предполагалось разместить оккупационную немецкую администрацию – ортскомендатуру [3, с. 292].

Участницу описываемых в статье событий Е. П. Бараненко также затронули мероприятия в ходе оккупационной политики Германии в Севастополе: «Трудовую повинность я отработывала на Корабельной стороне сначала в бригаде разнорабочих, а потом в бригаде плотников» [3, с. 292].

¹ Антонеску Ион – военно-фашистский диктатор Румынии в 1940-1944, генерал (Большая советская энциклопедия).

² «Новый порядок» – способ управления захваченными территориями в годы фашистской оккупации Европы; образ жизни населения, попавшего под власть фашистов (Фразеологический словарь русского языка).

Продолжая изучения воспоминаний Е.П. Бараненко, можно выделить одно событие, характеризующее процессы, протекающие в ходе немецкой оккупации Севастополя – изъятие дома семьи Бараненко и поселение туда инженера: «Поскольку наш дом не очень пострадал (кроме дырки от неразорвавшегося снаряда), то в нашем доме разместили инженера-путейца, для этого наша семья переселилась в сарай, вырубленный в скале, где раньше хранился инструмент, дрова и так все 22 месяца [оккупации], одна радость, что хоть не застрелил напоследок, когда драпал в 1944 году» [3, с. 292]. Исходя из упомянутого события, можно сделать ряд выводов: после боевых действий 1942 г. в Севастополе оставались дома пригодные для проживания; немецкие оккупанты имели практику заселения администрации, обслуживающего персонала в уцелевшие дома, выгоняя при этом старых владельцев.

Стоит обратить внимание на отличие немецких оккупантов от румынских. Если немцы в своём большинстве были непреклонны, то румыны охотно принимали от севастопольцев подачки, в обмен на которые позволяли приносить еду и воду пленным в пересыльный лагерь в районе Радиозавода [3, с. 292–293].

Нельзя не подчеркнуть террористический характер мероприятий фашистской Германии во время эвакуации 17-й армии из Крыма. Доказательством террористической направленности деятельности немецких оккупантов является использование мирного населения города Севастополя как живого щита для отступления войск. Следующий отрывок из воспоминаний Бараненко Е. П. широко отражает, приведённый выше факт: «Но самые страшные были три дня перед наступлением наших войск на Сапун-гору. В это время немцы сгоняли нас в Южную бухту для посадки на немецкие корабли и баржи, чтобы мы были живым щитом для немцев и вооружения, которое они отсюда вывозили. Немцы шли с автоматами вдоль улицы, выгоняли всех подряд и целой колонной направляли на причал. Все три раза перед нами оканчивалась посадка, это было просто «счастье»...» [3, с. 293].

Таким образом, подводя итоги работы, можно сделать вывод, что воспоминания как исторический источник позволяют исследователю взглянуть на исторические события глазами участников, выявить эмоциональную составляющую источника.

Благодаря воспоминаниям очевидцев немецкой оккупации Севастополя представляется возможным изучить различные аспекты жизни населения города при «новом порядке», такие как голод среди детей и их попытки выжить, характер разрушения городских сооружений в ходе боевых действий, использование жителей в роли живого щита, для сбора трупов с улиц, восстановления экономики территорий, места, где люди прятались (шtolьни, пещеры, подвалы, сарай), массовые казни военнопленных и «подозрительных», антигуманность и бесчеловечность деяний немецко-фашистских карателей.

Источники и литература

1. Из воспоминаний Л.Ю. Соловьевой (в девичестве Коломиец), 1936 г.р. о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Севастополь. 1941–1945 гг.: сборник архивных документов / сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. С. 295–297.
2. Из воспоминаний Л.В. Карябиной (в девичестве Половневой), 1927 г.р. о жизни в оккупированном городе // Севастополь. 1941–1945 гг.: сборник архивных документов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. С. 294–295.
3. Из воспоминаний Е.П. Бараненко (в девичестве Даниличевой) о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., оставленных для своих правнуков // Севастополь. 1941 – 1945 гг.: сборник архивных документов / сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. С. 291–293.

Аганин А.Р.

ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучены публикации в газете Черноморского флота «Красный черноморец» как источник по истории Второй героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. Проанализированы различные виды публикаций: документы и официальные объявления, публикации патриотического характера, корреспонденции и сводки с фронта.

Ключевые слова: периодическая печать, война, Севастополь, исторический источник, оборона, Красный черноморец.

Abstract. The article examines and studies the newspaper "Krasny Chernomorets" as a source on the history of the heroic defense of Sevastopol in 1941-1942. The content of the newspaper edition, documentary and official announcements, patriotic publications, correspondence and reports from the front were analyzed. This information contributes to a more in-depth process of studying this period of national history.

Key words: periodical press, war, Sevastopol, historical source, defense, Krasniy chernomorets.

Одной из самых тяжёлых и героических страниц в истории Севастополя является его Вторая героическая оборона. Об этом важном эпизоде Великой Отечественной войны рассказывают музейные экспозиции, мемориальные комплексы, воспоминания очевидцев. Отдельно как источник следует выделить периодическую печать. Газеты времён войны имеют свою специфику и отличия от газет мирного времени. Периодические издания призваны отражать жизнь общества в условиях боевых действий, акцентируют внимание на специфических явлениях и проблемах, присущих военному времени. В советскую эпоху вся периодика была под контролем государства. Это означает, что информация преподносилась идеологизированно, а многие темы замалчивались. Это необходимо учитывать при изучении периодики как исторического источника. «Периодическая печать – это вид исторического источника, представленный долговременным изданием периодического характера, функциями которого являются организация общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, установление обратной связи в системе управления» [1, с. 452].

Одним из самых массовых газетных изданий на Юге СССР в годы Великой Отечественной войны была газета Черноморского флота «Красный черноморец». В 1941–1942 годах, когда Севастополь боролся с осаждавшими его нацистами, периодическая печать ярко (хотя и цензурированно) отражала процесс жизни города и его борьбу с врагом.

В годы войны погибло много сотрудников газеты: Н. Земляниченко, Н. Варакин, А. Сергеев, В. Апошанский, А. Луначарский и другие. За подвиги ее сотрудников газета была награждена орденом Красного знамени и медалью «За оборону Севастополя». С первого дня войны она освещала борьбу советских граждан с немецко-фашистскими захватчиками, оказывая на читателя огромное морально-психологическое воздействие.

«Красный черноморец» выходил в Севастополе каждый день на протяжении всего периода его обороны.

На первой странице каждого выпуска всегда выходила воодушевляющая статья. Вот, например, что писал «Красный черноморец» 12 февраля 1942 года: «Родина приветствует славных героев Отечественной войны! Миллионы трудящихся города и деревни с гордостью следят за подвигами воинов Красной Армии, самоотверженно куют базу их победы на своих предприятиях, в колхозах, в совхозах, учреждениях и институтах. Вся наша страна помогает фронту громить врага. Вся наша великая земля, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов» [2, с. 1].

В «Красном черноморце» регулярно описывались подвиги советских солдат и моряков, среди которых стоит отметить героев-комсомольцев дзота № 11, подвиг теплохода «Абхазия», который под ударами бомб и торпед эвакуировал раненных солдат: «Много, много славы видел военно-морской флаг «Абхазии». Нынче здесь – завтра – там. Нынче высаживает корабль десант, завтра раненных отвозит в дальние порты... Ровно работает машина. Вздрагивает корабль, да не дрогнут умные руки у таких людей «Абхазии», как Четвертак и Пустошинская» [4, с. 3].

Помимо воодушевления воинов и горожан, в газете не забывали и о ее информационной функции. Ежедневно публиковались сводки с фронта. Например: «Вчера противник на одном из участков фронта произвел артиллерийский налет и пытался вести разведку. Ответными действиями нашей артиллерии огонь противника был подавлен. Разведывательные группы врага не были допущены к переднему краю обороны. Во время ночного налёта по предварительным данным было сбито два вражеских самолета» [3, с. 1]. В число информационных сводок с фронта входит хроника героической обороны. В ней подробно описаны ожесточенные бои на подступах к Севастополю, как правило, в мелких деталях. Это помогает глубже изучить происходившие под Севастополем события [4, с. 1].

Постановления и указы Президиума Верховного Совета СССР, приказы И.В. Сталина и в особенности приказы Ф.С. Октябрьского были неотъемлемой частью документального массива, который отражен в публикациях газеты «Красный черноморец». В частности, в ней содержится информация о награждениях военнослужащих за образцовое выполнение боевого задания орденами и медалями [5, с. 1].

В «Красном черноморце» запечатлено спасение ценнейшего памятника истории – полотна Панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» Ход спасательной операции отражен подробно, с упоминанием личностей ее участников: «Спасением Панорамы руководил бывший научный работник, ныне капитан тов. Леман и лейтенант тов. Черкасов. Благодаря героическим усилиям командиров и краснофлотцев, часть картины удалось спасти. Лейтенант Черкасов прибыл на место пожара, когда здание Панорамы было объято пламенем. Большая часть полотна была сорвана взрывами со стены и лежала на полу. Краснофлотцы тт. Волевач, Маметов и Каверин, младший сержант тов. Шек, красноармеец тов. Мещеряков и другие самоотверженно спасали картину. Краснофлотцы сворачивали драгоценную, сухую как порох материю в трубку и выносили ее из пылающего здания. В первую очередь был спасен кусок картины, изображавший штурм Малахова кургана. Потолок начал с треском обваливаться. Все покинули здание. Но на стене еще оставалась часть неубранной картины. Тогда младший сержант тов. Шек бросился в огонь и ценой огромных усилий спас ещё одну часть картины. Значительная часть картины была спасена» [6, с. 1].

Корреспонденты газеты до последних дней обороны Севастополя работали в городе, отражая в публикациях настроения защитников города, их боевой настрой и силу духа, показывая, насколько тяжело немцам дается осада города: «Последний рубеж. Отступать некуда, но отступать никто и не думает. Краснофлотцы и красноармейцы умирали, но не отступали» [9, с. 2]. История героической обороны продолжалась вплоть

до 3 июля 1942 года. В газете опубликовано официальное сообщение Ставки об оставлении Севастополя: «По приказу Верховного командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили Севастополь...» [7, с. 1].

В газете представлена также и оценка обороны Севастополя союзниками СССР по Антигитлеровской коалиции. Цитируется газета «Таймс»: «Мы отдаем должное блестящему вкладу в общее дело, сделанному Севастополем. Севастополь стал синонимом безграничного мужества, его оборона безжалостно смешала германские планы. В течение длительного времени Севастополь возвышался, как меч, острие которого было направлено против захватчиков» [9, с. 1]. Американские газеты и радикомментаторы, согласно публикации «Красного черноморца», заявили, что славная оборона Севастополя служит воодушевляющим примером для всех свободолюбивых народов мира [9, с. 4].

Разумеется, военная цензура не позволяла газете писать о случившихся в период обороны Севастополя трагедиях. В частности, не была освещена одна из крупнейших морских катастроф в истории человечества – гибель санитарного транспорта «Армения», подвергнувшегося нападению немецкого самолёта-торпедоносца и затонувшего 7 ноября 1941 года вместе с практически всей медицинской службой Севастополя и Черноморского флота, и множеством раненых (всего до 10 тыс. человек).

Тем не менее, предоставленная в «Красном черноморце» информация имеет огромное значение для историков-исследователей. Для жителей и защитников осажденного Севастополя она была не просто источником информации, а одним из символов их собственной стойкости.

Источники и литература

1. Данилевский И. Н., Кабанов В. В. Источниковедение. М.: Открытое общество, 2004. – Красный черноморец (Севастополь). 1942. 12 февраля.
2. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 24 февраля.
3. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 21 апреля.
4. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 12 мая.
5. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 13 июня.
6. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 3 июля.
7. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 4 июля.
8. Красный черноморец (Севастополь). 1942. 5 июля.

Рузаев С.В.

**МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ НА СТРОИТЕЛЬСТВО
ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В 1941–1942 ГГ.**

*Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы мобилизации гражданского населения на строительство оборонительных сооружений накануне и во время обороны Севастополя 1941–1942 годах. Делается вывод о том, что власти Севастополя и тысячи жители города приняли самое активное участие в создании и совершенствовании инженерной обороны, а также в возведении различных объектов оборонного значения: дорог, аэродромов, командных пунктов.

Ключевые слова: оборона Севастополя 1941–1942 гг., оборонительные сооружения, мобилизация, городской комитет ВКП(б), инженерные части.

Abstract. The article deals with the issues of mobilization of the civilian population for the construction of defensive structures before and during the Defense of Sevastopol 1941–1942. It is concluded that the authorities of Sevastopol and thousands of residents of the city took an active part in the creation and improvement of engineering defense, as well as in the construction of various objects of defense emergency facilities: roads, airfields, command posts.

Key words: The Defense of Sevastopol 1941–1942, defensive structures, mobilization, city Committee of the CPSU(b), engineering units.

Летом и осенью 1941 г. одним из приоритетных направлений работы военных и гражданских властей Севастополя стала мобилизация сил и средств на строительство оборонительных сооружений на подступах к городу. Актуальность данных мероприятий была продиктована тем, что к началу Великой Отечественной войны, как не без основания отмечал капитан 1-го ранга А.К. Евсеев, «Севастополь с суши не был защищен, т.е. не имел абсолютно никаких сухопутных полевых укреплений» [11, л. 11].

Процесс создания инженерной обороны вокруг Севастополя частично описан в фундаментальных исследованиях П.А. Моргунова [18], Г.И. Ванеева [3], в ряде публикаций С.И. Кангуна [15], Там Хок Чиу [21], а также в книгах по истории инженерно-строительного комплекса Черноморского флота [14]. В то же время, тема участия городского населения в постройке укреплений до настоящего времени в должной мере не раскрыта. Одним из основных источников сведений до сих пор остаются воспоминания бывшего первого секретаря горкома партии Б.А. Борисова [2]. При этом, в Государственном архиве Республики Крым и в Архиве г. Севастополя хранится ряд документов, позволяющих значительно расширить наши представления по данному вопросу.

3 июля 1941 г. Военный Совет Черноморского флота дал указание инженерно-строительным частям начать строительство рубежей обороны [14, с. 52]. Общее руководство осуществлял инженерный отдел штаба флота, который возглавлял военный инженер 1-го ранга В.Г. Парамонов. Наличными силами гарнизона весь объем работ выполнить было сложно, поэтому практически сразу командование флота обратилось к гражданскому руководству: необходимы были технические специалисты, материалы и, самое главное, рабочие руки для выполнения земляных работ.

От Севастопольского гарнизона в строительстве принимали участие: отдельный саперный (600 чел.), 178-й отдельный инженерный (350 чел.) батальоны, а также Строительство № 1 (около 1000 рабочих). Систематически привлекались военнослужащие из состава Учебного отряда, флотского экипажа, местного стрелкового полка (ежедневно около 1200 человек).

Реализации распоряжения Военного Совета флота от 3 июля 1941 г. было посвящено заседание бюро горкома партии, которое прошло в тот же день. Было принято решение возложить на Б.А. Борисова и В.П. Ефремова общее руководство мобилизацией населения на строительство. Секретарям райкомов и председателям райисполкомов предписывалось взять на учет все неработающее население города, руководство предприятий должно было обеспечить мобилизованных инструментами [4, л. 151]. 10 июля на заседании бюро горкома партии было принято постановление, согласно которому В.П. Ефремов ежедневно должен был выделять на строительство укреплений до 2000. человек, а также группу специалистов, постепенно доводя количество работающих до 3000-4000 человек ежедневно [4, л. 157].

23 июля 1941 г. приказом командующего войсками Крыма генерала П.И. Батова вводилась трудовая повинность для всех жителей республики [16, с. 4]. Через два дня, 25 июля 1941 г., последовало соответствующее постановление начальника гарнизона г. Севастополя генерал-майора П.А. Моргунова. Согласно приказу была введена обязательная трудовая повинность для всех трудоспособных граждан города Севастополя и окрестностей в радиусе 25 км для выполнения оборонных работ». При этом, не подлежали призыву мужчины до 16 лет и старше 60 лет, женщины до 18 лет и старше 50 лет, а также временно утратившие трудоспособность, беременные женщины, инвалиды войны и труда [9, л. 1]. При этом особо оговаривалось, что работающие граждане могли привлекаться к выполнению работ только во внеурочное время. Учитывая то, что значительная масса мужского населения города была занята на выполнении военных заказов, основную массу мобилизованных составили женщины, лица пожилого возраста и подростки.

Летом-осенью 1941 г. ежедневно к работам по созданию укреплений привлекалось свыше 2 000 жителей города и окрестных селений [18, с.24]. Например, по состоянию на 18 июля 1941 г. только на Северной стороне оборонные работы посменно посетило 25 тыс. человек [5, л. 57]. Все рабочие и служащие оборонных предприятий закреплялись за определёнными участками и обязаны были после работы отработать на них 2-3 часа, женщины-домохозяйки – ежедневно, с общей отработкой 500–600 часов [1, л. 18].

В возведении укреплений принимали участие и севастопольские ополченцы (около 10 000 человек): на строительстве ими было отработано более 2 млн. часов, при этом 1-й и 2-й полки занимались рытьем противотанковых рвов, траншей, окопов в районе от Инкерманского спуска до шоссе Севастополь-Ялта, 4 полк – инженерными работами от дороги Севастополь-Ялта до шоссе Севастополь-Балаклава, 3-й и 5-й полки – от дороги Севастополь-Балаклава до мыса Херсонес [1, л. 100]. Например, согласно приказу по частям народного ополчения № 05 от 5 августа 1941 г. на подразделения возлагалось строительство оборонительных сооружений, при этом работа проводилась в понедельник, вторник, четверг, субботу с 18.00 до 21.00 [8, л. 1].

Заметим, что в документах фиксируются и отдельные случаи уклонения от мобилизации на строительство. Так, была исключена из партии и уволена с работы председатель завкома треста «Водоканал» Е.В. П., которая отказалась, сославшись на болезненное состояние [19, л. 82].

Трудоемкие земляные работы велись с утра и до глубокой ночи в условиях сложного скального грунта и жаркой погоды. Городские власти были ответственны за предоставление тягловой силы и техники, выделение строительных материалов и инструментов. Так, на предприятиях было организовано изготовление шанцевых инструментов, а также комплектующих для возведения для огневых точек. Несмотря на это, лопат и кирок не хватало, и жители зачастую использовали свой инструмент. Было организовано централизованное питание, работали торговые палатки.

Так, З.И. Долгушева вспоминает, что работавшим на Корабельной стороне ежедневно выдавали по буханке хлеба [10, с. 4].

23 августа 1941 г. был подписан приказ начальника гарнизона Севастополя генерала П.А. Моргунов о форсировании строительства оборонительных сооружений. Накануне, 22 августа 1941 г., П.А. Моргунов направляет записку № А-0120 под грифом «секретно» Б.А. Борисову и В.П. Ефремову, в которой отмечает: «несмотря на неоднократные просьбы и напоминания о выделении гражданского населения для оборонительных работ, наряды на работу выполняются неудовлетворительно. Предлагаю с 23.08.1941 г. выделять ежедневно по 5000 человек под Вашу личную ответственность» [6, л. 27].

В итоге к 1 ноября было построено три рубежа обороны: тыловой (3-6 км от города, протяженностью 19 км, от Стрелецкой бухты до Любимовки), главный (8-12 км от города, протяженностью 35 км, от выс. 145,1 и Кадыковки до горы Тюльку-Коба) и передовой (15-17 км от города, протяженностью 46 км, от восточного форта Балаклавы до отметки севернее устья реки Кача, с четырьмя опорными пунктами – Чоргуньским, Черкез-Керменским, Дуванкойским и Аранчинским). При этом, передовой, который строился с середины сентября, был возведен не полностью [22, с. 158].

Севастопольцы принимали непосредственное участие в создании, прежде всего, тылового рубежа; противотанкового рва, опоясывающего город; в земляных работах по возведению дотов и дзотов; привлекались к строительству дорог между Сухарной балкой и Мекензиевыми горами, а также из города в Троицкую балку, где осенью разместился Спецкомбинат № 1.

Качество проведенных работ не всегда отвечало требованиям. Военком 8-й бригады морской пехоты Л.Н. Ефименко впоследствии писал: «состояние переднего края произвело неутешительное впечатление. Окопы – далеко не полного профиля. Блиндажи <...> годятся как укрытие от ненастья, но вряд ли защитят от вражеского снаряда <...> передовой рубеж, в целом, скорее просто обозначен, чем оборудован» [12, с. 281]. Несмотря на это, оборонительные рубежи, возведенные, в том числе, усилиями десятков тысяч жителей Севастополя, сыграли значительную роль в отражении первого штурма города.

В ноябре-декабре 1941 г. оборонительные сооружения продолжили совершенствовать, однако основные работы проводились военными специалистами подразделений – саперами, инженерами и военными строителями (178-й инженерный батальон, 95-й строительный батальон, 5-е управление военного строительства, 82-й и 138-й отдельные батальоны Приморской армии). При этом, данные подразделения после прибытия в город были пополнены, в том числе, за счет призванных местных жителей. Им же были переданы 28 грузовых автомобилей [22, с. 189-190]. К 1 декабря 1941 г. из гражданского населения был сформирован фортификационный батальон, в котором насчитывалось 360 бойцов и три автомашины [5, л. 80].

В условиях осажденного города большинство населения города было максимально занято на других оборонных работах, прежде всего, в промышленности. Известно, что городское руководство активно препятствовало направлению на фортификационные работы квалифицированных рабочих [5, л. 75]. Только в период с 1 по 25 ноября было задержано для выполнения оборонных работ 895 человек [7, л. 2]. Известно, что в ноябре-декабре с привлечением гражданского населения проводились работы по постройке укрытий и расширению посадочной полосы на аэродромах Херсонес и Куликово поле, а также по строительству причала в Камышевой бухте.

После окончания второго штурма начали возводиться новые оборонительные рубежи. Вновь встал вопрос о привлечении гражданского населения к оборонному строительству. 15 февраля 1942 г. в газете «Красный Крым» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 года.

Согласно Указу, мобилизации подлежало трудоспособное население: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 45 лет. Освобождались от мобилизации лица призывного и предпризывного возраста (16-18 лет), подлежащие призыву в школу ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища; женщины с грудными детьми, учащиеся высших и средних учебных заведений [17, с. 1]. Как вспоминал очевидец, «рядом с морскими бушлатами и шинелями можно было увидеть гражданские телогрейки – воины и горожане работали бок о бок» [13, с. 149]. Объемы данной мобилизации не известны, однако можно говорить о том, что жители города приняли участие в создании глубокоэшелонированной обороны Севастополя. По состоянию на 1 апреля 1942 г. было построено 75 артиллерийских и 492 пулеметных дота и дзота, 5702 окопа, 252 командных пункта [20, с. 332].

Кроме этого, необходимо учитывать, что городская промышленность (заводы «Молот», № 1, «Красный металлист» и Мехстройзавод Инженерного отдела ЧФ) массово выпускали противопехотные мины ПМД-6 и ПОМЗ-2, противотанковые мины ТМД-40 и фугасно-шрапнельные мины (всего около 400 тыс. штук всех наименований). Помимо этого, в осажденном городе было организовано изготовление шанцевого инструмента. Всего за время обороны изготовлена 12500 кирок, 8000 лопат и 1000 ломов.

Опираясь на факты, приведенные выше, можно сделать вывод о том, что власти Севастополя и тысячи жители города приняли самое активное участие в создании и совершенствовании оборонительных сооружений, а также возведении объектов оборонного значения: дорог, аэродромов, командных пунктов. Как справедливо отмечает капитан 1-го ранга А.К. Евсеев массовое привлечение население к оборонным работам существенно «облегчило положение в смысле сокращения сроков оборонительных работ под Севастополем» [11, л. 23]. Инженерные сооружения на подступах к Севастополю, созданные самоотверженным трудом военнослужащих и гражданского населения, сыграли значительную роль в обороне города в 1941–1942 годов.

Источники и литература

1. Архив города Севастополя. Ф. Р-434. Оп. 2. Д. 46.
2. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя. Симферополь: Крымиздат, 1959. 403 с.
3. Ванеев Г.И., Ермаш С.А. и др. Героическая оборона Севастополя. 1941-1942 гг. М.: Воениздат, 1969. 367 с.
4. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200.
5. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208.
6. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 210.
7. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211.
8. ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 221.
9. ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2.
10. Долгушева З.И. Воспоминания севастопольской девчонки. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011. 58 с.
11. Евсеев А.К. Севастополь в 1941-1942 гг. Записки участника Севастопольской обороны 1941-1942 гг. Центральный военно-морской архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315.
12. Ефименко Л.Н. Восьмая морская / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. М.: Воениздат, 1967. С. 279-305
13. Игнатович Е.А. Зенитное братство Севастополя. Киев: Политиздат Украины, 1986. 264 с.
14. Инженерно-строительный комплекс Черноморского флота. Историческая хроника. Т.1. Защитники и создатели / Гл. ред. С.А. Полоцкий. Севастополь: Издательство Фрэнкком, 2007. 289с.
15. Кангун С.И. Инженерно-строительные органы КЧФ в годы Великой Отечественно войны: краткая историческая справка // ВНО при Севастопольском Доме офицеров флота. Бюллетень. 1973. № 3. С.62-74.
16. Красный Крым. 24 июля 1941 г. № 173.
17. Красный Крым. 15 февраля 1942 г. № 46.
18. Моргунов П.А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. 519 с.

19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046.
20. Севастополь: Энциклопедический справочник. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2008. 1120 с.
21. Там Хок Чиу Подготовка обороны Севастополя: проекты и строительство укреплений Севастопольского оборонительного района (июнь-октябрь 1941 г.) // Клио. 2020. № 3 (159). С. 99-104.
22. Хренов А.Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982. 349 с.

МАТЕРИАЛЫ К СПЕЦИАЛЬНЫМ ФОРМАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 94(477)''18-19''

DOI 10.5281/zenodo.10003084

Морозова Е.В.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДЕЛОВЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В СЕМЬЕ ПОТОМСТВЕННЫХ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН, ВЫХОДЦЕВ ИЗ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН, С.А.КУНДЫШЕВА-ВОЛОДИНА И А.А. МАКСИМОВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

ГБОУ «Школа № 1440», г. Москва

Аннотация. Деловая и благотворительная деятельность в царской России XIX–XX вв. были тесно связаны. Благотворительностью занимались россияне всех сословий, от крепостных крестьян до царской семьи. Попечители в это время это не только жертвователи материальных средств, но и нравственные воспитатели подопечных, надзирающие за деятельностью благотворительных учреждений на постоянной основе.

Ключевые слова: история Севастополя, благотворительность, попечительство, Манифест 17 октября.

Abstract. Business and charitable activities in Tsarist Russia in the 19th–20th centuries. were closely related. Russians of all classes were involved in charity, from serfs to the royal family. Trustees at this time are not only donors of material resources, but also moral educators of their wards, supervising the activities of charitable institutions on an ongoing basis.

Key words: history of Sevastopol, charity, trusteeship, Manifesto of 17th October.

Алексей Андреевич Максимов появился на свет в дер. Наволок Санкт-Петербургской губернии Лужского уезда, 5 октября 1853 года [20, л. 165], шестым, младшим, сыном в семье крепостного писаря конторы Ораниенбаумского Дворцового правления. Дети крепостных крестьян Великой княгини Елены Павловны не только обучались в школе, но и приобретали навыки садоводства в обширных садах имения под руководством агронома, а в последствии и управляющего, Августа Ивановича Фельдмана. С дарования возможности Андрею Максиму за примерную многолетнюю службу «открыть в деревне Большой Наволок лавку» [15, л. 25] начинается история купеческой семьи Максимовых, продолживших примерное в усердное служение государству Российскому.

Вслед за братьями трудовой путь Алексей начал в Николаеве. Имея от отца навыки ведения делопроизводства, работал секретарем у купца 1 гильдии и так же выходца из крепостных крестьян Даниловского уезда Ярославской губернии Кундышева-Володина Сергея Лупповича, который рано потерял сына, его тезку, Алексея. У Кундышева на юге России были обширные планы по созданию полного цикла производства броненосцев, начиная с поиска и разработки разных ископаемых в Херсонской губернии, строительства железоделательного завода, а в Николаеве – верфи для постройки стального корпуса броненосца. На службе произошло знакомство Максимова с дочерью хозяина и будущей супругой, Аполлинарией. И в 1878 году в С.-Петербургском Адмиралтейском соборе сочетались браком Николаевский купеческий 2 гильдии сын, Максимов Алексей Андреевич 25 лет и дочь Потомственного

почетного гражданина С.-Петербургского 1 гильдии купца Аполлинария Сергеевна Володина Кундышева, 16 лет [13, л. 9].

Сергей Луппович разглядел в добросовестном и смышленном Алексее, те человеческие и деловые качества, благодаря которым зять стал для него надежным помощником, соратником и продолжателем дел, как предпринимательских, так и благотворительных. Поучиться у купца и мецената Кундышева-Володина было чему, ведь тестем делалось все на совесть, не забывая о помощи ближнему. С 1860 года, Государственный крестьянин мастер Санкт-Петербургского печного цеха, занимался благотворительностью в пользу Николаевского девичьего приюта, где впоследствии, занял должность старшины. В ноябре 1874 года, получив Благодарность от Его Императорского Величества и Орден Св. Анны 3 степени [12, л. 3] «За усердную в течение 7 лет помощь на пользу СПб детских приютов ведомства Императрицы Марии», согласно прошению, он был уволен с должности Почетного старшины в купеческое сословие санкт-петербургский купец 1 гильдии [21, л. 12].

Искреннее чувство глубокого уважения к делам и личности прапрапрадеда возникает не только за трудолюбие, но и за то, что, поднявшись столь высоко в коммерческой иерархии, он не забывал о рабочих людях, которые воплощали в жизнь его планы. В 1882 году в Санкт-Петербурге им было учреждено «Общество пособия рабочим, пострадавшим при постройках», поддержанное сотнями современников разных сословий, о деятельности которого в городе помнят до сегодняшних дней [11].

Кундышев и Максимов работали много и качественно, иначе не доверило бы им Морское ведомство такое количество подрядов на строительство в Лазаревском адмиралтействе Севастополя, а это: Алексеевский сухой док, Мортонев элинг, здание Морского собрания, пороховые погреба, пристань и железная дорога к ним в Сухарной балке, госпитальные павильоны со службами, казармы у памятника Адмиралу Лазареву, устройство коллектора и водяного отопления, проведение водопровода с Микрюкова хутора и др. [10]. Самым значимым совместным деловым проектом стало строительство первого Алексеевского сухого дока, торги на постройку которого, в 1882 году, выигрывает Кундышев. Вместе с зятем блестяще справившись с его строительством, они подтвердили репутацию грамотных, надежных подрядчиков Морского ведомства. Вот как описывает это событие «Севастопольский листок» в заметке «Возрождение Черноморского флота»: «Знаменитый Черноморский флот, уничтоженный 30 лет назад, вновь возрождается 6 мая 1886 г. В этот день в присутствии И.И.В. торжественно освящен Алексеевский Западный док, спущен на воду с элинга стальной 2-хвинтовой броненосный корабль «Чесма».

Кундышев был возведен в звание Коммерции советник. Адмирал И.А. Шестаков в ходатайстве о награждении пишет: «По своим размерам эти доки относятся к числу самых значительных гидротехнических сооружений и по местным условиям постройка дока сопровождала сопровождалась значительными техническими трудностями. Несмотря на это, работа произведена в срок и без всяких препирательств подрядчиком потомственным почетным гражданином Сергеем Лупповичем Володиным-Кундышевым. Предполагая ходатайством пред Государем Императором о награждении званием коммерции советника, как во внимание к его трудам по сооружению дока, так и в поощрение к лучшему производству других значительных работ, производимых им в Севастополе» [14, л. 1–2]. Максимов же, «За отличную распорядительность при производстве работ по сооружению Алексеевских доков», был награжден орденом Святого Станислава 3 степени [17, л. 8] и в 1888г. «поступил из второй, в которой находился кряду и непрерывно 7 лет, в первую гильдию» [17, л. 8]. Семейным благотворительным проектом в Севастополе стало восстановление собора Петра и Павла на городском холме, разрушенного во время Крымской войны [8].

Летом 1887 года, во время посещения Севастополя, Император Александр III обратил внимание на разрушенный храм. Управляющий Морским министерством адмирал И.А. Шестаков, сообщает: «Его Величество, милостиво приняв ревностную готовность г. Володина восстановить Петропавловский собор и разрешил ему восстановление храма» [8].

Работы были закончены к декабрю 1889 года. В заметке «Крымского вестника» от 14.12.1889 г. читаем: «Восстановление севастопольской Петропавловской церкви, разрушенной 1854-1855гг., предпринятое, как известно на средства коммерции советника г. Кундышева-Володина, в настоящее время окончено как снаружи, так и внутри; Внутреннее благолепие храма не оставляет желать лучшего; Иконостас, по воле Его Величества Государя Императора, возобновлен в том самом виде, в каком он существовал до своего разрушения. Восстановление храма обошлось свыше 60 тыс. руб., из которых 15 пожертвованы николаевским купцом г. Максимовым, а остальные г. Кундышевым-Володиным».

В июне 1889 года Алексей Андреевич был избран гласным Севастопольской Городской Думы на четырехлетие.

Потомственный почетный гражданин А.А.Максимов в 1890 г. «Получил Высочайшую благодарность за поднесение Государю Императору видов Петропавловского храма и заботы его о снабжении этого храма и устройстве училищного здания», а «Преосвященным Епископом Таврическим утвержден в звании Попечителя Церковноприходской школы при возобновленной церкви» [16]. В 1891 году Алексей Андреевич уже самостоятельно, по проекту архитекторов Чагина и Фельдмана, восстанавливает, в год 1000-летия основания, Пещерную церковь Рождества Христова, что в Георгиевском монастыре. Государь Император почтил своим посещением восстановленную церковь и 09.06.1892г., а А.А. Максимов «По засвидетельствованию Святейшего Синода об отличном усердии пожалован был орденом Св.Анны 3 степени» [16].

Благотворительная деятельность Алексея Андреевича в городе тесно переплетается с общественной: 1890 г. он избран в попечительный совет Севастопольской Женской гимназии. 1891г. Императором утвержден в звании Директора местного Комитета Общества Попечительного о тюрьмах, Министром Финансов - членом Учетного Комитета Отделения ГосБанка, а Ялтинским Уездным Местным собранием избран Почетным Мировым Судьей по градоначальству. В 1892 г.: Избран членом Севастопольского отделения Общества спасения на водах, а в 1893 г. получил золотой знак от Николаевского Общества [16].

Вот еще одна заметка в «Крымском вестнике», 20.12.1892 г.: «17 декабря в Петербурге скончался ком. сов. С.А. Кундышев-Володин, хорошо знакомый севастопольцам по его обширной у нас строительной деятельности. Знакомо его имя каждому еще и потому, что ему мы обязаны возобновлением на свои средства одного из лучших украшений Севастополя – Петропавловского храма». Сергей Луппович подготовил надежного и преданного продолжателя дел своих в лице Максимова, которого, вслед за тестем, в апреле 1893 года утверждают в должности старосты Петропавловской церкви, а в октябре, уже Ярославский Губернатор, «...в должности Почетного блюстителя Кундышева-Володина 2-х классного министерского училища, Даниловского уезда Ярославской губернии, а 20 мая он был переизбран гласным Городской Думы на четырехлетие» [16].

В феврале 1894 года, предложив за работы, наименьшую из пяти участников торгов сумму, 1600000 рублей, Алексей Андреевич получает подряд на сооружение в Севастополе второго сухого дока, Александровского [9]. Столь выгодные для Морского ведомства условия он смог предложить благодаря тому, что приобрел в Хомутовой балке участок около 130 га, где поверхностно залегал строительный камень, после выработки которого был обнаружен водоносный слой, позволивший устроить усадьбу на «пустопорожном месте в 6 верстах от Севастополя с фруктовым садом и виноградником» [18]. Стараниями хозяина и его друга художника и архитектора В.А. Фельдмана это «пустопорожнее место» было превращено в самодостаточное поместье с электростанцией, конюшней, баней, теплицей, скотным двором, оранжереей, кузней, сохранившимися и сегодня винным заводом с обширными подвалами и пчельником. Известный дендролог профессор А.И. Колесников ставил парк Максимовой дачи в один ряд с южнобережными парками [5], ведь каскад прудов, мостики, беседки, фонтаны, каменные лестницы, искусственные руины, подпорные стенки, укреплявшие пологие склоны балки, не только были умело вписаны в природный ландшафт, но и соответствовали истории места – территории Херсонесской хоры, где находится не

менее восьми разрушенных усадеб херсонесситов и пещерная лавра. Из хомутовского камня в восстанавливаемом городе сооружены не только доки, но и нынешний Музей Черноморского флота. В 1896 г. «За усердную и полезную деятельность и примерное выполнение работ по постройке музея обороны Севастополя» [16]. Алексей Андреевич был награжден орденом Св. Станислава 2 степени. В том же году он был назначен членом Севастопольского отделения Епархиального Совета [16]. Благотворительность у наших предков являлась образом жизни. Имея доходы от коммерческой деятельности, они помогали содержать, восстанавливать и строить православные храмы. «А.А. Максимов приобретал и передавал Херсонесскому монастырю 3,5 и 4% государственные непрерывно доходные билеты вечного вклада на 50, 100 и 500 руб. За что в 1900 году ему была выдана грамота за устройство домового храма в честь Корсунской иконы Божией Матери в Настоятельском корпусе и за «всегдашнее содействие нуждам обители» [7, с. 110].

Алексей Андреевич принял активное участие в строительстве церкви Христа Спасителя при городской больнице (не сохранилась), всячески старался поддерживать городскую больницу. По воспоминаниям главного врача С.А.Никонова, при поддержке Максимова удалось увеличить штат врачей и количество коек, а годовой бюджет вырос с 80000 руб., в 1899 году, до 160000 – в 1906 году. В городской больнице была «именная койка», занимая которую, любой человек мог получать лечение за счет Максимова [24, с. 87]. Горожане не одно десятилетие помнили помощь семьи Максимовых. Обыкновенно Аполлинария Сергеевна, нагрузив на Максимовой даче коляску провизией: фруктами, овощами, виноградом, медом, мясом, молоком везла ее туда, где в ней более всего нуждались: в храмы, тюрьмы, больницы, богадельни. В книге Е. Чверткина «Незабытый Севастополь», упоминается о том, что она «входит в правление Ксенинского общества «Ясли» и избирательный ценз ее оценивается в 10200 рублей» [23, с. 302].

В 1900 году на углу улиц Кази и Наваринской были открыты «Ясли и колыбель для подкидышей при «Ксенинском обществе». Воспитанники «Яслей» в возрасте от 1,5 до 7 лет, были из малообеспеченных семей (мещан, солдат, мастеровых). В семье Максимовых воспитывалась приемная девочка. Ее подбросили на порог дома в 1893 году. При крещении ей дали имя старшей дочери Анны, умершей незадолго до этого события. В 1902 году учреждено Севастопольское «Общество по устройству Приютов-убежищ для сирот – мальчиков и дешёвых столовых для бедных». В состав членов общества входил Городской Голова и купеческий староста. На попечителях царской России лежала серьезная ответственность не только за материальное, но и нравственное воспитание подопечных, надзирание за деятельностью благотворительных учреждений на постоянной основе.

Начиная с 1890 года, на заседаниях Севастопольской Городской Думы, Почтомственный почетный гражданин купец 1 гильдии А.А. Максимов избирался в разные годы членом попечительского совета, попечителем, почетным попечителем Севастопольской женской гимназии, Мужской Прогимназии, земского училища, Константиновского реального училища, это нынешняя школа № 3. Поэтому не удивительно, что в 1901 г., прежде чем утвердить избранного Думой А.А. Максимова на должность Городского Головы, из Министерства Внутренних дел поступил запрос именно Министру народного просвещения с просьбой прислать заключение «Не встречает ли препятствий его представление к должности?». Управляющий Одесским учебным округом Ректор Новороссийского университета Ф.Н. Шведов отвечает, что «такое утверждение в должности не встречает препятствий, а является даже желательным» [22].

Максимов, избранный Городским Головой, к исполнению своих обязанностей подошел со свойственной ему ответственностью за судьбы горожан и поступательное развитие городского хозяйства. А город к началу XX века оказался в крайне непростом положении, ведь в 1890 году коммерческий порт был переведен в Феодосию, В «Ежегодных всеподданнейших отчетах Севастопольского градоначальника» Контр-адмирал Феодосьев, по итогам 1900 г., пишет: «Финансовые средства г. Севастополя дошли до такого положения, при котором дальнейшее законное ведение городского

хозяйства невозможно. Общественное управление близко к тому кризису, при котором функции его должны совершенно прекратиться». «...к 1 января 1902 г. числилось на г. Севастополе долгов по ссудам Государственного Казначейства, займам в банках и проч. – 1.120.686 р. 54 к.». Одним из путей выхода из критической ситуации, по мнению отцов города, являлось соединение Севастополя железной дорогой с Ялтой.

Алексей Андреевич в октябре 1902 года приезжает в Ялту для передачи обращений городской Думы членам правительственной межведомственной комиссии, собравшейся для решения вопроса о маршруте железной дороги «с просьбой оказать содействие в проведении Ялтинской железной дороги с направлением на Севастополь. Хорошо известно, город Севастополь не наделен, по примеру других городов, крупными доходными земельными владениями. Быстро создать новые источники доходов, взамен утраченных, может быть и доступно городам, имеющим свою фабричную или иную промышленность, свою самостоятельную торговлю, но Севастополь стоит в особых условиях в этом отношении. Не имея иных статей дохода городское самоуправление обращает внимание на возможность эксплуатации своих естественных природных богатств: климата и моря, а потому главным в этом отношении сооружением нужно признать устройство гидропатического заведения по всем правилам науки, могущего не только привлечь в Севастополь многочисленных больных Севера России, но и отвлечь их от поездок за границу, куда переливается вместе с ними такое большое количество русских денег. Город прилагает все усилия к тому, чтобы поднять свое значение, как курорта, соединенного удобным и дешевым путем с нашей русской Ривьерой. Проведение же железнодорожной линии из другого пункта, сделало бы бесплодными все его усилия к тому, чтобы не дать Севастополю окончательно потерять всякое значение, как города и обратиться вновь в военную крепость 50-х годов, со слободкой при ней» [3].

В 1903 году в докладной записке Великому Князю Александру Михайловичу, Максимов описывает состояние дел по устройству в городе каботажного порта и работах особой партии инженера Михайловского по прокладке пути электрической рельсовой дороги от Ялты до порта [4].

Общественная работа Алексея Андреевича сопредседателем Севастопольского отделения Крымского Горного Клуба, была направлена на развитие города, как туристического центра. На собрании членов Клуба 9 апреля 1902 г. профессор С.И. Иловайский сказал о том, что «город имеет много данных для широкой и плодотворной деятельности: большое число учебных заведений, множество приезжих и проезжающих туристов, интересные окрестности, как в смысле красот природы, так и в историческом отношении, что делает весьма желательным и вполне возможным устройство членами Горного клуба правильно организованных экскурсий, при участии опытных руководителей и проводников» [25].

Еще одним направлением деятельности Горного клуба была археология. И уже, как официальное лицо, Севастопольский Голова, 4 января 1903 года, по просьбе К.К. Косцюшко-Волюжинича, обратился к Председателю Московского археологического общества графине Уваровой П.С. с предложением: «Включить Севастополь в число мест, которые члены Археологического общества предполагают посетить в августе 1905 года» [1].

Решая городские проблемы, Алексей Андреевич не забывает и о помощи ближнему. «В начале XX века в Севастополе не случалось ни одного благотворительного предприятия без внимания семьи Максимовых. Как правило, подпись «А.А. и А.С. Максимовы» всегда стояла одной из первых в списке жертвователей. Все свое жалование на посту Городского головы, а это 5400 рублей в год, Алексей Андреевич жертвовал на благотворительность. Щедро давал беспроцентные ссуды на приобретение земли, строительство, обучение, продолжает попечительскую деятельность в Константиновском реальном училище, Мужской прогимназии, женской гимназии и земском училище.

Только перечислив городские проблемы и его обязанности, можно понять причину отказа Максимова от участия в качестве подрядчика, в строительстве музея Панорамы в ходе подготовки к 50-летию Севастопольской обороны. Полковник

Зайончковский, был раздосадован его отказом по той причине, «...что у него много дел. Ведь у Максимова всё организовано для таких работ: есть доверенные лица, вся администрация, каменные ломки; он один мог бы исполнить эту работу» - писал он. Подтверждением высоких деловых качеств Максимова является заключение им в 1906 г., «совместно с Б.С.Кефели и инженер капитаном П.Н. Ивановым акционерного соглашения на проектирование, строительство и эксплуатацию завода «Алмаз» для выработки цемента и других строительных материалов близ Бахчисарая» [6].

Наиболее значимыми для города за 7 лет пребывания Максимова в должности Городского головы стали следующие достижения: устройство каботажного порта; получение для города от правительства беспроцентной долгосрочной ссуды; совершенствование водопроводной сети; сооружение канализации и облагораживание свалки; устройство питомника древонасаждений; мощение и ремонт улиц; расширение больницы; устройство учебных заведений; сооружение ледоделательного завода, холодильников для его хранения и городской скотобойни.

В 1905 года после выхода Манифеста 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанного Николаем II, провозгласившего политические свободы, в Севастополе, как и повсюду, начались волнения. «Малейшая искра, кем-либо брошенная, могла привести к громадному бедствию, ведь кругом начались безобразные погромы, полилась кровь людская... Надо было много такта, чтобы удержать в руках власть, вместе с тем дать выход народному движению, открыть клапан бушевавшим страстям» [18], – пишет Алексей Андреевич об этих событиях севастопольскому генерал-губернатору контр-адмиралу Вирену Р.Н. уже в 1908 г., возмущенный и оскорбленный тем, что спустя 3 года, ему «поставили в вину не строгое соблюдение формы при созыве Городской думы» [18], когда было решено допустить на заседание выборщиков от народа и П.П. Шмидта, в их числе. «Можно ли мне поставит в вину допущение в Думу представителей граждан, не гласных, тогда, когда сами власти сочли возможным удалить с городских улиц войска и полицию и передать дело охраны города в руки граждан, а многотысячная толпа народа окружила здание городской Думы и требовала, чтобы ее желания были выслушаны? В тех исключительных обстоятельствах действия мои и граждан были признаны в обращении адмирала В.А.Чухнина правильными и благоразумными» [18].

Поводом для обвинения в «политической неблагонадежности», в 1908 г, явился якобы скрывавшийся на Максимовой даче беглый конвойный матрос Шульженко. В докладной записке на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина от 15 мая он писал, что жандармы, пришедшие с обыском, не предъявили ему никаких письменных либо устных оснований для своих действий» [19, с. 70, 93–94].

В результате ночного обыска в доме, «доведенного в своей тщательности до раздевания лично меня и моих дочерей» [18], была найдена «нелегальная литература», а именно; брошюры «Георгий Валентинович Плеханов», «Мужчина друг женщины». «Прокурорский надзор не нашел достаточными данные для формального дознания в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства» [2] и севастопольскому жандармскому управлению, пришлось возбудить «Охранное производство». Это означало, что если политическая полиция будет его преследовать, то делать это придется теми средствами, которые имеются в ее распоряжении, без привлечения судебных инстанций. Проведя историческое расследование, на основании сохранившихся архивных дел в Москве и Санкт-Петербурге, истинных причин произошедшего, доцент МГУ Л.В. Ульянова пришла к заключению, что идея отстранения Максимова от должности Городского головы не нашла поддержки у П.А. Столыпина [19, с. 70, 93–94].

Несправедливость и оскорбительность создавшейся ситуации для человека, столько сил, душевных, физических и материальных вложившего в развитие и процветание города и помощь горожанам, не могла не сказаться на его состоянии здоровья. Сердце не выдержало и Потомственного почетного гражданина Севастопольского Городского головы не стало 19 августа 1908 года. Как пишет в рапорте полковник Зейдлиц «... доношу, что бывший Городской Голова г. Севастополя Алексей Андреевич Максимов 20 числа скончался от разрыва сердца» [2].

Уход Максимова из жизни оказался неожиданным для всех – еще накануне горожане видели его гуляющим на Приморском бульваре.

Более многочисленных и торжественных похорон город не видел. Проститься с Городским головой и отдать дань памяти его созидательным делам пришли не только севастопольцы, но и официальные делегации.

Что есть «ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ»?!!! И что задерживается в ней, а что пролетает мимолетно?! Очевидно, что это личностные особенности, исходя из приоритетов и ценностей, которые сформированы у конкретного человека.

Сегодняшние события, как лакмусовая бумажка показывают нам насколько важно сохранение истинной истории т.к. может настать такой момент, когда эти знания становятся прочным фундаментом для сохранения самого государства, нации и народа!

Источники и литература

1. Архив Музея Героической обороны и освобождения Севастополя. Ед. хр. № 216. Письмо Городского головы графине П.С. Уваровой.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 102. Оп. 205. Д. 3193.
3. ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 737.
4. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 4. Д. 1048.
5. Колесников А.И. Архитектура парков Кавказа и Крыма. М.: Государственное архитектурное издательство. 1949.
6. Марциновский П.Н. Производство и добыча строительных материалов в Крыму в посл. четверти XIX–нач. XX в.
7. Прокопенков В.Н. Благотворители и попечители. Севастопольские традиции на примере строительства Свято-Владимирского собора в Херсонесе // Крымский архив. 2015. № 4(19).
8. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 410. Оп. 3. Д. 62.
9. РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 3. Д. 94.
10. РГАВМФ. Ф. 920. Оп. 9. Д. 316.
11. Российская государственная библиотека. «Отчеты С.-Петербургского Общества пособия рабочим, пострадавшим при постройках» 1883–1893 гг.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2583.
13. РГИА Ф. 1443., Оп. 40. Д. 3144.
14. РГИА Ф. 20. Оп. 1. Ч.1. Д. 234.
15. РГИА Ф. 492, Оп.1. Д. 882.
16. РГИА Ф. 796. Оп. 438. Д. 59.
17. РГИА Ф.1343, оп. 40, Д.3144.
18. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 17.
19. Ульянова Л.В. СЕВАСТОПОЛЬ. История в лицах. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2022.
20. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 111, Д. 474.
21. ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 722.
22. ЦГИА СПб. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1749.
23. Четверкин Е. Незабывтый Севастополь. Ч.2. «Телескоп». Севастополь, 2021.
24. Чикин А.М. Севастопольский лорд мэр. Год 1901-й». Севастополь: Библекс, 2005.
25. Ялтинский историко-литературный музей // «Записки Крымского Горного Клуба», 1902, № 4–5.

Данильченко С.А.

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА: СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация: российская система образования складывалась, развивалась и видоизменялась в зависимости от социально – экономических, идейно-политических, культурно-исторических и других процессов, происходящих в стране и мире, но при этом всегда сохраняла свою самобытность, фундаментальность и руссоецентричность. Поэтому она во многом уникальна.

Ключевые слова: отечественное образование, историческое наследие, качество образования, история образования, исторические периоды, исторически сложившиеся типы и виды образовательных организаций.

Abstract: The Russian education system was formed, developed and modified depending on the socio-economic, ideological-political, cultural-historical and other processes taking place in the country and the world, but at the same time it has always maintained its identity, fundamentality and russiacentricity. Therefore, it is unique in many ways.

Keywords: national education, historical heritage, quality of education, history of education, historical periods, historically established types and types of educational organizations.

В условиях многолетнего реформирования современной отечественной системы образования, к сожалению, были забыты многие достижения российского дореволюционного и советского образования.

Нынешний этап развития школ и вузов характеризуется возрастанием углубленного изучения истории России в целях творческого применения на практике накопленного столетиями богатого духовного и культурного наследия. Исторический опыт способствует повышению качества подготовки молодых специалистов в образовательных организациях нашей страны.

История российского образования – это не только познавательный материал для активизации образовательной деятельности в школе и вузе, но и действенный инструмент воспитания современной молодежи в духе уважения к историческому прошлому, к просвещению и культуре России, населяющих ее народов.

Необходимо изучать отечественное образование в динамике, сформулировать требования к качеству образования и их преемственность на различных исторических этапах развития нашего Отечества.

История образования, как правило, рассматривается в хронологической последовательности и в прямой зависимости от социально-экономического и культурно – политического развития страны, отношения государственной власти и различных слоев общества к проблеме просвещения и образования.

Необходимо проследить историю становления отечественной системы образования, начиная с эпохи Древней Руси на основе сквозного научного исследования процесса становления и преемственности различных уровней образовательных организаций с учетом анализа нормативной базы, в том числе уставов университетов, учебной литературы.

Формирование отечественной системы образования заняло длительный исторический период. Условно его можно разбить на следующие этапы:

- начальный период грамотности и образования на Руси. Распространение знаний после принятия христианства (IX–XV века),
- отечественное образование в период завершения формирования единого централизованного Российского государства (XVI–XVII века),
- образовательные реформы Петра I. Новые требования к содержанию обучения и качеству образования,
- реорганизация светского и духовного образования во второй половине XVIII века. Создание планомерно организованной школьной системы,
- отечественное образование в первой половине XIX века. Складывание целостной системы образования,
- образовательные реформы во второй половине XIX века.

Начальным этапом формирования отечественной системы образования стало появление и распространение восточнославянской письменности. Это был ответ на потребность общества оформлять договоры, завещания, торговые сделки и т.д.

Введение христианства на Руси способствовало более широкому распространению письменности, так как формировался слой людей, занимающихся переводом, переписыванием и написанием книг.

Наряду с религиозной создается светская литература – летописание, выдающимся произведением которого по праву является «Повесть временных лет».

Основополагающим произведением русской художественной литературы стало «Слово о полку Игореве», повествующее о распаде Древнерусского государства на ряд удельных княжеств.

Открытие первых школ для детей богатых родителей многие источники относят к X веку – эпохе княжения Владимира. Школа для детей духовенства была открыта Ярославом в Новгороде в XI веке.

В распространении грамотности были заинтересованы как княжеская, так и церковная власть. Школы в тот период создаются при монастырях и церквях. В монастырях ведется переписка книг, создаются библиотеки. Грамота распространяется не только в княжеских домах и среди духовенства, но и среди городского населения. Культура Древней Руси к концу XI века достигла уровня передовых стран Европы.

Монголо-татарское нашествие нанесло развитию отечественного образования огромный ущерб.

Медленный подъем культуры на Руси начинается только в конце XIV века, после победы русского воинства под руководством Дмитрия Донского на Куликовом поле. В XV веке открывается большое число малых частных училищ, где обучали грамоте учителя из числа духовенства. К этому же времени относится открытие новых библиотек при монастырях и в частных домах.

Исторический анализ ранних этапов становления отечественного образования свидетельствует о том, что впервые требования к качеству обучения и подготовки, учащихся актуализируются государством и церковью в XVI веке. Скорее, вначале даже церковью, чем государством. Церковные власти, как и государственные, в середине XVI века были чрезвычайно обеспокоены ослаблением истинной веры, распространением ересей, упадком нравственности, ростом невежества.

Государственная и церковная власти стремятся объединить свои усилия, чтобы преодолеть эти недуги общества, утвердив обиход жизни по христианским обычаям, законам предков. Этой цели, в частности, служили соборы, которые созывал Иван Грозный. Одной из причин падения нравственности и культурного уровня населения власти считали безграмотность и невежество среди священнослужителей.

Новгородский архиепископ Геннадий еще во времена Ивана III, сокрушаясь по поводу низкой степени образования в народе, хлопотал об открытии школ для образования духовенства, но дело не сдвинулось с места.

Основой образования остались школы начальной грамотности, находившиеся в довольно плачевном состоянии, где учили мастера, сами едва умеющие читать и писать.

Иван Грозный, открывая в 1551 году собор, получивший название «Стоглавого», жаловался на небрежное учение, как причину крайней малограмотности ставленников. Ставленники же на должности священников говорили о том, что они в большинстве своем учились у своих отцов и мастеров, которые сами мало, что знали.

Стоглавый собор констатировал, что в домонгольской Руси были училища в Киеве и Новгороде, и принял решение об «училищах книжных по всем городам», рассчитывая поднятием уровня образования, улучшением качества подготовки учащихся – будущих священнослужителей, уменьшить беспорядки в религиозно – церковной жизни.

Решением Стоглавого собора фактически впервые в масштабах Российского государства определялись требования к учебным заведениям и уровню подготовки учащихся. Собор определил стандарт подготовки учащихся в этих училищах. Главной задачей обучения ставилась подготовка учащихся к исполнению обязанностей священнослужителя.

Первая попытка создания системы школьного образования не удалась по причине отсутствия профессиональных учителей, но требования к учащимся, качеству их подготовки, сформулированные Стоглавым собором, длительное время лежали в основе начального образования на Руси. Они долго сохраняли свою основную сущность, трансформируясь и изменяясь с учетом исторических реалий.

Решение Стоглавого собора об открытии в Москве и по всем городам «книжных училищ» это одна из попыток создания системы отечественного школьного образования.

В 1632 году в Москве учителем Иосифом создается одна из первых греко-славянских школ. В 1665 году открылась школа при Спасском монастыре под руководством выдающегося просветителя XVII века, писателя, проповедника, общественного и церковного деятеля Симеона Полоцкого. Позднее открылась школа при Печатном дворе, в которой обучалась по некоторым данным более 200 человек.

В конце XVII века открывается Московская славяно-греко-латинская академия, обладающая чертами высшего учебного заведения. В ней преподавались грамматика, политика, философия, богословие и другие предметы.

Достаточно быстро развивается печатание букварей, псалтырей, часословов и других книг. Все это свидетельствует об активных поисках путей к более широкому распространению образования, повышению качества подготовки обучающихся, научному образованию.

Развитие светских школ, открытие Московской Академии представляло собой качественно новое явление в истории российского образования.

Изменения в понимании сущности, содержания и составляющих категории качества образования в нашем Отечестве происходят под влиянием многих факторов.

Одним из важнейших факторов была и остается государственная образовательная политика, поскольку в России система просвещения возникла, утверждалась и развивалась преимущественно при активном участии государства и его соответствующих учреждений.

XVII век подготовил почву для петровских реформ, в том числе и в области образования. Государственная образовательная политика Петра Первого в начале XVIII века создала интеллектуальную основу реформирования России как государства.

При Петре началось строительство светской системы образования унитарно-профессионального характера. Появились профессиональные учебные заведения, образовательные школы, создана Академия наук. Все образовательные учреждения носили сословный характер, что способствовало просвещению и формировало новый подход к содержанию и качеству образования.

При первых наследниках Петра Первого не только значительно возросло засилье иностранцев в научных и образовательных учреждениях, но и появилось определенное равнодушие государственной власти к развитию национальной русской культуры, просвещения и образования. Редкие вновь создаваемые учебные заведения имели строго сословный характер, в шляхетские корпуса принимались лишь дети дворян.

Положение в области образования начинает меняться после воцарения Елизаветы Петровны, обещавшей вернуть порядки своего великого отца. Огромнейшим событием этого периода в образовательной и культурой жизни страны явилось открытие 1755 году по инициативе М. В. Ломоносова и И.И. Шувалова Московского университета.

Во второй половине XVIII века - в эпоху «просвещенного абсолютизма» - отечественное образование получило дальнейшее развитие:

- расширяются контакты России с Францией и другими странами Западной Европы;
- широко распространяются идеи французских просветителей;
- создается светская система школьного образования при сохранении сословного характера учебных заведений;
- развивается женское образование.

Огромное влияние на формирование отечественного образования оказала идея Великой Французской революции о всеобщем образовании. Бессмертный лозунг «Свобода, равенство и братство». Он был близок народам многих стран, в том числе России, о чем свидетельствуют мысли и дела великих отечественных просветителей М. В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева.

В конце XVIII века при Екатерине Второй отечественная система образования, начавшая складываться в начале века при Петре Первом, получает свое дальнейшее развитие и определенное завершение. Складывается в основных чертах школьная система.

Народное образование в России конца XVIII века представляло собой довольно пеструю картину, так как отсутствовал центральный орган управления, объединяющий в своих руках правительственное попечение об образовании. Авторитет власти необходимо было активнее использовать для просвещения нации, для обучения молодого дворянства с тем, чтобы впоследствии опереться на него в проведении государственных реформ.

XIX век стал Золотым веком русской культуры. В этом веке происходит взлет русской литературы и искусства. Страну прославили на века А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.А. Крылов, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, А.С. Грибоедов, М.И. Глинка, Н.С. Тропинин, Н.Т. Веницианов, А.А. Иванов, П.А. Федотов и др.

Более широко и разносторонне стало развиваться и отечественное образование.

Начало XIX века ознаменовалось образовательной реформой Александра I, что привело к созданию целостной системы образования в России.

8 сентября 1802 года Александр I издал Манифест об учреждении Министерства народного просвещения, которое возглавил граф П.В. Завадовский.

В последующие два года:

- была проведена реорганизация центральных учебных учреждений и учебных округов;
- написаны уставы высших, средних и низших учебных заведений;
- был издан цензурный устав.

Перед министерством стояла задача создать в короткий срок систему образования, отвечающую потребностям России.

В 1803 году был подготовлен общий план учебной системы, в основу которой легли идеи светской общеобразовательной школы. Именно 1803–1804 годы стали временем проведения в России образовательной реформы, которая определила преемственность всех ступеней обучения, всесословность и бесплатность обучения.

В январе 1803 года принимаются положения об устройстве учебных заведений. Наша страна разделялась на шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, членами Главного управления училищ. Создавались три разряда общеобразовательных школ: приходские училища, уездные училища, губернские гимназии. Обеспечивалась преемственность различных ступеней образования.

Высшим научным и административным центром каждого учебного округа становился университет. Кроме уже существующего Московского университета

открываются Дерптский университет (1802 год), Виленский (1803 год), Казанский, Харьковский (1804 год), Киевский Святого Владимира, Петербургский на базе педагогического института (1819 год).

Географическое положение университетских городов находилось на пересечении торговых путей.

Развивались и другие формы обучения, например, лицеи. В начале XIX века был основан лицей в Царском селе, в котором получил образование великий поэт А.С. Пушкин. Вторым лицей был создан в Ярославле на средства Демидова, а третий в городе Нежине (Украина) на средства графа Безбородко. В этом лицее учился другой великий писатель – Н.В. Гоголь.

При попечении матери Александра I Марии Федоровны развивается женское образование.

Комиссия, занимавшаяся реформированием образования, использовала зарубежный опыт, в частности, опыт системы образования Франции. Учитывалось наследие петровских и екатерининских эпох.

Все учебные заведения страны связывались между собой в учебном и административном отношении. Каждое учебное заведение высшего типа заведовало учебными заведениями низшего типа.

Обучение в приходской школе проводилось в течение года, в уездном училище – два года. Устав подчеркивал преемственность программы приходского и уездного училищ. В гимназии вводилось четырехклассное обучение, гимназическая программа была связана с программой уездных училищ.

Особое внимание уделяется развитию высшего образования. Более года велась работа над первым университетским уставом. Он был общим для всех российских университетов, но допускались особенности для Дерптского и Виленского, сходные с устройством университетов протестантской Германии.

Университеты наделялись значительной автономией. Высшей инстанцией по учебным и судебным делам в университете являлся совет, который:

- избирал ректора, инспектора казенных студентов, профессоров, почетных членов, адъюнктов;
- назначал учителей в гимназии и уездные училища;
- определял порядок других учебных заведений;
- являлся высшей инстанцией университетского суда;
- выступал как учебное учреждение, где профессора рассуждают о новых исследованиях.

Исполнительная власть вверялась правлению университета. Набор кафедр в различных университетах был неодинаков. Устав давал право университетам создавать учебные общества, поощрять научную деятельность частных лиц – избранием их в почетные члены, возведением в ученые степени и присуждением наград.

Университетский устав 1804 года по праву считается самым либеральным уставом XIX века, немалое количество записанных в уставе положений оказалось декларативными. Это относится к положению о бессловесности и бесплатности. Уже в 1819 году была введена плата за обучение в тех учебных заведениях, где ее признает нужным министерство.

Страх государственной власти по поводу заразного примера Французской революции привел к негативным последствиям в развитии отечественного образования.

В 1817 году Министерство народного просвещения стало Министерством духовных дел и народного просвещения. Новое министерство приступило к пересмотру учебных планов, содержания преподаваемых в учебных заведениях дисциплин, постановки воспитания студентов.

Монархически настроенные попечители настаивали на изъятии из учебных планов университетов курса философии и естественного права. В конечном итоге курс философии был оставлен в учебном плане, но к нему были даны рекомендации: чтобы он был основан на истинах христианского учения и сообразован с правилами монархического правления.

Последующая деятельность целой череды консервативно настроенных министров просвещения создала предпосылки для принятия нового университетского устава, положившего конец многим демократическим нормам, закрепленным в Уставе 1804 года.

В 1835 году принято положение об учебных округах. Суть его состояла в том, что все обязанности и права университетов по управлению учебными заведениями округов передавались в руки попечителей. Уездные и городские училища оставались в ведении губернских директоров.

Университеты устранились от управления гимназиями, что привело к нарушению стройной системы соподчиненности различных уровней отечественного образования.

Накладывался запрет на университетскую автономию, которая была закреплена уставом 1804 года. Власть и права университетских советов сильно ограничивались. Высший контроль над всеми университетскими делами осуществлял попечитель. Права попечителя, назначаемого императором, неизмеримо возросли.

Особое место в исследовании проблем истории образования России XIX века занимают вопросы появления конституирующих черт и характеристик университета Русского исторического типа в отличие от его Западноевропейского прототипа.

Термин «тип Русского университета» взят из литературной полемики середины XIX века, когда в борьбе «двух путей» определялись судьбы отечественной высшей школы.

История многократно подтверждала правильность выбранного пути, следуя которым, русские университеты оставляли яркий след в мировой университетской культуре.

При различных оценках форм управления образованием следует призвать, что вопросы содержания образования, аттестации преподавателей, качества обучения, подготовки специалистов в этот период история нашей страны занимали большое место в деятельности всех управленческих структур просвещения и самих учебных заведений.

Качество образования в значительной степени зависит от профессионализма и педагогических способностей профессоров и магистров. Учитывая все возрастающие потребности общества в специалистах, министерство постоянно возвращалось к вопросу аттестации кадров.

К началу XIX века относится практика установления отечественных ученых степеней.

Высшая школа испытывала острейший дефицит в кадрах преподавателей. «Остепененных» преподавателей было чрезвычайно мало. В 1814 году в шести университетах из 455 преподавателей степень доктора наук имели 5 человек, а степень магистра – 10 человек.

Согласно Положению 1819 года «О производстве в ученые степени», окончившему университет необходимо было представить диссертацию, что давало ему степень кандидата и право на чин X класса. Не представившие диссертацию и не сдавшие успешно экзамены за университетский курс, получали звание действительного студента и соответствующий чин. Они имели право поступления на государственную службу.

В 1830-е годы происходит пересмотр содержания Положения 1819 года. После принятия университетского устава 1835 года, в 1837 году учреждается новое положение (временно – на три года), по которому ужесточаются требования к «остепенению» преподавателей, особенно к магистрам и докторам. Испытуемый на степень магистра отвечал письменно на два вопроса из «главных» предметов, а на степень доктора – на три. В Петербургском университете за период с 1834 по 1843 год докторские диссертации защитили 15, магистерские – 11 человек.

Значительное число профессорских вакансий на кафедрах университетов вынудило министерство изменить систему аттестации преподавателей. 6 апреля 1844 года утверждается новое положение, по которому упразднялась степень действительного студента.

Степени кандидата, магистра и доктора оставались, при этом сокращались, по сравнению с ранее существовавшим положением, сроки получения степеней. Окончивший университет мог стать, при определенных обстоятельствах, доктором наук через два года.

Претерпели изменения программы докторских и магистерских испытаний.

Докторские экзамены состояли из «главных» предметов, охватывающих от 30 до 50% полной учебной программы факультета.

По «Правилам» об ученых степенях 1844 года докторанту предстояло показать «практическое или философское знание своей науки, объемлющее сущность и развитие оной, и сопровождаемое основательно обдуманном всесторонним воззрением».

Впоследствии высказывалось мнение о том, что докторский экзамены «не вполне» достигают цели и по этой причине от них необходимо отказаться. В итоге докторские экзамены были отменены.

Практика аттестации вузовских кадров неоднократно претерпевала изменения, так как меняющиеся общественные условия диктовали новые требования к системе образования.

Качество высшего образования в значительной мере зависело и от степени обеспеченности слушателей учебниками и учебными пособиями, их научного содержания.

Министерство народного просвещения требовало от профессоров представления подробных конспектов читаемых курсов для рассмотрения в Главном Управлении училищ.

Министр Шишков А.С. в 1828 году вменил в обязанность профессорам ежегодно пересматривать свои конспекты и пополнять их новыми научными открытиями с тем, чтобы «со временем из кратких конспектов могли оставаться по всем частям для напечатания на счет хозяйственных сумм университета, руководительные книги, в коих все учебные заведения в России терпят большой недостаток».

В XIX веке успешно развиваются книгоиздательство и книготорговля, библиотеки, лаборатории, музеи и другие культурные центры:

- в Петербурге в 1814 году открыта публичная библиотека;
- в 1812 году в Крыму открыт Никитский Ботанический сад;
- в 1832 году при Академии наук в Москве - Зоологический музей;
- в 1839 году - Пулковская обсерватория;
- в 1852 году начал работать Эрмитаж – крупнейшее хранилище художественных ценностей.

В отечественном образовании появляется целая плеяда талантливейших ученых – педагогов. К этому периоду относится творчество Т.Н. Грановского, А.А. Чаадаева, В.Г. Белинского, М.А. Бакулина, А.И. Герцена, Н.М. Карамзина, С.М. и В.С. Соловьевых и других.

Большой вклад в теорию отечественного образования внесли Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, Л.И. Петражицкий.

Все эти факты свидетельствуют о том, что российское образование получало серьезную интеллектуальную основу, что не могло положительно не сказаться на качестве подготовке специалистов.

Реформы 1860-х годов явились закономерным результатом развития российского общества, в том числе и системы образования.

Масштабный переход к индустриальному обществу вызвал возрастающую потребность в грамотных людях, в расширении горизонтов образования и повышения его качества. Ведутся многолетние дискуссии о путях развития образования, об университетском уставе, его содержании и направленности.

В эти годы:

- получают статус высших учебных заведений некоторые средние профессиональные учебные заведения;
- развивается техническое, сельскохозяйственное, педагогическое, коммерческое, юридическое высшее образование;

- возникают женские курсы в Москве, Петербурге, Казани, Киеве.

Устав 1863 года вновь восстановил университетскую автономию, университетские суды, повысил роль профессоров, предоставил право университетам представлять к ученым степеням, выбирать ректоров, деканов, утверждать новые кафедры гуманитарного направления и т.д.

Но довольно скоро начались наступления на «академические свободы» и «университетскую автономию». Университетским уставом 1884 года вновь упраздняются автономии университетов и университетские суды, увеличивается плата за обучение, ликвидируются кафедры по истории законодательства, гражданского права, вместо избрания вводится назначение ректоров вузов попечителями учебных округов.

Процесс становления и развития отечественного образования был сложным и противоречивым. Но всегда неизменно пробивали себе дорогу прогрессивные идеи и образовательные новации.

Исторический опыт развития образования России дает интересный и богатый материал для серьезного осмысления того, что ныне происходит в системе образования нашей страны. В процессе перманентного реформирования последних трех десятилетий необходимо учитывать имеющийся исторический опыт.

Российская система образования сложилась и функционировала в основном как система государственная.

В России именно государство организовывало широкую сеть учебных заведений всех уровней: уездных училищ, гимназий и прогимназий, реальных училищ, университетов, технических высших учебных заведений и др.

Государство выделяло из своего бюджета материальные средства для учебных заведений, содержало их.

Государство в лице Министерства народного просвещения определяло уровень и качество подготовки учащихся и специалистов, утверждая планы и программы учебных заведений, составляя учебники и учебные пособия для обучения в училищах, гимназиях, университетах.

На определенных этапах развития российского общества министр назначал профессоров из числа опытных преподавателей, имевших ученую степень доктора наук.

Система образования нашей страны была достаточно гибкой и относительно быстро реагировала на социально-экономические изменения.

В XIX веке в период быстрого развития экономики были открыты реальные классы в гимназиях в 1830-е годы, реальные училища – в 1850-е годы.

Во второй половине XIX века после проведения буржуазных реформ кадровую потребность в инженерах, торговых, банковских работников начали удовлетворять создаваемые высшие технические учебные заведения.

В стране имелись и частные учебные заведения, но решающее значение имел государственный сегмент образования.

Впервые в масштабах складывающегося централизованного государства еще при Иване Грозном определялись требования к учебным заведениям и уровню подготовки учащихся. Определенные Стоглавым собором требования (стандарты) лежали в основе начального образования на протяжении многих десятилетий.

Дифференциация требований к знаниям обучающихся четко прослеживается в XIX веке, когда сложилась отечественная система образования, в которой наряду с церковно-приходскими школами действовали уездные училища, гимназии, реальные училища, университеты и высшие технические учебные заведения.

Учебные планы и учебные программы претерпевали многократные изменения. Предпринимались меры по согласованию стандартов гимназий и университетов. В 1870-е годы стали издаваться правила для поступления в высшие учебные заведения, в которых обстоятельно прописывались нормы знаний (стандарты) по всем дисциплинам.

При анализе стандартов обращают на себя внимание высокие требования, предъявляемые к абитуриентам в знании иностранных языков. Требовалось, чтобы

студенты были в состоянии за короткий срок обучения овладеть иностранными языками в такой степени, которая позволяла бы им как свободно знакомиться с иностранной литературой по специальности, так и понимать разговорную речь при командировании в зарубежные университеты.

Исторический опыт убеждает, что качество подготовки специалистов определяется профессорско-преподавательским составом, уровнем читаемых ими лекций.

Российское государство довольно активно занималось процессом подготовки отечественной профессуры, систематической заменой иностранных профессоров российскими.

Государство в лице министерства требовало от университетов заполнения профессорских вакансий только преподавателями, имевшими ученую степень доктора наук, а адъюнктов – магистров.

Для подготовки преподавательского корпуса были созданы специальные центры, такие, как профессорский институт при Дерптском университете, курсы правоведения при Петербургском университете и Главный педагогический институт в Петербурге.

В российской системе образования сложилась традиция высочайшей престижности университетов.

Университеты, как учебные и научные центры, оказывали влияние на все стороны жизни общества.

В XIX веке в сфере образования получило широкое развитие меценатство. Личная благотворительность, меценатство, подвижничество во имя великого дела национального просвещения способствовали приобщению к знаниям многих тысяч юношей и девушек.

Таким образом, отечественное образование формировалось и развивалось как государственная система в зависимости от общественно-политических и социально-экономических процессов, происходящих в стране и мире, но при этом всегда сохраняла свою самобытность, фундаментальность и национальноориентированность.

В этом и состоит ее цивилизационная уникальность.

Источники и литература

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства, XIV-XVII вв. / АПН СССР, [Сост., биогр. очерки, коммент. С. Д. Бабишина, Б. Н. Митюрова; Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Г. М. Прохорова]; Редкол. тома: С. Ф. Егоров и др. М.: Педагогика, 1985. 367 с.
2. Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования: Из истории России, православия, литературы с древнейших времен до конца XVIII в.: Кн. I : Курс лекций / Междунар. независимый экон.-политол. ун-т (МНЭПУ). М.: Изд-во МНЭПУ, 1996. 376 с.
3. Волостикова Л.М. Законодательство России о высшем образовании в XVIII веке / История государства и права. 2006. № 6. С. 19–21.
4. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / [Савельев А. Я., Момот А. И., Хотеев В. Ф. и др.]; Под ред. В. Г. Кинелева; НИИ высш. образования. М.: НИИВО, 1995. 342 с.
5. Зайцева Л.А. Генезис государственного управления высшим образованием в России / Основы государства и права. 2006. № 2. С. 73–82.
6. Змеев В.А. Эволюция высшей школы Российской империи [Текст] / М-во общ. и проф. образования РФ. МАТИ – Рос. гос. технол. ун-т им. К. Э. Циолковского. М.: ЛАТМЭС, 1998. 241 с.
7. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / Академия наук СССР, Институт истории СССР. 1991. 392 с.
8. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в.-1917 г. / Рос. АН, Ин-т рос. истории. М.: ИРИ, 1994. 195 с.
9. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учебное пособие для пед.уч.зав. (УМО вузов РФ)/Под ред. А.И. Пискунова. М., 2009. 512 с.
10. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России: учебное пособие для пед.уч.зав. / Под ред. З.И. Васильевой. М., 2009. 413 с.
11. Кивлева Н.В. Становление образования в России. М.: Нестор-История, 2012. 306 с.

12. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России [Текст] / Акад. пед. наук РСФСР. 2-е изд., испр. и доп. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
13. Латышина Д.И. История педагогики: Воспитание и образование в России (X – начало XX века): Учебное пособие. М.: Издательский дом «Форум», 2010. 584 с.
14. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и пед. мысли). М.: Гардарики, 2003. 603 с.
15. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: [Для педагогов и родителей] / Сост. Л. Модзалевский. 3-е изд., испр. и доп., Ч. 1–2. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1892–1899. 2 т.
16. Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия. Векторы развития: (Публицист. моногр.). М.: Эгвес, 2000. 268 с.
17. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. Э.Д.Днепров. М., 1989. 479 с.
18. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (XVIII – первая половина XIX вв.) / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. 605 с.
19. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX в. / Отв. ред. А.И.Пискунов. М., 1976. 600 с.
20. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX-начало XX вв.) / Отв.ред.Э.Д. Днепров. М., 1991. 445 с.
21. Петров Ф.А. «Люди 1840-х годов» в Московском университете // Отечественная история. 2005. № 2. С. 127–146.
22. Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли: Учебник-справочник. М.: Новая школа, 1994. 96 с.
23. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 / сост. С.В. Рождественский. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. II, 785 с.
24. Стафёрова Е.А. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении: (первая половина 1860 гг.). М.: КАНОН+, 2007. 510 с.
25. Торосян В.Г. История образования и педагогической мысли: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям 031000 «Педагогика и психология», 031300 «Соц. Педагогика», 033400 «Педагогика». М.: ВЛАДОС-Пресс, 2003 (Вологда: ПФ Полиграфист). 350 с.
26. Уханова В.Е. У истоков славянской письменности. М.: Муравей, 1998. 235 с.
27. Ферлюдин П. И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов: типо-лит. П.С. Феокритова, 1893. 24 с.
28. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года / АН СССР; Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. 231 с.
29. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: Шестидесятые годы XIX в. / Рос. АН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1993. 270 с.

Научное издание

VII Всероссийская научная конференция с международным участием «Потемкинские чтения» 2023 года

Сборник материалов научной конференции
(26-28 октября 2023 года, г. Севастополь)

Том 1

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технический редактор Э.Р. Шихаметова

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary

Сдано в набор 12.10.2023. Подписано в печать 16.10.2023.
Формат 70*108 1/16. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 18,25.

ISBN 978-5-6050377-4-3

Севастопольский государственный университет
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел. (факс): +7 (8692) 43-51-95
Электронная почта: potiomkin_chtenia@mail.ru

